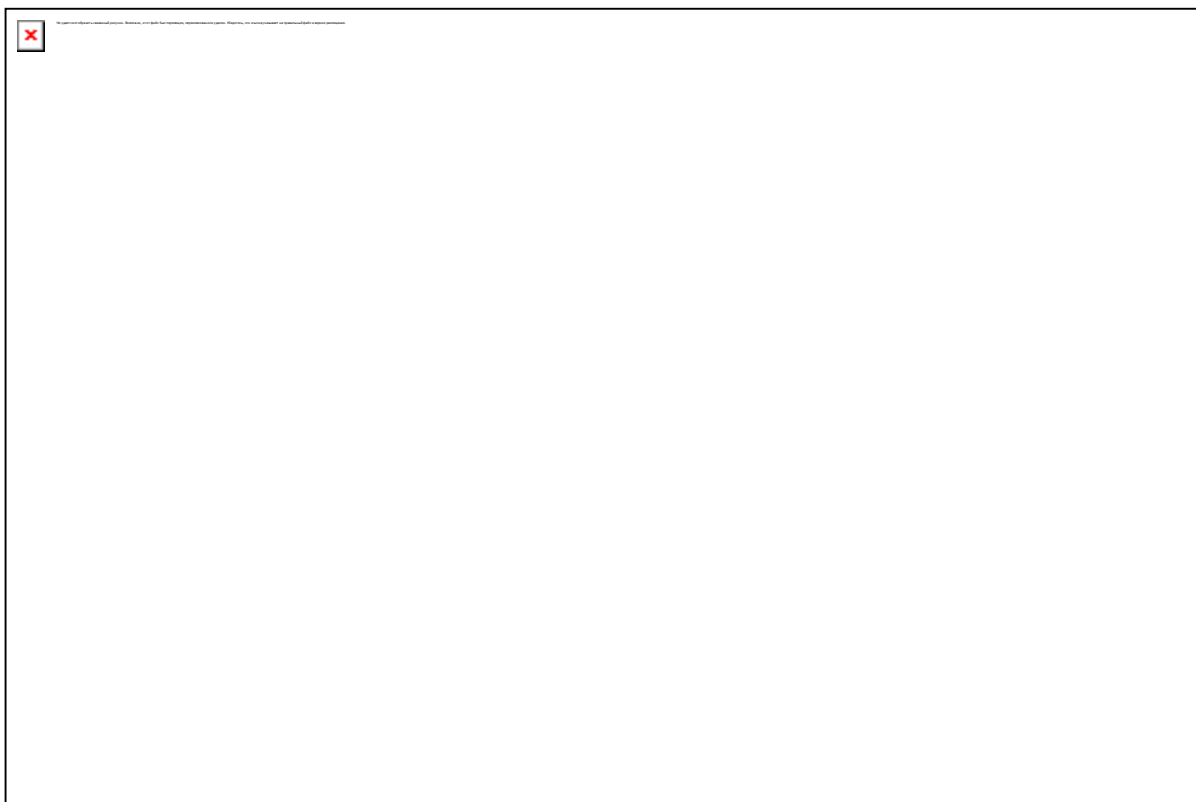

СЕРИЯ: «ПРОЕКТЫ и ВЕРФИ – ИСТОРИЯ и СУДЬБЫ»

**В. П. Костенко
П. И. Костенко**

ЗАПИСКИ
(1906 и 1910-1911 годы)

СБОРНИК

ОАО ЦТСС
Санкт-Петербург
2011

УДК 82-94
ББК 63.3(2)521
К 72

Документально-художественное электронное издание.

Настоящее издание записок Владимира Полиевктовича и Полиевкта Ивановича Костенко публикуется впервые по машинописной копии рукописей, относящихся к 1906 и 1910 – 1911 г.г., и приурочено к 130-летию со дня рождения Владимира Полиевктовича Костенко и 80-летию юбилею проектной фирмы «Союзпроектверфь» ОАО ЦТСС. Машинописная копия Записок выполнена с оригинальной рукописи в конце 40-х – начале 50-х г.г. XX века и храниться у внука В. П. Костенко – Кирилла Евгеньевича Генидзе. Машинописная копия выполнена в современной (реформа 1918 г.) орфографии.

В настоящий сборник вошли записки:

Владимир Полиевктович Костенко. ФЛОТ и ЦУСИМА. №2 / Заметки о Цусимском бое и некоторые выводы по технической части, полученные из него. // Полиевкт Иванович Костенко. Записки. 1906 и 1910 -1911 годы. // Н. В. Костенко. Владимир Полиевктович Костенко. Воспоминания дочери (Вместо заключения).

Распространение данной книги в ее оригинальном электронном издании разрешается без ограничений.

Всякое типографское издание, коммерческое использование или изменение электронного формата может быть исполнено только с согласия К. Е. Генидзе (kirill565nx@mail.ru).

При использовании материалов из данной книги в каких-либо трудах, работах и др. произведениях и изданиях - ссылка на данное издание, с указанием информационного источника, - обязательна.

Редакционная коллегия благодарит авторов и «форумцев» сайта <http://tsushima.org.ru>, и персонально - Георгия Шишова и Константина Степанова, за любезное разрешение использовать иллюстрации и фото сайта для оформления настоящей книги.

Серия: «Проекты и верфи – История и судьбы». Выпуск 3

Год основания: 2007

Основу серии составили двухтомник «Проекты и верфи»: т.1, СПб, ФГУП ЦНИИ ТС, 2007; т.2, СПб, ОАО ЦТСС, 2009; и А. А. Борисов. История проектирования и строительства «Северного машиностроительного предприятия» в городе Северодвинске (воспоминания), СПб, ФГУП ЦНИИ ТС, 2008

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

К. Е. Генидзе, С. П. Наседкин, В. А. Ковязин

Предисловие, К. Е. Генидзе, 2011

Заключение, Н. В. Костенко, 2011

Оформление и комментарии, В. А. Ковязин, 2011

Титульный рисунок и обработка фото, Константин Степанов, 2011

К 72 **В. П. Костенко. П. И. Костенко. Записки. (1906 и 1910-1911 годы). Сборник. ISBN 978-5-902241-17-1**

В книгу включены обработанные самими авторами свои дневниковые записи о событиях времени Русско-Японской войны 1904-1905 г.г и послевоенного времени. В. П. Костенко (1881-1956), корабельный инженер, – участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимского боя, автор книги «На «Орле» в Цусиме» (впервые изданной в 1955 г.), заместитель начальника и затем и главный технолог ГСПИ-2 (впоследствии ГПИ «Союзпроектверфь», ныне ПФ «Союзпроектверфь» ОАО ЦТСС), автор идеи постройки судов в доках на горизонтальных стапелях, перекрытых элинггами. Его отец, П. И. Костенко, врач ж.д. станции Белгород, образованнейший человек своего времени. В своих Записках авторы дают яркую картину царивших в Русском флоте и Российской империи начала 20-го века порядков, дают свою оценку событиям, участниками и свидетелями которых они вольно или невольно стали.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Записки публикуются в редакции машинописной копии.

Издание 1-е электронное

©Общая редакция и предисловие,
К. Е. Генидзе, 2011

©Заключение, Н. В. Костенко, 2011

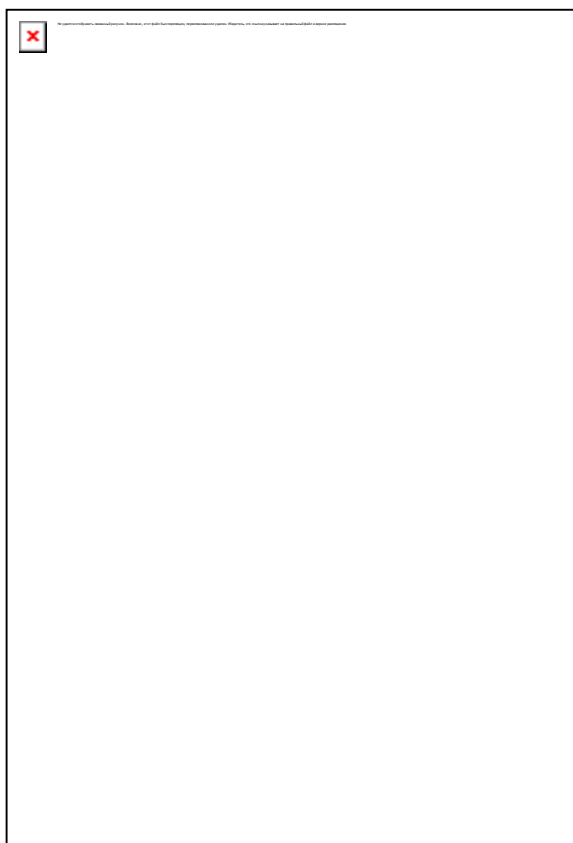
©Оформление и комментарии,
В. А. Ковязин, 2011

©Титульный рисунок и обработка фото,
Константин Степанов, 2011

©ОАО ЦТСС, 2011

В. П. Костенко

ФЛОТ и ЦУСИМА
№2

Эти записки относятся к 1906 году.

Анализируя объективно условия возникновения 2-й эскадры, ее состав и средства, разбирая предстоявшие ей задачи и оценивая беспристрастно шансы их осуществления, трудно указать хоть какие-либо разумные мотивы и основания для надежд на возможность ее успеха. Все было против эскадры. И, видимо, не столько задачи военно-стратегического характера вынудили правительство сделать этот последний безрассудный шаг, как соображения политического свойства. Отказ от посылки флота был бы открытым признанием своего бессилия, последствия чего казались уже тогда правительству крайне опасными. Предпочли этому риск на авось, будучи готовыми объяснить неизбежную неудачу фатальным стечением обстоятельств или нерадением отдельных лиц и исполнителей.

Эскадра была составлена из пестрого сборища судов, куда отслужившие броненосцы, еле годные к службе, вошли наравне с еще неоконченными и неиспытанными кораблями, во многих отношениях неисправными. Личный состав, набранный с бору и с сосенки, не имевший никакого боевого опыта и недостаточный морской опыт, должен был взять на себя выполнение чрезвычайной задачи – обойти все моря и океаны и разбить в 2 раза сильнейший флот противника, закаленный в боях. К тому же, сознание своей слабости, безнадежность будущего и отсутствие идейных мотивов в самой войне не могли побудить подъема энтузиазма и моральных сил. Наконец, весь пестрый конгломерат плавающей посуды, носившей гордое название 2-й Тихоокеанской эскадры, не имел никакого абсолютно эскадренного опыта. Русский флот вообще не имел до того времени больших эскадр, не совершал серьезных переходов эскадрами, суда его предпочитали бродить вразнотычку, а потому у него совершенно не выработалось никакого эскадренного опыта и не было опытных адмиралов. 2-я же эскадра вообще должна была начать свою службу прямо походом без всякой предварительной практики.

Наряду с несением тягот беспримерного по трудности похода предстояло еще выполнить целый ряд серьезнейших задач по подготовке эскадры. Надо было привести суда в исправное состояние с технической стороны, надо было организовать правильную судовую жизнь на большинстве новых судов, бывших новичками в морском деле, затем предстояло разрозненные корабли соединить в одно целое, создать из них единую опытом и духом эскадру.

Но все эти труды должны были играть только еще вспомогательную роль в стремлении осуществить главную цель, которой должна быть победа над врагом в бою и завоевание морского театра войны. Самая главная и существенная задача заключалась, поэтому, в боевой подготовке, чтобы люди, уходившие на суда, приобрели военный опыт и закал. Что касалось равным образом команды, офицеров, штаба и адмиралов. Недостаточно было обучить команду выполнять приказания, а офицеров – их отдавать. Подготовка судового личного состава к бою была важной стороной дела, но более простой и не самой существенной. У нас всегда и повсюду главным источником неудач являлись не столько недостатки, свойственные нашим нижним чинам и офицерам, исполнителям чужих, свыше отданных приказаний, сколько полное бессилие командующих оценить условия, понять цели и использовать имеющиеся средства. Если только низы личного состава видели, что их начальники сознательно осуществляют планы, рациональность которых оправдывается, то у них просыпалась всегда горячая вера в успех, ревность к работе и беззаветное самоотвержение. Стоит вспомнить, как упавший духом артурский флот воскрес с прибытием Макарова. Каждый готов погибнуть, если видит смысл своей гибели, а для этого надо вдохнуть в личный состав понимание общих планов, чтобы видна была цель всех трудов и работ, увлечь их стремлением осуществить поставленную цель и заразить верой в выполняемость.

То же касалось и 2-й эскадры в полной мере. Ее военачальнику, ставшему во главе ее, предстояло не только обучить свой штаб, офицеров и команду, но в гораздо большей мере еще и самого себя, чтобы сознательно управиться тем материалом, который был ему вручен. За время пребывания эскадры в России он еще ничего не мог предпринять в этом направлении. Его внимание было всецело поглощено заботами по снаряжению и изготовлению флота, суда не были готовы для маневров и упражнений до последнего дня пребывания эскадры в Русских водах. Адмиралу еще предстояло, ознакомившись с людьми и кораблями, выработать наиболее подходящую для эскадры тактику, приемы маневрирования, командования и сигнализации, эскадренной стрельбы, надо было сообразно положению дел на всем театре войны принять рациональные стратегические планы. И все эти вопросы требовали серьезного и вдумчивого решения, часто выходили за пределы компетенции одного человека и могли быть решены только коллегиальным путем, совместным обсуждением наиболее сведущих офицеров эскадры. На адмирале лежала обязанность организовать это коллегиальное начало, быть руководителем всех советов и совещаний, вызвать к жизни и деятельности силы и знания своих подчиненных. А вопросы предстояло решать крайне серьезные, тем более, что пестрый и сложный состав эскадры требовал умелой выработки боевой тактики, наиболее подходящей к имеющимся налицо судам. Одно умелое деление эскадры на

отряды, вследствие разнотипности судов, приобретало серьезное значение, а каждому отряду надо было указать и его роль в бою, наиболее отвечающую его наступательным и оборонительным средствам. Только совещательным путем могла быть выработана программа работ на эскадре для подготовки судов к бою, чтобы опыт отдельных лиц и кораблей сделать общим достоянием, чтобы предусмотреть наиболее важные вопросы принятия необходимых мер перед боем по всем специальностям.

Таковы были те многообразные задачи, которые предстояли личному составу 2-й эскадры при выходе ее из России. Дальнейшее изложение покажет, как и кто справился со своей ролью. Но нужно сказать, что при отбытии эскадры, как офицеры, так и команда относились с большим доверием к своему вождю, возлагали на него большие надежды и в кредит отпускали ему доверия, хотя его деятельность по эскадре еще никому особенно не была видна. Всем импонировала установившаяся репутация адмирала. Георгиевский кавалер (за Весту), генерал-адъютант (за Ревельский смотр 1902 г.), известный своей деятельностью по учебно-арт. отряду, пользовавшийся славой жестокого, резкого и независимого человека, он всем казался воплощением той деспотичной и суровой власти, которая казалась необходимой, чтобы удержать в повиновении врученную ему армаду, принудить ее подчиняться единой сознательной воле и организовать ее. А его самоуверенность и безапелляционность в отдаче приказаний казались признаком того, что это человек, который знает чего хочет, видит куда идет, которому можно с доверием подчиниться.

Адмиралу оставалось развить и укрепить в подчиненных эту веру в него, и можно с уверенностью сказать, что тогда он овладел бы эскадрой всецело, нашел бы себе самых деятельных помощников и исполнителей его приказаний, мог бы рассчитывать не на принуждение и власть, а на добрую волю подчиненных. Конечно сильным мира сего, решившим посылку флота, было небезызвестно его состояние, те трудности, какие ему предстояло преодолеть, но, будучи вынужденными оправдывать этот шаг и прикидываться уверенными в успехе, они говорили, что тягости похода закалят личный состав и подготовят его к выполнению трудной задачи под руководством его опытного вождя.

Первые 3 месяца похода эскадры, вплоть до прибытия в бухту Nossi-Be на Мадагаскаре, всецело были заняты трудами по приспособлению к необычным условиям плавания, по преодолению трудностей всякого рода, по исправлению повреждений и недостатков разных механизмов, по заведению судового порядка на новых кораблях. Встреча с неприятелем тогда казалась еще чем-то крайне отдаленным, к чему приготовиться еще будет время, а тревожения и заботы трудных переходов в самых непривычных и тяжелых условиях поглощали все внимание и силы за этот первый период плавания. Боевая подготовка и боевые цели еще не выступали на сцену. Тогда всех, от адмирала до последнего мичмана, угнетала забота – довести флот в целостности до Мадагаскара, где предполагалось простоять значительное время, посвятив его приведению судов в порядок и боевым учениям. Эти три месяца до начала января 1905 г. эскадра если чему-нибудь и училась, то еще только той элементарной морской азбуке, без знания которой собственно и в мирное время ни один корабль не имеет права быть выпущен в заграничное плавание. За это время каждый участник похода, хоть немного умеющий критически оценивать факты, имел возможность воочию убедиться, видя жизнь эскадры изнутри, как бессильна эскадра что-либо достигнуть, как она дезорганизована, как несоразмерно велика та задача, которую взвалили на нее. А обстановка похода, все события ее жизни за этот период уже вполне выяснили, что может успеть сделать эскадра далее, сколько на это надо времени и какие средства, и в какой степени ее состояние изменилось к лучшему за истекшее время, и на какие новые результаты она имеет право рассчитывать впереди. Люди, работавшие не покладая рук на походе эскадры, слишком переоценивали значение сделанного, ибо именно на этом сосредоточивали свое внимание и не могли оценить объективно как велико значение выполненной работы в сравнении с тем, что было необходимо для достижения окончательной цели, во сколько раз большая часть работы остается совершенно неосуществленной и неосуществимой. И кроме того, качество выполненного труда и его роль также переоценивались благодаря тому, что не принимались во внимание затраченные на него усилия, часто безмерно громадные в сравнении с достигнутым результатом, а с другой стороны, многое удалось только в силу благоприятных обстоятельств и не могло быть приписано личным заслугам. Этими только условиями и могло быть объяснено существование на эскадре отдельных оптимистов, во что-то веривших, видевших чуть ли не залог успеха в удачном выполнении первой половины задачи – перехода до Мадагаскара, чем мы будто бы удивили весь мир как беспримерным подвигом в морской истории.

Интересно потому хоть в беглом очерке взглянуть на все события этого первого периода похода и посмотреть, как проявила себя в них эскадра, чтобы оценить должным образом степень ее самостоятельности, трудоспособности и приспособляемости. Для намеченной цели нет нужды излагать в хронологическом порядке всю историю похода, ибо не рассказ и повествование о всех приключениях, часто крайне интересных, занимает нас в данном случае, а желание оттенить на

фактах из жизни эскадры те причины, которые привели ее к Цусиме, и показать в каких условиях эти причины сложились. Ввиду этого однородные факты комбинированы в дальнейшем изложении не столько в их последовательной смене, сколько в их взаимной связи и отношении к окончательной участи эскадры.

К сожалению, мне приходится делать выводы, основываясь до известной степени на личных субъективных впечатлениях, на основании недостаточно полных воспоминаний и рассказов, и имея суженное поле зрения, т.к. приходилось жить весь поход на одном броненосце и оценивать факты только постольку, поскольку все происходящее на одном судне, в смысле судовых порядков и настроений личного состава, может характеризовать эскадру как целое.

Но в таком же положении должен был очутиться всякий, кто из участников похода взялся бы за труд осветить историю эскадры, а поэтому эта сторона изложения не может быть поставлена кому бы то ни было в упрек.

Конечно, легче всего было бы выполнить такую работу лицам, принадлежавшим штабу, ибо там, на флагманском судне, контролировались главнейшие сведения о происходившем на эскадре: рапорты командиров, донесения специалистов и флагманских чинов, а также точно были известны все распоряжения адмирала, его ближайшие планы, его сношения с морским министерством и представителями власти в иностранных портах. Таким образом, такое лицо могло располагать более достоверным и документальным материалом, дать более объективное освещение фактам. Но с другой стороны, эта «объективность» впадает в другую опасность. Лица, стоящие близко к власти, к центральным перифериям, участвующие сами в управлении, слишком склонны к оценке жизненных фактов по бумажному их отражению, слишком переоценивают значение и роль всяких рапортов, приказов, циркуляров, резолюций и т.д., ибо от них часто скрыт способ их воплощения в жизнь, их осуществления. Конкретные условия реальности заслонены от них бумажным покровом, а потому остаются или неизвестными, или недооцененными. Наконец, чаще всего с ними совсем не считаются. Порождается рознь и известная пропасть между управляющим центром и областью управления. А в моменты решающих событий приходится выступать в действие именно реальным силам, они же определяют и результаты. И понять происхождение этих сил, степень их напряженности и величину легче тому, кто к ним ближе. Подобная субъективность может быть даст более для объяснения событий, чем объективность, смотрящая на события сверху. Может быть для судьбы эскадры была важнее не точка зрения адмирала на нее, а – эскадры на адмирала, не личная изобретательность и таланты господина Рожественского в писании приказов, а в тех условиях судовой жизни, которые обращали их в словесную шумиху.

Впрочем, может быть морякам и всяким специалистам моя точка зрения на события покажется неприемлемой и «предвзятой» еще по той причине, что для меня важна не военно-формальная сторона их, а человеческая – реальная. Поэтому, повторяю, не для них писаны эти заметки, а для тех, кому интересно познакомиться с деятельностью морского министерства и его питомцев подготовке Цусимы, смотря на события «невооруженным глазом». Думаю, что в таком изложении они будут для большинства людей понятнее, чем в репликациях ответственных начальников и фельетонных офицеров штаба.

Шла эскадра из Либавы
На войну, не для забавы.
У Лангеланда уголь мы грузили
И там катер утопили.
В Немецком море, боясь японских ков,
Расстреляли рыбаков.
В Виго уголь погрузили,
Альговозилов напоили,
А когда в Танжер пришли
Фелькезама там нашли.

Прежде чем в Габун пришли,
5 раз экватор перешли.
Что такое Great Fish bay
Вот не помню, хоть убей
В Anglo Peiriena
Только пена.
Когда мыс Кап мы обогнули,
Чуть-чуть там все не потонули.

Неизвестный автор-шутник этими стихами насмешливо характеризовал поход эскадры. Впоследствии они обошли все суда и всюду пользовались большим успехом. Видимо, точку зрения

автора разделяло большинство офицеров эскадры. Их популярность указывала на то, что как ни шутовска форма стихов, а в них скрывается истина. Да и способ их происхождения не может дать основания для обвинения автора в «субъективности». Слагались эти строки постепенно, по мере событий, и, как говорят, их сочиняла кают-компания флагманского броненосца «Суворов». Я решаюсь привести их здесь, как, несмотря на малолитературную форму, меткую характеристику похода. Ирония и насмешка по поводу многочисленных приключений эскадры сквозят в каждом слове, все характеризует безалаберщину, хаос и неумение, царившие на эскадре. И действительно, тогда каждый день приносил такие неожиданные сюрпризы, вскрывал такие беспорядки, неустройства и ошибки, что даже наиболее энергичные убеждались, как мало шансов чего-либо достигнуть на этой импровизированной эскадре. Приходилось часто в запутанных обстоятельствах, просто не ломая долго головы, действовать на авось, и это постепенно входило в привычку, а когда, несмотря на все препятствия и приключения, эскадра сверх ожиданий доплыла в 2 ½ месяца до Мадагаскара, то это многим казалось уже невесть каким успехом и сгладило мрачное впечатление, навеянное картиной полной беспорядочности и дезорганизации в походе. Даже начали чуть ли не ставить себе это в заслугу. Говорили: «Ой, да мы! Несмотря на такие условия, а все-таки дошли!» Объявили себя чуть ли не лучшими моряками в мире. И эта забота – дойти до театра войны – поглощала все силы, заслоняла собой настоящую цель похода и, благодаря во многом случайному успеху похода, внушала неосновательные надежды легкомысленным воякам, видевшим и оценивавшим только то, что удалось и сделано, но забывшим и не замечавшим того что погибло, остается невыполненным и не может быть достигнуто.

Пусть дальнейшее изложение само говорит за себя для характеристики похода.

Из всех событий похода 2-й эскадры ни одно не получило такой широкой известности среди мирового общественного мнения, ни одно так глубоко не взволновало, как так называемый «Гульский инцидент», разыгравшийся ровно через неделю по выходе нашего флота из Ливавы. Он с свое время вызвал целую бурю негодования против эскадры и ее вождя, чуть было не повлек приостановки похода и дал основание граду насмешек и предсказаний будущей судьбы эскадры, оказавшихся затем роковыми пророчествами. Прогрессивная печать всех стран мира по достоинству оценила этот позорный бой броненосцев с мирными рыбаками и увидела в нем признак полной растерянности и неподготовленности вождя к выполнению ответственной роли, а также грозное предзнаменование будущей судьбы флота, столь плохо организованного и обученного. Конечно, только русские доморощенные шовинистские газетишки, как Н.В., могли в этом акте усматривать признак твердости адмирала и его решительности всеми средствами охранять «вверенный его командованию флот» и благодарили его за это от лица России. Даже значительная часть офицеров самой эскадры оценила этот «инцидент» по достоинству, а о команде – говорить нечего. Престиж адмирала, основанный более на установившейся старой его репутации, был этим подорван в корне.

Это событие, разыгравшееся с первых самостоятельных шагов эскадры, наглядно обнаружило внутреннее состояние нашего флота, послужило ему, так сказать, пробным испытанием и в известном смысле оказало влияние на его дальнейшую судьбу. Поэтому не лишне будет обрисовать его несколькими чертами в той обстановке, в какой его пережила сама эскадра, не затрагивая по существу самого вопроса – были или нет неприятельские миноносцы среди рыбацкой флотилии.

Предположения о возможности нападения на 2-ую эскадру во время похода родились почти одновременно с началом ее вооружения. Уже тогда (доморощенные стратеги) на страницах специально морских органов печати указывали на вполне возможные «внезапные атаки» и нападения на флот во время похода, предлагали свои меры для охраны и указывали на какие-то таинственные приготовления японцев к этому. Тогда, после первых атак на Артурскую эскадру, после попыток брандерами заградить бухту, прямо грезил разными скрытыми затеями японцев. Уверяли, что они устанавливают минные аппараты на коммерческие суда, составляют миноносную флотилию в Европейских водах, чуть ли не в Балтийском море, покупают какие-то моторные катера и подводные лодки и т.д. Очевидно, наученные горьким опытом за Артурскую беспечность, наши морские сферы стали проявлять преувеличенную заботливость и предусмотрительность.

Подозревали Швецию, Норвегию, Англию в скрытом содействии японцам по подготовке нападения на 2-ю эскадру. А вскоре многие наши суда Балтийского моря стали доносить о каких-то встречавшихся им подозрительных судах без флага. Наконец, в Ливаве видели ночью в луче прожекторов неизвестные миноносцы. Кончилось тем, что «Крейсер» арестовал в Балтийском море пароход, везший в Россию купленную накануне правительством подводную лодку Protector, и думал, что захватил приз. Одновременно с этим пошли разные таинственные слухи о покушениях на достраивавшиеся броненосцы, о приготовлениях к взрыву «Александра III» в Кронштадтском доке, о намерении затопить «Орла» и т.д. Но в последнем, конечно, подозревали уже русских революционеров, чуть ли не купленных японцами. Все это в достаточной мере

объясняет те опасения за участь судов, которыми тревожились моряки, назначенные на 2-ую эскадру. Возможно, что под влиянием всех этих толков, слухов и сообщений была организована целая эскадра для «охраны портов и берегов Балтийского моря». В нее вошли все суда, составившие затем 3-ю эскадру, а также старые крейсера, минные крейсера и броненосцы береговой обороны. Составился довольно многочисленный флот, насчитывавший чуть ли не до 20-ти вымпелов, а командовал этим оригинальным сборищем сам адмирал Бирилев. Одно время даже говорили, что эта флотилия двинется конвоировать эскадру Рождественского, хотя бы до Бреста. Но в общем, все эти грозные приготовления были только желанием кому-то что-то показать, простым бутафорством, не вызванным никакой необходимостью, не принесшим никакой реальной пользы, кроме той, что все лето весь Балтийский флот до последней калоши был мобилизован, числился в кампании, а офицеры его получали береговой довольствие.

2-я эскадра, по мере ее изготовления к плаванию, собиравшаяся сначала на внешнем рейде Кронштадта, а затем в Ревеле, также принимала разные меры по охране ее от всяких внезапных атак. Когда 30-го сентября эскадра вышла на внешний Либавский рейд, готовясь к выступлению, то последовали специальные распоряжения адмирала об особенно бдительной охране на ночь. Было приказано спустить сети всем судам, стоять только с отличительными огнями, а сторожевые суда должны были уже с 6-ти час. вечера не пропускать к месту стоянки никаких судов, расстреливая их, если они не останавливаются. Ходили слухи, что у адмирала есть достоверные сведения о готовящемся нападении. На первой стоянке у Лангеланда при погрузке угля охраной эскадре служили датская канонерка и монитор, гарантировавшие неприкосновенность нашим судам. Но, тем не менее, после съемки с якоря впереди эскадры были посланы с тралами «Ермак» и «Роланд», для чего «Ермак» специально явился из России, и после этих упражнений был отпущен обратно. Все эти крайние предосторожности возбуждающе действовали на личный состав, убеждая его, что близка серьезная опасность. Эти опасения подтверждались неоднократными сигналами и приказами адмирала, которые указывали на его крайне нервное и возбужденное состояние. При съемке с якоря у Лангеланда «Ермак» замешкался. Адмирал, не удовольствовавшись одними поощрительными сигналами, открыл по нему огонь боевыми снарядами, что у всех вызвало представление о непосредственно грозящей опасности. Возбуждение адмирала передавалось всем. Когда через час после съемки с якоря вышел из строя вследствие порчи рулевого привода брон. «Орел» и отдал якорь, то адмирал сделал сигнал, что ввиду крайней опасности он не может ждать «Орла» и уходит по назначению к Скагену, куда и «Орел» должен спешить самостоятельно. При «Орле» оставлен был «Роланд». У Скагена к броненосцам было подошли транспорты, началась погрузка, но под вечер прибыл какой-то пароходик, доставивший адмиралу новые сведения от русского консула в Дании, после чего был приказ – погрузку немедленно прекратить, приготовиться к съемке с якоря. Все это указывало на то, что враг находится вблизи и адмирал не хочет принять атаку на якорь, может быть боясь подводных лодок.

Доставленные сведения были от командира транспорта «Бакин», видевшего 4 миноносца, скрывшихся в Норвежской бухте, кроме того будто бы был замечен парусный бриг неизвестной национальности. Эскадра снималась поотрядно. Ушли сначала крейсера, за ними – транспорты, потом 2-й броненосный отряд. С «Наварина» скоро был сигнал адмиралу: «Вижу NO¹ 2 воздушных шара». 1-й броненосный отряд снялся уже совсем ночью. Были приняты все предохранительные меры, даже разговаривали вполголоса. Настроение было крайне нервное и жуткое, с одной стороны вследствие таинственности и неизвестности, а с другой – вследствие неподготовленности и неуверенности в себе. 1-й броненосный отряд шел отдельно в составе 4-х броненосцев С. А. Б. и О.² и транспорта «Анадыр»³. Ночь 7-го октября и день 8-го прошли вполне спокойно. Неизвестно почему адмирал взял курс на Dogger Bank, самое людное место в Немецком море, где, как известно каждому мало-мальски плававшему моряку, всегда заняты рыбной ловлей рыбаки. Обыкновенно все суда во избежание неприятностей обходят это место.

9-го октября с 8-ми часов вечера стали получаться тревожные телеграммы с транспорта «Камчатка», очутившегося миль на 20 сзади 1-го броненосного отряда вследствие порчи в машине. «Камчатка» телеграфировала сначала: «Вижу миноносец за кормой», – затем: «АТАКОВАНА СО ВСЕХ СТОРОН», – наконец: «ИДУ ЗАКРЫВ ОГНИ». «Суворов» с ней некоторое время разговаривал, дал ей курс. По словам штаба еще была телеграмма такого содержания: «СУВОРОВ», ПОКАЖИТЕ ВАШЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, «КАМЧАТКА». Очевидно, говорили неприятельские миноносцы. Но на «Орле» этой телеграммы получено не было, а потому впоследствии с «Орла» на заседании Гаагской конференции не были даже взяты телеграфные ленты за этот день, служившие для доказательства.

¹ *Норд-Ост*

² *«Суворов», «Александр III», «Бородино» и «Орел»*

³ *Так в оригинале*

На 1-м броненосном отряде все было наготове отразить атаку. Напряжение достигло апогея. По предположению адмирала можно было ждать атаки к 12-ти часам ночи. Небо было затянуто облаками, луны не было видно, дул довольно значительный ветер с левого борта, гнавший порядочную зыбь. Белые гребешки волн вспыхивали в полумраке и были заметны кабельтовых на 4-5. В начале 1-го ночи спереди, вправо от курса, взвилась ракета, рассыпавшаяся разноцветными огнями. Такие ракеты обыкновенно пускают рыбаки, сбрасывая сеть, это служит им сигналом для того, чтобы сделать это одновременно со всех рыбацких пароходиков. Видимо, на флагманском судне ракета была принята за сигнал к атаке, потому что вслед за этим был открыт огонь и боевое освещение прожекторами. Остальные суда отряда, согласно предварительному приказу адмирала, стали стрелять, не дожидаясь особого указания с флагманского судна. Эскадра наткнулась на рыбацью флотилию, но по словам некоторых офицеров «Суворова», особенно командира кап. 1 ранга Игнациуса и некоторых штабных чинов, огонь был открыт по 2-м кажим-то судам, шедшим навстречу эскадре большим ходом, по-видимому миноносцам, между тем задние суда, не получив указания по кому стрелять, и видя перед собой только массу каких-то мелких подозрительных суденышек, уже стали расстреливать нарочно рыбацкие пароходики, считая их замаскированными врагами. Это произошло, конечно, потому, что эскадре усиленно внушалось, будто на нее замышляется покушение с коммерческих судов, вооруженных минными аппаратами. Канонада продолжалась более 10-ти минут. «Суворов» раньше других прекратил огонь и сделал сигнал другим судам, но на броненосцах царил такая паника и смятение, что никто не слушал отбоя, и шла пальба пока офицеры лично не отогнали обезумевшую команду от орудий. Никаких решительно повреждений от неприятеля ни один корабль не получил, нашими же снарядами один пароходик был затоплен, другой был объят пламенем и подбит, сильно сел на корму. Но тогда трудно было отдать себе отчет во всем происшедшем, в том вреде, какой был нанесен мирным труженикам нашей непростительной ошибкой. Наши броненосцы были рады, что отделались так хорошо от возможной, по их мнению, опасности и скорее спешили уйти от места злополучной драмы, предоставив пострадавших собственным силам. Конечно, адмирал не смел из-за соображений гуманности рисковать целостью своих броненосцев, от которых зависела по понятиям того времени «судьба отечества», но при них был транспорт «Анадыр», а в 20 кабельтовых от места боя оказались наши крейсера «Аврора» и «Донской». И, однако, решительно ничего не было сделано для оказания помощи пострадавшим, хотя тогда нами еще значительно преувеличивались размеры наделанных нашим огнем несчастий. Самая элементарная морская этика была этим вопиюще нарушена, а на море начала взаимопомощи особенно развиты, и пройти мимо утопающего - значит заслужить клеймо презрения. И на многих это холодное равнодушие к участи пострадавших произвело крайне тягостное впечатление, особенно жалели рыбаков матросы, очнувшись от паники и азарта боя, знавшие как туго достается кусок хлеба тем, кто его добывает своим трудом. А иные офицеры были того мнения, что «так им и надо, не попадайся», и находили, что это послужит хорошей остраской на будущее всяким хулиганам, всем укажет, что эскадра начеку и что ее надо остерегаться. Об ответственности за свою работу тогда мало думали, предполагали, что победу одержали над голландскими рыбаками, и что все кончится возмещением убытков. Помню, на «Орле», только один офицер сказал: «А что, господа, будет, если рыбаки-то окажутся английскими? Ведь с этим шутить нельзя?»

Когда через 4 суток эскадра добралась до испанского порта Виго, то к этому времени чувство своей вины и боязнь ответственности уже стала многих смущать, а потому с большим нетерпением ждали сведений с берега, чтобы узнать, как отнеслась ко всему Европа и что собственно мы наработали. Адмирал сам был крайне угнетен и первые дошедшие до нас сведения с «Суворова» были довольно пессимистического характера. Адмирал сам не верил в присутствие миноносцев среди рыбаков, винил во всем Игнациуса, который сбил будто бы всех других, и говорил, что можно ожидать всего, даже задержки эскадры и ее разоружения. Но впоследствии была доставлена адмиралу газета, где говорилось, что «европейское общественное мнение было особенно возмущено тем, что оставшийся на месте побоища русский миноносец не оказал никакой помощи пострадавшим». За эту заметку адмирал и штаб ухватились, как за якорь спасения, ибо наших миноносцев там быть не могло, что давало основание предполагать, будто на Dogger Bank остался подбитый японский миноносец. Не знаю, насколько это сообщение английской газеты было правдиво, но Гаагская конференция признала, что никаких чужих миноносцев там не было. В данном случае для меня это не важно, ибо спорить об этом - это значит проглядеть за формой сущность; гораздо важнее то, как сама эскадра действовала в этих обстоятельствах. Лично я убежден, что никаких чужих миноносцев там не было, доказательством чего служит то, что мы остались целы. Наконец присутствие миноносцев несколько не оправдывает употребленного нашей эскадрой средства обороны и не уменьшает вины адмирала, ибо каждый опытный моряк мог и должен был предусмотреть возможность подобной случайности, в особенности избирая нарочно курс через такое бойкое место как Dogger Bank.

Очертив вкратце это событие чисто с внешней стороны, я перейду теперь к описанию того, что происходило на самих броненосцах во время этого своеобразного сражения. Мне приходилось лично наблюдать то, что творилось тогда на броненосце «Орел», а также слышать впоследствии беспристрастные отзывы некоторых офицеров с «Александра» и «Бородино». Для характеристики эскадры, собравшейся «на войну не для забавы», картина получилась из сопоставления всего этого самого плачевного и зловещего свойства. Впоследствии, в плену, перечитывая в журнале «Освобождение» оценку этого инцидента, сделанную европейскими газетами, я поражаюсь тому, как верно ими было отгадано внутреннее состояние нашего флота, допустившего такую оплошность. Для всех мало-мальски сознательно оценивавших факты офицеров после этого «эпизода» еще очевиднее сделалось все безумие правительства, пославшего на трудный подвиг эту необученную армаду.

На «Орле», правда, самом молодом из всех броненосцев и менее всех успевшем привести в порядок после Кронштадтской строительной горячки, творилось что-то невообразимое, совсем уж неподобающее для военного корабля.

С первым выстрелом, гулко прокатившимся по всему броненосцу, все на нем забегало, засуетилось. Выстрел раздался прежде, чем была пробита дробь - атака, все кинулись по местам, застучали тележки со снарядами. Я выбежал поспешно наверх узнать, в чем дело. Со среднего мостика увидел, что впереди справа показалась масса каких-то суденышек и огоньков, которые то и дело попадали в лучи прожекторов. Все броненосцы неистово стреляли по ним и светили самым безалаберным образом прожекторами, постоянно мешая друг другу, открывая пароходики и снова их теряя. Видя, что дело разыгрывается серьезное, поспешил обратно в батарейную палубу, где находились трюмные и трюмный механик наготове бежать к месту пробоины. 10 минут продолжалась бешеная стрельба, самая беспорядочная и бесцельная. Огнем из боевой рубки управлять не было возможности, каждый комендор действовал сам по себе. Стреляли с обоих бортов, хотя с левого никого не было. Одни снаряды летели на горизонт, другие ложились у борта, поднимая громадные фонтаны брызг. Когда я выбежал вторично, то, судя по падению снарядов, заключил, что мы атакованы подводными лодками, ибо большая часть снарядов ложилась совсем вблизи, вероятно, стреляли с углом снижения, а по левому борту - даже без видимой цели, может быть по вспыхивавшим в лучах прожекторов гребням волн. С левого борта на горизонте стал светить прожектор, там совершенно неожиданно в 20 кабельтовых от нас оказался крейсер «Аврора», который должен был быть за 20 миль и присутствия которого у нас не подозревали. По «Авроре» стали жарить левым бортом 6-дюйм. и 75 мм снарядами. По «Авроре» стрелял также и «Александр III»! Она сделала свои позывные прожектором, а наши комендоры вообразили, что неприятельский миноносец хочет ослепить нас своим лучом. Как оказалось впоследствии, в нее попало 5 снарядов, был ранен комендор и батюшка, последний смертельно. Я снова спустился вниз, прошел в машину к механикам, там все были крайне взволнованы, но работа в машине шла спокойно. В это время начался отчаянный треск пулеметов на марсе в довершение общего пушечного концерта. Завывали пулеметы, хлопали 45 мм, резко раскатывались по батарее выстрелы 75 мм, грохотали 6-дюйм. Только 12-дюйм. не сделали на «Орле» ни одного выстрела, благодаря тому, что офицеры, находившиеся в башнях, удержали комендоров. На «Алекса́ндре» же сделали из 12-дюйм. 6 выстрелов. Всего «Орел» выпустил до 500 снарядов, не считая пулеметов, из них 36 - 6-дюйм. Когда огонь достиг полного напряжения, то не выдержали комендоры батареи левого борта и без разрешения отдраили полупортики 75 мм орудий. Низкое положение батареи в связи с большой перегрузкой делало ее крайне опасной для корабля в свежую погоду при открытых полупортиках. В орудийные порты стали вкатывать целые волны, отбрасывая даже комендоров от орудий. Через минуту в батарейной палубе уже было на полфута воды, которая с шумом зловеще перекачивалась по палубе. Только прибежавшие офицеры заставили закрыть порты. С правого борта в батарее разорвало одно 75 мм орудие и ранило комендора, по его объяснению - вследствие того, что вода хлестнула в дуло в момент выстрела. С кормового мостика прибежал прапорщик с пустой гильзой 47 мм патрона в руках, крича, что он расстрелял все заранее поданные патроны, больше он получить не может, т.к. команда перепугалась, запряталась по углам и ее приходится гнать кулаками, из погреба же он никого не может дозваться. Спрашивал, как пройти в погреб. Он был назначен на броненосец накануне ухода, а командовать артиллерией комового мостика ему поручили только в тот день.

Наконец заиграли отбой. Но губы не слушались горниста и он извлекал из трубы какие-то странные музыкальные междометия, за что и получил в морду для отрезвления. Пришлось послать барабанщика, но все сигналы плохо действовали, все еще никак не мог успокоиться пулеметчик, не унимался кормовой каземат и некоторые 6-дюйм башни. Были посланы офицеры по башням - прекратить «трату снарядов». Тогда все наконец очнулись от того гипноза паники, которым были охвачены пока шла пальба по таинственному врагу, к встрече которого так долго готовились. Команда собралась на спардеке и с ужасом смотрела на дело рук своих, которое она произвольно учинила, доверившись авторитету начальников.

На воде в 3-4 кабельтовых носился беспомощно горящий маленький пароходик, были видны промелькнувшие на нем 2 человеческие тени, он уже сидел кормой по самую палубу. На глазах у всех в него попал еще новый снаряд, видимо, с одного из передних судов, «Бородино» или «Александра», которые никак не могли успокоиться. Видимо, 6-дюйм. фугасный снаряд взорвался у него под носовым мостиком и охватил пламенем передние надстройки. А сзади нас еще минут 5 по ком-то стрелял «Анадыр», что казалось крайне забавным некоторым офицерам, т.к. все его вооружение состояло из 8-ми 47-мм орудий. Артиллеристы оставались крайне недовольны результатами стрельбы, говорили, что наши стреляли прямо позорно. Им было стыдно смотреть на подбитый, но не затонувший пароходик, свидетель их плохой артиллерийской подготовки. Но они имели право утешать себя тем, что это уж не столько их личная вина, как тех, кто посылает в дело заведомо негодные для войны суда, не обучив их ни стрелять, ни маневрировать. Броненосец «Орел» очутился, положим, в особенно неблагоприятных условиях при этом столкновении с рыбаками, ибо он был наиболее запоздавший корабль при изготовлении. На нем еще не было выработано никаких расписаний: ни боевого, ни водяной тревоги, ни трюмно-пожарного, ни на подводку пластыря. Поэтому от него нельзя было требовать большого порядка. Офицеры, многие незадолго до того назначенные на броненосец, еще не освоились со своими частями, не изучили действия механизмов, их особенностей во время работы, а первая неделя похода, протекшая с выхода из Ливавы, была полна таких тревожений, что совсем не оставалось времени на приведение корабля в боевое состояние. За эту неделю вскрылось столько недостатков по технической части, что стоило громадных усилий справиться с ними и все-таки участвовать кое-как в походе эскадры.

Целую ночь после пережитого потрясения офицеры сидели в темной кают-компании и вполголоса делились друг с другом своими мыслями и испытанными впечатлениями. Совесть требовала найти виновного. Общее мнение было то, что если бы пароходики были вооружены минными аппаратами или среди них было бы несколько миноносцев, то нашему отряду несдобровать. Пароходики проходили в 3-4 кабельтовых, почти на верный минный выстрел, а наша стрельба была так безобразна, что очевидно не могла служить нам защитой от смелого врага. Всем известно ведь, как безумно-отважно идут в атаку японские моряки. Значит тот дикий способ защиты, который применил адмирал, помимо его преступности с общечеловеческой точки зрения и с точки зрения международного права, был еще неудовлетворительным и с военной. Если мы остались целы, то отнюдь не благодаря своей бдительности и умению должны приписать это, а просто отсутствию мало-мальски серьезных приготовлений со стороны предполагаемого противника. Раз мы не были подготовлены к отражению атак, не умели ни действовать прожекторами, ни управлять артиллерией, ни попадать в цель, то нам нельзя было оставлять броненосцы, драгоценные для нас, без прикрытия. А чтобы избежать инцидентов, стоило только идти с разведчиками и посыльными судами, которые отгоняли бы с пути всех подозрительных. Да и нечего было непременно, как будто нарочно, лезть на Dogger Bank.

Если бы мы использовали сознательно для этой цели крейсера, то были бы гарантированы от таких инцидентов, как внезапное появление в сфере нашего огня «Авроры». Эскадра разбилась на отряды, отряды растеряли свои суда и шаяются, не зная кто где находится. «Камчатка» должна быть далеко впереди в отряде транспортов и крейсеров, а оказалась где-то в тылу за 20 миль и блукала уже одна. Наконец, если своих судов не хватало для охраны, то почему же не пошла эскадра Бирилева? Уж на это она годилась. Но она ограничилась парадированием в Финском заливе под громкой вывеской «охраны Балтийского моря». Из всего этого видно, что адмирал, несмотря на то, что он уже успел сделаться каким-то пугалом для эскадры, не умеет достаточно оценить обстоятельства, не может быть назван толковым организатором. В конце концов, он совсем не владеет собою, что совсем не пристало человеку, взявшему на себя выполнение такого тяжелого и ответственного дела; он нервничает хуже всех и заразил своим настроением всю эскадру, так что не удивительно, что когда дело началось серьезное, то все потеряли голову. А чего же можно будет ждать, когда начнется настоящая борьба за море с врагом?

Приблизительно такую же оценку всему произошедшему делала и команда. Матросы видели в этом инциденте плохое предзнаменование и говорили, что «это не к добру». А впоследствии, в походе, бой с рыбаками служил им постоянной темой для острот и шуток. Не раз приходилось слышать, как какой-нибудь матрос говорил своим товарищам, споря о будущем эскадры: да уж, японцы нам покажут, это ведь не с рыбаками воевать.

Так пережила эскадра это событие, наделавшее столько политического шума, заставившее собрать Гаагскую конференцию и обошедшееся России в 4 миллиона. Этой суммой «благодарная Россия» оплатила подвиги своего лихого адмирала.

Много затем неприятностей приходилось переживать эскадре в расплату за учиненную бойню рыбаков. Когда 1-й броненосный отряд достиг Виго, испанского порта в Атлантическом океане, то чуть не был задержан здесь вследствие бури негодования, разразившейся в Англии, требо-

вавшей суда над Рож-ским и командирами, а в противном случае, угрожавшей войной. Рож-ский послал донесение Государю о всем происшедшем, на которое пришел милостивый ответ, в котором были слова: «...Всею душой я с моею дорогою эскадрой». Адмирал объявил о полученной им телеграмме в приказе по эскадре, заканчивая его словами: «Не так ли, товарищи? Что повелит Царь, то и сделаем! Ура!» Очевидно, что адмирал хотел вдохновить этим обращением личный состав, имея ввиду возможное столкновение с Англией. А девиз: «Что повелят, то и сделаем», - сделался эпиграфом для несчастного флота...

Но, несмотря на энтузиазм адмиральских слов приказа, офицеры уже иронизировали над словом «товарищи», говоря, что дай Бог подальше от близкого знакомства с таким «товарищем».

Из Виго отправился в Россию свидетелем Г. инцидента капитан II ранга Кладо от штаба Рож-ского. Про него впоследствии, как и про гульский инцидент, на «Суворове» были сложены стихи, где говорилось: «Ажесвидетелей коль надо, так пошлем уж тут мы Кладо».

Английский крейсер Lancaster каждый день навевывался в Виго, следя за русской эскадрой. Она же стояла в ожидании решения своей участи и позволения грузить уголь с зафрахтованных угольщиков, стоя в бухте. Угля оставалось на броненосцах всего на 2 ходовых дня, тонн по 200-250. Положение было критическое. Начали втихомолку грузить шлюпками с транспорта «Анадыр». Наконец было разрешено принять по 400 тонн угля. Адмирал приказал успеть погрузить по 800 тонн в назначенный срок. Испанскому портовому начальству давали удостоверение в том, что принято 380 тонн. Из Виго в Танжер переход был сделан под конвоем 5-ти английских боевых кораблей, гарантировавших безопасность нашим броненосцам от злонамеренных покушений рыбаков.

Эти дни самолюбие наших моряков изрядно страдало. В Танжере соединилась снова вся наша эскадра, разбившаяся на отряды по выходе от Скагена. В бухте стояли 2 французских крейсера и один английский. Пришел сюда «Lancaster», поздравил русскую эскадру с Тезоименитством Государя (было 21 октября), адмирал в ответ послал своего флаг-офицера на крейсер, но тот не был принят, «т.к. по правилам англичан никого не имеют права принимать до осмотра судна членами санитарной портовой комиссии». В Танжер прибыл госпитальный корабль «Орел», снаряженный во Франции от Красного креста. На нем было 20 сестер милосердия, большей частью родственницы офицеров, шедших на эскадре, среди них – племянница адмирала и его хорошая знакомая графиня Сиверс.

Из Танжера эскадра надолго разделилась на 2 отряда. Миноносцы, часть транспортов, крейсера «Жемчуг», «Алмаз», «Светлана» и броненосцы «Сисой», «Наврин» под общим командованием адмирала Фелькерзама пошли Средиземным морем для следования Суэцким каналом к Мадагаскару, а С., А., Б., О., Нах., Ав.⁴, Дон. и транспорты «Корея», «Китай», «Анадыр», «Метеор», «Камчатка», буксир «Роланд» и госпитальный корабль «Орел» пошли Атлантическим океаном кругом Африки к месту соединения всей эскадры в одной из бухт Мадагаскара. Это удлиняло поход эскадры более чем на месяц, т.к. путь отряда адмирала Рож-кого был значительно длиннее. Кому принадлежала инициатива разделения флота на 2 части и выбор маршрутов – осталось тайной. В Кронштадте еще в июле месяце было предположение, что суда все пойдут Суэцким каналом, ввиду чего для них производились специальные вычисления таблиц объемов помещений на броненосце для уплаты за проход, а также делались расчеты грузов, какие можно иметь с собою на броненосцах, чтобы пройти каналом. Для этого требовалось иметь углубление 26 фут. 8 дюйм. в пределе. Наибольшие сомнения вызывали броненосцы типа «Бородино», сильно перегруженные. Их углубление со своими сверхкомплектными грузами доходило до 28 фут. 9 дюйм., т.е. на 2 фут. более требуемого. Значит, требовалось уменьшить их водоизмещение на 1300 тонн. Броненосцы имели при себе по 1150 – 1200 тонн угля и до 400 – 450 тонн пресной воды, значит, разгрузив их от угля и воды уже можно было их приспособить для прохода каналом. Кроме того, на них имелось провизии на 4 месяца, почти на 200 тонн, наконец, легко можно было облегчить суда еще на 100 тонн, спустив катера и шлюпки. Таким образом, не трудно было приспособить их для прохода, во всяком случае с меньшими хлопотами, чем понадобились для того чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды.

Между тем, идя Суэцом всей эскадрой, можно было ускорить поход на целый месяц. Но, очевидно, когда уходила 2-я эскадра, уже временем не дорожили, не спешили спасать Артур, а так как такое решение было принято уже задолго до ухода из Кронштадта, то, следовательно, посылая 2-ю эскадру, наши морские сферы и адмирал Р. уже считали Артурскую эскадру заживо погребенной, следовательно, уже тогда они смотрели на 2-ю эскадру, как на единственную активную морскую силу России и должны были противопоставлять ее всему японскому флоту. В связи с этим может быть было вполне естественным затянуть поход эскадры под благовидным предлогом... Нет других мотивов для объяснения этого очевидного равнодушия к судьбе Артура.

⁴ «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел», «Нахимов», «Аврора», «Донской»

И когда эскадра выходила из Танжера в Атлантический океан, то много было толков на судах по этому поводу. До этого времени офицеры часто на работах поощряли команду: ну, братцы, приналяжьте, постарайтесь, надо артурцев выручать поскорее. Теперь уж такими словам никто не поверил бы, да и офицерам они не пришли бы в голову.

Первый месяц похода до выхода эскадры из Дакары, куда она пришла после Танжера, адмирал не занимался подготовкой эскадры. Это время с одной стороны было слишком тревожное, с другой – слишком чреватое всякими осложнениями вследствие вскрывавшихся технических недостатков, разных поломок и аварий. Адмирал как бы давал время осмотреться и привыкнуть к кораблям. Уже в Дакаре стало известно, что адмирал намерен не менее месяца посвятить обучению эскадры, задержавшись для этого на Мадагаскаре, куда должен был прибыть транспорт со снарядами, как было условлено в России. Без этого адмирал считал немислимым идти в бой, ибо, как было слышно на эскадре, по его мнению, в том состоянии, в каком она вышла из России, она никуда не годилась. Очевидно, условия похода адмирал считал слишком неблагоприятными, чтобы кроме всех забот по поддержанию порядка на эскадре, еще уделять время на обучения. Но покинув Европейские воды и чувствуя себя более спокойно в пустынных водах африканского побережья, адмирал стал время от времени заниматься эволюциями с 1-м броненосным отрядом, который должен был составить ядро нашего боевого флота, от умения которого использовать свои боевые средства должно было многое зависеть в бою. Но все учения за этот период плавания сводились к тому, что иногда 4 броненосца типа «Бородино» перестраивались по сигналу адмирала в строй пеленга и учились держать равнение и соблюдать место при этом построении, ходили иногда и строем фронта. Никаких других заметных упражнений не производилось. Все время поглощалось заботами похода. Правда писались время от времени кое-какие приказы об артиллерийской подготовке, учились наводке орудий по своим крейсерам, производились артиллерийские учения, но адмиральская инициатива в этом отношении ничего существенного не вносила, артиллерийские офицеры и сами пользовались каждой свободной минутой для утилизации ее на подготовку еще совсем необученной артиллерийской прислуги. Но, конечно, эта подготовка сводилась к усвоению азбуки дела, били тревогу, подавали снаряды, командовали: к заряду, к затвору, товсь, пли, а комендоры 1-е и 2-е номера проделывали примерно соответственные телодвижения. Но даже и такие невинные развлечения было не так легко выполнить в этот период плавания. С Дакары до прихода на Мадагаскар эскадра в полном смысле пережила каменноугольный период. Боязнь остаться без угля сделалась *idée fixe*, а потому все время броненосцы шли сверх меры перегруженные углем, которым были заняты даже такие помещения, как кочегарки, батарея, бани, сушилки, прачечная и т.д. Работы по погрузке и перегрузке угля поглощали большую часть времени и сил, сделались насущнейшими, так что все прочие судовые занятия по сравнению с ними стали казаться второстепенными. Команда этими работами, происходившими в ужаснейших условиях, в расслабляющей тропической жаре и сырости, в смрадной угольной пыли, была изнурена до крайности.

Связь между адмиралом и судовыми составами была чисто формальная. Он был начальник, значит должен был приказывать, разносить, ругать, наказывать, изредка хвалить, они были подчиненными – должны были работать, повиноваться, выкручиваться из разных затруднений, до которых начальнику дела не было, и довольствоваться подневольной жизнью. Влияние адмирала и его штаба не простиралось далее поддержания наружного порядка на эскадре. Если все суда сохраняли свое место в строю, броненосцы шли в 2-х кабельтовых друг от друга, – значит все обстояло благополучно. Кто-нибудь из броненосцев или транспортов нарушит строй, сейчас ему выговор сигналом, адмиральское неудовольствие, иногда с пушкой. Каждая авария, вызывавшая остановку эскадры, обращалась в эскадренный скандал. С «Суворова» следует сигнал за сигналом, требуют немедленного ответа, что произошло, сколько времени затянется исправление, тут же учиняется едкий разнос командиру судна или его механику, посылаются кто-либо из флагманских чинов произвести следствие и т.д.

Конечно, адмирал не мог водить на помочах всех командиров и офицеров, должен был приучать их к самостоятельности, справляться с затруднениями собственными силами, известная требовательность и даже суровость была необходима, ибо того требовали условия самого плавания. Адмирал должен был воспитать в личном составе неослабное внимание и энергию. Это все так. И когда эскадра уходила в поход, то все, зная крутой нрав адмирала, именно и возлагали надежду на его умение заставить работать каждого даже против воли.

Первое время его резкие приказы, стрельба боевыми снарядами по «Ермаку», выговор с пушкой, даже расстрел рыбаков, казались именно проявлениями непреклонной воли человека, знающего, на что он идет, что нужно делать. Но постепенно начиналось разочарование. Непрестанные резкости адмирала в приказах, сигналах, личных объяснениях с командирами и офицерами начинали убеждать всех в том, что за ними ничего более не скрывается, кроме преувеличенного самомнения. Он, наконец, самого себя загнипотизировал тою мыслью, что только его железная воля сдерживает в порядке и повиновении всю эскадру, что малейшее ослабление его

власти – и все рассыпется, вся эскадра разбредется, перетолкается, не захочет идти и работать. Всюду ему мерещилось скрытое сопротивление, упорство и лень, а против них он признавал только одно средство – ежовые рукавицы власти. Между тем, поле его зрения было до крайности ограничено. Адмирал неотлучно пребывал на «Суворове», на его носовом мостике, где для него было поставлено кресло. Он непрерывно следил взором за порядком в эскадре и «подтягивал» сигналами всех, кто чем-либо привлекал его внимание к себе. Он проводил дни и ночи на мостике, даже ночевал и иногда обедал там, одним словом, нисколько не жалел себя, а в результате при своем властолюбивом нраве довел себя до состояния почти нервного расстройства. Его вывели из себя ничего не стоящие пустяки, он учинял за них страшные разносы командирам, но, тем не менее, все его знания о судах эскадры ограничивались его наблюдениями над тем, как они держатся в строю. Не только за первую половину похода, но и за два месяца стоянки в Nossi-be и за весь поход, он ни разу не объехал судов эскадры, не ознакомился с их состоянием, с их личными составами. И его влияние на подготовку кораблей, на их внутренние распорядки сводилось к нулю. В этих отношениях корабли были совершенно предоставлены самим себе или прихоти своих командиров, подчинявшихся только самодурству адмирала. А при таком положении дел адмирал узнавал только о тех происшествиях, какие находили нужным или решались доложить ему командиры судов. Связь между адмиралом и флотом была чисто бюрократическая. На судах знали, что на «Суворове» есть адмирал, который ведет флот, но ни в чем не чувствовали его влияния в своей судовой жизни, не имели с ним никакого общения, связи, и всячески старались не привлекать к себе его внимания, а когда это удавалось, то чувствовали себя спокойными и делали понемногу настоящее дело, остававшееся и неизвестным адмиралу, и нецененным им.

Эпитет «товарищи» при этом положении дел был горькой иронией. Адмирал же писал красноречивые приказы, но не видел, насколько они выполняются и воплощаются в жизнь, поднимал сигналы, посылал телеграммы и не замечал ничего вне этой показной шумихи командования флотом. В походе, живя сам на мостике и следя за эскадрой, он при малейшей оплошности спрашивал: «Где командир?», – считая, очевидно, что назначение командира – также быть неотлучно на мостике своего корабля. И действительно он добился того, что командиры броненосцев также переселились на мостики, следили за расстоянием между колоннами и судами, взяли в свое заведывание управление рулем, считали обороты машины, следили за поднятием и репитованием⁵ сигналов, разбирали их по сигнальным книгам и т.д., т.е. в конце концов заменили собою вахтенных начальников и несли ту службу, какую уже обязаны сознательно выполнять мичмана, ибо все это входит в обязанности вахтенных начальников.

В результате командиры издергались и изнервничались до крайности и без всякого толку. Командир «Орла», например, спал и грезил румбами, оборотами и расстояниями, а в конце концов даже заболел нервным расстройством. Между тем, переселившись на мостик, он должен был свести все функции командования броненосцем только к выполнению обязанностей вахтенного начальника, забросив свой броненосец и узнавая о всех важных работах от старшего офицера и старших специалистов при утренних рапортах. А бедные вахтенные начальники были лишены всякой самостоятельности в управлении судном, не могли учиться своим прямым обязанностям, не имели права без доклада командиру, даже спящему, изменить ход более чем на 2 оборота, должны были докладывать о всяком изменении курса и т.д.

Такие нормальные порядки вырабатывались на эскадре, такие отношения складывались между адмиралом, командирами и офицерами.

Адмирал принадлежал старой школе моряков, пропитанных привычками времен парусного флота. В те времена по порядку, в каком содержался рангоут, сразу можно было судить о состоянии корабля, ибо рангоут был для корабля всем и был у всех на виду, а корабль был только приложением к рангоуту. Выработался своего рода священный культ содержания в порядке рангоута, парусов и всего наружного вида кораблей. Тогда все было на виду, все важнейшие приспособления на кораблях были снаружи. Значит, опытный моряк легко мог составить себе понятие о внутренней организованности судовой жизни по наружному виду корабля, по приемам при маневрировании его экипажа. Ныне эпоха совсем другая. На современном корабле все имеющее существенное для него значение скрыто внутри за броней, часто глубоко под водою, все свелось к бесчисленным механизмам, крайне сложным и требующим большого опыта и знания при управлении.

В старое время развивался специальный морской инстинкт, морской глаз. Большой научной подготовки не требовалось, нужна была практика и опыт, все приемы управления парусами, все детали оснастки были разработаны в мелочах, и личной изобретательности так не требовалось, как теперь при страшно усложнившейся морской технике. Нынче наружный порядок броненосца

⁵ Репитование - повторение (ср. - репитер компаса)

мало говорит о его внутреннем состоянии, ибо все мачты, реи, снасти, стрелы, шлюпбалки сохраняются еще как анахронизм у боевых кораблей и не имеют никакого боевого значения для него. Наружный вид корабля утратил способность характеризовать его жизнь. Между тем, выработанные прошлой эпохой традиции надрайки всех мелочей судового вооружения, привычки судить о кораблях по внешности пережили свое время и еще сильны до настоящей поры. Наши адмиралы еще в сильной степени не склонны к обстоятельному исследованию вопросов, а привыкли рубить сплеча, схватив 2-3 случайных внешних признака. Поэтому их решения и приговоры бывают так часто изумительно невежественны, несмотря на их безапелляционность.

Адмирал Рож-ский всю школу прошел на парусниках, а только уже адмиралом командовал отрядом броненосцев береговой обороны. Обладая известными способностями и опытом, он выделялся над общим уровнем наших безличных адмиралов, но типичные недостатки, свойственные морякам старой школы, в нем были особенно резки при его крутом нраве, еще увеличивавшем склонность злоупотребления властью. Его выводы и наблюдения часто бывали крайне поверхностны, основывались на чисто случайных признаках, и в то же время он не считал нужным проверять их наблюдениями своих подчиненных.

Он, например, за весь период постройки в Кронштадте ни разу не ознакомился как должно с состоянием хода работ на броненосцах, а между тем, придя на «Орел» во время Высочайшего смотра в конце июля 1904 года, сразу сделал заключение, что броненосец не будет готов, увидев его некрашенные трубы и неготовность жилых помещений. В Ревеле, перед смотром, проходя мимо «Орла» на катере, он ругал его самыми отборными словами за необтянутые топрики шлюпбалок⁶ и за не в порядке сложенные лопаря⁷. В походе при выходе из Либавы был сигнал: «Орел», у вас неприличный вид!», - после еще сигнал с неудовольствием, т.к. командир и ст. офицер не могли догадаться, в чем дело. Наконец сигнал: «Уберите белый ящик с правого среза». Адмиралу был, конечно, виден «Орел» только снаружи, а потому ничем более не мог привлечь его внимания, как белым ящиком. И это было в те дни, когда боялись столкновения с японцами. А адмирал в это время растрачивал свое внимание на белые ящики, но даже не поинтересовался ознакомиться с боевой готовностью корабля, внушавшего столько опасений своим запозданием. А через несколько дней на том же срезе были навалены горы угля, устроен забор из крашенных суриком решетчатых люков и валялись корзины из-под угля. То же было и на других судах. Когда дело дошло до серьезной службы, то пришлось выполнять дело, не гонясь за пустыми формальностями.

Адмирал, видимо, был большой пессимист насчет существования благородных сторон в человеческой природе, ибо он не пытался на них основывать выполнение всех сложных и тяжелых задач, возложенных на его эскадру. Будучи убежденным скептиком, что люди «скоты» и мошенники и, если им дать волю, то они сейчас же сядут на шею, он придерживался старинной воспитательной системы «выбирания слабины» из своих подчиненных, не считаясь никогда с условиями их работы. При этом, видя, что приказания выполняются, он, конечно, приписывал это внушительному действию своих приказов, приписывал это действию «страха», но часто и не подозревал, что работали «за совесть...»

А при принятом им способе командования флотом путем «действия на расстоянии» при посредстве бюрократически организованной передачи приказаний, ему большая и главная часть работы, незаметно творившейся в трюмах, машинах и погребах броненосцев и других судов эскадры, оставалась неизвестной и им не оцененной. Может быть, он с высоты суворовского мостика считал знакомство с этими сторонами похода ненужными для адмирала мелочами, был убежден, что следя за равнением судов в кильватерной колонне и за репитованием сигналов, он выполняет более важное дело «командования», но в число этих мелочей, неинтересных для адмирала, постепенно попала и боевая подготовка судов, и их техническое состояние, и их организованность.

Так ни один корабль за время похода не подвергался со стороны адмирала таким постоянным разносам, не терпел столько обид и утеснений, как несчастный и многострадальный «Орел». И что всегда было обидно для командира и офицеров, так это именно ничтожность поводов, по которым то поднимались позывные «Орла» ОБ9, то ему объявлялся выговор или неудовольствие адмирала. Вследствие большой его неготовности и большой неподготовленности личного состава броненосца, недостаточного знакомства с кораблем офицеров и команды, на нем первое время чаще других происходили аварии, то с рулевыми устройствами, то с машинами или котлами. Но интересно, что всегда не это служило причиной адмиральского гнева, а какие-либо маловажные пустяки. При этом адмирал к «Орлу» бывал прямо несправедлив. Например, если в кильватерной колонне замечалось расстройство, то всегда было замечание одному «Орлу». Отстанет «Бородино»,

⁶ Верхние концы шлюпбалок соединены между собой тросом-топриком облегчающим их одновременный поворот.

⁷ Лопарь — трос, основанный между блоками или юферсами.

всегда плохо державшееся в строю, и оттянет за собою хвост, или «Ослябя» налезет почти тараном на корму «Орла», а виноват всегда будет все-таки «Орел».

«Орел» был козлом отпущения, всегда находился под подозрением, всегда его подтягивал адмирал. И это испортило командира броненосца, который, забросив корабль, жил на мостике, лишился покоя и самообладания. Командир был моряк, плававший много на парусниках, ему надо было более чем кому другому изучать корабль, но он ему постепенно сделался чужим, он сам терял влияние на судовую жизнь, как на ней уже не сказывалось и влияние адмирала. Как у человека с принципами и личным достоинством, у него не было чиновничьего страха перед начальством, но с другой стороны ему было до боли обидно, что его корабль всегда позорят перед всей эскадрой. Иногда, видя как несправедливо нарекание адмирала на «Орла», он прямо говорил вахтенному начальнику и офицерам: «Да не обращайтесь на него внимания, ведь они там ничего не видят». Легко себе представить, как все это отражалось сверху вниз на жизнь в недрах корабля, как это обостряло все недоразумения в личных отношениях командира, офицеров и команды. А между тем, в это время в неизвестности для адмирала на этом же «Орле» производились крайне существенные работы, которые требовали самого серьезного внимания, трудоспособности и знания. И эта работа не нуждалась в понуканиях. Личный состав видел, что ее надо сделать и делал ее из личного чувства долга, а не вследствие понуканий адмирала. Между тем этой существенной работе внутри кораблей адмиральские грозные ругательства, конечно, не могли способствовать. И все суда работали каждый за свой страх и совесть по мере сил и охоты, но в своих работах были ничем не объединены друг с другом, каждый методом попыток и тяжелого опыта приспособлялся как умел к условиям похода, не зная, что в этом направлении делали другие суда. Не было объединяющей инстанции, способной обобщить опыт отдельных судов и превратить его в коллективный опыт эскадры, хотя и был адмирал со штабом... К этому вопросу подробнее еще вернусь, когда буду говорить о технических работах и боевой подготовке судов и эскадры.

Тяжелее всех приходилось механикам. На них лежала главная ответственность за исправность всех механизмов, от которой зависела возможность без задержек продолжать поход. Между тем необработанные, хотя и прекрасные конструкции механизма новых броненосцев, часто нуждались в мелочных работах по их мелким исправлениям, но при этом необходимы были остановки эскадры хоть на 2-3 часа. И эти остановки, будь они заранее назначены, давали бы полную возможность управляться со всеми вскрывавшимися в машинах и котлах недочетами без всяких задержек для эскадры, без докладов адмиралу о том, что нагрелся подшипник, что в левой машине течет холодильник и т.д. Переходы эскадра делала довольно продолжительные, от 7-ми до 14 суток, но никогда адмиралу и в голову не приходило объявить эскадре: завтра от 12-ти до 3-х эскадра имеет время заняться исправлениями. Будь такие узаконенные остановки, то удалось бы избежать большого числа задержек в походе вследствие всяких мелких аварий в механизмах и котлах кораблей. Между тем была усвоена совсем другая система: держания всех командиров и механиков в ежовых рукавицах и устройства великолепных эскадренных скандалов, своего рода спектаклей - развлечений из-за всяких вынужденных остановок и выходов из строя какого-либо из кораблей. Например, снялись с якорной стоянки в 10-дневный переход. На якоре механики поджали какой-либо стучавший подшипник и теперь следят за ним. Он вдруг через сутки начинает греться. Конечно до последней минуты не хотят заявлять об этом адмиралу, чтобы не вызывать потока ругательных сигналов, идут и понемногу перебиваются разными полумерами, пускают заливание, иногда так и приходится выкручиваться из разных затруднений до следующей стоянки. Между тем вдруг вся эскадра стопориться вследствие аварии на каком-либо другом судне. Разыгрывается драма. С «Суворова» сигнал за сигналом, требуют командира на мостик, механику разнос, флагманский механик летит на вельботе на провинившийся корабль, эскадра болтается 5-6 часов, готовая ежеминутно тронуться дальше, а этими часами никто не смеет воспользоваться для того, чтобы вскрыть какую-либо крышку или пережать подшипник у себя, ибо не знает, тронется ли эскадра через 5 минут или 5 часов. Приходится положиться на «авось» и идти дальше без исправления, откладывая работу до стоянки. А через день окажется, что долее терпеть нельзя и надо самим вызывать остановку эскадры. И поднимается новый скандал.

Таким образом, при этой системе управления эскадрой не было законных остановок, хотя бы переход был более 10 дней, а происходили случайные задержки, когда уже авария свершилась. Но при этом даже при случайной остановке мог ею воспользоваться только тот корабль, который ее вызвал, остальные должны были быть готовы ежеминутно по сигналу адмирала идти далее.

Помню на «Орле» один раз долго мучились с гревшимся каким-то соединением в машине, но крепились откладывая исправление до лучшего будущего. Наконец вышел из строя «Бородино», эскадра остановилась, тогда ст. механик с разрешения командира попробовал на свой риск произвести работу, для которой надо было часа 2 времени. Командир не соглашался было сначала, но потом внял тому доводу, что если не сделать сегодня, то все равно придется выйти из строя завтра уже самим. И когда действительно удалось исправить повреждение в машине

прежде, чем эскадра тронулась дальше, то и механики и командир вздохнули с невыразимым облегчением, считая, что выиграли опасную ставку. Тяготы положения механиков увеличивались еще тем, что по приходе к месту стоянки они никогда не располагали временем стоянки для выполнения всех необходимых работ по машинам и котлам. Почти всегда бывал сигнал с «Суворова»: «Иметь пары для 9-ти узлового хода, чтобы немедленно сняться по сигналу адмирала». В этом, конечно, заключалась «боевая готовность» эскадры.

Каким образом шло «воспитание» эскадры, и какими мерами она поддерживалась в исправности, хорошо характеризуется отношением адмирала к транспорту «Камчатке». На ней открылись значительные недостатки в Беловилевских котлах, несколько не вызванные неумением ухода за ними, но зависевшие от конструктивных несовершенств. С «Камчаткой» начались недоразумения. Адмирал увидел в них чуть ли не злостное намерение личного состава транспорта задержать эскадру или отделаться от участия в походе. Начались постоянные понукания «Камчатки», подтягивания ее в сигналах и приказах, принимавшие трагикомический оборот. После какой-то остановки из-за «Камчатки» сигнал адмирала: «Камчатка», объявите вашему старшему механику, что в случае, если у него произойдут поломки, переведу его младшим механиком на один из броненосцев учиться уходу за беловилевскими котлами».

Через некоторое время «Камчатка», несмотря на все старание, начинает отставать, так как у нее не хватает паров, вследствие того, что на последней погрузке угля ей попался уголь дурного качества. «Камчатка» на вопрос адмирала, почему отстает, просит разрешения выкинуть известное количество дурного угля, чтобы дорыться до старого хорошего. Ответ адмирала: «Разрешаю выкинуть за борт только злоумышленника».

Транспортам с цилиндрическими котлами, как «Анадыр», «Корея», «Китай», «Малайя», «Метеор», приходилось особенно тяжело, так как их котлы рассчитаны на равномерную работу при постоянном числе оборотов машины. Между тем неумолимая строгость, с которой поддерживалось расстояние между судами в колоннах на походе, заставляла непрестанно менять число оборотов, а это вызывало постоянные и крайне тяжелые для кочегаров перемены в требованиях количества пара.

На броненосцах приходилось после каждого перехода или даже во время него производить чистку бельвилевых котлов вследствие того, при больших угольных погрузках углем по приказу адмирала засыпались также 2 кочегарки. Уголь брали на полы кочегарок, на высоту фут 7-ми, его входило в 2 кочегарки до 170 тонн. Это имело известную и другую цель, кроме занятия свободного места под уголь. Когда начали брать большие количества угля в верхние помещения судна, то от этого сильно пострадала остойчивость броненосца, а для того, чтобы уменьшить вредное влияние этих верхних грузов, решено было брать уголь на полы кочегарок, как в помещения, находившиеся глубоко под водою, ниже Ц.Т.⁸ судна. С точки зрения остойчивости был выработан и порядок расходования угля: сначала с верхов судна, затем из ям, а только под конец из кочегарок, после чего еще была необходима чистка котлов. Но при этом засыпанные углем кочегарки могли быть введены в действие не ранее, как через 7-8 дней после съемки с якоря.

Между тем вскоре после первых приказов о засыпке угля в судовые помещения и кочегарки адмирал стал требовать, чтобы через 3 дня после стоянки кочегарки уже были готовы к работе. Это понадобилось адмиралу для того, чтобы располагать возможностью дать ход более 19-ти узлов или, чтобы при выходе из строя одной из кочегарок, можно было ввести в действие новую. Между 2-мя приказами оказалось полное несогласное противоречие. Один из них должен был быть принесен в жертву. Адмирал требовал соблюдения обоих.

Когда флагманский механик представил по этому поводу свои соображения, указывая сколько лишней работы и времени приходится употреблять каждый раз на чистку котлов после засыпки кочегарок, то на это последовал новый приказ адмирала, в котором он заявлял: «Не мне бы, конечно, следовало учить флагманского механика уходу за бельвилевскими котлами, а приходится. Когда сыпят уголь в кочегарку, то для предохранения котлов от засорения надо предварительно заставить их досками, обвязать кранчики ветошью, одеть на водомеры прибора мешки и т.д.»

Между тем, все это именно делалось и могло предохранить от повреждения кусками угля при погрузке, но не от засорения едкой угольной пылью.

Вообще, адмирал в приказах усвоил такой тон, которым он постоянно подчеркивал неумение и нежелание работать личных составов своих судов и этим как бы усиленно указывал на тяжелое бремя командования при нежелании окружающих ему помогать. Между тем, последние видели, что адмирал совершенно разъединяется с эскадрой, не установил с ней духовной связи, не объединил ее своим влиянием. А потому приказы, в которых поносились офицеры, не достигали своего действия и только вызывали раздражение против адмирала. Помню, в Габуне вышло

⁸ Центра тяжести

несколько суровых приказов по поводу проступка кр. «Донской», командир и офицеры которого нарушили правила охранной службы. Эти правила были объявлены в водах Гвинейского залива, где, конечно, японцев не ожидали, но зато при их помощи адмирал рассчитывал постепенно приучить личный состав к серьезной службе. В этом отношении они, конечно, имели бы свою известную цену, если бы сводились к правилам действительно необходимым и гарантирующим. Было запрещено посылать катера и шлюпки и иметь сообщение между двумя судами позже 6-ти часов. С «Донского» в 1 ч. ночи возвращался катер с гостями на госпитальный «Орел» и на пути уже к крейсеру был задержан сторожевыми катерами. За это 3 офицера «Донского», оказавшихся на катере, были немедленно списаны в Россию, а командиру «Донского» и его ст. оф. был объявлен выговор в приказе. При этом этот случай дал повод адмиралу в приказе высказать целый ряд мыслей крайне обидных и оскорбительных для всех офицеров вообще. Оказалось, что преступные небрежности со стороны офицеров вроде совершенной, были причиной всех вообще военных неудач и даже гибели Артурского флота, за что армия потом заплатила потоками крови. Между тем офицеры находили, что они только материал в руках адмирала и что именно артурский флот обладал хорошим составом офицеров, из которого, однако, адмиралы не сумели ничего сделать. Да и не след Рож-кому особенно нахваливаться, когда у самого в прошлом никаких заслуг нет, кроме разве Гульского инцидента. И в Артуре именно адмиралы низвели на нет все требования охранной службы, допустили первую минную атаку. Да и у нас адмирал первый завел моду приглашать гостей с «Белого орла», что переняли и другие суда.

В довершение всего адмирал в силу его деспотического характера и резкого обращения с подчиненными стал вообще недоступен. Все его избегали, боялись встреч с ним и объяснений, даже зачастую чины штаба и сам флаг-капитан. Командиры судов ни о чем происходившем на судах не докладывали адмиралу, являясь к нему только по вызову, да и это случалось крайне редко, а во всех остальных деловых сношениях ограничивались минимальной перепиской, отвечая на заданные вопросы. Штаб адмирал подобрал такой, который весь состоял из людей мало самостоятельных, но преданных начальству и высоко ставящих волю и желание «его превосходительства». Может быть иные из них могли быть хорошими исполнителями чужих приказаний, но ни у одного из них не было своей воли и мнения, все были подавлены личностью адмирала, даже боялись его, а потому старались не перечить ему и действовать в своих целях только играя на слабых струнах его характера. Доходило, например, до того, что когда адмирал был «не в духе», то фл. капитан не решался войти к адмиралу и доложить ему что-либо. Иногда командир судна или офицер, явившиеся для доклада, должны были возвращаться, так и не повидав адмирала, отложив дело впредь до лучшего будущего. В своем обращении с окружающими адмирал ничем не стеснялся, ругал иногда даже офицеров, капитанами 1-го ранга кончая, команду же сигнальщиков и вестовых бил собственноручно. Особенно часто он практиковал последнее, еще в бытность его начальником артиллерийского отряда, там была организована целая кулачная система воспитания артиллерийских учеников. Среди команды, старых комендоров, до сих пор ходят рассказы о том, как в это «доброе старое время матросского рабства» адмирал ломал подзорные трубы и разбивал бинокли о головы обучающихся, а боцмана на его глазах «для примеру» вышибали по несколько зубов новобранцам. Да, было время... Нельзя было, конечно, сказать, что к походу 2-ой эскадры оно отошло совсем в область преданий, но все-таки уж подобные факты теряли облик системы, а указывали только на то, как сильны во флоте пережитки крепостничества и дореформенного деспотизма «начальства».

Но из многочисленных судов эскадры «святые традиции» более упорно поддерживались на флагманском «Суворове», чем на других судах. Адмирал там все-таки поддерживал более прочно устои власти, а за ним тянулись в свою очередь ревностные подражатели из более молодых. Нестовая адмиральская ругань славилась на эскадре, как недостижимый идеал силы слога и выразительности. Пред ним пасовали и заправские боцмана. А молодые флаг-офицеры на «Суворове», подражая своему начальнику, также прибегали к отдаче приказаний разными «описательными выражениями», без всякой даже необходимости с военной точки зрения, просто воображая, что этого требует истинный морской дух. Но адмирал, стоя на суворовском мостике, в походе честил всех, кто навлек только его гнев, не стесняясь присутствия команды. Всем судам, их командирам и даже адмиралу, младшему флагману были даны позорные клички. Приказания отдавались в таком духе: «Эта ... опять отстаёт («Камчатка»). Поднять ее позывные». Привыкши всех ругать, адмирал уже не заботился, за дело или нет. Обратил на себя внимание – значит виноват. Этим его свойствам некоторые чины его штаба видимо умели искусно пользоваться, направляя (?⁹) адмиральского гнева в желательную для них сторону. По крайней мере, частые и ничем не заслуженные выговоры броненосцу «Орел» его командир объяснял присутствием в штабе адмирала одной личности, к. П. р. Семенова, с которым у него было в старое время служебное столкновение... Не берусь утверждать, т.к. на «Суворове» не был, но таково было мнение и

⁹ Пропущено, возможно, д.б. – «громы» или «молнии».

всего офицерского состава «Орла», и подтверждалась частными слухами. Адмирал, несмотря на его независимость, однако, в известной мере был в руках у своего штаба, т.к. сам он, кроме «Суворова» да «Белого Орла», судов в походе не посещал, а потому мало что мог знать о них и их личных составах, о работах и их исполнителях. Прямо на основании доклада какого-либо из юных флаг-офицеров, писался адмиральский приказ с сохранением того освещения, которое было дано офицером. Редко дело разбиралось подробно, производилось дознание или следствие. Не раз это приходилось уже делать после выхода приказа, задним числом смягчать выражения адмиральского пера. Долго раздумывать над принятием решений было не в характере адмирала, он действовал по первому впечатлению, срыву, и это многим давало основание надеяться, что в бою он с первого шага огорошит японцев каким-либо диким шагом.

За время стоянки в бухте Nossi-be у Мадагаскара произошло немало эпизодов, ярко характеризующих способ действий адмирала, его характер, влияние на него штаба, и доказывающих его полную неосведомленность относительно всего происходящего на эскадре, его неумение выбирать и ценить людей.

Как великолепный образчик стиля адмиральских приказов и способа его действий могут служить дословные выдержки из текстов некоторых приказов во время стоянки в Nossi-be.

«... Вчера на пристани прапорщик N-N, напившись пьян до скотского положения, завязал драку с такими же пьяными матросами и был избит по морде в кровь. Предписываю изгнать его из к.к.¹⁰, поселить с кондукторами и не пускать на берег до первого русского порта.»

Между тем, как оказалось, прапорщик был ни в чем неповинен. На пристани было много офицеров, возвращавшихся к спуску флага на свои суда. Группа пьяных матросов с одного транспорта проходила мимо прапорщика. Один из матросов, толкнув его, грубо, на ты, потребовал себе закурить. Тот, обернувшись, крикнул на матроса и сейчас же получил удар кулаком в лицо. Матрос скрылся. Прапорщик оказался вполне интеллигентным, студентом одного из инженерных институтов, пользовался уважением в своей кают-компании.

Адмиральский приказ был написан без всякого следствия, со слов одного из младших флаг-офицеров, бывших на дамбе. Впоследствии, когда было выяснено, как несправедливо этот офицер был опозорен перед всей эскадрой, адмирал только негласно отменил свое решение об изгнании его из кают-компании и аресте на судне, но ничем не реабилитировал его.

Интересно отношение адмирала с командирами некоторых миноносцев. Так однажды появился свирепый приказ насчет командира миноносца «Буйный», который, внезапно заболев желтой лихорадкой в самой резкой форме, отправился на госпитальный корабль, дав немедленно знать об этом в штаб и оставив миноносец на своего помощника. Адмирал в приказе его поступок подвел под дезертирство и грозил отрешить его от командования миноносцем. И в походе миноносец «Буйный» всегда был в опале.

Зато ни один миноносец и командир не удостоивались таких похвальных отзывов адмирала как «Бедовый» и капитан II р. Баранов. На последнем миноносце царила самая отчаянная драйка команды, битые в морду и т.д., а наружно миноносец удовлетворял всем требованиям военного судна.

Всем знакомым, хотя по названиям судов с фактами, происходившими в Цусимском бою, должно быть известно поведение этих 2-х миноносцев в бою. Первый из них наглядно доказал, что несмотря на все бедственные общие условия, в каких прозябает наш флот, в нем есть доблестные офицеры и умелые моряки. «Буйный» под огнем спас 200 ч. команды погибшего «Ослябя», даже спустил вельбот с офицером для подбирания тонувших, «Буйный» спас с «Суворова» и самого адмирала с его штабом. А «Бедовый»... Этот пример наглядно показывает, какую цену имели все дикие выходки адмирала, как велико было его умение распознавать людей, выбирать себе дельных помощников. Почти всегда все резкости его приказов, их оскорбительные выражения были незаслуженны теми, на кого обрушивались, и адмирал не только не способствовал ими поднятию духа и желания работать, но наоборот – восстанавливал против себя офицеров и команды, которые никогда не находили у адмирала помощи и совета когда приходилось выполнять трудное дело, но видели на каждом шагу полное неуважение к их настоящему и самоотверженному труду.

Приведу такой пример.

В походе большое значение приобретала скорость погрузок угля. Адмирал назначил за наиболее успешную погрузку премии. На отдельных судах командиры и офицеры прибегали от себя к разным системам возбуждения в команде рвения и соревнования с другими судами. Из броненосцев всегда почти по погрузкам впереди других шел «Александр». Его первенство было почти неоспоримо. Наконец команда «Суворова» решила, что «Александр» зазнался и надо утереть

¹⁰ Кают-компании

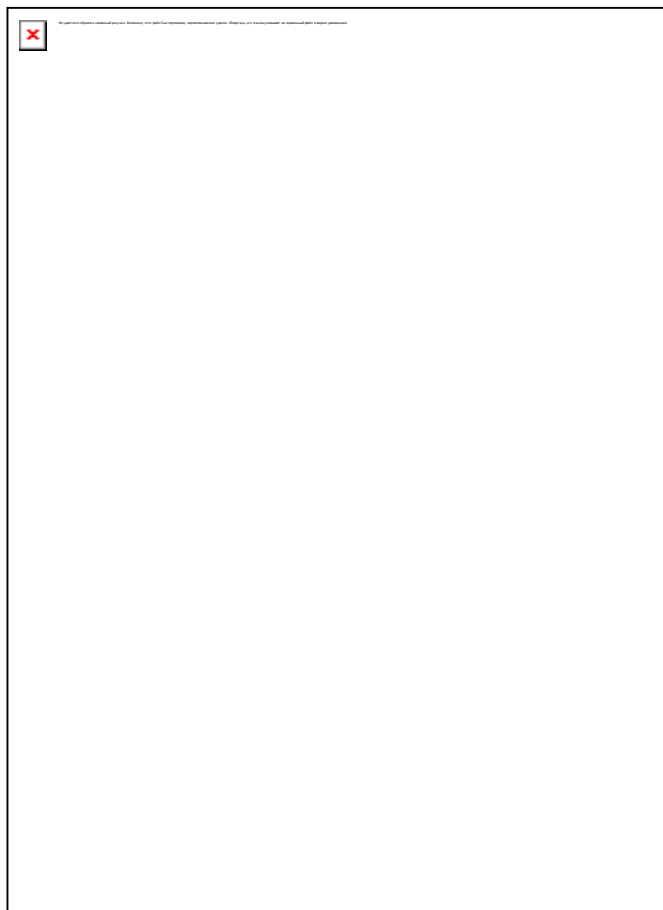
ему нос. Под влиянием такого решения матросы на «Суворове» на одной из погрузок, захваченные азартом, грузили как «звери», по выражению одного офицера. В час принимали более ста тонн; погрузив в последний час 130 тонн, «Суворов» далеко оставил за собой «Александра». Команда ждала, что ее труд найдет должную оценку. Ничуть не бывало. Адмирал, хотя и сам был на «Суворове», не уловил настроения команды, не понял его важности. Придравшись к чему-то, он обругал команду, а приз отдал «Александрю». Зато ему потом долго приходилось бороться с организованным протестом команды. Команда с тех пор стала еле грузить, и никакие грозные приказы адмирала, никакая ругань и наказания не могли на «Суворове» поднять нормы принимаемого в час угля выше 30 тонн, пока наконец команда не забыла обиды.

Еще факт к характеристике того, как составлялось мнение адмирала об офицерах и их работе.

На «Жемчуге» и «Изумруде» водолазами выполнялись работы по исправлению рулей. Когда работы были выполнены удачно, то последовал благодарственный приказ адмирала всем участвовавшим в исправлении. При этом про 2-х офицеров, которым был поручен надзор за водолазами, было между прочим сказано: с такими офицерами не страшно идти в бой против вдвое сильнейшего противника. Им воздавалось должное за самоотверженную 2-недельную работу, а один из них, веселый мичман, потом смеялся, рассказывая товарищам, что он был там, на работах, всего один раз, чтобы посмотреть, что там делают. Адмиралу доложили, он написал... Долго ли умеючи. Сам же он на работах не был, исполнителей не видел.

Все эти мелкие факты выбраны чисто случайно, только потому, что о них по эскадре ходили рассказы.

В. Костенко
Заметки о Цусимском бое и
некоторые выводы по
технической части,
полученные из него

1906 г.
Январь
Kyoto Japan

Действие японских снарядов

В бою 14-15 мая 1905 г. японцы употребляли исключительно фугасные снаряды с крайне чувствительными ударными приспособлениями и большой разрушительной силы. Благодаря этому они причиняли большие наружные повреждения нашим судам в небронированных частях, но нигде не пробili брони даже малых толщин.

На «Орле» ниже батарейной палубы никаких повреждений не было, так как поясная броневая защита и 2-дюйм. батарейная палуба оказались достаточным прикрытием для жизненных частей. Все механизмы под достаточным прикрытием бат. п. остались в полной исправности.

В 3-дюймовую незакаленную броню 75-мм казематов были попадания 6-дюймовых и 8-дюймовых снарядов. Броня осталась невредима.

В 2-х местах 12-дюймовые снаряды попали в борт вблизи батарейной палубы 2-дюймовой толщины, и разорвавшись не повредили ее.

Верхняя брон. пал. над средней батареей 75-мм орудий в 2-х местах была пробита осколками 12-дюймовых снарядов. Толщина пал. 1 1/16¹¹. Однако, японские фугасные снаряды крупного калибра 10 и 12 дюйм., а отчасти и 8 дюйм. производили известное действие на броню. Не пробивая ее, они в сильной степени расшатывали крепления плит. Болты броневых плит не выдерживают повторных попаданий и плиты отстают, после чего их легко может срывать целиком. Видимо, японские снаряды при взрыве действуют как резкий удар, вызывающий сильное сотрясение, а последнее всегда обрушивается на слабые части соединения.

На «Орле» в нескольких местах были примеры отставания броневых плит от попадания 12-дюйм. снарядов. Ни одна плита сорвана совсем не была, так как не было примера 2-х последовательных попаданий в одну плиту, но, видимо, такой случай имел место на «Ослябе», где отвалились 1 на (?¹²) 2 плиты верхнего пояса с левого борта между минным надв. аппар. и баней, а в обнаженном месте фугасный снаряд сделал громадную пробоину. Один, попавший в плиту снаряд, расшатал ее, другой сорвал, 3-й сделал пробоину в голом месте.

На «Орле» были замечены отставания 3-х броневых плит поясной защиты:

- 1) с левого борта на 31 шп.¹³ верхнего пояса;
- 2) с левого борта на 84-87 шп. нижн. пояса;
- 3) с правого борта на 2-м шп.
Возможно, еще были отставания, но их не заметили.
- 4) С левой нос. 6-дюйм. башни плита брони 6-дюйм. толщины была совсем сорвана и осталась лишь случайно на 2-3 исковерканных болтах.
- 5) Раздвинулись на 1 – 1 1/2 (?¹⁴) плиты 10-дюйм. толщ. вертикальной защиты стола кормовой 12-дюйм. башни. Попал в них 12-дюйм. снаряд.
- 6) Сдвинулась правая передняя плита боевой рубки, обделочные угольники были сорваны. Попал спереди снаряд не менее 8-дюйм. калибра.
- 7) Раздвинулись плиты на правой корм. б., так что выскочил стальной клиновой заделок, загнанный между плитами. (Вращ. часть).
- 8) У этой же башни отошла плита защиты подачи в адмиральской столовой, где у одной плиты были счищены все обделочные угольники.
- 9) Отошла 3-дюйм. плита с левого борта у кормового каземата благодаря разрыву 12-дюйм. снаряда на 90 шп. в кают-компании. По рассказу некоторых из команды «Осляби», там попал большой снаряд в 5-дюйм броню верхнего левого носов. каземата, броня сползла вниз и прикрыла настолько отверстие порта, что орудие не могло иметь угла возвышения. На «Апрксине» было попадание снаряда 8-10-дюйм. калибра в башню кормовую с 10-дюйм. орудием. Башня выдержала, но броневая плита одним боком вдавилась в рубашку башни, а другим отстала наружу.

Как примеры разрушительности и дробящей силы японских снарядов можно указать перебитое носовое 12-дюйм. лев. орудие, обломок дульной части которого был взброшен на средний носовой мостик.

¹¹ Вероятно, д.б - дюйма.

¹² Пропущено.

¹³ Шпангоут.

¹⁴ Пропущено, вероятно, д.б. - «дюйма».

В боевой рубке был сбит правый козырек и вброшен в рубку. Сорвано 20 гужонов¹⁵ 1 ¼ дюйм. Снаряд, видимо, 8-дюйм. калибра. На «Ослябя» была отбита дульная часть 10-дюйм. носового орудия. На «Орле» 8-дюйм. снаряд попал в хвост шлюп-балки около 4 дюйм. диаметром и переплавил его пополам.

В кормовом каземате 2 75 мм орудия выбиты из цапф снарядами 8-дюйм. калибра. Вырван целиком со всеми креплениями правый клюз, свалившийся за борт. 12-дюйм. снаряд.

Фугасные снаряды японцев при разрыве делали следующие пробойны в бортах и палубах.

12-дюйм. снаряд делал пробоину 7 - 8 фут. диам.

8-дюйм. - 5 фут.

6-дюйм. - 3 - 3 ½ фут.

Толщина обшивки 3/8 дюйм. - (?¹⁶)

Во всех случаях бортовых пробоин вертикальное размерение было больше горизонтального. Отношение приблизительно как 4 : 3.

12-дюйм. снаряд, разорвавшись у борта, во всех случаях проламывал также и нижележащую палубу. Только палубы, крытые 2-дюйм. броней, могли в полной мере противостоять его разрушительной силе.

Броневая палуба в 1 1/16 дюйм. в 2-х местах была пробита осколками 12-дюйм. снаряда при разрыве его у вышележащей палубы. В одном месте эта палуба вместе с бимсами была прогнута на 6 дюйм. Пиллерсы изогнулись в дугу.

12-дюйм. снаряд внутри судна сметает легкие переборки и предметы приблизительно радиусом на 10 фут. от центра взрыва. Таковы были разрушения в верхней палубе у лев. нос. б. и адмиральских каютах с правого борта, где были сбиты переборки между каютами вместе со всеми стойками.

8-дюйм. снаряд своим районом действия не захватывал целиком даже одной каюты. Переборки кают лопались по швам, но не валялись. Размеры кают: 8 x 11 фут. У задней переборки оставалась даже в целости мебель.

Большая часть (около половины)¹⁷ 6-дюйм. снарядов рвались не у самой обшивки, а пройдя ее, внутри помещений.

Кромки пробоин, по крайней мере у большинства, совершенно ровные или немного загнутые внутрь. Но если пробойна в борту сделана разрывом снаряда, уже пробившего обшивку и разорвавшегося за ней, то кромки пробоин в этом случае крайне исковерканные. Одни клочки обшивки загнуты внутрь, другие – наружу, и заделка таких пробоин почти невозможна. Заделке пробоин в корме сильно мешал покатый борт, так как заготовленные приспособления из досок в виде щитов трудно было применить к заделке этих пробоин. Приходилось по нижней и верхней кромке щита набивать койки и одеяла. В крайнем случае, когда заделку пробоины сделать нельзя, остается накрыть ее пластырем, чтобы не нахлестывало в нее воду.

Надо для этой цели иметь пластырь около 8x10-фут. размера с гачками по концам, чтобы ими можно было зацепить пластырь хотя бы за полки сетевого ограждения. Хорошо для этой цели иметь стальной прутковый леер над броневым поясом, так как надо бояться пробоин в легком борту над броней и немедленно принимать меры к их заделке.

Кромки пробоин коверкают не газы от взрыва снаряда, а ток воздуха, который он тянет за собой. Обрывки обшивки заворачиваются еще в продолжении нескольких секунд после пробития обшивки снарядом.

Весьма возможно, что если бы для легкого борта броненосца употребляли сталь около 1-дюйм. толщины, то пробоины от фугасных снарядов значительно сократились бы в размерах и, пожалуй, обрывки стали в 1 дюйм толщиной не скрутило бы воздухом. Может для этого лучше было бы употреблять не мягкую Сименс-Мартеновскую сталь, а более твердую. Фугасный 6-дюйм. снаряд едва ли сделал бы пробоину в такой обшивке.

Необходимо производить опыты над пробитием обшивки снарядами разного калибра и разной взрывной силы, чтобы знать характер разрушений и вырабатывать способы заделки пробоин. Выработанные приспособления должны быть отпускаемы на броненосцы в количестве 15 – 20 штук, в состав их шкиперских запасов. На заделку пробоин надо производить такие

¹⁵ Гужон - разновидность винта.

¹⁶ Пропущено

¹⁷ Так в м.п. копии рукописи.

судовые учения, как и на подводку пластырей. Строевая команда, пожарный дивизион и комендоры должны быть знакомы с употреблением этих приспособлений.

Японцы своими легко взрывающимися снарядами уничтожали легкий борт броненосцев выше броневых поясов и таким образом обращали их как бы в низкобортные суда, имевшие всего 4/12 фут. надводного борта и крайне малую начальную метацентрическую высоту. При таких условиях крен уже около 8° становился для них критическим, а благодаря малой начальной остойчивости накренив броненосцы на этот угол не стоило особенного труда.

Малая начальная метацентрическая высота только тогда допустима у корабля, когда он имеет право рассчитывать при всех условиях на целостность своего надводного тонкого борта и когда этот борт достаточно высок.

Наши низкобортные мониторы имели громадную начальную метацентрическую высоту. Между тем, после жестокого артиллерийского боя броненосец обращается фактически в тот же монитор, только с большими надстройками на его защищенной части, бесполезными для его остойчивости и плавучести.

Чтобы не поддаваться такому обольстительному обману, как построение кривых статической остойчивости для всего корпуса судна по верхнюю палубу и даже спардек, надо установить, как правило, вычислять боевую остойчивость, только считая корпус судна по верхнюю броневую палубу, перекрывающую последний верхний броневой пояс, идущий от носа до кормы. Надо повторить тот же расчет, принимая во внимание перегрузку в 1, 2 и 3 фут. Последний может произойти и от подводных пробоин, когда судно может принять внутрь 1000 – 2000 тонн воды.

Надо повторить тот же расчет, считая израсходованными снаряды крупной артиллерии и 2/3 угля из нижних ям.

Губительное действие фугасных японских снарядов в том и заключалось, что они уничтожали всякое значение легкого борта, после чего всякий крен становился губительным. Крен же мог явиться как от сбитых броневых плит («Ослябя»), так и от подводных пробоин минами или снарядами ниже броневых поясов. Нельзя сказать, какими из этих причин были накрены «Александр» и «Бородино», легкость их опрокидывания именно произошла от ничтожной начальной метацентрической высоты и от уничтоженного подводного легкого борта.

Между прочим, вполне возможны пробоины снарядами ниже брони. На «Орле» было попадание 12-дюйм. снарядом в броню на 5 дюйм. ниже (*ватерлинии?*)¹⁸. На «Суворове» была подводная пробоина с левого борта против подводных минных аппаратов. Говорят, что было еще 2: в рулевое отд. и в бортовое отд., против операц. пункта.

На «Цесаревиче» в бою 10 августа 1904 г. была подводная пробоина от 12-дюйм. снаряда ниже брони, затопило 3 бортовых отсека. Видимо, именно 12-дюйм. снаряды, имеющие более настильную траекторию, склонны попадать ниже (*ватерлинии?*)¹⁹.

На «Николае» было попадание в поясную броню глубоко под (*водой?*)²⁰. В «Бородино» попадала масса снарядов в (*подводную часть борта?*)²¹ и поднимала столбы воды, подобно минным взрывам. Он повалился на правый борт столь быстро, не покидая курса, что надо предполагать – у него большое подводное повреждение. Могла быть мина, плавучая, могла отвалиться броневая плита, мог быть взрыв внутри (как на «?»²²), могли быть пробоины ниже бельта²³.

С «Александра» семафорили: «Терплю бедствие». Что там происходило, осталось неизвестным.

В Цусимском бою японцам удалось уничтожить одними фугасными снарядами такие броненосцы, как «Александр» и «Бородино», и при этом не пробивая их брони. На всей эскадре не было слышно нигде о пробитии брони. Надо считать, что их 12-дюйм. снаряды не могут пробить даже 3-дюйм. защиты казематов и 2-дюйм. – батарейной палубы.

Но за 5 часов артиллерийского боя, действуя сосредоточенным огнем по избранным кораблям, им удавалось засыпать суда снарядами. Таким образом, сильное фугасное действие их снарядов в соединении с ужасающей меткостью и скорострельностью их орудий могли производить такие разрушения, как отрывание броневых плит. Однако, для этого надо рассчитывать на многократные попадания. В «Орла» попало 42 12-дюйм. снаряда и до 8 и 6-дюйм. калибра. Броненосец остался в строю, лишился только половины артиллерии, сохранил в целости все нужные

¹⁸ Пропущено, вероятно, здесь д.б. – «ватерлинии».

¹⁹ Пропущено, вероятно, здесь д.б. – «ватерлинии».

²⁰ Пропущено, вероятно, здесь д.б. – «водой».

²¹ Пропущено, вероятно, здесь д.б. – «подводную часть борта».

²² Пропущено, вероятно, здесь д.б. название корабля.

²³ Так в оригинале.

механизмы. 3 других броненосца его типа понесли, видимо, во много раз большие повреждения, прежде чем погибли.

Японцы достигли успеха, но из этого не следует, что примененный ими способ был наилучший. В данном случае он бил по самым слабым сторонам нашей подготовки и снаряжения. Мы не умели стрелять на больших дистанциях, а они держали нас на расстоянии 30 кб, и, конечно, с таких дистанций надежней бить фугасными, когда известно, что главные силы противника имеют прекрасную броневую защиту. Но если бы хотя в «Орла» из 40 12-дюйм., попавших в него, 20 были бронебойных, то, пожалуй, разрушения были бы более ужасны. Едва ли броненосец остался плавать.

Поэтому, приняв фугасные снаряды удобными для действий с больших дистанций, свыше 30 кб., надо их делать сильно взрывающимися, подобными японским. Но бой с больших дистанций должен быть только подготовительной стадией. В нем броненосцы поддерживаются броненосными крейсерами. Затем, смотря по выяснению результатов, броненосцы должны идти в атаку, действуя с дистанции 20 - 25 кб. бронебойными снарядами исключительно большого калибра.

В связи с этим должно произойти разделение калибров артиллерии по типам судов, а главная артиллерия должна быть однородной. Пока наибольшим принятым орудием является 12-дюйм., вооружение современного броненосца должно прийти, как предсказывали американцы, к двенадцати 12-дюйм. орудиям. Для отражения минных атак, вероятно, будут приняты 6-дюйм. или 120 мм орудия. Будучи установлены на станках Кане, они так же легки для обращения, как и 47 мм орудия. Меньшие калибры на броненосцах для нужд морского боя должны исчезнуть совершенно.

Скорость хода, вероятно, еще останется около 18 - 20 узлов. Водоизмещение дойдет до 18000 - 20000 тонн. Впрочем, выбор элементов не может получить абсолютного определения. Шаги, предпринятые другими государствами, также должны повлиять на выбор элементов. Указанные цифры - скорее допустимый минимум для данного времени.

Возможно поднятие калибра до 15 дюйм., скорости - до 22-25 узлов, толщины брони - до 10-12 дюйм. у (броненосцев²⁴), а водоизм. естественно дойдет до 25000-30000 т. Пределов стремления увеличивать наступ. и оборонит. средства кораблей невозможно поставить.

Тип броненосного крейсера будет во много зависеть от той нормы, которую примут для броненосца.

При 12-дюйм калибре броненосцев, броненосные крейсера, вероятно, будут 2-х родов: с 10-дюйм. артиллерией и 8-дюйм. Первые будут представлять только разновидность броненосцев, имея ход на 3-4 узла больше броненосцев, а броню дюйма на 3 тоньше. Снабжение их снарядами должно в той же мере, как и у броненосцев, состоять из бронебойных и фугасных, приблизительно 1/3 - 1/4 бронебойных.

Их назначение - быть подвижной силой в эскадренном бою и наносить быстро удары по обнаружившимся слабым пунктам противника. Вместе с броненосцами они составляют главные силы, вместе с ними могут рисковать на сближение с противником. Вооружение приблизительно 10 - 12 дюйм. Скорость хода 22 узла. Водоизм., вероятно, около 18000 т. Броня 7-8 дюйм. Крейсера с 8-дюйм. артиллерией могут быть разных величин, смотря по их назначению: с 6, 8, 10 и 12 орудиями.

Крейсера этого типа несут все роды крейсерской службы; разведчики, стационары, каперы, охрана главных сил от минных атак, флагманские суда, посыльные, репетиционные крейсера и т.д.

Крейсера с 1 - (?²⁵) 8-дюйм. орудиями должны строиться в помощь броненосцам для первой стадии боя. 8-дюйм. орудия обладают большой скорострельностью и значительной разрушительностью, поэтому в действии фугасными снарядами такие крейсера окажут громадную помощь броненосцам. В известных случаях эти крейсера будут открывать бой с большой дистанции. Дальнбойность 8-дюйм. позволяет стрелять почти на 100 кб. Элементы этих судов должны быть скомбинированы следующим образом. Крейсера обладают ходом на 2-3 узла выше, чем общепринятые броненосные крейсера данного времени, т.е. 24-25 узлов. Они не сходятся с неприятелем ближе, чем на 50-45 кб. Действуют исключительно фугасными снарядами, развивают полную скорострельность, найдя расстояние. Считая, что неприятель не подойдет ближе, чем на 40 кб. можно дать им бронирование по 5 дюйм. от носа до кормы, и второй - смотря по возможности - 3-4 дюйм. Нос забронирован доверху, чтобы сохранить ход после боя. У (тех крей-

²⁴ Пропущено, вероятно здесь д.б. - «броненосцев»

²⁵ Пропущено

серов водоизмещение должно быть?²⁶) около 13500 т. Крейсера этого типа при известных обстоятельствах могут вступать в эскадренный бой с крейсерами противника. Для окончательной стадии такого боя их надо обеспечить запасом бронебойных снарядов хотя бы 15% от общего количества. Крейсера этого же типа с артиллерией 4-6 8-дюйм. орудий и более сильным бронированием – служат флагманскими судами, которые не находятся в линии боя, а со стороны противоположной неприятелю.

Крепления брони против действия фугасных снарядов должны быть изменены. Их надо значительно усилить. Они до сих пор рассчитывались на бронебойные снаряды, которые затрачивают только часть живой силы на сотрясение и сдвиг плиты. Между тем фугасный, разбиваясь о броню, отдает на это всю живую силу, да еще, по крайней мере, половину страшной энергии взрыва, которая распределяется на большую поверхность плиты. Необходимо особенно крепить плиты по кромкам, так как плита при ударе снаряда вращается на оси, перпендикулярной к линии, соединяющей центр тяжести плиты с точкой попадания снарядов. Получается вращающий момент, плечо которого тем больше, чем ближе к кромке плиты попадание.

Место рисунка 1.

(²⁷)

Может быть будет наилучшим соединять соседние плиты замком, чтобы и их привлечь на помощь к той плите, в которую попал снаряд.

Место рисунка 2.

(?)

Кроме того, стойки и крепления также надо сосредотачивать против кромок плит.

Место рисунка 3.

(?)

Может быть, вообще понадобится усилить набор позади брони. (?)²⁸

Плиты брони теперь держатся только на резьбе болтов. Резьба годится как крепление только при спокойных нагрузках и совсем не годится при ударах, когда от сооружения требуется «живое сопротивление». Если расчет болта делается так, чтобы сопротивление резьбы на срез не уступало прочности болта на разрыв, то это справедливо только при спокойных нагрузках. При необходимости поглотить живую силу удара сооружение распределяет ее не пропорционально по сечениям, и слабыми частями будут всегда те, масса которых не велика в сравнении с остальным креплением. Резьба при ударе всегда скорее срежется, чем порвется болт, хотя бы по расчету на спокойную нагрузку она была в несколько раз крепче болта. При ударе снаряда кромка плиты противоположная точке попадания отстает от рубашки, а потому болт на ней работает на растяжение, а не на сжатие, как на стороне удара.

Место рисунка 4.

(?)

Расположение бронирования на современных броненосцах, в общем, делается согласно требованиям, существующим в бою.

Необходимо иметь хорошую защиту по (бортам?²⁹) от штевня до штевня. Всего лучше расположение брони на существующих судах – это по типу французских броненосцев (?³⁰) или нашем

²⁶ Вероятно, пропущено название класса кораблей и их водоизмещение; возможно д.б. - «этих крейсеров водоизмещение»

²⁷ В машинописном тексте оставлены места для рисунков, но, к сожалению, рисунки в экземпляре, с которого производился набор, отсутствуют.

²⁸ Так в исходном тексте.

²⁹ Пропущено. Вероятно д.б. – «бортам»

³⁰ Пропущено. Очевидно, д.б. название корабля латиницей.

«Слава». 2 сплошных пояса по (бортам³¹) и 2 броневых палубы. Только нижний пояс должен подниматься над (водой³²) не на 1 ½ фут., как на «Славе» по проекту, а на 3 – 4 фут. Второй пояс должен иметь высоту 7 – 8 фут. Нижний пояс спускается под воду на 4 – 5 фут. Общая высота поясной защиты – 15 – 16 фут. Броня над водой возвышается на 11 фут.

Тогда на броневой палубе, перекрывающей верхний пояс, можно более или менее безопасно ставить орудия: на броненосцах – хотя бы 6-ти дюйм. для отражения атак.

Над вторым поясом идет 8 фут. легкого надводного борта, так что общая высота борта не более 19 – 20 фут., как на японских броненосцах, как на «Ретвизане». За легким бортом расположены все жилые помещения, офицерские и командные. На корме эта палуба срезана для того, чтобы поместить на юте кормовую 12-дюйм. башню.

Двенадцать 12-дюйм. орудий расположены в 6-ти башнях таким образом, чтобы иметь по носу огонь из 8-ми орудий, а с борту – 10 или 12. Для этого на носу и корме устанавливаются по 2 башни, одна над другой. В носу на протяжении до 1-й носовой башни бронируется тонкой броней и верхняя жилая палуба, как у последних французских броненосцев и брон. крейсерах.

Место рисунка 5.

(?)

При существовании 2-х сплошных броневых поясов необходимо делать надежную палубу, их перекрывающую. Значение нижней палубы при этой системе бронирования сильно уменьшается. Нет нужды совершенно устраивать скосы броневой палубы, которые бесполезно отнимают массу места. Можно устраивать по французской системе нижнюю отражат. палубу 1 дюйм.

Легкий борт при возможности надо обращать в тонкое бронирование (1 – 2 дюйм.), чтобы предохранять себя от больших пробоин фугасными снарядами.

Нижний пояс брони выступает на 3 – 4 фут. за верхний, образуя вдоль борта своего рода карниз. Его назначение разнообразное: служить как бы боковым надводным килем и погашать качку, которая может быть стремительной при большой начальной метацентрической высоте около 10 – 12 фут. На этом карнизе помещаются все выступающие части на корпусе: обухи, стрелы, сет. загр., мамеринцы, трапы и т. д., нижний пояс чист от них.

Он очень удобен для всяких работ на борту, в том числе и для заделки пробоин как в верхнем броневом, более тонком поясе, так и в легком надводном борту. По карнизу может быть устроен леер для зацепки пластырей или башмаки для упор.

Место рисунка 6.

*В исходном тексте имеется надпись:
(«Здесь страница занята чертежом:
«Расположение 12-дюйм. орудий» -
начертано судно»). А. Н.*

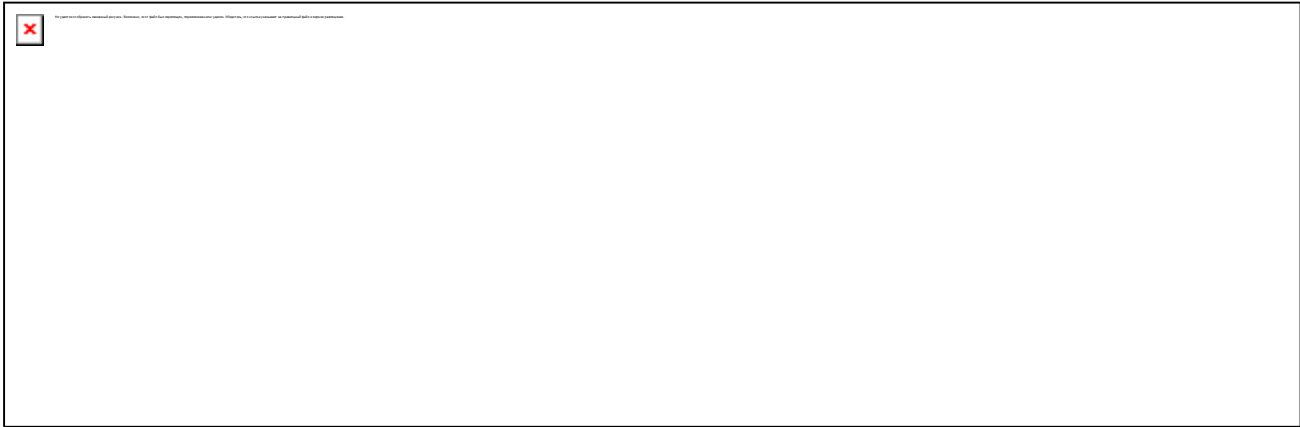
(?)

Легкий борт хорошо бы делать двойным. На расстоянии хотя бы 10 фут. от борта должна идти непроницаемая переборка параллельно борту. Такая переборка может служить хотя бы внутренней переборкой кают. Двери в ней должны быть непроницаемыми.

Сама верхняя жилая палуба, так же как и ниже лежащие палубы, должна быть разделена на 5 – 6 частей непроницаемыми переборками поперек судна. Если легкий борт будет двойной, то все сильно взрывающиеся снаряды взорвутся у наружного борта, а внутренний останется или неповрежденным или же получит небольшие повреждения, которые легко будут исправлены, так как работать у внутренних переборок можно будет с 2-х сторон.

³¹ Пропущено. Вероятно д.б. – «бортам»

³² Пропущено. Вероятно д.б. – «водой»

Чертеж верхнего вида эск. броненосца «Орел» времени его постройки.

Возможно, рис. 6 имел похожий или близкий к данному вид.

Предположительно, в правом нижнем углу чертежа верхней стоит подпись корабельного инженера Яковлева, строителя корабля. (Стр. 48)

Если нар. борт толщиной 1 дюйм, то внутренний достаточно 3/8 дюйма. На «Орле» в известной мере такой внутренней защитой служили каютные легкие переборки около 1/8 дюйм. толщ.

Кочные сетки по спардеку на «Орле» уловили много снарядов, которые разорвались у них, снаружи, а не разрушая спардек и камбузы, которые за прикрытием кочных сеток остались целыми. Также по этим причинам остались целыми и основания дымовых труб.

Японские снаряды по своей способности взрываться разделялись на 2 части: одни рвались при первом прикосновении, давая густой черный дым, разлетаясь в мельчайшие осколки, но не всегда вызывая пожары даже в присутствии горючих материалов. Рвались при ударе о воду, встречая снасти. Употреблялись японцами для пристрелок (6-дюйм. калибр.) и для действия по небронированному легкому борту. От таких снарядов получил свои большие наружные пробоины броненосец «Ослябя». С «Орла» было видно как от взрывов таких снарядов у (?³³) «Осляби» поднимались столбы черного дыма.

Почти все 12-дюйм. снаряды взорвались при первом прикосновении. Только 3 из них взорвались при ударе о палубу, предварительно пробив обшивку.

Значительное количество 6-дюйм. снарядов взорвались внутри судна, пробив обшивку, и почти всюду ими были произведены пожары. Они при взрыве давали ярко-желтое пламя и вызывали страшный подъем температуры, благодаря чему вспыхивало все, что могло гореть. Взрывались эти снаряды почти сейчас же за пробитием борта.

Военные суда должны обезопасить себя от пожаров, во что бы то ни стало. В этом отношении многое требует радикального изменения в наших порядках и системе постройки.

Особенно хорошим материалом для пожаров сейчас служат катера и шлюпки, дерево в верхних рубках, хозяйство на рострах, койки, пластыря, швартовы, перлиня, вьюшки с разным пеньковым тросом, шланги, изоляции паровых труб, обрешетники в кочных сетках, деревянная настилка палуб, мебель, ковры, линолеум, краска, обвесы кочных сеток, чехлы, провода, каютная утварь и т.д., направляющие элеваторов.

Вред пожаров очень большой. Во время тушения их гибнет значительная часть личного состава. Пожары выводят из строя орудия, часто башни и выходят из действия благодаря дыму. Пожары вызывают взрывы своих патронов и снарядов, разобьют части корабля («Суворов»), легко могут быть переброшены в низы разными путями. Дым с верхов, с ростр, например, попадая в кочегарки, машины, погреба, операционный пункт и т.д. может прекращать работу механизмов, удушать людей, приводить в замешательство, вызывая мысль, что пожар внизу, в погребах. Так было на «Орле», из-за чего чуть было не затопили 6-дюйм. правую среднюю башню. Сильные пожары переходят на палубную настилку, и тогда броненосец превращается в плавающую жаровню («Суворов»). Такой пожар уже не затушить. Надо выходить из строя. Пожары у боевой рубки могут выгнать оттуда личный состав, управляющий кораблем. Вокруг рубки и близко ничего не должно быть горючего. От пожаров раскалется броня, например, башен, так, что из них приходится уходить. Дым от пожаров стелется по кораблю и застилает прицелы орудий, не давая стрелять, мешает определять расстояния. Пожары на передних кораблях мешают стрелять задним, когда дым сносит в сторону неприятеля. В туманную погоду, в дыму, в

³³ Пропущено.

сумерках языки пламени могут служить указанием для прицеливания неприятелю («Орел»). Пожары могут уничтожить многие приборы, проводку, переговорные трубы, шланги.

При заливании пожаров льют воду без зазрения совести, и большая часть ее скопится по палубам, уменьшая остойчивость и увеличивая крен на циркуляциях и при пробоях.

На «Орле» для предохранения от возгорания настилки спардека все пожарные рожки наверху были открыты, и вода лилась непрерывно. Потом, когда спардек был избит снарядами и осколками, вода, вместо того, чтобы сбегать за борт, сливалась в низлежащие палубы через пробоины. От пожаров переборки и палубы могут так накалиться, что деформируются или прогнутся.

На «Орле» особенно сильно горели все швартовы и перлиня, койки, пластыря, все под мостиками, затем катера, адмиральское помещение. Всякая материя, особенно изоляция паровых труб, горит с таким смрадным дымом, что выносить при тушении пожаров этот дым почти невозможно. Люди угорают. Кроме того их трудно тушить. Они через некоторое время разгораются снова. Перлиня (пеньковые) и койки для искусственных защит не годятся именно из-за их возгораемости. Угольная защита оказалась хорошей. В 3-х местах батар. палубе были попадания снарядов в помещения заполненные углем, но пожаров от этого не произошло.

Лучше всего тросовые защиты от осколков. Уголь взрывом фугасного снаряда сильно разбрасывает

Японские фугасные снаряды 6-ти и 8-ми дюйм. не давали крупных осколков, а рвались почти в пыль. Поэтому их вред ограничивался только разрушениями, произведенными только в месте взрыва. Почти все осколки от них задерживались даже тонкими каютными переборками.

12-дюйм. снаряды часто давали очень крупные осколки. Некоторые из них пробивали броню палубы в 1 1/16 дюйм. В батарее оказался осколок около 2 пудов весом.

Мелкие осколки, однако, также оказали свое действие. Они проникали во все отверстия. Японские снаряды не пробивали брони, но осколки от их фугасных снарядов проникали в боевую рубку через просвет, залетали во все башни, через амбразуры, прорези колпаков, горловинки для выбрасывания гильз, влетали в большом количестве в полупортики, засоряли даже дула орудий.

Благодаря этим осколкам на «Орле» были случаи воспламенения 6-дюйм патронов в 2-х правых 6-дюйм. башнях, носовой и средней. При этих пожарах в башнях пострадали ужасно все люди в них и выгорела электрическая проводка. Испорчены были оптические прицелы. С левого борта в два 6-дюйм. орудия в дула попали мелкие осколки, которые были не замечены при зарядке. В носовой башне, 6 дюйм. левой, от этого треснуло одно орудие при выстреле, в кормовой 6-дюйм. орудие было заряжено сегментным снарядом. В казенной части орудия оказался осколок. Снаряд не дошел до места, так что нельзя было затворить затвор. Орудие не могло быть разряжено и вышло из строя.

В левой средней башне осколками 12-дюйм. снаряда расшибло командирский колпак 2-дюйм. толщины. Осколки влетели внутрь через горловину для выбрасывания гильз и расшибли кронштейн механизма для открывания двери. 3 человека в башне были ранены, один смертельно.

В левой кормовой (башне) ³⁴ был пробит навывлет колпак башенного командира толщ. 1/2 дюйм. Осколок был от 12-дюйм. снаряда, разорвавшегося рядом с башней в коечных сетках. Оба орудия в дульных частях были изгрызены осколками на глубину около 1 дюйм. Командиры левой носовой 6-дюйм. и кормовой 12-дюйм. (башен) ³⁵ были ранены осколками в лицо через прорези колпаков при разрыве 6-дюйм. снарядов на крыше башни.

Командир правой кормовой 6-дюйм. (башни) ³⁶ был ранен осколком в ногу. Осколок, видимо, влетел в амбразуру.

В 12-дюйм. башне был убит один комендор и двое ранено при разрыве на крыше башни другого 6-дюйм. снаряда. Осколки влетели через большую прорезь колпака над оптическим прицелом.

В правой средней башне 6 дюйм. был ранен один комендор осколками барказа при разрыве в нем 6-дюйм. снаряда. Щепки влетели через горловинку для выбрасывания гильз. Таким образом пострадало очень значительное число башенной прислуги, хотя башни были наиболее полно защищенными помещениями. Это происходило главным образом от свойства японских снарядов рваться на мелкие куски и от пренебрежения в конструкции наших башен к мелким отверстиям. Японские снаряды, рвавшиеся об воду вблизи судна, обдавали его градом осколков, которые

³⁴ Пропущено, вероятно, д.б. «башне».

³⁵ Пропущено, вероятно, д.б. «башен».

³⁶ Пропущено, вероятно, д.б. «башни».

изрешетили весь борт, не защищенный броней. Особенно была избита осколками носовая часть судна. Многие из них залетали в боевую рубку, перерубали снасти и осыпали дождем палубы, которые были избиты осколками еще сильнее, чем борт.

Наши башенные установки во многом оказались непрактичными, особенно при японских фугасных снарядах большой взрывчатой силы. Самый существенный недостаток – устройство мамеринцев башен. Даже 6-дюйм. фугасный снаряд, оборвав их и скрутив, лишает башню горизонтального наведения.

На «Орле» такого рода повреждения были получены 3-мя 6-дюйм. башнями. Зазор между вращающейся и не вращающейся частями башни – ее самое опасное и слабое место в смысле уязвимости, и совсем не пристало удесятерять опасность застопоривания башни, устраивая по кромкам еще добавочные легкие части из-за совсем побочных целей: будто бы для предохранения от попадания воды в дурную погоду.

Мамеринец был оборван и скручен у правой средней 6-дюйм. башни. Башня перестала вращаться.

У правой кормовой 6-дюйм. – также были спереди оборваны мамеринцы, как вращающейся, так и неподвижной частей, и скручены в общий узел. Кроме того, от разрыва 12-дюйм. снарядов спереди башни выпучило настилку спардека и клочки ее загнуло под дно башни и в мамеринец.

Одна из отошедших броневых плит от защиты подачи покосилась и углом уперлась в дно башни. Башня была заклинена в травезном положении, хотя еще могла действовать вручную. Во время боя она временно лишилась горизонтального наведения благодаря попаданию 6-дюйм. снаряда через левый борт сзади в броню вращающейся части, причем один большой осколок застрял в мамеринце. Башня застопорилась. Прислуга башни вышла наружу и, найдя причину, вышибла осколок ломами.

Левая носовая 6-дюйм. (башня) была совсем разбита благодаря разрыву 12-дюйм. снаряда под основанием башни. Мамеринец завязало узлом. Газы с такой силой ударили в дно башни с левой стороны, что вмяли катки с правой, и башня совершенно перекосилась.

Дно наших башен значительно выступает за неподвижную броню защиты подачи, а потому представляет очевидную опасность перекашивания башен при разрыве снарядов под дном башни. Кроме того у нас 12-дюйм. башни и 6-дюйм. на спардеке имели зазор между легкой небронированной палубой и дном башни немного больше 1 фут. Это крайне опасно при разрывах снарядов палубой ниже под башней, когда легко может разорвать или выпучить легкую палубу снизу вверх.

Наши 12-дюйм. башни не имели подобных повреждений только потому, что в них не попали таким образом японские снаряды. выход из строя 6-дюйм. башен вполне показывает, что было возможно и с 12-дюйм. В бою на большой дистанции 30-40 кб. значительно увеличиваются шансы попадания снарядов в крыши башен, так как снаряды падают более навесно. Между тем толщины наших башенных крыш крайне недостаточны: 6-дюйм. – 1 ½ дюйм. и 12-дюйм. – 2 ½ дюйм. На крышу кормовой 12-дюйм. башни попало 3 снаряда, один из них видимо 8-дюйм. калибра, т.к. ударив над амбразурой левого орудия, согнул амбразурную раму и вдавил значительно крышу. Была вдавлена внутрь крыша кормовой 6-дюйм. левой башни.

На крышу левой нос. 6-дюйм. попало два 6-дюйм. снаряда. Крыша была вогнута внутрь. Если бы японцы употребляли бронебойные снаряды, то по всей вероятности крыши были бы пробиты.

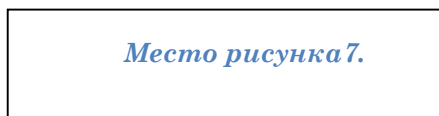
На «Суворове» крыша 12-дюйм. кормовой башни была сорвана совсем и сброшена на ют. Произошел ли взрыв внутри башни или влетел снаряд большого калибра в амбразуру и взорвался внутри – осталось неизвестным. На «Бородино» снаряд большого калибра попал в колпак башенного командира носовой 12-дюйм. башни и счистил его, оторвав также голову командира башни. На «Нахимове» 2 снаряда влетели в амбразуру 8-дюйм. левой средней башни и вывели из строя всю прислугу и оба орудия. После артиллерийского боя в уцелевших башнях осталось очень мало снарядов, так как они их расстреляли за 5 ½ часов боя и во время ночных отражений атак. Между тем некоторые башни вышли из строя, сделав очень небольшое число выстрелов. Их погреба оставались почти полными, но пользоваться ими было невозможно, так как пришлось бы перегружать через батарейную палубу, для чего надо было бы много времени и людей. В том положении, в каком был после боя «Орел», было не того, чтобы заниматься перегрузкой. Между тем наши 6-дюйм. башни разделялись на 3 самостоятельные группы. Ничего не стоило устроить хотя бы задраивающуюся дверь или горловину в продольной переборке между погребами 2-х башен одной группы. Тогда хоть до некоторой степени можно было бы исправить это неудобство, ничем не вредя кораблю. Башни обращены по большей части к неприятелю орудиями. Поэтому естественно было бы стремиться защитить надежнее переднюю часть башни, утолщая несколько броню, уменьшая амбразуры и избегая стыков броневых плит спереди башни. Выбрасывание

6-дюйм. гильз прямо на крышу через горловинки башен – самый примитивный способ их удаления.

6-дюйм. средняя левая башня сделала очень большое число выстрелов и к вечеру 14-го оказалась почти погребенной под гильзами. Они завалили крышу настолько, что погребли башенные колпаки, и приходилось следить за попаданиями спереди через амбразуры. Снаряды, попадавшие в эту башню, разметали эти гильзы частью по срезу, частью под башню. Медные осколки от гильз часто потом залетали в башню через разные отверстия.

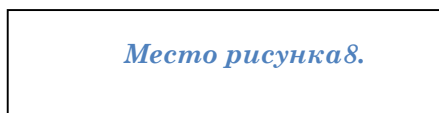
Горловинки для выбрасывания гильз, сделанные на крышах, устроены глупейшим образом. Они закрываются снизу, а сверху держит их только небольшой рычажок. Сбить его и сорвать крышку горловинки может один хороший осколок. Способ закрывания очень долгий. Поэтому в самый горячий момент боя, чтобы не задерживаться с отдраиваниями и задраиваниями, приходится их держать открытыми совсем. Почти не было башни, в которую не залетели осколки через эти горловинки. Они же были виновницами пожаров в носовой и средних башнях правого борта.

Нельзя ни под каким видом держать патроны внутри башен «в кранцах» для первых выстрелов и минных атак.

(?)

Форма башен, принятая в японском флоте и в американском, удовлетворяет большинству боевых требований, по крайней мере, их 12-дюйм. башни. и 8-дюйм. башни броненосных крейсеров, кроме «(?)» и «(?)»³⁷ по своей форме подобны нашим. По всему вероятно, на новых судах 8-дюйм. установки будут в японском флоте одинакового типа с 12-дюйм.

(?)

По-видимому, у японцев имеются внутри 12-дюйм. башен щиты на орудиях для прикрытия амбразур от осколков. Такие щиты можно устроить так, что они будут участвовать в вертикальном движении орудий при вертикальной наводке, но не будут увлекаться орудиями при отдаче.

В наших башнях после 10 – 15 выстрелов уже скопится столько дыму и газов, что значительно затрудняется работа орудийной прислуги. Когда после выстрела открывается затвор орудия для нового заряжения, то газы, оставшиеся в дуле после выстрела, попадают в башню.

Между тем в американском флоте орудие после каждого выстрела сообщается на несколько мгновений с воздушным компрессором, где давление воздуха доходит до 100 атмосфер. прежде чем дуло орудия не прочищено от газов, затвор не может быть открыт. Кроме того, для того, чтобы очистить самое помещение башни от дыма и газов, если бы такие попали в башню, достаточно открыть компрессор прямо в башне. Он моментально выгонит весь дым наружу через амбразуры.

Наши прицелы крайне неудовлетворительны. Они требуют много свету, чтобы хорошо можно было различить неприятельское судно. Поэтому в туманные дни, или когда цель застлана дымом, они неудовлетворительны. Кроме того приходится смотреть сквозь ничтожную дырочку в диафрагме, отчего глаз устает, а также все-таки есть возможность известных колебаний при наводке в стороны и вверх, и вниз. Крепления прицелов и механизм их передвижения очень хрупки, так что после известного числа выстрелов, почти наверное, у всех орудий сдвинулись прицельные линии. Даже температурные колебания отражались несколько на правильности прицельных линий. На походе их проверяли несколько раз и всегда оказывались недочеты.

Американцы употребляют для прицеливания очень сильные и большие телескопы. Они имеют по 4 стекла и призму внутри, так что отверстие стекла имеет $d = \frac{3}{4}$ дюйм., в которое очень легко смотреть, и передвижение глаза не влияет на передвижение прицельной линии. Их телескопы 30-сильные.

Ввиду того, что в бою башни могут остаться без руководства из боевой рубки, каждую башню и батарею надо обеспечить дальномером. Если принять дальномер системы Бара-Струда, то базой для него можно взять расстояние между башенными колпаками и находить цель наводкой самой башни.

³⁷ Пропущено. Вероятно здесь д.б. имена кораблей, написанные латиницей.

Устройство мамеринцев башен в настоящее время не предохраняет также и от попадания воды через зазор между вращающейся и неподвижной частями. При скачивании палуб, когда струю воды направляли под самый мамеринц, то вода, действуя с большим напором, забивалась внутрь. То же происходило и в свежую погоду, когда волна вкатывала на ют и срезы. Тогда башня при крупной волне уходила под воду почти по крышу, а вода через мамеринцы хлестала вниз.

Кроме того у кормовой 12-дюйм. башни на юте не было обделочного угольника по броне, и вода через зазор между настилкой палубы и броней в большом количестве попадала в бат.³⁸ палубу. Пришлось к мамеринцам еще делать обвесы из просмоленной парусины и затягивать их стальным тросом. Собственно это и должно быть постоянным устройством, а мамеринцы должны быть совсем уничтожены. Между прочим, на 6-дюйм. башнях обвесы нельзя было притянуть вплотную к неподвижной броне, т.к. она снаружи было обделана тонкой листовой сталью с ребрами из угольников.

Место рисунка 9.

(?)

Полупортики 75 мм орудий почти уничтожали значение 3-дюйм. брони казематов и батареи. Благодаря тому, что орудия были установлены далеко от борта, а броня была совершенно прямая, без выкружек, порта получились непомерных размеров, особенно в кормовом каземате. В результате из двадцати 75 мм орудий, защищенных 3-дюйм. броней, которой никакие японские снаряды не пробивали, вышло из строя десять. Столько же было выбито и 47 мм, стоявших просто на мостиках без прикрытий.

В носовом каземате вышли из строя все 4 орудия. В него попало 4 или 5 снарядов 8 и 12-дюйм. калибра, из них – 3 в полупортики левого борта, а 1 или 2 – по броне выше полупортиков. С правого борта в носовом каземате орудия были выведены осколками, рикошетиравшими левого борта через дверь продольной переборки каземата. Переборка же не была пробита.

В кормовой каземат с правого борта в передний полупортик попало 2 снаряда, видимо, 6 и 8-дюйм., оба орудия выведены из строя, одно выбито из цапф.

С левого борта попало 4-5 снарядов, из них 3 – 8-дюйм. Один 8-дюйм. влетел в полупортик и выбил из цапф переднее орудие, другое орудие также повреждено, прислуга вся выведена из строя. Остальные снаряды попали по броне и вреда не причинили.

Полупортики казематов улавливали невероятное количество осколков от снарядов, рвавшихся вблизи о воду. От этих осколков страдала прислуга, орудия и были случаи взрыва своих патронов. Командиры носового и кормового казематов были убиты, других убитых офицеров на броненосце не было. Смертельно ранен командир и 2-ой артил. командир батареи был ранен. Из 12 орудий батареи вышло из строя только 2, но не потому, чтобы они были хорошо защищены, а только потому, что по какой-то случайности в батарею попал всего один 6-дюйм. снаряд, в броню между 2-м и 3-м полупортиком левого борта. Осколки скользнули по борту, влетели в батарею через полупортик, вывели из строя орудие, ранили командира батареи и убили одного комендора. Другое орудие, носовое левое, было выведено осколками 12-дюйм. снаряда, пробившего броневую палубу над ним. Снаряд разорвался под дном 6-дюйм. левой носовой башни. Через полупортики залетало в батарею много осколков. Некоторые попадали в беседки с патронами, но последние не взрывались. Только раз взорвался один патрон и раскидал целую беседку, расчепив гильзы, но не воспламенив.

Из других недостатков наших башенных установок надо отметить близость всех 6-дюйм. башен к легкому борту или надстройками на спардеке, благодаря чему есть опасность, что разрыв фугасного снаряда, разворотив легкую обшивку, выведет башню из строя, или заклинив ее, или загородив место для ее вращения. На «Орле» был только один случай этого рода – с левой средней 6-дюйм. башней., 12-дюйм. снаряд ударил в вертикальную броню стола башни под большим углом и, отрекоштитировав в борт, разорвался позади башни в выкружке, причем отвернул и загнул один лист обшивки наружу так, что башня не могла поворачиваться в корму от траверза.

Место рисунка 10.

(?)

Подобные случаи могли бы свободно иметь место и у носовых и кормовых 6-дюйм. башен, где рядом с ними находились легкие надстройки. Кормовая 12-дюйм. башня в диаметральной

³⁸ батарейную

плоскости своим хвостом крайне близко подходила к тонкой обшивке адмиральской столовой, а ее броневая дверь проходила всего с зазором 4 – 5 дюйм. от выкружки, сделанной для ее прохода в коечных сетках.

Место рисунка 11.

(?)

На «Суворове» и «Александре» 6-дюйм. башни, стоявшие на спардеке, были окружены с борта выкружкой наподобие фальш-борта. Это было наиболее опасное устройство, т.к. оно было спереди башни.

Место рисунка 12.

(?)

Кормовая 12-дюйм. башня выходила на время из строя вследствие пожара в адмиральском помещении, откуда тащило густой дым на ют. Дым проник в башню и выгнал людей.

Правая кормовая 6-дюйм. башня своим основанием на верхней палубе оказалась окруженная костром в адмиральской столовой. Постепенно броня, защищавшая подачу, накалилась. Впрочем, башня эта вышла из строя, будучи заклинена в мамеринце. Ее броня вращающейся части нагрелась очень сильно во время пожаров на шканцах вокруг башни. В эту башню правого борта был случай попадания 6-дюйм. снаряда через левый борт в дверь башни. Дверь и башня выдержали разрыв снаряда. Бронировать башню надо толще всего спереди, бока можно делать тоньше дюйма на 2, ибо если в них и бывают попадания снарядов, то под большим углом. Зад башни более подвержен попаданиям, чем бока.

Крыши башен в настоящее время являются их слабым местом. Крышу 6-дюйм. башни вгнет взрыв 6-дюйм. фугасного снаряда, крышу 12-дюйм. башни – 8-дюйм. Если будет изменена форма башен и приняты барбетные³⁹ установки, то крыши 12-дюйм. башен надо довести до 4-дюйм.

Амбразуры, будучи расположены с передней стороны башен, представляют большую опасность. При их больших размерах в них могут залетать даже большие целые снаряды. При разрыве фугасных снарядов рядом с амбразурами в башню врываются газы от взрыва, влетают осколки, которые могут воспламенить свои же патроны или заряды, хотя бы во время заряжания орудий. Надо непременно устраивать прикрытия амбразур. Американцы разрешили этот вопрос идеально в своих новых башнях броненосцев типа «(?⁴⁰)». Амбразуры сделаны прямоугольными и гораздо большего размера, чем обыкновенно. Щит, прикрывающий амбразуру, 7 или 8 дюйм. толщиной, качается на цапфах орудия, будучи соединен трубой, сквозь которую проходит само орудие. Труба или цилиндр сделаны наподобие дейдвудного вала с медными кольцами внутри. Орудие может скользить в трубе при отдаче и увлекает ее, поворачивая на цапфах при вертикальном наведении. С этой же трубой соединены воздушные компрессора, которые сообщаются с дулом орудия после каждого выстрела и очищают его от газов.

Место рисунка 13.

(?)

Место рисунка 14.

(?)

Колпаки башенных командиров 12-дюйм. башен у нас сделаны ½-дюйм. толщины, а комендорские колпаки – 2-дюйм., на том основании, что прикрываются приборы, а не люди. В комендорских колпаках находятся оптические приборы, которые одни будто бы и заслуживают прикрытия. В бою офицеры и командир, а также личный состав, как комендоры и трюмные, рулевые и сигнальщики не менее важны, чем те приборы, которым они дают смысл, и заслуживают к себе полного внимания. На «Орле» один колпак был пробит навывлет осколком 12-дюйм. снаряда (на 6-дюйм. левой кормовой ½ дюйм. толщ.). На носовой 12-дюйм. башне «Бородино»

³⁹ Барбет - цилиндрический бронированный стакан, который служит основанием для вращающейся части артиллерийской башни и защищает подпалубную часть башни от попадания артиллерийских снарядов

⁴⁰ Пропущено. Вероятно здесь д.б. название корабля латиницей.

колпак баш. командира был взрывом снаряда рядом с ним сорван совсем с головой офицера. На средней 6-дюйм. башне левого борта «Орла» от удара осколком 12-дюйм. снаряда треснул комендорский колпак 2 дюйм., но уцелел. На левой носовой 6-дюйм. башне колпак был обмотан 3-дюйм. стальным тросом для защиты от осколков. Осколок 6-дюйм. снаряда, разорвавшегося на крыше, рассек трос, но не пробил колпака. Другой 6-дюйм. снаряд ранил маленьким осколком башенного командира в глаз через прорезь колпака. Впоследствии, когда от разрыва 12-дюйм. снаряда под дном башни крыша отделилась от брони, то колпак сорвался с крыши.

Командир 12-дюйм. кормовой башни был ранен осколком в глаз через просвет колпака при разрыве 6-дюйм. снаряда на крыше. Возможно, что это был не осколок, а кусочек краски или шпаклевки, оторвавшейся от стенки колпака при ударе. Командир левой кормовой 6-дюйм. получил контузию головы, ударившись о стену колпака при взрыве 12-дюйм. снаряда близ башни. В кормовую 12-дюйм. башню влетели осколки через правый комендорский колпак, причем снесли комендору полчерепа и ранили в башне 3-х. Просветы (вырезы) комендорских колпаков непомерно велики, что не вызывается даже потребностями оптического прицела, у американцев же колпаки имеют узкую крестообразную прорезь. Сообразно с этим, вероятно, сделано и подъемное устройство.

Место рисунка 15.

(?)

Колпаки надо делать 2-2 ½ дюйм. толщиной с минимальными прорезями и щитками для их прикрытия, когда в них нет нужды. Хорошо бы делать мягкую внутреннюю обивку и избегать острых кромок. Но, во всяком случае, не употреблять внутри колпака шпаклевок и масляных красок.

Может быть, можно было бы устроить переломленный ход световых лучей при помощи принципа камера-обскура, чтобы не было нужды башенному командиру смотреть простым глазом в прорези и помещать свою голову в колпак. При больших дистанциях офицеру приходится пользоваться биноклем, что тоже не совсем удобно внутри колпака.

Место рисунка 16.

(?)

В боевую рубку на «Орле» попало 5 или 6 снарядов, из них 2 снаряда не менее 8-дюйм. калибра, а 3 – 6-дюйм. Попало 3 снаряда с левого борта, один сперва спереди, один в стену рубки правого борта. Все находившиеся в рубке офицеры получили более или менее тяжелые раны, также и нижние чины, из которых 2 было убито. Из приборов в рубке выбыли: дальномер Бара-Струда, боевые указатели, минные прицелы, доска с переговорными трубами. Последняя была смята вброшенным внутрь рубки с правого борта козырьком. Кажется, был поврежден и Гейслеровский указатель. Остались: штурвал рулевого привода, избитый осколками, одна переговорная труба в центральный пост и, по-видимому, включатель электрического руля.

Два 6-дюйм. снаряда с левого борта попали в вертикальную броню рубки и, взорвавшись, рикошетировали в мостик, сделав в нем пробоины. Рубка испытала при этом сотрясения, но повреждений не получила. Осколки через просвет рубки не залетели, встретив, видимо, козырек. Но при разрыве снарядов вблизи, на мостиках, спардеке и башнях, осколки часто залетали в рубку, причем много осколков было сзади, которыми многие были ранены в спину. Один снаряд 6 или 8-дюйм. калибра рикошетировал от воды и медленно летел по направлению к рубке снизу. За ним наблюдали из рубки. Снаряд ударил слева в свес крыши против дальномера, взорвался, сбил дальномер, ранил дальномерного офицера и рассек свес крыши, причем кромки вогнул внутрь.

Место рисунка 17.

(?)

С правого борта 8-дюйм. снаряд ударил в вертикальную броню близ торца плиты, под козырек. Козырек был сорван со всех 20-ти гужонов и вброшен внутрь рубки, причем он был сильно изогнут, так, что его конец застрял между свесом крыши и броней, благодаря чему при полете внутрь рубки козырек не достал до людей, стоявших в это время слева и сзади, а смял только доску с переговорными трубами.

Место рисунка 18.

(?)

Снаряд большого калибра ударил в боевую рубку справа и спереди в броню, по-видимому, посредине плиты, но ближе к диаметральной плоскости. При этом плита одним концом вдавилась в рубку, а другим отошла наружу; обделочные угольники снаружи плиты были счищены, так что она ничем не поддерживалась и при следующем попадании хотя бы 6-дюйм. снаряда могла бы упасть наружу. Разрыв этого же снаряда уничтожил частью настилку мостика впереди боевой рубки.

Еще один 6-дюйм. снаряд пробил с левого борта ходовую рубку, стоявшую над боевой, и разорвался ударив в настилку мостика. Разрыв пришелся над крышей рубки. Крыша выдержала разрыв снаряда благополучно. На «Орле» из носовых рубок: штурманской, командирской и ходовой было выломано дерево, так что во время боя на носовых мостиках больших пожаров не было. Койки спереди рубки были убраны, но по предложению минного офицера под свес крыши подвязали койки, чтобы улавливать осколки, рикошетирующие от козырька. В бою эти койки загорелись, как только в них попало несколько осколков. Пришлось их отвязывать во время боя и выкидывать из рубки. Дым от них был очень едкий и душил всех находившихся в рубке. На «Бородино» же обложили рубку койками снаружи по броне, вероятно, чтобы задерживать осколки. В самом начале боя «Бородино» вышло из строя, и было видно, как его боевая рубка стояла как в костре.

Место рисунка 20.

(?)

На «Орле» сзади боевой рубки между фок-мачтой и элеваторами 47 мм патронов в прикрытом уголку были сложены 2 бухты переговорных шлангов, чтобы устроить летучую проводку, если переговорные трубы будут перебиты. Там же было сложено с десятков ящиков с патронами 47 мм, чтобы ими пользоваться в случае порчи элеваторов. Однако во время боя около 4 дня там произошел пожар, шланги загорелись, ящики с патронами начали взрываться, а удушливый дым повалил в рубку, где в это время уже остались только рулевой, барабанщик, старший офицер и старший артиллерист, раненый в живот. Барабанщик и старший офицер должны были вдвоем поспешить на пожар. Пришлось руками вытаскивать горящие шланги и рванувшиеся ящики и выкидывать их за борт. В это же время загорелись коечные защиты прожекторов на верхнем мостике, защиты дальномерных колонок на нижнем и пластыря, швартовы и перлиня под нижним носовым мостиком, под боевой рубкой. Так как пожарный дивизион был занят тушением больших пожаров в корме, на шканцах, в командирском и адмиральском помещениях, то пришлось проиграть минную атаку и вызвать для тушения прислугу мелкой артиллерии. Пластыря и швартовы, горевшие под мостиком, основательно подкуривали боевую рубку, видимо, они же нагрели настилку нижнего мостика, отчего стали взрываться ящики 47 мм патронов. Направляющие элеваторов 47 мм погребов также загорелись. Под нижний мостик выходила шахта свежего воздуха из 1-ой кочегарки. Смердный дым от горящей материи потащило вниз и на время выгнало прислугу первой кочегарки.

Место рисунка 21.

(?)

В бою трапы и (?⁴¹) были сбиты. (?⁴²) снесен с места взрывом снаряда в коечных сетках левого шкафута, (?⁴³) – завязан восьмеркой. Приходилось ходить из боевой рубки на ростры по трапику, а оттуда спускаться по трапу правого крыла среднего мостика, т.к. левый был исковеркан. На корму средний мостик был снесен. Путь через ростры был очень длинный и опасный, т.к. шел по самым опасным местам. Носить раненых через него было крайне трудно. Перед боем была на всякий случай прорублена горловина в нижнем носовом мостике между фок-мачтой и штур-

⁴¹ Пропущено

⁴² Пропущено

⁴³ Пропущено

манской рубкой. Через нее был спущен шторм-трап вниз и принайтовлен к поручням трапа, ведущего со спардека вниз, в верхнюю палубу. Получился довольно прямой ход из рубки в батареиную палубу по носовым трапам. В первый период боя им хорошо пользовались, но под конец обвалилась из-под мостика большая вьюшка с перлинем и закрыла совершенно прорезь трапа в спардеке.

Боевая рубка во время боя несколько раз заливалась водой при попаданиях 12-дюйм. снарядов в ватерлинию, когда поднимались столбы воды фут 45-50 высотой. Часто вода обрушилась на крышу носовой 12-дюйм. башни и крыши носовых 6-дюйм.

В начале боя в боевой рубке находились 15 человек офицеров и команды. Многие из находившихся не имели прямых обязанностей. Старший минный офицер должен был стоять у минных прицелов на случай минного боя. Конечно за весь бой такого случая не представилось. Ст. офицер должен был подменить командира. Там же били горнист и барабанщик, сигнальный старшина, дальномерщик, рулевые, гальванер, ординарцы у переговорной трубы. Вообще боевая рубка сосредоточивает слишком много функций в одном месте. Они с успехом могут быть разделены. Боевая рубка должна сохранить только механизмы для управления кораблем: рулевые приводы, машинный телеграф, сигнальную станцию, переговорные трубы. В рубке должны находиться только: командир, старший штурман и еще один офицер, 2 рулевых, сигнальщик и человек у машинного телеграфа.

Дальномерная и артиллерийская часть должны быть выделены в особую рубку. На кормовом мостике надо иметь прикрытую рубку для старшего офицера, которого прямая обязанность в бою – следить за состоянием корабля. Его ближайший помощник – трюмный механик.

Чтобы рубка была достаточно надежным прикрытием, она, прежде всего, должна быть абсолютно укрыта от осколков. Для этого необходимо изменить конструкцию крыши, форму прорезей и устройство входа в рубку. Чтобы рубка была прочной и не рассыпалась от попадания в нее крупного снаряда, надо устроить перевязку броневых плит друг с другом, крепить их кромки болтами к рубашке, как в башнях и связать их сверху крышей. Прорези же должны быть сделаны в самой толще брони вертикальной в виде бойниц. Дверь можно устраивать по способу башенной, с закрыванием при помощи механизма, или же прямо, с открыванием наружу.

Кроме того, необходимо иметь сообщение с центральным постом и с батареинной палубой внутри трубы для защиты приказаний. Так как рулевому неудобно было бы смотреть в амбразуры, стоя далеко от них, то для него на крыше рубки надо устроить броневой колпак с прорезью вперед, где должна помещаться его голова или же в колпаке установить оптический прибор с ходом лучей по принципу камера-обскура. Не лишне было бы иметь другой колпак с прибором для командира. Дно боевой рубки надо защитить от возможностей разрыва фугасного снаряда под ним.

Место рисунка22.

Вид спереди

Место рисунка23.

Сечение рубки горизонтальное

Место рисунка24.

Способ крепления

Если дверь рубки устраивать как в башнях, то она выдается снаружи и может быть снесена и испорчена взрывом большого фугасного снаряда сзади. Если дверь на петлях и входит внутрь на клин, то возможно, что при попадании фугасного или бронебойного снаряда рядом с дверью она или оторвется с петель, или вклинится в броню и не станет отворяться. Ввиду этого хорошо было бы устраивать дверь под одну поверхность с рубкой, но сдвижную вбок или вниз.

Место рисунка25.

(?)

В рубке придется иметь постоянное электрическое освещение вследствие малой величины пролетов.

Вокруг рубки и близко ничего горячего быть не должно.

Внутри рубки хорошо было бы иметь ставни для прикрытия амбразур, когда в них нет надобности. Хорошо бы иметь водопровод пресной воды.

Место рисунка 26.

Трюмная часть

Судовые системы: водоотливная, осушительная, перепускная, водопровод, затопление, выравнивания крена, воздушная.

Общий план всех судовых систем непосредственно зависит от принятого деления корабля на непроницаемые отсеки главными и вспомогательными переборками, а также палубами и платформами.

Деление корабля на отсеки, а отсеков на отделения, устройство клетчатого слоя в междудонных, бортовых и межпалубных пространствах (от нижней броневой до главной или батарейной пал.) имеют своим назначением обеспечить плавучесть и остойчивость корабля при подводных повреждениях, а, следовательно, и его непотопляемость. Система деления на отсеки и отделения, принятая на броненосцах типа «Бородино», проведена очень последовательно, причем требования непотопляемости выдвинуты на первое место и перед ними отступают на второй план другие соображения, как удобства размещения сообщений между помещениями или выгоды подачи и погрузки запасов, материалов, снарядов.

Главным принципом этой системы отсеков является неприкосновенность главных поперечных переборок, которые по возможности идут непрерывно от наружного дна вплоть до главной броневой палубы, прикрывающей сверху поясную броневую защиту. Число таких отсеков должно быть принято такое, чтобы затопление всяких 2-х смежных отсеков не было губительным для корабля, т.е. чтобы увеличение осадки и дифферента не дошло до такой величины, когда скрывается под воду одна из оконечностей судна.

Для устранения значительных кренов при подводных пробоях устроены главные продольные переборки. Исключение представляет только машинная переборка, делящая отсек главных механизмов; так как броненосцы типа «Бородино», имея всего 2 главных машины, для устранения крена не могут рисковать всеми средствами передвижения.

Для обеспечения остойчивости на случай пробоин у ватерлиний образован клетчатый слой между 2-мя броневыми палубами, имеющий по 2 продольных переборки параллельно обоим бортам и ряд поперечных. Все выходы из помещений, расположенных под нижней броневой палубой, выведены в непроницаемых шахтах сквозь этот слой на верхнюю броневую палубу; с нижней броневой не имеется ни одного схода вниз, все трапы ведут только на батарейную палубу.

Главные водонепроницаемые поперечные переборки на «Орле» приходятся на шпангоутах: 5, 13, 26, 32, 44, 47, 59, 71, 77, 87, 91. Из них только в переборках 44 и 47 имеются клинкетные водонепроницаемые двери, а также в переборке 71 есть 2 двери в коридоре гребных валов. Опускание дверей производится с батарейной палубы, куда выведены их штоки к приводам. Каждый отсек для его обслуживания имеет свою турбину, установленную в выгородке при диам. плоскости над колодцем, а также осушительную трюмно-пожарную помпу. Последних имеется 6 – 4 горизонтальные и 2 вертикальные.

Вдоль кочегарных и машинного отделения от 32-го до 71 шп. идет общая осушительная труба 4-дюйм. диаметра над внутренним дном. Она сообщается с трюмными помпами, имеет приемники из всех бортовых и междудонных в этом районе, а также имеет отросток к кингстону и со всеми креновыми трубами 7-дюйм. диаметра для затопления бортовых отделений при необходимости искусственного выравнивая крена.

Обеспечение плавучести системой достаточного числа поперечных отсеков судна и наружным клетчатым слоем из междудонных и бортовых отделений приводит к пренебрежению дальнейшими водонепроницаемыми подразделениями отсеков между главными переборками.

Полиевкт Иванович Костенко

ЗАПИСКИ ОТЦА

П.И.Костенко и его воспоминания.

О братьях Владимире Полиевктовиче и Михаиле Полиевктовиче Костенко имеется громадный объем информации в Интернете и обширная литература. Издательство «Наука» выпустило в научно-биографической серии книги о них соответственно в 1995 и 1981 г.г., полностью охватывающие их жизнь и деятельность. Постоянно появляются новые публикации и к юбилейным датам, и в связи с необходимостью рассмотреть отдельные интересные вопросы, к которым они были причастны. В биографиях и во многих статьях отмечается роль семьи в их воспитании, и особо, в раскрытии природных способностей. Но в них рассмотрение родительской роли заканчивается поступлением отпрысков в высшие учебные заведения.

Впервые публикуемые воспоминания П. И. Костенко затрагивают два трудных момента на жизненном пути возвратившегося из японского плена сына Владимира, в которых без отцовской помощи ему было бы сложно обойтись, а судьба как специалиста, вероятно, сложилась бы по-иному. Первый - арест в 1906 г. по обвинению в написании противоправительственного сочинения, но не распространенного. Выпустили отцу на поруки через 22 дня пребывания в Крестах под залог 300 руб., а морской министр Бирилев закрыл своей властью дело и оставил на службе. Второй – арест перед самым поступлением в Морскую академию, в марте 1910, за связи революционными кругами, и нахождение в Трубецком бастионе Петропавловской крепости до декабря 1911 г. В «Воспоминаниях» А. Н. Крылова в главе о В. П. Костенко год с лишним хлопот представлен упрощенно. Поддерживаемый Крыловым, Полиевкт Иванович был им представлен старшему адъютанту ГМШ С. И. Зилоти и морскому министру И. К. Григоровичу. Министр обещал сделать все возможное, чтобы добиться помилования единственно выжившего в Цусиме корабельного инженера. Но из лишнего опасения, что приговор к каторге могут начать приводить в исполнение, уговорил отца подать кассационную жалобу в сенат, от чего Владимир отказывался, считая затею бесполезной. Вскоре Григорович был приглашен к царю, находившемуся в это время на яхте с семьей в любимых финских шхерах. Иван Константинович изложил дело Костенко и Николай II готов был сразу подписать помилование. Но приговор ушел на рассмотрение кассации в сенат, и ничего не оставалось, как ждать. Царская семья уехала в Ливадию. Морской министр ездил к царю с докладами в своем вагоне и, проезжая Белгород, несколько раз вызывал Полиевкт Ивановича к скорому поезду правительственной телеграммой для бесед. В процессе одной беседы Григорович и Зилоти выяснили, что у Владимира есть младший талантливый брат Михаил, который сослан на три года за участие в библиотечной комиссии Электротехнического института. Григорович сказал Полиевкт Ивановичу, что по царскому манифесту его можно освободить и помог быстро решить этот вопрос, дав возможность Михаилу продолжить образование. После освобождения Владимира Григорович направил его в Николаев, где с 1 мая 1912 года он возглавил техническую судостроительную контору завода «Наваль» и оказался в самом центре огромных по объему и многообразию работ. Можно сказать, что Николаевский опыт явился базой для всех дальнейших творческих свершений В.П. Костенко, и что выбор судьбы оказался интереснее поступления в Академию.

Многие, знавшие П. И. Костенко, отмечали особый, строго аналитический склад его ума. Он пользовался в губернии большим авторитетом и уважением, в частности избирался председателем Белгородского общества врачей. Был широко образован, много читал, пробовал заниматься литературной деятельностью. Поэтому настоящие записки получились полноценным литературным произведением. И что в них наиболее важно, пусть описано незаметно и скромно, - это роль присутствия отца в судьбе своих зрелых сыновей.

Генидзе (Костенко) К. Е.

1906 г.

Время может сгладить в памяти много впечатлений и фактов, прожитых за истекший год, а потому я решил занести их в эту тетрадь. Мне пришлось соприкасаться со многими лицами, стоящими на высших ступенях служебной иерархии, говорить с ними по делу моего сына и отчасти по моему личному делу; попутно наблюдать факты военно-полевой юстиции, петербургское жандармское Управление, военно-морское министерство, одиночную петербургскую тюрьму, министерство Путей Сообщ. и мн. др. Цель же настоящих записок - это продолжить биографию моего Володи и первые шаги его по приезде из плена в Россию.

В январе 1906 г. мы получили грустное для нас письмо из Японии от Володи, в котором он сообщает, что Рождественский, вручая ему в Киото 2 письма, распечатанных им, от Русселя, сказал, что он ему передает эти письма, но в Россию пусть не возвращается, т.к. он, Рождественский, арестует Володю в России и посадит в крепость. «Вы - инженер, - добавил он, - и везде можете прожить, но Россия в Вас не нуждается». Сказав это, Рождественский тотчас скрылся в другую комнату и сын не успел ему ничего ответить. Письма были, как говорит сын, безобидные и ничего особенного в себе не заключали. Теперь эти письма у меня, и они вполне подтверждают мнение сына. Видимо, возвращение Володи в Россию не нравилось Рождественскому по другим причинам; в его лице он видел того компетентного человека, который мог указать влияние перегрузки судов на понижение боевых качеств, на опрокидывание судов, на большую поражаемость русских судов вследствие погружения в воду броневых поясов и т.д. (Как оказалось потом, сын начертил рисунок «Орла», отдельно правый и левый борт, на котором отметил 142 пробоины бортов и палубы от японских снарядов, точно указал места и размеры пробоин, которые он сам видел, когда его на катере перевозили с «Орла» в Майозуру на берег; катер обошел оба борта, и Володя, знавший «Орел», как хозяин свой дом, сразу запомнил их.) (См. [Приложение](#)). Многочисленные фотографии «Орла», снятые Японцами, альбом которых имеется и у меня (См. [Приложение](#)), служили великим пособием при составлении чертежа⁴⁴. Этот чертеж, кажется через лейт. Рошаковского, Рождественский попросил для ознакомления и сыну его не возвратил, удержав у себя. (Конечно Володя составил для себя другой в еще более точном масштабе). Кроме указанных, были еще и другие причины, по которым адмирал не желал возвращения сына в Россию. Оправившись через 2 мес. в плену от своей раны, сын решил собрать материал по истории (единственного в своем роде) Цусимского боя. План им был выработан в тиши госпиталя, где он лежал раненый, и приведен в исполнение с большой энергией и огромным интересом участников его. Исходя из того положения, что 2.500 матросов со сдавшихся судов и некоторая часть их, спасенная с погибших судов, в сумме представляют огромные знания боя, всю историю его и каждого судна в частности, отдельно же каждый матрос может знать только некоторые моменты боя, иные - только свое оружие и проч., он пришел к след. заключению: если теперь же опросить каждого матроса свидетелем чего он был, что он видел и в какое время, записать этот материал сопоставить показания их с вахтенными журналами и проч., то история боя в общем его ходе и каждого судна отдельно может быть воспроизведена в точности и во времени, и в эволюциях. Одному выполнить эту колоссальную работу невозможно; нужно привлечь к ней лучших офицеров и лучших матросов. То и другое нашлось, но этого мало. Необходимо заинтересовать и самих матросов, чтобы и самый материал был очищен от фантазии и других примесей, а для этого нужно записывать одно показание от группы матросов, таким образом, получится факт исторической точности. Работа закипела. Результатом ее явился «Цусимский бой», изложенный в книге «На броненосце «Орел» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры»⁴⁵ и «С Балтийским флотом при Цусиме» лейт. Уайта, составленное им по рассказу сына при совместном их возвращении из Японии в Америку. Все это, конечно, я узнал впоследствии. Но Рождественский знал, какой ценный и неоспоримый материал собирал сын по истории боя, технике и тактике. Конечно, ему это не нравилось, т.к. бюрократы-адмиралы привыкли единолично давать и свои описания, и свои заключения, и свои выводы. Не допустить сына в Россию и его материал можно очень просто, стоит лишь предъявить обвинение в крамоле. Скалон, раздиравший впоследствии Прибалтийский край, деятельно помогал Рождественскому в плену по части уловления крамолы и насаждения в пленных войсках отечественной дисциплины, помог в этом.

⁴⁴ Примечание оригинала текста: См. чертеж в приложении к книге: «На броненосце «Орел», в составе 2-й Тихоокеанской эскадры». (В машинописной копии - отсутствует)

От составителя: В приложении к книге приведены рисунки повреждений «Орла», вошедшие в книгу В. П. Костенко «На «Орле» в Цусиме» и из японских альбомов, составленных после захвата кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры. Рисунки и фото – с сайта [История Цусимского сражения](#)

⁴⁵ Не опубликована. Впоследствии переработана и вышла под заглавием «На «Орле» в Цусиме» в 1955 году, Судпромгиз, Л.

Высказанная Рождественским угроза совсем иначе повлияла на сына, чем тот предполагал. Сын решил возвратиться в Россию, а «с г.Рождественским можно еще и померяться, так как условия для деятельности Рождественского в России теперь очень изменились». В России же в это время началась реакция, царил Дурново с его произволом, поэтому это письмо заставило жутко сжаться наши сердца. Рождественский жил в здании Адмиралтейства, газеты называли его в недалеком будущем морским министром; по сведениям тех же газет он был благосклонно принят в Царском Селе и пр.

В феврале из Владивостока мы получили, наконец, телеграмму: «ЕДУ АМЕРИКОЙ, ПРИЕДУ АПРЕЛЕ». В марте мы получили целый ряд писем из Чикаго, Нью-Йорка, Лондона и Парижа (см. «На брон. «Орел»...»). Я деятельно обдумывал вопросы, которые сын предлагал мне, — как обстоят дела в России и может ли он возвращаться на родину, или же оставаться за границей, ввиду высказанных уже угроз.

Здесь я должен сделать небольшое отступление и коротко передать постигшее лично меня несчастье; которое заставило немедленно ехать в Петербург хлопотать и за себя, и за сына.

По предписанию Управл. жел. дор. предложено было образовать комиссии под председательством старшего врача «для изменения и дополнения правил врачебно-санитарной службы на железных дорогах, ввиду требований рабочих» и личного опыта. Комиссия, в которую был приглашен и я, занялась не только пересмотром параграфов правил, но и всего строя врачебного дела, поэтому включила, напр., в число параграфов следующий: «старший врач должен быть лицом выборным из среды врачей данной дороги»... Начальнику дороги эти правила показались очень либеральными и он через старшего врача Соколовского передал, что тот будет немедленно уволен, кто эти правила подпишет. На другой день, проезжавшему либеральному министру Путей Сообщения Немешаеву, Кригер - Начальник Сев. дор. - рассказал про это и как он ответил врачам. При представлении начальников служб в Харькове на вокзале Немешаеву, последний обратился к Соколовскому со следующим возгласом: «Вы не на своем месте!» Тот перетрусил, начал, всех обвинять; в конце концов козлами отпущения явились я и Оболенский. Последовала следующая резолюция по распоряжению Немешаева: врача Костенко уволить, а на его место перевести Оболенского. Мне нечего говорить, что инициатором криминального параграфа был не я, а Романович, Голяховский и Оболенский, потом защитником его был и я. Таким образом, мне вдвойне нужно было ехать в Петербург и по своему, и по делу сына.

Приехав в Петербург, я через акушерку Государыни Гюнст и Фрейлину Евреинову получил аудиенцию у Велик. князя Александра Михайловича. 1 марта в половине 11-го я был уже во дворце Алекс. Михайл. у Крюкова канала и, раздевшись в передней, взошел по лестнице, уставленной тропическими растениями на площадку. Здесь меня встретил адъютант князя, назвал свою фамилию и сказал, что он доложит князю, а меня приказал провести в Белую комнату. В маленькой уютной гостиной с белой шелковой мебелью и драпировкой я остановился в ожидании приема. Минуты через 3 меня попросили в кабинет, - огромную комнату, всю увешанную баталическими картинами, с огромным письменным столом, тяжелым диваном и креслами, крытыми кожей. Из-за стола вышел князь на середину кабинета, подал мне руку, пригласил сесть в кресло возле стола, а сам сел за столом. Князь был в тужурке с аксельбантом и с вице-адмиральскими погонами; наружность необыкновенно ласкова и привлекательна.

Тотчас же он задал мне вопрос:

- Ваш сын служит в Морском ведомстве?
- Да, Ваше Императ. Высочество.
- Он был в эскадре Рождественского?
- Да, В.И.В.
- Был и в Цусимском бою?
- Да, В.И.В.
- Вот счастливец, что спасся. Скажите, он был ранен?
- У него было случайное ранение Ахилловой жилы, которая была оторвана от пятки 14 или 15 апреля, 5-го же мая, по распоряжению адмирала, он был переведен из госпиталя на броненосец "Орел", на нем и участвовал в бою.
- Где он теперь?
- Я получил от него телеграмму из Владивостока, что он возвращается через Америку.
- Почему через Америку?
- Он мне писал, что хочет осмотреть корабельные верфи Нью-Йорка и Лондона,
- Где он учился и почему он поступил в морское инженерное училище?

- Он окончил Белгор. гимназию с золотой медалью, потом по особому влечению к морю и корабельному делу он по собственному желанию поступил в Морское училище, где его называли Корабельной энциклопедией. Он знает флоты всего мира, знает водоизмещение, бронирование, вооружение, скорость хода каждого судна. Когда он был в 6 классе гимназии, я боялся, чтобы эта страсть к морю и корабельному делу потом не остыла, поэтому мы с ним и другим сыном приехали в Петербург и здесь осмотрели новое Адмиралтейство с разрешения командира порта Де-Ливрона. Балтийский судостроительный завод, в Кронштадте броненосец "Петропавловск", Обуховский сталелитейный и пушечный завод, морской музей и проч. Сын тогда же решил, что он поступит только в морское Инженерное училище. По окончании его первым, он был назначен в Петербургский порт, оканчивал постройку "Орла", на котором и пошел в составе 2-й Тихоокеанской эскадры.

- Есть ли его какие-нибудь сочинения?

- Мне известно, что он за проект крейсера, кажется типа "Асахи", который он признавал наилучшим, он получил премию при окончании училища; потом из Сайгона он прислал в Технический комитет проект вентиляции судов, который вполне одобрен комитетом. Слышал я, что он начертил проект судна в Японии, согласно опыту войны и новейшей технике этого дела.

- С Вами он переписывался?

- Да, я получал от него много писем со всех стоянок флота, несколько писем из Японии.

- Почему Рождественский и как угрожал Вашему сыну?

- Он сказал сыну, чтобы в Россию он не возвращался, так как он его арестует и посадит, в крепость. "Вы инженер и всюду можете найти себе место" - объявил ему Рождественский.

- Но ведь Рождественский не у дел, как же он может привести свою угрозу в исполнение?

- Время теперь очень тяжелое и я боялся, что он может привести эту угрозу в исполнение.

- Но Рождественский сумасшедший человек, я на него так и смотрю, как на сумасшедшего человека.⁴⁶ Почему же он угрожал?

- Храм, в котором сын жил в плену вместе с офицерами, посещали генеральный консул Америки Кеннан и председатель палаты депутатов острова Гаити Руссель. Рождественский перехватил через генерала Соллогуба 2 письма Русселя к сыну, распечатал их и потом передал сыну с угрозой. Письма эти совершенно невинны по содержанию.

Лицо князя вдруг сделалось суровым и он мне сказал:

- Руссель - русский эмигрант, он занимался пропагандой среди солдат в плену, быть может он писал что-ниб. в письмах по этому поводу.

- Я передал Вам то, что мне известно. Сын мне никогда не лгал.

Лицо князя снова сделалось приветливым и он меня уже мягким голосом спросил:

- Что Вы скажете о своем деле?

Я коротко передал ему все то, что сказано было выше.

- Вероятно я и в Вашем деле помогу, - сказал князь подымаясь, - о Вашем же сыне я доложу Государю.

Я понял, что прием окончен тоже поднялся. Князь подал мне руку, проводил до дверей из кабинета, и я ушел.

Неопределенность вопроса о возвращении сына так и осталась. Князь сказал, что о сыне доложит Государю, а на Рождественского он смотрел, как на сумасшедшего. Я сделал вывод, что сын может возвращаться.

Я прожил в Петербурге еще 3 дня, но ничего не узнал больше ни о себе, ни о сыне.

По приезде в Харьков я узнал, что 2 марта Начальник дороги Кригер получил телеграмму от председат. Управл. жел. дор. Шауфуса. с требованием - прислать все дело обо мне в Петербург, а приведение резолюции Немешаева (Мин. Пут. Сообщ.) приостановить. Таким образом, в этом сказалося сразу влияние князя и это еще более меня убедило, что сын может возвращаться в Россию.

Вскоре я получил телеграмму от сына из Парижа; обменялись несколькими письмами, наконец, нужно было разрешать вопрос - можно ли возвращаться в Россию. Сомневаясь в душе, но возражая жене и другому сыну, что ожидать больше нечего от князя, я телеграфировал Володе, что он может ехать. С какой я радостью и торжеством прочитал его телеграмму из Волочинска, что границу он переехал и 2-го апреля будет в Белгороде. Наконец в пятницу на Страстной он

приехал в 7 ч, утра. Радость наша была неопишима. К нам возвратился сын, вырванный у смерти...

На 2-й день Светлого праздника он уже уехал в Петербург, чтобы к сроку явиться в штаб. Три дня, проведенные им у нас, наполнены были его личными рассказами о Цусимском бое, плене, историей с письмами у Рождественского, его обратным возвращением через Тихий океан в обществе мистера и мистрис Уайт, воспоминание о которых являлось для него необыкновенно приятным. Много из рассказанного вошло в эпилог "На броненосце "Орел" в составе 2-й Тихоокеанской эскадры". Три дня протекали необыкновенно быстро, мне кажется, мы и не спали, а все говорили; он детально познакомил нас не только со вполне достоверными фактами морской авантюры, Цусимского боя и последующих событий, но выяснил причины и установил вполне правильный взгляд на эти события. Кажется, во время этих разговоров было намечено им то капитальное сочинение, которое получило название "Флот и Цусима". На свой дневник он смотрел лишь как на черновую тетрадь для своего сочинения и признавал за ним только литературное значение; вообще же перед публикой морского ведомства он не желал выступать впервые с таким произведением и мне запретил его издавать впредь до появления в печати - "Флот и Цусима". Я в это время задумал его дневник и письма соединить в одно произведение, так как в письмах общалось мало фактов и других сведений, которые не вошли в дневник, и обратно. Сын одобрил это намерение и потом похвалил мою работу, когда я ее выполнил.

Приблизительно через 1 ½ недели я получил письмо от сына, в котором он описывает свои скитания по морскому штабу, портовой конторе и проч. Выяснилось, что Бирилев назначает сына на постройку броненосца "Андрей Первозванный" на Галерном острове, выдал ему дополнительные деньги "морское довольствие" за поход и проч. Быть может, письма его за этот период времени когда-нибудь пополнят промежуток в этих записках, - я их берегу, так как они полны фактов, характерных для морских чинов всех рангов.

Коротко я передам некоторые эпизоды из его жизни за этот период времени. Еще до возвращения из плена в обществе корабельных инженеров состоялась баллотировка, кого оставить на службе и кто должен уйти вследствие уменьшения постройки судов и таким образом сокращения штатов. Из 110 баллотирующихся сын получил наибольшее количество избирательных, всего 93%. Недели через 1 ½ корабельные инженеры Балтийского судостроительного завода просили Володю прочитать им лекцию о Цусиме и познакомить их со всеми своими наблюдениями. Лекция эта продолжалась часа 2 и вызвала горячую благодарность со стороны слушателей. Впоследствии мне пришлось быть у помощника Начальн. Балтийского Судостроит. Завода Н.И.Филипповского, обедать у него и выслушать след. тост: "Я пью за возвращение Вашего сына не только Вам, я пью за возвращение его России". Потом он мне пояснил, что те сведения, частью которых он с ними поделился, настолько ценны, что уже и теперь многое изменило в судостроении.

Месяца через 2, кажется в июне, мне снова пришлось быть в Петербурге, остановиться у сына на квартире и прожить дней 10. Кажется, на другой же день сын получил следующее послание: ген.-майор Беклемишев, свидетельствуя свое глубочайшее почтение Владимиру Полиевктовичу, просит его пожаловать завтра в 7 ч. вечера в зал Соляного городка и сделать сообщение в Лиге Обновления флота о повреждениях броненосца "Орел". Прочитав это сообщение, сын сказал, что он не пойдет и пояснил мне следующее; так как во Флоте судов мало, а офицеров, адмиралов и капитанов всяких рангов много, то поэтому многие из них должны выйти в отставку. Это вызвало страшную борьбу и соревнование среди них; образовались группы со всякого рода проектами, в том числе и Лига обновления Флота, которая всеми способами выуживает факты о бое, о судах и в проч., чтобы эксплуатировать их в свою пользу. "Я положительно не желаю ничего им давать из имеющихся у меня сведений", - закончил сын свои объяснения.

- Но как-то неловко так грубо их отталкивать, может быть ты все-таки кое-что им сообщил бы, - убеждал я, - кстати, и я побывал бы в Соляном городке, где ни разу не был.

- Пожалуй, кое-что можно им сообщить, согласился сын, - и на другой день мы были в 7 ч. в Соляном городке.

Здесь его увидели офицеры - коллеги по плаванию и плену.

С неподдельной радостью пожимали ему руку, вспоминали плен и проч. Наконец заседание открылось и начались доклады. Я не помню теперь фамилий офицеров, но первым говорил кап. 2 ранга, не бывший в плавании, о плавании 2-й Тихоокеанской эскадры от Либавы до Цусимы; 2-й докладчик, тоже не бывший в Цусимском бою, говорил и описывал бой; 3-й показывал на экране фотографии Цусимского боя; наконец на экране появилось 2 чертежа "Орла", начерченных сыном, правый и левый борт, о чем председатель и объявил, а вслед за этим начал вызывать Владимира Полиевктовича из публики. Володя ничего не отвечал, но публика военная начала усиленно заявлять, что он здесь. В конце-концов он вышел на эстраду и минут 10 объяснял повреждения снарядами легкого борта палубы броненосца и бронированной части. Объяснения эти

были настолько сдержаны, что меня это удивило и я спросил об этом сына, когда он возвратился ко мне.

- Я им далеко не все скажу то, что я знаю. Ведь эта лига преследует свои личные цели и выуживает от нас побольше фактов, а мы их-то и не даем им. Пусть довольствуются малым и оценивают их. Как хотят; все равно с большим они не сумеют справиться.

Эта точка зрения мне показалась правильной и я вполне согласился с ним.

После этого мне пришлось еще 2 раза прожить недели по 2 в Петербурге; первый раз в середине апреля по своему личному делу - причем пришлось быть у Начальника Управл. жел. дорог Шауфуса и Министра Путей Сообщ. Немешаева, и в другой раз в сентябре, по делу сына.

В середине апреля, когда я принимал больных в кабинете, я получил срочный пакет с уведомлением, что по распоряжению Мин-тра Пут. Сообщ. с 1 мая я уволен в отставку. На другой день я поехал в Петербург и, пройдя целый ряд мытарств в Управлении жел. дорог, был принят в среду - приемный день у Шауфуса - Начальником Управ. ж.д.

Секретарь обходил всех просителей, записывал их фамилии и по какому делу. Я ответил, что явился по поводу моего увольнения.

Наконец около часу дня я был вызван по списку и вошел в кабинет. Шауфус сидел в огромном кабинете, очень приветливо встретил, поднявшись с кресла, подал руку, попросил сесть в другое кресло и спросил, что мне угодно.

- Я, Ваше Пр-во, уволен от службы по распоряжению г. министра Путей Сообщ. с 1 мая...

- Вы семейный? Где живете?

- Да, у меня 5 детей, живу при ст. Белгород, Кур. Хар. Сев. ж.д.

- Ваши дети воспитываются где-нибудь?

- Да, старший мой сын окончил Морское инженерное уч-ще, был назначен доканчивать постройку брон-ца «Орел», на котором совершил в эскадре Рождественского поход, участвовал в Цусимском бою; со сдачей броненосца в плен попал в Японию, где пробыл 9 мес. и недавно через Америку и Европу возвратился в Россию...

- Скажите и не был ранен?

- У него было случайно ранение Ахилловой жилы до боя и он 2 мес. пробыл в Японии в госпитале.

- Награжден он чем-нибудь?

- Нет, он не получил никакой награды.

- А другие Ваши дети?

- Второй мой сын воспитывается в Петерб. Технологическом ин-те на 2-м курсе, дочь - на Педагогических курсах в Петербурге, еще 1 сын в 6 кл. гимназии и дочь в 1-м кл. в Белгороде.

На звонок явился секретарь, которому Шауфус передал записочку и приказал разыскать дело обо мне, потом обратившись ко мне, сказал:

- Сейчас разыщут о Вас дело, поэтому я попрошу Вас немного обождать в приемной и тогда Вас попрошу, чтобы не задерживать других.

Я откланялся и вышел в приемную, а минут через 5 меня снова попросили к Шауфусу. Он держал дело в руках и обращаясь ко мне сказал:

- Вы уволены, как значится в деле о Вас, по распоряжению министра "за некорректное отношение к вопросу, предложенному Управлением жел.дор., по реорганизации. врачебно-санит. части на жел. дорогах". Вы не знаете, в чем тут дело?

- По распоряжению Упр. жел.дор. была образована комиссия под председат. старшего врача "об изменении и дополнении правил врачебно-санит. части согласно требованию рабочих и личному опыту". В числе членов этой комиссии был и я. Комиссия выразила один из параграфов правил так: "чтобы старший врач был лицом выборным из среды врачей той же дороги". Мотивом для такого положения служило соображение, чтобы старший врач был лицом авторитетным и для врачей, и для служащих. Начальник дороги Кригер сказал, что тот, кто подпишет эти правила, будет немедленно уволен. При таких условиях, конечно, никто их не подписал. Проезжавшему министру Немешаеву Кригер передал обо всем этом и обвинил меня, хотя не я был автором этого параграфа, но проникнувшись им, защищал его.

- Скажите, разве старший врач никогда не собирает врачей, чтобы совместно обсуждать вопросы санитарно-врачебные?

- Нет, никогда.

- Я, когда был начальником Моск.-Курск. дороги, всегда требовал, чтобы эти совещания были регулярными и они происходили по крайней мере 1 раз в месяц. Но я хотел поговорить с Вами вот о чем. Ведь если стать на Вашу точку зрения, тогда и Начальник Рем. Пути должен быть лицом выборным, и Нач. Тяги, да и Нач. дороги. К чему бы это повело?

Мы, Ваше Пр-во, конечно так далеко не заходили. Дело в том, что должность Нач. Рем. Пути и Нач. Тяги - чисто административно-технические должности, а роль старшего врача и других врачей основана на отношениях доверия служащих и авторитетности во врачебном деле.

- Отчего же Вы не проситесь куда-ниб. на другое место?

- Я с Белгородом тесно связан воспитанием детей; потом я там прожил 16 лет, прекрасно устроил врачебный кабинет; в Белгор. имеется Общ-во врачей, где я состою 3-й год председателем. В этом Общ-ве рассматриваются все вопросы врачебно-санитарные нашей местности. Я однако пробовал перевестись в.Полтаву и был у Нач. Хар. Ник. дороги.

- Ну, и что же?

- Начальник дороги Розанов сказал мне, что он меня не возьмет ни за какие деньги в мире, разве сам министр прикажет.

У, как строго, с улыбкой ответил Шауфус. Потом прибавил:

- Да, Вам необходимо побывать у Министра, и знаете что? Вы завтра же у него побывайте.

- Я и хотел просить Вашего разрешения побывать у Министра, но завтра он вероятно меня не примет, а в пятницу.

- Нет, может принять и завтра. Вы сейчас зайдите к секретарю графу Литке.

Поблагодарив Шауфуса, который пожелал мне успеха на прощанье, я отправился к Литке. Тот категорически заявил мне, что завтра у министра высочайший доклад и он меня не примет, но завтра я могу записаться у него на прием у Министра.

На другой день, после того как я записался у Литке, я встретился в коридоре с Шауфусом. Он меня узнал, приветливо поздоровался и спросил:

- Были у министра?

- Нет, Ваше Пр-во, мне сказали, чтобы я явился в пятницу, т.к. сегодня высочайший доклад у министра.

Шауфус как-то задумался, помолчал, потом вдруг весело, с улыбкой сказал:

- Ну, что ж, побывайте завтра.

Дело в том, что накануне в газетах было сообщение, что вслед за Акимовым, который уволен без прошения из министров Юстиции, на очереди стоит Немешаев. Из слов Шауфуса я понял, что Немешаев еще продержится до пятницы.

В пятницу, после долгих ожиданий в приемной, явился, наконец, барон Зейдлер, гвардейский капитан, личный секретарь министра и начал нас записывать; потом удостоившихся аудиенции, препроводил через двор в роскошную квартиру министра.

Когда дошла очередь до меня, я вошел в огромный кабинет, где увидел Немешаева у письменного стола. Он распечатывал стоя пакеты, быстро их просматривал и тут же писал свои резолюции.

- Что Вам угодно? - обратился он ко мне.

- Я тот врач, Ваше Высокопр-во, который по Вашему распоряжению уволен с Кур.Хар. Сев. ж.д. за некорректное отношение к вопросу, предложенному Управл...

- А, помню, я Вас велел принять.

- Когда? Я три дня тому назад был в Управлении дорогой и мне там об этом ничего не говорили.

- Я Вам говорю, что я Вас велел принять, - вспыхнул и сильно повысив голос, выкрикнул Немешаев, - Я даже издал об этом циркуляр.

- Наоборот, Выше Высокопр-во, - настойчиво и тоже повысив голос, сказал я, - Вы изволили меня уволить, о чем я получил бумагу. Что же касается Вашего циркуляра, то Управление дорог относят его только к лицам, участвовавшим в забастовке и союзах, а ко мне он неприменим.

- Фи, вечно они на нас все сваливают! Дайте мне что-нибудь, я им напишу.

Я тотчас же вынул бумажку о моем увольнении; он ее внимательно прочитал и карандашом небрежно надписал:

«Г. Начальник Сев. дор., Прошу обсудить вопрос об увольнении и если нет препятствий, то Вы Можете г. Костенко принять обратно.

Нем. 22/IV»

Все это было далеко не определено. Немешаев, лично уволив меня, отдавал в распоряжение Кригера. Через 2 дня, т. е. 24 апреля, Немешаев уже был в отставке, а на его место был назначен Шауфус.

С этой резолюцией министра я явился к Кригеру и подал ему. Он был необычайно взбешен, свирепо взглянул на меня, бумагу швырнул к себе на стол, ни слова мне не сказал и ушел в заседание Совета. Я остался его ожидать. Через 6 ч. разыгралась любопытная сценка.

Вышел из Совета Кригер и в приемной, увидя меня, сказал:

- Вы от меня ничего не ждите, - хотел пройти в кабинет.

Тогда я громко сказал:

- Почему же Вы не хотите меня выслушать, когда меня выслушал Шауфус, Немешаев...

- А Вы говорили с Шауфусом? – мягко, довольно приветливо спросил Кригер, сразу изменив свое отношение.

- Я с Шауфусом говорил 20 минут. Он расспросил меня про всю мою семью, про мою жизнь и работу в Белгороде, сам настоял, чтобы я явился к министру...

- Ну что ж, в таком случае и мы Вас примем.

Этот разговор характерен для той подхалимовщины, какая царит у бюрократов. Личных мнений у них нет, но есть мнения, какие угодны будут Его Пр-ву, стоящему над ним. Кригер – типичный бюрократ.

Мне еще много пришлось пережить, пока, наконец, получилось утверждение.

Теперь я довел эти записки до того события в жизни Володи, из-за которого собственно я начал и вести их.

23 августа 1906 г. я вечером получил заказное письмо из Петербурга от сына технолога след. содержания: «Дорогие папа и мама. Сегодня вечером мы с Володей сидели в квартире и мирно занимались, я готовился к экзамену, он на другом конце стола что-то писал. В половине 12-го ночи послышался настойчивый звонок и к нам в квартиру явилась полиция, предъявила приказ градоначальника и произвела обыск. В квартире ничего не нашли, но взяли Володину рукопись, составили протокол и Володю арестовали. Я распрощался с нашим Володей и его увели». Это было время военно-полевых судов и полного административного произвола, оправдываемого исключительными положениями, на которых объявлена была вся Россия. Петербург в это время был на военном положении после Свеаборгского, Кронштадтского восстания и дела Коноплянниковой. Мой отпуск еще не истек и потому я решил на другой же день со скорым поездом ехать в Управление дороги и получить билеты до Петерб. и обратно, и в тот же день выехать в Петерб. с курьерским поездом. Усилиями воли я подавил в себе горе, кое-как успокоил семью и на другой день уже летел в Петербург, телеграфировав сыну о дне приезда. В Петербурге на вокзале меня встретили сын и зять, студент Инстит. Путей Сообщения, и дополнили мне письмо следующими сведениями: Володя арестован за ту бумагу, которую он писал, но содержания ее они не знают; на другой день из полицейской части он переведен в Кресты, в одиночную камеру на Выборгской стороне; дело его передано в Жандармское Управление и ведет его тов. прокурора Аккурти; прием просителей в Жанд. Упр. бывает по средам и тогда можно ходатайствовать о свидании и о доставке книг. На другой день с сыном технологом мы по Тверской подходили к Жандармскому Управлению, у дверей которого расхаживал крупный жандарм с берданом за спиной. Нас он свободно пропустил внутрь здания и мы вошли в приемную. Как в приемной, так и на обоих лестницах стояли и ходили люди всех возрастов, положений и полов. Скоро в приемной и мы ориентировались; для того чтобы быть допущенным к товарищу прокурора, необходимо на бланке написать записку – от кого, по какой надобности, о чем просит, кто арестованный, и эту записку подать жандарму; в передней перед залой стоял длинный стол, отгороженный решеткой от публики, за этим столом восседал жандармский ротмистр, охраняемый 4-мя жандармами, просматривал записки, проверял их по книгам и либо сейчас отвечал просителям, либо отправлял записку жандармом в зал. Нам пришлось долго ожидать своей очереди и наблюдать эту разношерстную волнующуюся публику. Рядом со мной стояла какая-то молоденькая девушка, брюнетка, со слезинками на глазах, которая тут же познакомилась со мной и объяснила, что она невеста студента Института Путей Сообщения Финко. Невеста просит свидания с ним, но вероятно не разрешат. Дело это во время ареста Финко в Ин-те было раздуть, нашли бомбы, шрифты и кажется прокламации, сулили смертную казнь ему, впоследствии однако оно окончилось десятилетней каторгой. Наконец жандармский ротмистр назвал и мою фамилию и объявил мне, что мне разрешено 1 раз в неделю пятиминутное свидание с сыном. Я заявил ротмистру, что я просил еще о личном свидании с товарищем прокурора. Минут через пять меня попросили в зал, где за

небольшим столиком сидел молоденьки товарищ пр-ра Аккурти, видимо правовед, который старался казаться быть очень взрослым и необычайно серьезным. На вопрос, - что Вам угодно, - я поблагодарил его за разрешение свидания с сыном и пояснил, что сын мой был 9 м-цев в плену японском и 7 м-цев плав с эскадрой Рожественского, что здоровье, в общем, очень пострадало и я желал бы облегчить судьбу сына, а потому прошу его разрешить 2 свидания в неделю. Аккурти охотно согласился и в постановлении своем тотчас исправил одно на 2 свидания. Такое благоприятное начало побудило меня вступить в дальнейший разговор.

- В чем обвиняется мой сын?

- Он обвиняется по 132 ст. улож. о наказании п. 2. Статья эта говорит о написании противоправительственного сочинения, но не распространенного.

- В чем состоит это сочинение?

- Я Вам не должен говорить об этом, но как отцу я Вам скажу. В своем сочинении сын дурно отзывается о правительстве и упоминает о каком-то военном союзе.

- Что угрожает моему сыну по этой статье?

- 3 года крепости без лишения прав.

- Не могу ли я взять сына на поруки, чтобы облегчить его судьбу, так как за время войны он очень измучился?

- Я считаю, что нахождение его под стражей излишне и он будет освобожден.

- Как скоро это может быть?

- Я думаю на днях.

Поблагодарив его, я с радужными надеждами ушел от него, лелея мысль, что при первом свидании сообщу Володе такую радостную весть.

На квартире дома мы с Васей обсудили все, сказанное нам, нашли его довольно благоприятным для начала, на четверг я наметил себе программу побывать в морском штабе у адъютанта штаба Славинского и у корабельного инженера Яковлева, который очень любит Володю и ценит его.

В 10 ч. утра в четверг я уже был в штабе, где вручил свою карточку курьеру и просил доложить о себе. Тотчас же вышел Славинский и пригласил меня в кабинет.

- Вы вероятно приехали по делу Вашего сына? – обратился он ко мне. Полчаса тому назад был доклад у министра о Вашем сыне. Министр (Бирилев) очень сожалеет о случившемся. Он на него возлагал большие надежды. Министру известно, что Ваш сын обладает ценными данными по морской технике и судостроению, которые он систематизировал из опыта несчастной морской войны. Министру известно, что Ваш сын сделал проект замечательного крейсера, будучи еще в Японии, и этот проект он еще не представил. Министр говорил, что данные, которыми располагает Ваш сын, могли бы сделать коренную реорганизацию флота, и он возлагал на него величайшие надежды. Теперь он не знает, как все это поправить и очень сожалеет о случившемся.

- Я вчера был в жандармском Управлении у тов. про-ра Аккурти, который мне сообщил, что он решительно не находит поводов к дальнейшему лишению сына свободы, поэтому он на днях его освободит. К нему предъявлено обвинение по 132 ст., п. 2.

- А, вот как! Не пожелаете ли Вы явиться сейчас к министру, можно доложить и он наверное Вас примет?

- Я Вам очень благодарен, но я решительно не знаю, что я сказал бы министру. Просить его я ни о чем не могу, да и не знаю о чем. В пятницу я буду у сына и, если он разрешит мне это, то позвольте тогда обратиться к нему через Вас.

- Хорошо, можно и так поступить.

- Я думаю, что сын теперь не может оставаться в военно-морском ведомстве, и должен будет уйти?

- Как? Уйти? Нет, он обязан отслужить за свое образование в Морском Инженерном училище 6 лет и ему военно-морское ведомство так не простит. Правда, он скомпрометировал себя теперь. Вам вероятно известно, что за него поручился Шведе и все офицеры «Орла», так как Рожественский о нем дал очень неблагоприятный отзыв. Только благодаря этому поручительству, Бирилев, зная и ценя его обширные сведения, назначил его на постройку лучшего броненосца, и на столь ответственный для него пост.

Разговор этот происходил уже стоя, т. к. лейт. Славинский собирался на заседание адмиралтейств-Совета. Мне особенно было неприятно услышать про отзыв Рожественского и поручительство офицеров, а поэтому я поспешил ответить след.:

- Да, это мне известно, но мне известно и нечто большее. Перед приездом сына я был принят Великим князем Александром Михайловичем. На мой вопрос – может ли сын возвращаться в Россию, вследствие неблагоприятного отзыва и угрозы Рождественского, вел. князь ответил мне так: «Почему же нет? Ведь Рождественский совершенно сумасшедший человек». Значит мнение Рождественского не могло уже быть столь решающим.

Мы еще обменялись несколькими фразами и распростились. Славинский просил кланяться сыну и заходить к нему, если нужно, утром в морской штаб часов в 10, т.к. в 11 он бывает уже в Заседании Совета.

В тот же вечер я был у старшего кораб. инженера Яковлева.

Сначала он меня принял довольно холодно, хотя и сочувственно. Постепенно мы разговорились, и я ему выяснил в каком положении дело сына и в чем его обвиняют. Сообщил ему, что сын скоро будет освобожден, как говорил тов. пр-ра Аккурти, но вероятно служить он не может, как лицо скомпрометированное. Передал ему о свидании с Славинским и о мнении Бирилева. Яковлев сам вызвался поговорить с Египтеусом, который в наст. время исполняет обязанности главного корабельного инженера, мне же советовал побывать у Греве, начальн. порта. Удивлялся и очень сожалел, что Володя не издал и до сих пор своих трудов по технике, морскому бою при Цусиме, по кораблестроению и проч. Попутно я рассказал про книгу брата «Осада и сдача Порт-Артура». Он тут же мне ее показал; купил ее сегодня и только начал читать. Просидев у него часа 3 и поговорив еще про «Орла», которого строителем был Яковлев, а Володя доканчивал оборудование его, я ушел к себе на квартиру.

В тот же вечер мы наметили себе программу – побывать завтра у прис. пов. Волькенштейна, у Володи и Яковлева, как обещал я ему.

Утром в пятницу мы были уже у Волькенштейна. Красивый молодой человек принял нас, был очень удивлен арестом сына, который является важным свидетелем по делу Небогатова и пришел к заключению, что он арестован с целью не допустить его до процесса. Просил заходить к нему и сообщать о положении дела, взялся быть поверенным по этому делу.

Закупив булок, сахару, чаю, фруктов, конфет, мы взяли извозчика и поехали в Кресты.

Мрачное здание Крестов, когда переезжали Неву по Литейному мосту, казалось окутанным дымкой, и в нем сидел дорогой нам человек. Сомнения и надежды сменялись в голове и быстро поглощались одной мыслью – вырвать Володю из этой пасти. Каждый из нас обдумывал, что ему сказать, чем его обрадовать, чем облегчить его заключение.

У огромных ворот в глубине их виднелась железная решетка, в ней калитка и тюремный сторож с ключами. Возле ворот стояло много извозчиков и постоянно подъезжали другие. У каждого из приезжавших были узлы с провизией или платьем. Сторож пропустил нас в калитку и мы вошли в небольшой дворик. Перед нами обрисовалось по обе стороны церкви два корпуса тюрьмы в виде Креста, отсюда и название Кресты. Поднявшись по лестнице во 2-й этаж, мы вошли в небольшую комнату-приемную, битком набитую народом. В первое время мы не знали, что нам предпринять. Но в доме скорби люди быстро сходятся и тотчас поруководили нами. Оказалось, что нужно получить из конторы карточку, в которой будет отмечен корпус и № камеры сына; всю провизию нужно связать в узлы и надписать № корпуса, № камеры и фамилию заключенного; стать в ряд (в очередь) и подать в окно тюремщикам; карточку, выданную из конторы, вручить другому тюремщику и нас вызовут, когда дойдет очередь. Предъявив свои виды, мы получили билеты и все выполнили, как было сказано.

Наконец нас вызвал тюремщик, отпер огромный замок в железной решетке, впустил в коридор и дверь за нами тотчас же запер; два других тюремщика указали, куда нам идти. Пройдя одним коридором, мы повернули за угол в другой, потом направо в 3-й. Этот последний был на 5-6 ступенек выше предыдущих, аршина 2 ½ шириной, довольно светлый; по обе стороны у стен стояли скамейки, на которых сидело уже человек 20. Пересмотрев публику, мы начали знакомиться с окрестностями. Направо в окно виднелась через стены тюрьмы противоположная сторона Невы, налево – внутренний двор тюрьмы, по которому изредка проходили арестанты и проносили дрова, воду и проч.

Дошла, наконец, очередь до нас. Щелкнул замок, отворилась тяжелая дверь, и мы были впущены в тюрьму и тотчас же заперты. Широкий бесконечный коридор, по которому видны были трубы для отопления и направо, и налево двери камер, тянулся и, видимо, пересекался другими коридорами, в точке пересечения было очень светло. Нам указали на дверь пустой камеры, где сидел жандармский ротмистр. Вскоре из коридора вышел Володя и с возгласом удивления: «Папа? Ты приехал?» - мы обнялись и расцеловались. Он заметно побледнел и похудел; отросшая борода и волосы на голове еще более оттеняли худобу лица. Мы с Васей уселись по одну сторону столика, прислоненного к столу, Володя – по другую, ротмистр нас разъединял. Начался сдержанный сначала разговор.

- Как моя мама поживает?

- Плачет, но надеется, что скоро ты будешь освобожден.

Он сдвинул брови и по его лицу прошла тень грусти. Чтобы смягчить это впечатление, я рассказал ему про мнение Аккурти, Славинского, почти со стенографической точностью передал мнение Бирилева, рассказал про Яковлева. На мой вопрос – находит ли он нужным, чтобы я повидался с Бирилевым, Володя ответил, что ему кажется это лишним. Потом я рассказал ему про наше пребывание в Киеве, про дядю Мишу, про его книгу; спросил, что ему нужно. Он просил достать ему одну английскую книгу о кораблестроении и цветные карандаши. На прощанье я сказал ему, что вероятно ко вторнику он будет освобожден. Но такие дела, как оказалось потом, жандармами не скоро делаются.

Нас быстро выпроводили с Васей, всюду защелкали замки и мы оказались снова в преддверии ада – приемной «Крестов». Здесь мы встретили плачущую невесту студ. Финка, которая не могла добиться свидания с ним, но принесла ему белье и провизии. Наконец мы вышли на набережную и вдохнули полной грудью петербургского воздуха, который после Крестов нам показался свежим и приятным.

В тот же день мы зашли к Машуре, а потом я поехал к Яковлеву, у которого проговорил часа 2 ½.

В субботу я был в морском штабе, но опоздал и Славинский был уже на заседании адмиралтейств-Совета. Из штаба я поехал в Жандармское Управление на Тверскую и свез туда книги для передачи Володе. Вечер провел у Машуры. В воскресенье под проливным дождем искали квартиру и вечером переехали. Устроив, таким образом, вполне Васю, я принял все хлопоты и хождения на себя, а Вася получил возможность заниматься сопротивлением материалов.

Понедельник и вторник были посвящены то хождению к адвокату, то к Небогатову, у которого я засиживался до поздней ночи, обсуждая положение дел сына; во вторник был на свидании с сыном в Крестах, который об освобождении ничего не получал. Наконец в среду, полный то надежд, то сомнений, я отправился в Жандармское Управление. Здесь я застал толпу еще больше. Едва можно было добиться к столу, чтобы написать записку о свидании с тов. пр-ра Аккурти. На лестнице у стола жандармск. ротмистра, который прочитывал записки и давал по ним заключения, появилось много новых лиц. Два бледных, изможденных молодых человека, как оказалось, три дня тому назад выпущенных из дома Предварит. заключения, желали добиться получения своих паспортов. Но их посылали то в охранное, то в жандармское отделение. Они были так слабы, что стоять на лестнице не могли и сидели на ступеньках. Один пожилой рабочий добивался узнать, где сидит его сын, которого арестовали дня 3 тому назад. Но этого не мог сказать и ротмистр и направлял его в охранное отделение. Невеста студента Финко тоже была здесь и ходатайствовала о разрешении свидания с женихом, но ей не разрешали, т.к. будто бы следствие не окончено. Одна пожилая женщина добивалась узнать, когда из пересыльной тюрьмы увезут в Сибирь ее мужа и сына, чтобы иметь возможность проститься с ними. Наконец меня позвали жандармы к Аккурти.

Молодой человек с серьезным видом сидел за столом и что-то писал. При моем входе он поклонился и пригласил сесть. Здесь же ходил какой-то несуразный, хромой и толстый, небольшого роста жандармский генерал, с удивительно простонародным выражением некрасивого лица. Начался разговор.

- Я пришел узнать о судьбе моего сына, которого Вы обещали в прошлую среду «на днях» выпустить.

Я говорил с прокурором палаты Камышанским, и он ничего не имеет против освобождения Вашего сына. Но вот в чем дело. Вы могли бы внести за него залог?

- А как велика сумма?

- Да, например, рублей триста.

- Вероятно, смогу.

- Нужно внести только деньгами, а не процентными бумагами.

- Постараюсь.

- В таком случае приходите завтра и приносите деньги, я дам приказ об освобождении.

- Но меня завтра не пустят сюда, т.к. завтра не приемный день.

- Вот Вам пропуск.

На клочке бумаги мне был написан пропуск в Жанд. Упр. к тов. пр-ра Аккурти.

На другой день (четверг) к 10 часам я был в Жанд. Управлении. Аккурти еще там не было, но жандармские ротмистры и подполковники то уходили, то приходили, веселые, болтающие. Видно

те живые, которых они томили по тюрьмам, нисколько их не трогали и они их рассматривали просто как «дела» в синих папках, опротивевшие им.

Явился, однако, и Аккурти и тотчас позвал меня к себе. Он был чем-то как будто озабочен. То подходил к телефону и говорил с кем-то, то перешептывался, по-видимому, с другим тов. пр-ра. Наконец, он мне объявил, что приказ об освобождении сына он написал, а теперь меня проводят к жандармскому подполковнику Переверзеву, который ведет дело сына.

В том же здании, в отдельной комнате сидел восточного типа, лет 45 брюнет, с каким-то мечтательно-меланхолическим выражением лица, в форме жандармского подполковника, который и обратился ко мне с мягкими нотками в голосе, но с пылливо смотрящими глазами, с следующей речью;

- Прежде чем отдать Вашего сына Вам, я должен знать, кому его отдаю, действительно ли Вы его отец?

- У меня есть паспорт, в котором прописан мой сын ...

- Нет, этого мало.

- Случайно у меня есть фотография сына.

- Покажите. – Да это он. Но и этого мало. Вы должны мне дать показания о своем сыне.

- О, пожалуйста, извольте спрашивать.

- Расскажите мне его биографию. То, что Вы расскажете, запишите на этом листе.

- Воспитывался он в Белгородской гимназии, которую окончил первым с золотой медалью. Любя море и корабельное дело, поступил в морское инженерное училище, которое также окончил первым, получив все премии, которые там выдаются. Выпущен в Петерб. порт и был назначен доканчивать постройку «Орла». На этом броненосце был отправлен с эскадрой Рожественского, перенес все невзгоды морского похода, участвовал в Цусимском бою, потом попал в плен на сдавшемся броненосце, 2 ½ мес. был в госпитале, а всего 9 мес. в плену. Через Америку, Англию, Францию, Швейцарию, Австрию и Волочиск возвратился в Белгород.

- Да, все это так, но какая жалость, что такой способный юноша и пишет такие ужасные вещи.

- Что же он написал? Нельзя ли и мне прочитать?

- Просто ужасные вещи. Нет, Вам нельзя читать. Ведь Вы знаете, он был в Киеве.

- Да, знаю.

При этих словах в глазах ротмистра вспыхнули огоньки, которые он тотчас же погасил, но это от меня не ускользнуло, т.к. я все время пристально смотрел на него. Он совершенно небрежно спросил меня:

- А чего он там был?

- Он был у своего родного дяди, моего брата, ген.-майора Костенко, члена военно-окружного суда, недавно возвратившегося из Порт-Артура.

Разочарование было полное. Очевидно, он ожидал услышать от наивного отца, каким я ему несомненно казался, нечто иное. Он, однако, не унимался и продолжал.

- А когда он был в Киеве?

- Возвращаясь из плена, он из Волочинска поехал на Киев, где должен был ожидать поезда 4 часа. Этим временем он воспользовался и побывал у моего брата.

Переверзев задумчиво смотрел в окно. Потом, как бы про себя, заметил, что откуда же и происходят Цусимы, как не из таких случаев. Я ничего ему не отвечал и спросил, что должен записать.

Окончив показания, я спросил, когда же сын будет освобожден.

- О, это еще не скоро. Нам необходимо проверить многое и навести справки.

- А как же тов. пр-ра говорил мне, что он написал приказ об освобождении?

- Да какое значение он может иметь для нас? Вы с самого начала не туда обратились, куда нужно. Вам следовало раньше всего побывать у меня.

- Я не знал. Но я был в морском штабе и знаю, что министр Бирилев очень сожалеет ...

Тут коротко я ему рассказал, что мне сказал Славинский.

- Да, вот если бы министр написал нам, тогда дело другого рода было бы.

Все это начало меня раздражать и я спросил Переверзева:

- Скажите, полковник, Вы ничего не имели бы, если бы я подал прошение прокурору палаты о разрешении моему сыну выехать за границу? Ведь ему угрожает три года крепости, здоровье его

подорвано, выпускать Вы его не намерены, а для правосудия будет все равно, если он уедет, как изгнанник.

Полковник на некоторое время задумался; потом, придав веселое выражение своему лицу, ответил:

- А что же, подавайте, только не прокурору палаты, а директору департамента полиции Ту-севичу.

- Вы же не будете, полковник, препятствовать его выезду?

- Если директор Деп. полиции прикажет, то как я могу препятствовать? Вы, однако, навещайте ко мне.

На этом мы расстались с Переверзевым.

Домой невесело мне было возвращаться и я бесцельно бродил по Петербургу. Наконец решение мое созрело, прошение я обдумал; придя домой и обсудив с Васей положение дел, я написал директору департамента полиции след. прошение:

«Сын мой, Владимир Костенко, корабельный инженер адмиралтейства, в 1904 г. назначен в эскадру адмирала Рожественского и после Цусимского боя пробыл 9 мес. в плену, в том числе 2 ½ мес. в госпитале вследствие случайного разрыва Ахиллова сухожилия; в апреле 1906 г. он возвратился в Россию и в настоящее время арестован, заключен в одиночную тюрьму и к нему предъявлено обвинение по 132 ст., п. 2. Здоровье сына и до этого уже было подорвано, а потому мы с женой просим, как милости, о разрешении нашему сыну выехать за границу». Далее следует подпись и адрес. Выяснив, таким образом, точку зрения жандармов, я решил больше к ним не являться и действовать теперь через директора департамента полиции и Бирилева, чтобы освободить сына.

В четверг я отправился в половине 12-го дня по Фонтанке пешком в Министерство Внутр. дел, полагая, что там и департамент полиции. У министерства я увидел множество экипажей, взволнованных полицейских, казаков и какую-то необычную суету. Спросив у полицейского, где департамент полиции, который оказался по Фонтанке гораздо дальше, я спокойно пошел, не подозревая даже, какое крупное событие совершилось в Фонарном переулке за полчаса до этого. У № 16 по Фонтанке, где помещается департамент полиции, 2 полицейских и околоточный расхаживали перед дверью, не обращая внимания на проходящую публику. Поднявшись по лестнице, я был остановлен огромного роста швейцаром, увешанным крестами и медалями, который загородил мне дорогу и довольно грубо спросил:

- Что Вам угодно?

- Сегодня приемный день у директора департамента полиции и я хотел подать прошение и лично видеть директора.

- Сегодня директор не принимает. О чем Ваше прошение?

- Прошение об освобождении сына.

- Пожалуйте к дежурному чиновнику.

К удивлению моему в приемной никого не было из публики. Дежурный чиновник прочитал прошение, сказал, что оно будет доложено директору, а в след. четверг просил зайти и узнать о результате.

На другой день, в пятницу, я был в Крестах на свидании у сына; оказалось, что его никто не вызывал. Сыну я рассказал, что Переверзев не желает его освобождать, т.к. он будет наводить справки о пребывании Володи в Киеве.

-А, это они узнали, что я из Вены взял билет через Волочинск до Киева, до Белгорода же мне не могли выдать, - сказал Володя.

Я решил терпеливо ожидать результата поданного прошения, а к жандармам уже больше не считал нужным являться. Суббота и воскресенье у меня прошли в посещениях знакомых, в среду я рассчитывал побывать у Аккурти.

В воскресенье часов в 11 вечера, когда мы с Васей сидели и мирно занимались каждый своим делом, мы услышали резкий звонок и вслед за тем вопрос: здесь г. Костенко. Оказалось явился околоточный надзиратель и принес мне из жандармского управления бумагу, в которой значилось, чтобы в понедельник к 11 ч. я явился в жандармское Управление, принес бы залог в 300 р. и получил бы сына. Такая благоприятная неожиданность нас очень порадовала, я не спал почти всю ночь и на другой день к 11 часам я был уже в жандармском Управлении.

Вскоре меня попросили к Переверзеву, который сидел по-прежнему в кабинете с меланхолично-мечтательным видом и обратился ко мне с вопросом:

- Почему Вы так долго не являлись и я вынужден вызывать Вас во второй раз?

- Я отвечал, что только вчера получил от него повестку и сегодня же явился. Не являлся же потому, что ожидал результата от поданного мною директору департамента полиции прошения.

- О чем Вы писали директору?

- Писал о сыне, как Вы мне посоветовали и просил разрешения выехать за границу, т.к. Вы сказали мне, что освободить его не можете.

- Теперь я собрал все сведения и освобожу его, но сегодня мы не успеем это сделать, а завтра я Вас попрошу приехать сюда в час дня, принести залог 300 р., на получение которого Вам выдам расписку и Вы получите сына.

- Но меня завтра не пропустят к Вам, т.к. это неприемный день.

- Я Вам выдам пропуск.

На этом мы расстались.

Во вторник, по пути в жандармское Управление, я зашел в департамент полиции, чтобы навести справки о резолюции на моем прошении. Посетителей уже было много, толпились вокруг стола с бланками и каждый спешил написать, какую ему нужно справку и вручить дежурному чиновнику. За столом сидела какая-то симпатичная барышня, по-видимому, курсистка, и уже писала третью или четвертую записку по просьбе неграмотных. В это время к столу подошла пожилая женщина лет 50, в черном платке и черном пальто, бледная, грустная, но спокойная и обратилась к барышне с просьбой написать и от нее записку.

- А Вы о чем просите? - обратилась та к ней.

- Да вот сын мой, рабочий с завода, 20 лет, в прошлый четверг ушел из дому и больше не возвращался. Должно быть арестован.

- Как фамилия?

- Василий Топориков.

- Как Вы назвали фамилию Вашего сына? - обратился к ней какой-то господин, стоявший возле нее.

- Топориков.

Господин как-то печально посмотрел на нее и отошел в коридор.

Фамилия эта показалась и мне почему-то знакомой; я начал припоминать и мне показалось, что я сегодня утром что-то о нем читал в утреннем номере «Биржевых ведомостей». Выйдя в коридор, я спросил неизвестного мне господина, не может ли он припомнить, что было сообщено сегодня в «Бирж. ведом.»?

- Вчера на рассвете расстрелян в Кронштадте в числе 11 (или 8) экспроприаторов в Фонарном переулке, - коротко ответил он мне.

Вечером я снова просмотрел номер и о Топорикове было сказано, что он расстрелян «за покушение на ограбление лавки»⁴⁷ где-то вблизи Фонарного переулка.

Я снова вошел в зал и увидел, что мать Топорикова, подав записку, уселась на стуле и с тем же спокойно-грустным выражением смотрела в пространство. Видимо, эта женщина не имела никакого понятия ни о военно-полевых судах, ни о их кровавой расправе. Она прожила жизнь, судя по платью, в относительном довольстве и с верой в законные действия начальства. Какая бездна ужаса и горя ожидала ее впереди, когда она узнает, что сын расстрелян даже не за убийство, а за «покушение на ограбление лавки!» Как много она должна пережить сегодня! Вероятно, она слышала, как мать рабочего, об арестах рабочих, но она и мысли, видимо, не допускала, что за покушение на ограбление расстреливают через 2-3 дня.

Время подходило уже к половине 1-го и я, не дождавшись справки, уехал в жандармское Управление. Предстоящая радость освобождения сына была отравлена этой безобразной, отвратительной системой истребления человечества. Часа через 1 ½ меня попросили к Переверзеву, где я увидел за столом Володю. Расцеловавшись с ним, я спросил его, давно ли он тут. Оказалось с 11 часов. Скоро были выполнены все формальности, я внес 300 р., получил расписку, а Володя – билет, и мы уехали в Кресты за вещами. По пути я заехал в департамент полиции, навести еще справки о своем прошении. Топорикова сидела в той же позе и на том же стуле, терпеливо ожидая справку, с тем же грустно-спокойным выражением на лице. Меня еще не вызывали и мы уехали в Кресты.

Пройдя ворота и поднявшись вверх по лестнице, мы вошли в приемную, где Володя привратнику заявил, что он освобожден, - вот его билет и просил пройти в камеру собрать вещи. На это ему ответили, что вещи его они сами соберут, а в камеру теперь пройти нельзя. Минут через

⁴⁷ Подчеркнуто в машинописной копии

10 принесли его порт-плед, книги и 29 листов его сочинения – «Флот и Цусима», которое он доканчивал в камере. От начальника тюрьмы были добыты погоны и кокарда фуражки, которые были отобраны у Володи, или же ему предоставляли выбор перейти в военную тюрьму, если он желает носить их. Собравши все вещи, мы их взяли, вышли за ворота тюрьмы и отправились на извозчике снова в департамент полиции. Там я застал такую сцену. Топорикова стояла с какой-то симпатичной девушкой, по-видимому курсисткой, а чиновник объяснял ей, что точную справку она может получить о сыне в канцелярии военно-полевого суда, Фонтанка, № 151. Видимо, здесь ей не решались сообщить о постыдных действиях и отсылали к самим палачам, чтобы те сами поведали родным о своих кровавых делах.

Вечер втроем мы провели в разговорах по поводу пережитого. На другой день Володя должен был отправиться в портовую контору и подать рапорт с объяснением о своей 22-дневной неявке на службу. Он предполагал, что теперь он получит отставку, как скомпрометированный. В 11 часов ночи резкий звонок заставил всех нас вздрогнуть. Оказалось, что околоточный принес мне бумагу из департамента полиции с извещением, что мое прошение передано прокурору палаты Камышанскому, от которого я и имею получить ответ на свое прошение. В ту же ночь мы телеграфировали в Белгород, что Володя поселился с Васей, а я на днях уеду в Белгород.

1910 – 1911 г.г.

Арест, заключение в Петропавловск. крепости и суд над
шт. капит. корпуса корабельных инженеров
Владимиром Полиевктовичем КОСТЕНКО

С 23 марта 1910 г. по
20 декабря 1911 года

Книга 1-я

Воспоминания отца заключенного,
П. И. КОСТЕНКО

«О, край родной, Россия!
Нам, сынам твоим известно,
Как на твоём просторе тесно,
И в узах мучится душа ...»

Жемчужников

Мои «воспоминания» о деле сына

Форма изложения в виде «воспоминаний» по политическому делу сына, - шт. капит. корп. кораб. инженеров Влад. Пол. КОСТЕНКО, - есть наиболее удобная для меня, т. к. она дает мне возможность с исторической верностью излагать ход событий, отношение лиц и учреждений к заключенному и его «делу», а также состояние и переживания самого заключенного. Попутно мне придется коснуться и дела о его бракосочетании, которое одно время явилось доминирующим для сына, его двух невест, и нас, его родителей. «Воспоминания» вообще вносят в изложение личный характер автора и его взглядов, поэтому в изложении трудно было отделаться от своих личных переживаний, которые нередко определяли и направляющую линию моего поведения, в особенности по вопросу о браке. Что же касается отношения к самому делу сына, то, подавляю в себе чувство боли, я старался как можно логичнее и беспристрастно делать выводы из выясняющихся для меня обстоятельств и только тогда предпринимать то или иное действие; если последнее являлось рискованным, то я нередко советовался с лицами, близкими моему сыну, напр. с сыном технологом Василием, электротехником Михаилом, Соней Волковой и Натой Филипповской, впоследствии женой сына технолога Василия. Тактика поведения моего, таким образом, не является случайной, навеянной непредвиденными обстоятельствами, но всегда почти обдуманной и выясняющей обстоятельства дела и отношение начальствующих лиц. Сильный характер сына, его математическая логика, огромная эрудиция во всех областях человеческих знаний, большой авторитет в морском деле, приобретенный и укрепленный во время злополучного похода 2-ой Тихоокеанской эскадры, знание почти всех стран и частей света, высокие моральные качества и душевная чистота требовали большой осторожности как в сношениях с ним, так и с высшими чинами морского министерства, знающими его лично, с которыми мне много раз приходилось говорить по делу сына, или ходатайствовать о чем-нибудь.

Изложение дела покажет, насколько мне удалось выяснить все обстоятельства дела, как относились жандармские власти, прокуратура, министры, судебная палата в лице патентованного ее юриста, - старшего председателя Палаты Сенатора Крашенинникова, не менее патентованного прокурора Палаты Корсоко, отношение их к вещественным доказательствам по делу сына, к личности самого обвиняемого, к оценке документов, юридическая сторона которых так просто заменилась в суде и в обвинит. акте оценкой охранного отделения и деп. полиции и принята судом, как *Conditio sine qua non*. Выходя в 12 ч. ночи 10-го июня 1911 г. из залы суда, по окончании процесса сына, я случайно проходил в вестибюле палаты мимо большой мраморной статуи Александра II, строго указывающей на великие слова, сказанные в эпоху реформ: «Правда и милость да царствуют в судах». В Петербургской Судебной Палате я видел «правду» сенатора Крашенинникова и слышал его «милость».

1911, IX, 10.

В излагаемых ниже событиях и разговорах нет ни одного слова неправды, т. к. по окончании разговора с тем или иным лицом я записывал в записную книжку главную сущность разговора, передавая нередко условно его содержание. Так, проф. Крылов сообщил мне в августе содержание рапорта, который он подал в конце марта Морскому министру, прося содержание его довести до сведения предс. Сов. министров Столыпина и шефа жандармов Курлова; этот разговор я по памяти записал в записную книжку; когда после суда мне пришлось познакомиться с подлинным рапортом, то оказалось, что он у меня записан дословно, и мне не было надобности его переписывать. Некоторые мелочи и побочные разговоры и встречи мною опущены, чтобы не усложнять и без того разросшегося изложения этого злополучного дела.

25-е марта 1910 года было первым весенним днем в том году; солнце светило ярко, снег таял под его теплыми лучами и на душе становилось теплее, воскресали нелепые надежды на лучшее будущее среди хаоса русского безвременья и суровой действительности. Приблизительно с таким неясным, но навеянным весной, почти радостным настроением садился я в 2 ч. за стол обедать и взял газету⁴⁸, чтобы быстро просмотреть телеграммы и не особенно испортить себе настроение. Приблизительно 10-я телеграмма по счету была след. содержания: «23 марта в квартире корабельного инженера Костенко произведен обыск, захвачена нелегальная литература и переписка, Костенко арестован». Немного слов, но сколько горя и печали внесли они в наши сердца и мысли. Тяжесть нашего состояния усугублялась еще тем обстоятельством, что в течение 3-х дней ни Вася, ни Миша (два других сына) не нашли нужным известить нас телеграммой и только 26 марта на вокзале, перед отъездом в Петербург, я получил письмо от Валерии Николаевны Соловьевой, которое своим игриво-болтливым тоном еще более влило желчи в душу и возбудило множество подозрений, таившихся и ранее в ней.

⁴⁸ «Южный Край»

«Пишу к Вам 1-й раз в жизни, но к сожалению при очень грустных условиях, - писала Валерия Соловьева. Я была сегодня вечером у Володи и досиделась у него до прихода полиции. У Володи взяли очень много всякого компрометирующего его материала и конечно арестовали. Час тому назад его увезли. Кроме литературы и переписки у него отобрали еще около 500 р. Затем вся полиция отправилась со мною вместе ко мне. Во время обыска у меня жандармский ротмистр сказал про Володю, что там есть полный материал по обвинению по 102 ст. Может это и так, не знаю, пока много зависит от поведения Володи на допросе и суде. Во всяком случае, как только можно будет, я начну добиваться свидания с ним, а дальше возьмусь за хлопоты о защитниках и всем остальном».

Второе письмо ее, которое получено без меня женой, от 26.III, возбудило также множество разнообразных дум своей определенностью и осведомленностью за такое сравнительно короткое время.

«На этот раз, Глубокоуваж. Пол. Ив., - писала Соловьева, - могу сообщить Вам более подробные сведения. Я была в Комендантском Управлении, откуда меня отправили в охранку. Там я назвалась его (т. е. Володиной) невестой, чтобы скорее получить свидание. В свидании мне конечно отказали, но указали каким обр. передать ему вещи прямо в крепость. Он сидит на гауптвахте в Петропавловской крепости. Я направилась к коменданту. Он оказался таким милым старичком, что разрешил мне в присутствии дежурного офицера переговорить с Володей. Это было конечно страшно неожиданно для нас обоих. Меня повели прямо в его камеру. Чувствует он себя хорошо, а настроение у него пока «безразличное», как он выразился. Дело его подвигается быстро вперед и, т. к. по этому делу привлечено еще несколько лиц, то судить их всех будут гражданским судом (судебная палата). Из охран. отд. его дело уже на этих днях передадут в жандармское. У Володи уже был предварительный допрос. Пока особенно серьезных обвинений ему не предъявляют. В охранном меня оч. напугали серьезностью его положения, но это их обыкновенный прием - побольше запугать. Но не скрою от Вас все-таки, что оправдания ни в каком случае ждать нельзя. Службу ему конечно придется оставить. Но это еще самые пустяки.

Комната у него большая и светлая, очень мало напоминающая тюремную камеру. Режим тоже совсем особенный. Кормят хорошо, т. к. разрешают брать обеды из ресторана офицерского собрания. Покупать можно почти все, и передачи тоже принимают. Только вот на воздух совсем не выпускают. У него оч. большое окно с видом на лужок и несколько деревьев перед окнами, так что весну он может и видеть и чувствовать. Обращение офицеров, как мне показалось, очень хорошее. Я не решаюсь писать Вам все во всех подробностях, т. к. боюсь, что письмо может все-таки попасть в чужие руки и быть истолкованным не совсем правильно. Эти дни ему вероятно порядочно скучно, т. к. ему не разрешили взять с собой книг. Я ему уже передала книги через охранку, обещали там передать их немедленно, а завтра отнесу еще прямо в крепость книги, белье и разн. другие вещи. Посылаю Вам вырезку из «Речи», которая бросает некоторый свет на причину ареста Володи. Попытаюсь через некоторое время опять проникнуть к нему. – Не думаете ли Вы сюда приехать? Не решаюсь давать Вам советы, думаю все же, что лучше сделать это немного позже, когда следствие закончится, тогда можно хлопотать о выпуске под залог и это будет всего удобнее сделать Вам как отцу».

Подъезжая к Москве, я купил № «Р. Вед.», где прочитал след.: «Официально сообщается, что 23 марта на одной из улиц Петербурга арестован неизвестный пожилой человек, скрывшийся по сведениям охран. отдел., из Якутской обл. (На другой день в «Р. вед.» вновь было официально сообщено, что неизвестный оказался – Михалевич). Неизвестный отказался назвать себя и указать свое место жительства. При нем найден обширный материал, изобличающий неизвестного к партии с. р. В связи с этим арестом было произведено несколько обысков, причем у корабельного инженера К. обнаружено нескол. экземпляров устава союза военно-революционной организации и незначительное количество номеров подпольного журнала «За народ», органа военно-революционной организации».

И далее: «По поводу ареста агентами охранного отделения 23 марта революционера-пропагандиста, прибывшего из Якутской обл., «Нов. вр.» сообщает, что одновременно в своей квартире был арестован корабельный инженер шт. капитан В. П. Костенко. Охранное отдел. в последнее время наблюдало за деятельностью возникшей в Петербурге военной организации партии социалистов-революционеров, и при этом были получены в охранном отдел. сведения об участии в этой организации шт. капитан Костенко. При обыске, произведенном в его квартире, найдена уличающая его переписка. Костенко препровожден на гауптвахту в Петропавловской крепости, где будет содержаться впредь до особого распоряжения со стороны военно-судного ведомства».

Эти сообщения, хотя и малоопределенные, легли на мою душу таким тяжелым камнем, что я долгое время ни о чем не мог соображать, с чего мне начать по приезду в Петербург. Часа через 3 я овладел своим горем и мысль начала логически работать. Подъезжая утром к Петербургу, я

решил, что ознакомившись от окружающих об обстоятельствах ареста, узнав что у него арестовано из изобличающих его документов и переписки, поехать в штаб к старш. адъютанту штаба С. И. Зилоти и генер.-майору А. Н. Крылову. Добиваться свидания с Володей я решил после того, как буду знать отношение к нему Морского вед. Меня смущала одна заметка в «Р. вед.», что Морской мин. Воеводский 29 марта (в день моего приезда в Петербург) выезжает в Царское село с докладом, таким образом о деле сына несомненно будет доложено раньше, чем я выясню все обстоятельства, могущие облегчить или смягчить обвинения. Я, напр., имел письмо от сына, что 24.III он подает прошение о поступлении в морскую академию, т. к. он решил систематизировать свои знания и пополнить свои теоретические сведения. Трудно как-то вязалось в моей голове мысль при таком его решении – заниматься революционной деятельностью, тем более, что вопрос поступления в академию решен окончательно, как он мне писал.

На вокзале в Петербурге меня встретил сын технолог и сказал мне, что квартира Володи к моим услугам; квартирная хозяйка Маслова очень просит меня остановиться в квартире сына, что я их стеснять не буду и проч. Через 5 мин. по приезде в квартиру, едва я успел познакомиться с хозяевами, явилась Валерия Соловьева, овладела общим вниманием, как очевидица ареста, и сообщила мне след.: в 3 ч. ночи кто-то позвонил с черного хода и на вопрос прислуги дворник заявил, что лопнул водопровод и необходимо осмотреть его у Масловых. Едва она отперла кухню, как орава незнакомых людей ринулась по коридору в комнату сына, где горела лампа; шпик бросился к этажерке, на которой лежала связочка книжек, завернутых в бумагу и завязанных веревочкой, и тотчас предоставил ее жандармск. ротмистру. В связочке оказалось 5 номеров устава революц. военной организации и 30 номеров «За народ»; в кармане у сына найдена б. шифрованная записка и на столе какая-то рукопись. Был составлен протокол, подписан присутствующими, в том числе офицером от армии, а не от флота, как полагалось по правилам. Очевидно, спешка с обыском внушила жандармам мысль не очень церемониться с правилами, а потому морской офицер и не был приглашен, а был взят, вероятно, первый попавшийся. После обыска все направились в квартиру Валерии Соловьевой, где также произведен был обыск. По ее словам пристав предлагал арестовать и ее, но жандармский ротмистр решил, что она может остаться на свободе.

Выслушав все эти сообщения, я решил отправиться прежде всего в штаб, а оттуда в крепость.

Старший адъютант Зилоти оказался в кабинете; на посланную ему карточку, я получил тотчас приглашение – к нему в кабинет.

Последовала обычная рекомендация, приглашение салиться и вопрос, что Вам угодно.

- 23 марта арестован сын мой, шт. кап. корпуса кораб. инж. Костенко, причем у него найдено в связочке несколько экз. каких-то брошюр и какая-то записка. Неужели это могло быть причиной ареста сына и заключения его в крепость.

- Как несколько экземпляров брошюр? У него их найдено около 500 шт., а главным образом множество экземпляров революционного устава для моряков.

- Откуда Вы заимствовали эти сведения? Я утверждаю, что их было около 30, что это была небольшая связочка, связанная веревочкой и открыто лежала на этажерке. На меня все это производит такое впечатление, как будто бы кто-нибудь попросил их сберечь.

- Мне говорил сам Курлов, что у него арестован целый склад нелегальной литературы, около 500 экз., что за ним уже давно следили и теперь удалось захватить его с поличным.

- Я не могу утверждать, является ли находка у него 30 экз. брошюр простой случайностью, или тут имеется дело с провокацией, или просто с хранением, но связочка, как мне удалось выяснить, появилась у него за несколько часов до обыска и ареста. Я прекрасно знаю, что сын был занят не революционной деятельностью, а готовился поступать в академию, у меня есть доказательства этого. 24 марта он должен был подать прошение об этом.

- У меня тоже есть доказательства, что это не первый уже случай с ним. Ведь Вам известно, что он уже однажды был арестован и сидел в тюрьме?

- Этот случай мне известен. Мне известно также, что прокурор не нашел состав преступления, и министр Бирилев прекратил это дело своей властью.

- Да Вы читали ту рукопись, за которую он был арестован?

- В общем я знаю ее содержание; мне жандармский подполковник Переверзев читал ее начало...

Зилоти быстро встает с кресла, отпирает шкаф, который стоит сзади него, достает какую-то папку, перелистывает ее, потом скороговоркой говорит:

- Вам как отцу его я покажу эту рукопись, но прошу Вас, чтобы это осталось между нами. Не угодно ли Вам ознакомиться с сказать Ваше мнение.

Я внимательно читаю рукопись, потом молча возвращаю ему.

- Ну, что Вы на это скажете?

- То же, что и сын. Я совершенно согласен с его мнением, что здесь нет никаких выводов и с арестом следовало повременить, чтобы он их сделал. Но мне известно также, что сын предназначал эту рукопись для вполне легальной военной газеты, которая в то время издавалась. В чем же его можно было обвинить даже в то время, и прокурор отказался от обвинения.

- Ну, обвинять-то можно было, но министр Бирилев потребовал дело к себе и своей властью прекратил его. Вы говорите, что Ваш сын хотел поступать в академию, не желаете ли повидаться с Алексеем Николаевичем Крыловым?

Крылова я видел в 1-й раз, но очень много о нем слышал от сына как об ученом и необыкновенно правдивом и смелом в своих мнениях человеке, обладающим в то же время удивительной скромностью. Да, это лицо стоит лишь раз увидеть и не забудешь его всю жизнь. Большая окладистая с проседью борода, в очках, сквозь которые видны небольшие глаза, выражение которых меняется, - то необыкновенно добрые, то пронизательные, высокий лоб, в общем лицо удивительно располагающее; смотря на него Вы не чувствуете себя стесненным, но в то же время Вы сознаете, что с ним нужно говорить иначе, чем с другими лицами, Вы испытываете невольное напряжение мысли. Довольно высокого роста, сложен - пропорционально росту, генеральский сюртук и Владимир на нем носит как пиджак, они его не украшают, но он снизошел до них. Чувствуется в нем человек высокого интеллекта.

- Я от Вас хотел идти к нему, очень желаю повидаться.

Зилоти звонит в телефон, потом здоровается и говорит:

- У меня сидит отец Владимира Полиевктовича, который хочет повидаться с Вами... Хорошо, мы Вас ждем здесь. Обращаясь ко мне: - Алексей Николаевич сейчас сам придет сюда, от также хочет повидать Вас.

Минуты через три входит генерал Крылов. Зилоти представляет меня и говорит следующее:

- Вот отец Влад. Полиевктовича передал мне сейчас, что у него найдено не 500 экз. революционных изданий, как нам было заявлено, а всего 30; что эти издания были завернуты в бумагу и обвязаны бечевкой; что лежали они на этажерке, среди других книг; что попали они к нему в день ареста. Вся обстановка говорит, что это лишь случайное хранение, а быть может и нечто иное? Арестован он накануне подачи прошения для поступления в академию.

Крылов вдруг взволновался, ударил кулаком по столу и почти вскрикнул:

- Я ведь всегда говорил ему, что необходимо закончить теоретическое образование в академии. Обладая огромным опытом, эрудицией, он должен был пройти систематический курс математических наук. Как жаль, что теперь уже поздно, так как, - обращаясь к Зилоти, - сегодня доклад у Государя об этом деле.

- Я теперь вижу, - продолжал Зилоти свою прерванную мысль, - что эти господа хлопчут получить кресты к празднику. Я сегодня же поеду к Курлову и выясню это дело. Ведь при обыске и аресте не присутствовал морской офицер, нас даже не уведомили об этом. Завтра Вы ко мне зайдите и я Вам сообщу что-нибудь более определенное, - сказал Зилоти, обращаясь ко мне.

Поговорив еще некоторое время о прежней рукописи и повторив в присутствии Крылова обстоятельства обыска и ареста, указав, что взято у сына, как мне удалось узнать, я сказал, что сейчас еду в крепость. Крылов также попросил завтра около 2-х часов зайти к нему в Морской технич. Комитет.

Я уехал в крепость, оставив Зилоти и Крылова о чем-то вполголоса совещающихся.

В крепости я остановился у гауптвахты и просил часового вызвать дежурного офицера. Часовой позвонил в колокол, вышел из здания караул и офицер. Меня пригласили подойти к крыльцу гауптвахты. Очень молоденький офицер откомендовался, я тоже назвал свою фамилию и на вопрос, - что мне угодно, - спросил: здесь ли содержится шт. кап. Костенко и могу ли я его видеть. Офицер ответил утвердительно, а по вопросу о свидании предложил отправиться к коменданту крепости, генералу от инфантерии Комарову. Поблагодарив его за указания, я отправился в квартиру коменданта, которая расположена вблизи гауптвахты, против Петропавловского собора. Позвонив в верхнем этаже и назвав себя, я был вестовым введен в кабинет коменданта, - очень большую комнату в 3 окна, с видом на гауптвахту, а минуты через 2 из внутренних покоев показался и комендант Комаров. Это был глубокий старик, очень небольшого роста, с «Георгием» на шее, в серой тужурке, с белыми генеральскими погонями, на которых звездочек не было (стало быть высокопревосходительство, подумал я) и коническим лысым чепцом.

Слегка поклонившись и не подавая руки, он спросил меня, кто я такой и что мне угодно.

-23 марта, Ваше высокопревосходительство, - ответил я, - здесь, в Петербурге, арестован мой сын, шт. кап. корп. корабельных инженеров Костенко и содержится в крепости на гауптвахте. Я

решил беспокоить Ваше высокопревосходительство просьбой разрешить мне свидание с сыном, - я сегодня утром приехал и был уже в Морском штабе.

- За что Ваш сын арестован?

- Я узнал на его квартире, что у него найдено несколько книжек каких-то.

- Так, вероятно, чепуха?

- На меня производит впечатление, что действительно чепуха.

- А все же нехорошо; будучи офицером, он держит какую-то чепуху, из-за которой вот и Вам причинил столько беспокойства. Где он служил?

- Он служил в морском ведомстве, в технич. ком., был участником Цусимского боя; по возвращению в Россию через Америку был назначен на постройку «Рюрика»; прожил в Англии 1 ½ года, теперь же был на постройке броненосца «Андрей Первозванный» и готовился поступать в академию. Арест его меня крайне огорчил и я считаю, что это какая-то случайность.

Комаров все время ходил по кабинету; при последних словах остановился передо мною и минуты 3 смотрел в упор. Потом взгляд его как-то потух и он меня спросил:

- Где Вы служите и какую должность занимаете?

- На железной дороге, врачом.

- Так Вы значит доктор? А сколько бы Вы мне дали лет?

На этот вопрос - я быстро решил в уме - нужно отвечать с большим приближением к истине, но скорее в сторону молодости, чем старости.

- Я бы Вам дал 68 лет, до 70.

- А вот видите, а мне уже 72 года. Значит я кажусь моложе своих лет, несмотря на ту тяжелую боевую службу, которую я перенес.

Молчание. Я вижу, что нарушить его должен я, предыдущий разговор подготовил для этого почву, а потому спросил его:

- Где, В. В., изволили получить «Георгия»?

Комаров как бы ждал этого вопроса и немедленно ответил:

- За взятие Карса, батюшка! В наше время служили не так, как теперь; мы только думали о службе, а не так как, вот видите, Ваш сын, занимается какими-то посторонними делами. Офицеру это не полагается. Вот он и умный, и много видел и сделал, а все же не удержался на своей позиции, вот и Вас огорчил... В наше время составлена была диспозиция, как идти на приступ Карса. Дело это тянулось бы очень долго и успех его был бы неизвестен, а мы обошли крепость и через час уже по неприступной и никем не защищаемой отвесной скале взобрались и водрузили флаг на крепости. Вот за это дело я и получил «Георгия» на шею.

Пауза.

- Да, я помню это время, я был тогда студентом Харьковского Университета. Какой радостью взятие Карса отозвалось в России. Ведь в то время мы терпели неудачи и огорчения в Европейской России и под Плевной, Горным Дубняком и проч. Какое-то уныние обуяло всех... и вдруг - взятие Карса.

- А, так Вы помните это время? Вот видите и хорошо, что так кстати пришлось вспомнить это время подвигов.

Молчание. Взор у генерала как-то потух и он старческой походкой продолжал ходить по кабинету, а я стоял у письменного стола и следил глазами за ним. Я никак не мог понять, почему он так задерживает разрешение моего вопроса о свидании с сыном, а темы для разговора все исчерпываются, поэтому я решил спросить его:

- Так я могу надеяться, В. В., на разрешение о свидании с сыном?

- Да, я не могу Вам отказать в этой просьбе, но поджидаю дежурного офицера, который сейчас сменяется по караулу и сейчас придет доложить мне.

Я действительно увидел в окно процедуру смены караулов.

Видимо, чтобы поддержать разговор, генерал спросил меня:

- Что же, Ваш сын, вероятно, много Вам рассказывал про Цусимский бой и про плен?

- Да, он не только рассказывал, но почти поминутно записал Цусимский бой. Он единственный корабельный инженер, который уцелел после боя, и считал, что на нем лежит и моральная ответственность дать отчет о бое и боевых качествах судов. Будучи в плену 9 месяцев, он совместно с несколькими офицерами произвел анкету среди 2500 моряков, уцелевших после боя, таким образом он собрал ценный материал эволюции боя, гибели судов, степени повреждения их

и проч.; он узнал свидетелем чего каждый из моряком был и воспроизвел не только картину боя, но и участи каждого судна в нем.

- Вот видите какой он умный. Что же, он получил какую-нибудь награду?

За Цусимский бой получил «Анну» с мечами и бантом, а за наблюдение за построшкой «Рюрика» - «Станислава» на шею.

В это время в передней послышался шорох раздевающегося человека и вскоре явился офицер, который, вытянувшись, отрапортовал, что по крепости все обстоит благополучно и кажется, что он вступил в дежурство.

Генерал подал ему руку, и, указывая на меня, сказал:

- У Вас на гауптвахте содержится офицер, к которому сегодня приехал отец и желает повидаться с ним. Я разрешаю ему повидаться с сыном, - а Вы пожурите его и прочитайте ему наставление, - добавил он, обращаясь ко мне, - но Вы присутствуйте во все время свидания, ну - в течение часа, что ли, - сказал он офицеру.

Офицер отрекомендовался, повернувшись ко мне, и подал руку, я также назвал себя.

- Ну, теперь с Богом, - сказал генерал, подавая мне и офицеру руку.

Через минуту мы уже были в помещении гауптвахты, в которой офицер потребовал к себе хранителя ключей и приказал ему отпереть дверь в верхнем этаже гауптвахты.

Мы вошли в коридор, по обе стороны которого были двери, у последней двери направо офицер остановился и приказал отпереть ее.

Володя, видимо, ходил по камере и в изумлении остановился посередине ее; на лице его изобразился испуг и какой-то страх при виде меня.

- Папа, как ты сюда попал, кто тебя пустил?

- Сегодня приехал, - скал я, крепко обнимая его и целуя, - был сейчас у коменданта Комарова, который и разрешил мне свидание с тобой.

- Папа, комендант не имел права разрешить тебе свидание, меня еще не допрашивали, уходи отсюда...

Положение мое в присутствии офицера становилось и неловким, и такого нападения я не ожидал, поэтому сказал довольно серьезно:

- Ну, оставь, пожалуйста. Я пришел на законном основании - комендант разрешил мне свидание с тобой в присутствии г. офицера, лучше поговорим о тебе и вновь создавшемся положении.

Это обращение подействовало на сына несколько успокаивающе и он направился к столу, на который сел, а мне предложил единственный стул, офицер поместился на диване.

Комната была довольно большая, квадратная, в 2 окна, которые были обращены к Петропавловскому собору и на лужайку, где находился караульный солдат; окна были с решетками, у дверей прочные запоры и глазок.

- Как ты узнал, папа, что я арестован и когда приехал? - спросил меня сын.

Я кратко передал все предыдущее, относящееся к делу, передал разговор с Зилоти и Крыловым, а также их обещание завтра передать мне разговор с Курловым.

- Как мама приняла извести об аресте?

- Мама плачет и томиться неизвестностью. Сегодня я ей напишу, что видел тебя и ты здоров. Лицо сына омрачилось и по его лицу прошло облачко грусти.

В дальнейшем разговоре выяснились обстоятельства ареста, *corpus delicti* в количестве 36 экз., шифрованная записка, содержания которой он не знает и какая-то рукопись. Все это было принесено ему днем, а ночью был произведен обыск и арест.

Во время нашего разговора офицер читал газету, в разговор не вмешивался и держал себя вполне корректно.

Через час мы расстались; деланное веселое настроение мое исчезло и грустные мысли снова толпой втиснулись в голову. Возвращался я домой пешком, чтобы обдумать все на завтрашний день, для сегодняшнего дня - все было сделано. Я долго сидел по другую сторону Невы против крепости на скамейке Дворцовой набережной и как-то безнадежно смотрел на угрюмые стены, которые заключили моего сына.

Из всего было видно, что дело не может быть прекращено, и нужно уже заботиться о приискании присяжного поверенного; однако, промелькнувшие мысли я уложил на дно сознания, а сверху поместилась мысль о завтрашнем дне, который как будто что-то сулил.

Домой я вернулся около 4-х часов, а вечером первая пришла Валерия Николаевна, потом Софья Михайловна, Вася и Миша. Под впечатлением моего рассказа о разговоре с Зилоти и Крыловым появились надежды, что может быть вмешается в это дело Морское министерство и изменит то тяжелое настроение, которое создалось вокруг него. Впрочем, эти надежды разрушила Валерия Николаевна, которая уже успела побывать в Охранном отделении и там ей сообщили, что дело весьма серьезное и нужно готовиться к наказанию по 1-й ч., 102 ст.

На другой день в 12 ч. я поднимался по лестнице морского штаба к Зилоти, который в это время спускался с лестницы и видимо куда-то спешил.

Поздоровавшись, и не останавливаясь, он сказал, что был у Курлова, который считает Владимир. Пол. главой революционной партии; но это чепуха, Влад. Пол. оправдывается; он изобличается во многих преступлениях и дело дойдет до суда, но это преувеличено и наверное все окончится пустяками. В шинельной он распростился, а я в подавленном настроении направился в технич. комитет к А. Н. Крылову.

В приемной мне пришлось просидеть около часа в ожидании Крылова, который где-то был и я невольно слышал разговор курьеров о сыне.

- А Костенко-то сидит в Петропавловской крепости, - начал было один.

- Цс..., - остановил его другой, который видимо прочитал мою карточку, переданную для Крылова.

Наконец меня попросили в зал технич. комитета, на пороге которого довольно приветливо встретил меня Алексей Николаевич.

- Я был сейчас у министра Воеводского и узнал, что сын Ваш вчера приказом уволен из Морского министерства. Таким образом я теперь лишен возможности, как бывший его начальник, ходатайствовать о нем. Дело о Вашем сыне поставлено довольно серьезно. Мне очень жаль, что такой даровитый и с таким огромным запасом сведений человек теперь потерян для морского ведомства. Но может быть все окончится и благополучно, я во всяком случае подам о нем рапорт министру, аттестуя его с самой лучшей стороны, как я его знаю. Если я в чем-нибудь буду полезен Вам, то, пожалуйста, заходите или пишете.

Поблагодарив Алексея Николаевича, я вышел из штаба в довольно унылом состоянии. День начался положительно безнадежными сообщениями. Мнение Курлова и отчисление от Морского министерства, с одной стороны, вызывали надежду на освобождение сына, с другой, лишали возможности опереться на лиц, знающих сына. Для Морского министерства он уже был чужой. С такими невеселыми думами я решил ехать в крепость, чтобы повидать Володю и хоть немного поговорить с ним, облегчить нависшую тяжесть на душу. В крепости однако меня ожидал еще больший удар.

Приехав в крепость, я направился к дому коменданта, передал рассыльному карточку и был тотчас приглашен в кабинет. Вскоре за дверью направо от входа я услышал шорох и на пороге показался комендант Комаров, которого я прямо не узнал. Лицо его было необычайно гневно, в старческих глазах горела какая-то ненависть; ворот ночной рубахи был расстегнут и на голой шее как-то уныло болтался георгиевский крест, тужурка была небрежно и видимо второпях надета и расстегнута. Подойдя вплотную ко мне и не отвечая на мой поклон, он гневно начал:

- Вы меня обманули. – Пауза. – Вы меня обманули. Вы сказали, что Ваш сын невинен, или мало виновен, он же далеко не невинен. Говорите, что Вы знаете о нем, из этих четырех стен ничто не выйдет.

Пока он говорил, я чувствовал, что лицо мое побледнело; судорога негодования начала дергать мое лицо; но в этот день я слишком много уже слышал неприятного, а потому немедленно овладел собой и смотря в упор генералу, медленно, но также повышенным голосом, сказал:

- Все, что я Вам сказал в прошлый раз, я повторю и сегодня. Если мой сын так виновен, как Вы изволите говорить, то значит я не знаю в чем его вина.

Наступила продолжительная пауза и мы продолжали стоять друг против друга и смотреть пристально в глаза. Вдруг огонь в глазах генерала потух, лицо приняло прежний старческий вид, он прошелся по комнате и начал тихо говорить:

- Так Вы говорите, что Вы другого ничего не знаете про своего сына? Да, это может быть, ведь Вы приехали всего несколько дней тому назад; а последний раз, когда Вы его видели?

- На Рождественских праздниках он прогостил у нас неделю.

- И Вы ничего за ним не замечали? О чем же Вы говорили с ним?

- Ничего не замечал, сын всегда со мной был откровенен. Мы много говорили про английское судостроительные заводы, про английские дредноуты, про русское судостроение, про Цусимский бой и тот опыт, который можно извлечь из него. Вообще у нас с сыном много было тем для раз-

говора из недавнего прошлого, участником которого он был, и из которого он извлек много поучительного, что и изложил в 2-х своих докладах-лекциях, прочитанных в Морском министерстве в присутствии министра и высших морских чинов. Он был очень заметной величиной в Морском ведомстве и даже вчера я слышал от Главн. инспектора кораблестроения генерала Крылова самый лестный о нем отзыв, как об ученом и...

- Чем же Вы объясняете случившееся с ним? Ведь нам житья нет от этих революционеров.

- Как я Вам говорил, мне известно, что у него нашли при обыске связочку книг, перевязанную бечевочкой; книга нелегальная; на меня это производит впечатление, что его попросил кто-нибудь сберечь их. Сын мой видел смерть в глаза, долго прожил за границей, а потому привык не бояться каких-то брошюр; человек он очень доверчивый, мало заботящийся о себе и своей безопасности, а потому мог принять их, даже не зная, что там содержится...

- Хорошо еще раз Вам поверю и разрешу свидание с Вашим сыном. Теперь объясните мне вот что. На днях приходит ко мне какая-то девушка или дама, - Бог ее знает, - так себе, заурядная, и просит разрешить ей свидание с женихом, Вашим сыном. Я ей разрешил. На другой день ко мне влетает другая девица... Ну, эта я Вам скажу: вот-что. - Генерал сложил все пять пальцев левой руки вместе и поцеловал их. Старческие глаза его заблестели огоньком. - И говорит мне, что она невеста и просила, кажется, тоже о свидании. Так скажите же мне, кто они такие и которая же из них невеста его?

- Не знаю, В. В., которая из них невеста, сын мне ничего об этом не говорил, но знаю их обеих. Первая - это Соловьева, дочь бывшего пом. начальника ст. в Белгороде, почти одного возраста с сыном, детьми они играли вместе, окончила гимназию в Белгороде. Вторая - это Филипповская, дочь пом. нач. Балтийского судостроительного завода...

В это время за дверью послышалось звяканье шпор и в кабинет вошел высокий, статный капитан, довольно красивый, и отрапортовал, что в крепости все обстоит благополучно. Комендант подал ему руку. Офицер обратился ко мне и отрекомендовался, назвав свою фамилию Серболов.

- Это отец заключенного шт. капит. Костенко, я ему разрешил свидание, так Вы присутствуйте... Ну, в течение часа.

Вдруг Серболов вытянулся в струнку, как-то выпучил глаза и взволновано заговорил:

- В. Выс-во! Шт. кап. Костенко находится под замком, а поэтому осмеливаюсь доложить, что разрешение на свидания зависит от Комендантского Управления.

- Ну, вот видите, - сказал Комаров, обращаясь ко мне. - Что же я с ним подедаю?

Подав мне руку и Серболову, генерал удалился в боковую дверь из кабинета, а мы с Серболовым молча вышли в переднюю, одели свои пальто и вышли на площадь перед комендантским домом.

- Бога ради, Вы меня извините, - сказал Серболов, обращаясь ко мне, - генерал не имеет права разрешить свидание, ведь к Вашему сыну предъявлено обвинение в политическом преступлении; но генерал уже пожилой, всех законов не помнит и я обязан был доложить ему, иначе я подвергаюсь большой ответственности. Бога ради простите; обратитесь в Комендантское управление за разрешением.

- Третьего дня я имел уже свидание с сыном с разрешения коменданта, почему же теперь мне отказали?

- Как? Неужели? Вам было уже разрешено свидание комендантом? Ах, какая оплошность. Генералу за это может быть большая неприятность... Вы его подвели...

- Но Вы видите, что я решительно не знал порядков Ваших, я действовал совершенно легальным способом и никого не желал подводить, поэтому и обратился за разрешением к коменданту. Как мне все это поправить? Мне очень прискорбно, что через меня генерал может получить неприятность.

- Положим, генерал занимает слишком высокий пост, чтобы ему за это могла быть крупная неприятность, но во всяком случае жаль, что это случилось.

Так разговаривая, мы подходили уже к середине комендантского корпуса, который вытянулся против Петропавловского собора с левой стороны от входа на площадь по направлению к монетному двору и собирались уже распрощаться, как мне пришла в голову следующая мысль.

- Скажите, капитан, как я должен поступить, если меня спросят в Комендантском Управлении, виделся ли я с сыном?

- Да, этот вопрос важный, - сказал задумчиво Серболов. - Я, конечно, враг неправды и вероятно нужно сказать как было.

- Я очень желал бы избежать такого вопроса и не хотел бы идти в Комендантское Управление. Не найдете ли Вы возможным по телефону спросить полковника Пестрикова, разрешит ли он свидание с сыном.

- Да, это возможно. Зайдемте сейчас сюда и я спрошу.

Мы вошли в комендантский дом, поднялись наверх и там минут 5 Серболов говорил с Петриковым. Результат переговоров был тот, что сына еще не допрашивали, разрешение же на свидание зависит от Охранного отделения.

Распростившись с Серболовым, который еще раз извинился за причиненную мне неприятность, я с тяжелыми думами возвращался домой. Чтобы хорошенько обдумать все выяснившееся за сегодняшний день и прийти к какому-нибудь решению, я пошел через Троицкий мост пешком и намеревался еще посидеть на скамейке Дворцовой набережной против крепости. Так и сделал.

Отрешившись от тяжелых дум и гнета, который наложил на меня сегодняшний день, я вскоре пришел к следующим выводам: сын уволен из Морского министерства, следовательно никакой поддержки в нем искать пока нечего; единственный человек Крылов еще его не оставил, а потому, когда обстоятельства потребуют, к нему и обращусь; Курлов преувеличил вину сына и даже результаты обыска (500 экз. брошюр), очевидно, так было сообщено Морскому министру Воеводскому, который в таком же виде доложил и государю; пытаться теперь, когда его еще не допрашивали, об отпуске на поруки, нечего и думать, да и у кого? В охранке? Но это уже было бы просто безрассудно; охранка не дает разрешения на свидания, но пожелает лишь из меня что-нибудь извлечь для обвинения сына, поэтому безрассудно туда и идти; дело очевидно клонится к тому, чтобы оно было передано сначала жандармам, а потом Судебной палате, значит остается теперь лишь одна задача: подыскать присяжного поверенного, которому и поручить наблюдение и дальнейшее ведение дела.

Все эти мысли являлись, по моему мнению, логическим выводом из сегодняшних сведений.

Посидев на набережной еще около часа, чтобы дать возможность улечься чувству грусти, еще раз пересмотрев все сказанное мне в министерстве и крепости, проверив еще раз свои выводы и, найдя их правильными, я пошел домой, обдумывая предстоящий разговор с присяжным поверенным. Для меня становилось ясным, что в этот приезд я больше с Володей не увижусь, а хлопотать о свидании, чтобы облегчить ему тяжесть заключения, будет возможно лишь тогда, когда дело поступит к жандармам. Все это откладывалось *ad Graecas calendas*; нужно было запастись терпением на долгое время, предпринимать шаги дальнейшие по возможности спокойно и не торопясь. За Володю я не боялся, что терпения у него хватит, пока хватит жизни, - характер у него сильный, ум ясный, отчетливый и необыкновенно сильная какая-то упругость; его сломить невозможно, хотя приемы для этого соответствующие власти употребили грозные: заключили в крепость, как тяжкого преступника, преувеличили результаты обыска, добились отчисления от Морского министерства, чтобы расправе их уже никто не мешал, в перспективе, таким образом, уже видна награда за спасение отечества.

Домой я возвратился очень усталым. За обедом поведал Масловым, Соне и Васе неудачи текущего дня; сообщил им и свой вывод, что теперь остается вести переговоры с присяжным поверенным, на выборе которого я пока еще не остановился, т. к. никого из них я не знаю. В это время позвонили и с шумом вошла Валерия Николаевна, лицо которой сияло восторгом.

- Какую я Вам радость скажу, Полиевкт Иванович, - обратилась она ко мне.

- Какую?

- Я сейчас была в крепости, где встретила, знаете с кем? С офицером Зборомирским, он заведывает караулами в крепости. Я с ним просидела целый час и мы незаметно проболтали без умолку все это время. Он знает Володю по Белгородской гимназии и Вас конечно.

- В чем же для меня заключается радость?

- Да как же? Потом я была у присяжного поверенного князя Эристова, говорила с ним о Володином деле, он согласен взять на себя защиту его в суде, - быстро перевела разговор Соловьева. - Политические дела он защищает бесплатно.

Из расспросов моих оказалось, что Вал. Ник. Эристова знает сравнительно недавно, что он очень талантливый, как говорят о нем и проч. Я сказал, что о приглашении Эристова в качестве защитника я подумаю, а о даровой защите конечно и речи быть не может, т. к. этого и сын не захочет, и я тоже.

В тот же вечер мы с Васей решили, что вероятно к Эристову и следует обратиться, т. к. он нередко выступал защитником по политическим делам, да и Соловьева уже говорила с ним, даже заручилась его согласием.

На следующий день мы с Васей подымались лифтом к прис. пов. Сидамонову-Эристову, квартира которого помещалась в 3 этаже в конце Захарьевской ул. В кабинете-библиотеке нам

пришлось недолго ожидать и нас скоро попросили в деловой кабинет. Принял нас небольшого роста брюнет, с сильными плюсами на глазах, со слегка отвисшей губой, узким черепом и в общем – довольно некрасивой наружностью. Заявив, что причину нашего прихода он знает от гр-ки Соловьевой, он спросил, что мы можем сказать ему по поводу ареста и причин, вызвавших его.

В кратких словах я передал ему все те факты, о которых говорил Крылову и Зилоти; высказал свой взгляд на обстоятельства этого дела (неосторожность и доверчивость сына, или провокация); кратко изложил биографию сына, его желание и намерение поступить в академию морскую.

- У вас есть доказательства этого?

- Да, со мной последние 2 письма сына, в которых он пишет, что 24 марта он подает прошение о поступлении в академию. Есть еще одно письмо, в котором он излагает маршрут заграничной поездки совместно со мной...

- С Вами эти письма?

- Да, я предполагал, что в них будет надобность и потому взял их с собой. Вот они.

Эристов внимательно прочитывает письма и просит их оставить у него. Вынимает синюю папку «Дело» и вкладывает их туда.

- Кроме того, - продолжаю я, - он занимался серьезной работой по истории снаряжения Тихоокеанской эскадры, ее похода и Цусимского боя. Он единственный корабельный инженер, спасшийся в Цусимском бою, а потому он собрал целый ряд ценных данных о причинах гибели русских судов, о действии японских снарядов, эволюции боя, о русских тактических ошибках и проч. По возвращении из плена он читал доклады в Морском министерстве, в Обществе Корабельных инженеров и проч. Мне известно, что его труды очень ценят и выводы его учтены при новых постройках судов. Он состоял членом комиссии князя Ливена по разработке материалов о Цусимском бое. Вот печатные повестки о его лекциях, вот официальные «отношения» графа Гейдена, вот официальные «отношения» о его назначении в Англию в качестве заведывающего и наблюдающего за постройкой «Рюрика». Вы видите, таким образом, что для той революционной деятельности, которая ему инкриминируется, нет места в его жизни. Мне говорили в Морском штабе, вероятно со слов Курлова, что у него захвачены заграничные адреса и переписка. Я не сомневаюсь, что это адреса деловые, с фирмой Виккерса, Джон Брауном и друг.

- Не известно ли Вам чего-ниб. про личность Михалевича, отношения между ними и ту литературу, которая найдена у Вашего сына?

- Кроме того, что было в официальном сообщении и по сведениям «нового времени», - ничего не знаю.

Поговорив еще некоторое время и выяснив, что Эристов согласен взять на себя защиту сына и просит доставлять ему весь материал, какой я добуду, мы с Васей ушли. Разговор о гонораре я отложил до одного из следующих посещений.

придя домой, мы в «Сборнике приказов и циркуляров о личном составе чинов Морского ведомства №13, март 1910» прочитали следующее:

№ 137

«Его Императорское Величество в присутствии своем в Царском селе марта 29 дня 1910 г. соизволил отдать следующий приказ: увольняются от службы ... состоящий по корпусу Корабельных инженеров штабс-капитан Костенко.

Подписал: Морской министр вице-адмирал Воеводский.»

Дальнейшее пребывание в Петербурге до передачи дела в жандармское Управление являлось бесцельным. побыв еще несколько дней и выяснив кое-какие обстоятельства, я уехал домой.

В последний вечер меня удивили некоторые намеки, а потом и довольно определенные выражения В. Соловьевой: «Я своего Водика не отпущу... Если его освободят, мы уедем с ним в Англию и там поселимся... Так Вы мне доверяете, Полиевкт Иванович, моего Водика?..» и проч. Понемногу фиктивная невеста превращалась в действительную, но я уклонился от определенных ответов, т. к. брак в настоящее время я считал и ненужным, и отвлекающим внимание от главного дела, да и во всяком случае не с Соловьевой. Она мне казалась крайне легкомысленной, неразвитой, занятой только собой, крайне неинтересной как женщина, и весьма подозрительной в деле сына. Только легкомысленные ответы и постоянный смех выручали ее, когда ей приходилось отвечать на такие, напр., вопросы: почему Вас не арестовали и ни о чем не допросили даже, застав в квартире сына? «Ха, ха, ха, ха... Вероятно по знакомству, т. к. ротмистр Озеровский, который арестовывал Водика, 4 раза арестовывал меня. Пристав спросил: возьмем и ее? Но ротмистр ответил: да я ее знаю, пусть остается на свободе». Удивительно бывает благодушное настроение у ротмистров, когда они раскрывают крамолу, - вероятно такой вывод, по мнению Соловьевой, должен был бы я сделать; но я сделал иной вывод, который укрепился во мне двумя фактами из ее прошлого, как пришлось мне случайно узнать.

С невеселыми сведениями я приехал домой. Жена расхворалась,; нередко ночью я просыпался от скрытых рыданий ее и душивших ее слез. Обыкновенно я тотчас вступал с ней в разговор, понемногу втягивал ее в спор и отвлекал, таким образом, внимание от готовившейся разразиться истерики. Но нередко приходилось просыпаться в то время, когда слезы переходили в истерику, крик и проч. Тогда приходилось прибегать уже к иным приемам и через ½ ч. или час успокаивать и создавать более спокойное настроение.

Приближались светлые праздники, ожидали приезда сыновей, зятя и дочери. Мы просили Васю пригласить на праздники и Софью Михайловну Волкову, которую мы искренне полюбили как дочь. Она нам была дорога по письмам сына из-за границы, когда они вместе путешествовали по Западной Европе в течение 1 ½ - 2-х месяцев, а также и за ее личные высокие качества.

В этот период я получил от В. Соловьевой 4 письма. В 1-м она сообщала, что безгранично любит Водика, никогда его не оставит, он также ее любит, поэтому присылайте метрическое свидетельство и родительское благословение для бракосочетания, без которого она не выйдет замуж. На это письмо я ответил вполне определенно, что «мы с женой – категорически против этого брака, тем более, что в нем решительно нет надобности. Прошу Вас этого вопроса больше не касаться». На такое письмо последовало сначала извинение за его неуместность, потом доказательства, как она необходима Водику; в настоящее время она озабочена приисканием свидетелей для реабилитации Водика, говорила намеками со своим братом Кокой, который был в одной гимназии с Водиком (на 4 класса ниже его), кажется он не прочь выступить свидетелем; в конце письма она снова возвращается к вопросу о браке и пишет, что уже успела добиться перевода Водика из крепости в дом предварительного заключения.

На это письмо я ответил ей категорическим запрещением вмешиваться в Володино дело и подыскивать свидетелей. «Какой же Кока свидетель, и что он может свидетельствовать, - спрашивал я ее. – Если поставят таких свидетелей, то значит наверняка провалить его дело и вообще оказать ему «медвежью услугу». по вопросу о браке я уже высказался и другого мнения у меня об этом нет.»

Впоследствии оказалось, что В. Соловьева добилась оглашения и брак не состоялся только потому, что сына перевели обратно в крепость и его бессрочную книжку жандармы взяли обратно. Это обстоятельство и передача дела в жандармское управление побудили меня выехать в Петербург, куда я и приехал 28 апреля.

В тот же день я с сыном Васей был уже у Эристов (прис. пов.), чтобы выяснить вопросы о свидетелях, о браке, об обстоятельствах дела и проч.

- Я прошу Вас, - обратился я к нему, - по поводу сына, защитником которого я Вас пригласил, иметь дело только со мной и с сыном Василием, ничьими указаниями других лиц, напр. Валерии Соловьевой, не руководствоваться...

- А что Вы имеете против нее?

- Очень многое. Она, напр., указала Вам таких свидетелей, которые ровно никакого значения не имеют; кроме того, желание ее женить сына на себе совершенно не совпадает с моим и его матери желанием...

- Да что Вам до этого? Знаете что? Черт с ними, пусть себе поженятся, - с какой-то вульгарной удалью произнес Эристов.

Пауза.

- Вы, конечно, забыли, - ответил я с едва сдерживаемым негодованием, - что речь идет о моем сыне, поэтому я никогда не скажу «черт с ним». Женитьба эта сделает его вдвойне несчастным...

- Но ведь он сам хочет жениться на ней, она его невеста. Она ко мне обращалась и я руководил ею, давал ей советы добиться перевода его в Дом предвар. заключения и проч.

- А, теперь для меня ясно, что ее действиями руководила умелая рука. Я Вас прошу раз и навсегда в дело о браке не вмешиваться, мы с женой безусловно против этого брака. Как только получу разрешение на свидание, то я поговорю с сыном и узнаю его мнение.

Но Эристов не хотел сдаться и начал развивать такую теорию необходимости этого брака, что я не желаю и заносить ее на эти страницы. Теорию эту я отверг, в необходимости ее никакой надобности не было, а осуществление переложило бы все наши заботы на Валерию Соловьеву, т. е. совершенно случайное, ненужное лицо в этом деле, и отвлекло бы наше внимание от сына. Я теорию Эристова забраковал; указал ему, что уже и теперь Соловьева заставила меня много времени потратить на себя, совершенно не нужный аксессуар в деле сына, от которого и отвлекает мое внимание, поэтому с этим делом я кончаю, больше к нему не желаю возвращаться, его же прошу прекратить свои советы Вал. Соловьевой, т. к. я все равно вынужден буду их погашать. Эристов молчаливо и видимо неохотно прекратил об этом разговор и мы некоторое время поговорили о тех документах деятельности сына в Морском ведомстве, которые я ему принес.

Завтра я предполагал быть в Жандармском Управлении и о результатах разговора обещал передать Эристову.

На другой день в 10 ч. утра мы с сыном Васей были на Тверской в Жандармском Управлении. Там узнали, что расследование о сыне ведет жанд. ротмистр Палькевич под наблюдением тов. прокурора Палаты Смирнова, под общим наблюдением Старш. тов. прокурора Палаты Глушковского. Написав на бланке свои фамилии, адреса лиц, которых мы желаем видеть, причину, мы подали записки и начали терпеливо ожидать приема. Перед нами прошел уже не только ряд лиц, которых мы застали в приемной, но и прибывшие после нас, но нас все не приглашают. Наконец, когда мы остались вдвоем с Васей, нас в 2 ч. попросили наверх. В довольно просторном зале за письменным столом мы увидели приятного на вид блондина тов. прокурора Смирнова с пристальными стальными глазами и довольно добродушного брюнета ротмистра Палькевича. На наш поклон ответили тем же и попросили садиться.

- Что Вам угодно? - обратился ко мне Смирнов.

- 23 марта арестован сын мой, шт. кап. корп. кораб. инженеров Вл. Костенко; в чем его обвиняют, за что он арестован?

- У него при обыске найдено много компрометирующего его материала, слишком достаточного для обвинения по 1-й ч. 102 ст. уголовного уложения. Хотя об этом я и не должен говорить, но Вам, как отцу, я нахожу возможным сказать.

- Меня этот арест крайне удивил и огорчил. Сын, как мне известно, готовился поступать в морскую академию, постоянно был занят вопросами по кораблестроению и технике, поэтому я решительно не могу верить, чтобы он участвовал в каком-нибудь революционном деле.

- Все это так, все это мы хорошо знаем о нем, даже может больше, чем Вы; но тогда как объяснить нахождение у него нелегальной литературы и компрометирующей его переписки?

- Я слышал, что у него нашли какую-то небольшую связочку книг, перевязанную бечевочкой, поэтому на меня это производит впечатление как бы он от кого-то получил ее для хранения, быть может даже не знал содержания связки.

- Да, однако же Ваш сын отказывается объяснить, - запальчиво и возвысив голос произнес Смирнов, - от кого он их получил. Переписка его доказывает, что имел сношения с другими лицами в этом направлении.

- Я по этому поводу ничего не могу сказать, кроме сомнения. Сын мой не отличался здоровьем, поэтому заключение может тяжело отразиться не его здоровье. Не может ли он быть отдан мне на поруки...

- О, теперь ни в коем случае. Дело с ним еще находится в производстве, нужно многих лиц допросить, которые имеют отношение к его аресту. Поэтому, я считаю, что об этом речь можно поднять не скажу через 6, но может быть через 8 или 10 месяцев.

- Могу ли я просить о разрешении мне свидания с сыном, и куда я должен подать об этом прошение?

- Да, против свидания мы ничего не имеем. Об этом нужно подать прошение в Департамент Полиции.

Становилось ясным, что больше я ничего не узнаю, и настаивать на освобождении на поруки безрассудно. Оставалось раскланяться и уйти. Палькевич мне вдогонку сказал, что он к нашим услугам, если что-ниб. понадобится, даже и в другие дни, кроме назначенных приемных.

Начиная с этого момента, свет для меня сошелся клином. Для того чтобы получить разрешение на свидание, с утра отправляешься в департамент полиции; там подаешь прошение и записку, и ждешь ответа с 11 ч. утра до 4-х и нередко до 5. Получив справку обыкновенно с обещанием, что прошение будет послано в Жандармское управление и, если ответ будет благоприятный, то Деп. Полиции разрешит свидание, о чем и сообщит дня через 3-4. За ответом отправляешься в Жанд. Упр. на Тверскую, но там уже все закончено и ротмистры с товарищами прокуроров разошлись по домам. Таким образом в течение всего дня успеваешь сделать лишь одно дело, а на другой день с таким же бесконечным ожиданием – другое дело.

1 мая с утра отправился в Жанд. Управл. к ротм. Палькевичу. В приемной пишу записку и терпеливо ожидаю вызова.

Наконец вызывают в кабинет Палькевича, который сидит у письменного стола, обложенный массой бумаг. Разговор, чтобы не усложнять запись, я передаю, как записал его в памятную книжку, опуская свои вопросы.

Палькевич: письма следует адресовать в Жанд. Управл., где их просматривает тов. прокурора и обыкновенно в тот же день их отправляют по тюрьмам. Венчание сына действительно было назначено с Валерией Соловьевой на 26 или 28 апреля, и в доме Предвар. заключения, куда Ваш

сын был переведен по ходатайству Соловьевой, было даже оглашение; если бы Вашего сына не перевели обратно в Петропавл. крепость по распоряжению высших властей, то наверное их бы перевенчали. Перед этим Соловьева была в Жанд. управл. и просила о доставке его сюда, чтобы здесь же иметь возможность переговорить с ним до венчания, но в этом ей было отказано. Так как Вы и мать заключенного против этого брака, то необходимо подать прошение директору Департамента полиции по крайней мере о приостановке этого брака до свидания Вашего с сыном. Валерия Соловьева была арестована уже раза 3 или 4, - он не хочет сейчас наводить справок, его конечно интересовало, при каких обстоятельствах они познакомились, но теперь он узнал от меня, что они играли вместе еще детьми, так как жили в г. Белгороде и учились в Белгородской гимназии. Директор Деп. полиции так же как и мы, не мог препятствовать браку, т. к. сын Ваш совершеннолетний, и конечно мог жениться по своему выбору, поэтому и выдал свое согласие на брак, но перевод в крепость помешал этому совершиться. Разрешение на свидание выдает директор Департ. полиции, т. к. заключенные в крепости находятся в его ведении. Как только получим бумагу из Департамента полиции, тотчас же ответим о своем согласии на свидания Вам и сыну Василию. Книги пересылаем мы в крепость, они должны быть новые, не разрезанные.

Дня через 2 я был снова в Департаменте полиции; на этот раз меня попросили зайти с Фонтанки, а не с Пантелеймоновской, т. к. со мною желает говорить делопроизводитель 7-го департамента г. Губонин. Ко мне вышел довольно высокого роста приятной наружности джентльмен, отрекомендовался и в разговоре сообщил мне следующее.

Губонин: разрешено по 1 свиданию мне и сыну Василию; каждый раз, когда мы пожелаем вновь увидеться с заключенным, должны подавать прошение, лучше всего прямо Палькевичу, тогда сократим одну пересылку из Департ. пол. в Жанд. Управление; одновременно двум нельзя ходить на свидание, каждому из нас разрешается лишь два свидания в месяц; Вы, как приезжий, можете подряд использовать два вторника, в которое только и разрешаются свидания, а следующие два вторника - Ваш сын Василий Полиевктович. Следует подать краткое прошение директору Деп. полиции, что Вы просите разрешения на брак сына отложить до свидания Вашего с ним. Когда Вы совместно выясните этот вопрос. Вы можете 8 мая явиться в крепость к коменданту Трубецкого бастиона полковнику Георгию Алексеевичу Иванишину, разрешение на свидание уже будет у него, и в его присутствии Вы увидите своего сына и поговорите с ним.

По возвращении из Деп. Полиции я послал сыну письмо и 4 книги, которые он просил: «Прогматизм» Джемса и «Проблемы мира» Петцольда. В письме написал, что сам буду у адъютанта штаба Славинского и узнаю, что нужно сделать, чтобы получить 460 р., которые были высланы в кассу «Орла»; что вероятно скоро получу от Начальн. штаба Балтийского флота Стеценко его доклад «Об английских строительных заводах» и, если Володя ничего не имеет против, то pošлю в Кронштадтское Офицерское собрание, которое просило этот доклад для напечатания в своем сборнике; что я и мама безусловно против брака с Валерией Соловьевой и проч. Как письмо, так и книги я свез в Жанд. Упр. и вручил жандарму для отсылки в крепость.

К этому времени относится разговор с Соней Волковой. Выяснилось следующее: они любят друг друга давно, со времени первого своего знакомства, когда Володя был еще в морском Инженерном училище. Володя писал Соне и она отвечала ему в Японию, когда он был в плену, переписка продолжалась до его приезда. По отъезде в Англию, где Володя пробыл 1 ½ года, а Соня училась в Германии, слушала между прочим знаменитого Геккеля, они списались и решили по окончании командировки Володиной 2 месяца употребить на совместное путешествие по Европе, что и выполнили. К этому времени относится предложение Володи, но Соня отказала, хотя и условно, т. к. боялась, что брак помешает ей окончить курсы. Перед Рождеством Володя повторил свое предложение, Соня вторично отказала. Тогда Володя, считая себя свободным, сделал предложение Валерии Соловьевой, которая с Рождества поселилась на Алексеевской рядом с его квартирой, постоянно по вечерам бывала у него, засиживалась подолгу, и даже досиделась до его обыска и ареста, как выразилась она в письме ко мне, т. е. до 3 часов ночи. Теперь Соня пересмотрела свое решение и просит Володю жениться на ней, иначе жизнь ее сложится криво. Она никогда не отказывала Володе вполне, но думала, что и Валерия будет терпеливо ждать, как и она решила это для себя. Она просит Володю решить этот вопрос теперь же и она согласна теперь же перевенчаться в тюрьме.

Этот разговор снял с моей души половину тяжести, лежавшей на ней. Отпадал целый ряд ненужных вопросов и тяжелых дум, надоедливых, на каждом шагу появлявшихся, и отвлекавших мысль от главных забот. Раз и навсегда я мог отделаться от подозрительной и неприятной особы, взамен приобрести любящего и любимого человека - умницу Соню.

С такими почти веселыми мыслями 8 мая я вошел в ворота крепости, до которых меня проводила Соня, оставшись сама в Петровском парке ожидать меня, и направился к квартире коменданта Трубецкого бастиона полковника Иванишина. На мой звонок отперла дверь жена коменданта и узнав, что я Костенко и иду на свидание к сыну, ответила, что разрешение муж по-

лучил и ушел в Трубецкой бастион, куда надлежит и мне отправиться. По дороге я узнал, что Трубецкой бастион находится с левой стороны монетного двора. Войдя за монетным двором, т. е. зданием его и длинной казармой, в узкий переулок, я увидел, что возле самой высокой трубы монетного двора переулок перегорожен забором, воротами и калиткой, в которой имеется «глазок». На мой звонок я услышал спешные шаги по каменным плитам и вскоре через глазок меня окликнули – кто я, и что мне нужно? Получив ответ, тюремщик скрылся; минуты через 3 он снова появился, отпер мне дверь и по плитам повел продолжением переулка в дверь казармы налево. Вдали виднелся караул, по правой стороне переулка пыхтели трубы монетного двора и слышался глухой шум работы машины. Меня ввели сначала в полутемную переднюю, потом в небольшую комнату направо и оставили одного. В комнате был небольшой столик и два стула, круглая печка из гофрированного железа и больше ничего. Стены очень толстые, не менее 2 ½ арш., пол асфальтовый, саженное окно, между двойными рамами крепкая решетка, стекла в окнах матовые. На стене висит маленькое объявление с сообщением, что при свидании нельзя говорить о деле, иначе посетитель навсегда лишается права на свидание, и небольшое зеркало.

Вскоре появился из той же двери полковник Иванишин, вежливо поздоровался, спросил кто я, и имею ли документ, рассматривать который отказался, но предупредил меня, чтобы я в разговоре с сыном не волновался; обстановкой, которая может удручающе действовать, т. к. приходится говорить через 2 решетки, не стеснялся бы. Я сообщил ему, что я совершенно не желаю нарушать вывешенных правил, а потому, не найдет ли он возможным прослушать некоторые вопросы, которые я хочу предложить сыну. Все 16 вопросов нашел вполне допустимыми и ненарушающими правил. Вскоре за дверью направо я услышал какой-то шум, глухой стук сапог, а вскоре показавшийся тюремщик объявил, что готово. Иванишин пошел вперед, меня пригласил следовать за собой.

По ту сторону 2-х решеток стоял мой дорогой сын, в военном платье без погон, обросший большой бородой и такой же шевелюрой; лицо бледное и пепельно-обрюзгшее, с слегка землистым оттенком, - следы одиночного заключения уже сказываются на нем, мелькнуло у меня в голове; он приветливо улыбался, был совершенно спокоен, но тихая грусть сквозила в выражении глаз и в этом чересчур необычном спокойствии для этого живого и всегда интересного человека. Возле него стоял вытянувшийся большой жандарм. Между 2-х сеток за небольшим столиком на стуле поместился полковник Иванишин и положил перед собой часы. По другую сторону 2-й решетки остановился и я, и возле меня тюремщик. Между мной и столом было пространство аршина 2 - 2 ½. Оба решетчатые окна были открыты и мы могли хорошо и видеть друг друга и слышать.

- Здравствуй, дорогой папа! Когда ты приехал? Как здоровье мамы?

Дальнейший разговор происходил в таком виде. Вопросы я опускаю и пишу ответы в повествовательной форме и его, и мои. Мама здорова, грустит, особенно волнует ее твое намерение жениться на Валерии... Потому что она нам очень несимпатична, более подробно я написал тебе в письме, которое ты еще не получил. Вопросы о браке Володя решил отложить на неопределенное время, даже до решения его дела судом. Так как Вася остается на все лето в Петербурге, то 2 раза в месяц он будет приходить к тебе на свидания. Значит ты видел, папа, Василия Николаевича? Как крейсер «Рюрик», за постройкой которого я наблюдал и крепил в России башни, выдерживает плавание? Хорошо. Офицеры «Рюрика», узнав о несчастье с тобой, изъявили живейшее участие и желание быть свидетелями о тебе, вероятно также командир судна, ныне начальник штаба Балтийского флота, Стеценко. Книгу «Об английских судостроительных заводах» можно отдать в офицерское собрание Кронштадта для помещения в сборнике собрания. Деньги твои с Балтийского завода получены и оставлены у Альвины Александровны (квартирная хозяйка Володи). Славинскому напишу, как получить 500 р. с «Орла»; деньги твоих должников буду вручать или Васе, или Альвине Александровны по мере их получения; книги тебе переданы, остальные передам. Как жаль, что ты не получил моего второго письма, там выражен и наш взгляд на твою женитьбу. Соня очень просит повременить с решением вопроса о браке, она тебе пишет какое-то письмо по этому вопросу. Мне (Володе) здесь предоставлены все возможные удобства: большая сухая камера в 2 окна с электрическим освещением, все средства для занятий и письменной работы, чудная библиотека. Я много читаю по беллетристике, кругом полная тишина, которая иногда и удручает, ½ часа гуляю в садике, много занимаюсь по математике. До суда я отсюда никуда не желаю уходить, мне здесь удобно заниматься, никто не мешает. Хорошо, я подам рапорт, чтобы защитниками моими были Эристов и Елисеев. Как здоровье Машуры? Так ей делали операцию?

К концу разговора Иванишин начал подниматься, предупредил, что через 1 минуту исполнится 15 минут, назначенные для свидания. Наконец мы распростились и с Иванишиным вышли в приемную.

- Как могло случиться, что такой умный, всесторонне образованный человек, воспитанный так, что дай Бог каждому, теперь арестован и заключен в крепость.

Я кратко передал ему то же, что и коменданту крепости. Рассказал ему о его участии в войне, о его работах по истории Цусимского боя, о столкновении с Рождественским во время японского плена и проч. Разговор коснулся его женитьбы; Иванишин мне объяснил, что решение вопроса об этом отложено на неопределенное время, пожалуй до окончания дела судом, и что теперь нечего настаивать на немедленном ответе. По его мнению заключенный склоняется к Софье Михайловне. В общем же – он очень увлечен какой-то работой, много читает и много пишет. Необыкновенно быстро прочитывает и меняет книги, – библиотека у нас очень хорошая. Камера у него просторная, светлая и сухая, стол офицерский, гуляет ½ часа, в общем режим не суровый. Вы не отчаивайтесь, быть может все окончится благополучно.

Иванишин проводил меня из Трубецкого бастиона до Петровских ворот, у которых мы расстались, пожав крепко друг другу руки.

В Александровском парке на скамейке меня ожидала Соня и тотчас забросала меня массой вопросов. В общем же была опечалена, что вопрос о браке откладывается на такое продолжительное время. Так как в этот день не предстояло уже никуда ходить, то мы пешком, разговаривая, пошли на Острова, побывали на Стрелке, где посидели на скамейке, позавтракали в ресторане и пароводиком возвратились в Петербург. Соня мне рассказала про свое совместное с сыном путешествие за границей по Рейну, Швейцарии, Германии и Англии; пояснила мне, что брак их расстроился из-за нее, т. к. выход замуж, по ее мнению, мог лишить возможности окончить Бестужевские курсы. Теперь на эти вопросы она смотрела иначе; если их брак не состоится, то жизнь ее сложится криво, но она безгранично любит Володю.

На другой день мне предстояло идти в Жандармское Управление к ротмистру Палькевичу, чтобы выяснить вопрос о браке сына и об оставлении его в крепости, т. к. перевод его в дом Предварит. заключения и обратно нарушит его научную работу, Валерия же Соловьева желает его вновь перевести обратно для бракосочетания.

Разговор с Палькевичем происходил в такой форме: вот и хорошо, что Ваш сын отложил свою женитьбу даже до окончания его дела судом; эта женитьба могла бы испортить его будущность, т. к. дело еще может закончиться оправданием, все будет зависеть от судей; гр-ка же Соловьева раза 4 была арестована и сидела в тюрьмах, и вообще ему не соответствует. Он тоже был однажды арестован за написанную им прокламацию(? соответствующее мое возражение, см. выше во время разговора с Зилоти), его дело было прекращено министром Бирилевым ввиду больших надежд, которые он подавал, и его молодости; вообще к нему отнеслись и очень снисходительно, и чрезвычайно внимательно. По его делу я больше того, что Вам сказал тов. прокурора, сказать не могу. Для изобличения его имеется большой материал... Может быть месяца через 2-3 мы переведем его в Дом предварит. закл. Если он однако находит, что в крепости условия для его занятий более удобны, чем в Д. Пр. закл., то мы его там оставим; в те же условия мы помещаем только офицеров. Прошу Вас обращаться ко мне во всякое другое время, кроме приемных дней (среда и суббота), если Вам нужно будет что-нибудь спросить, я к Вашим услугам. Второму Вашему сыну мы выдадим разрешение на 1 свидание, подайте прошение в Департамент полиции.

Дело в том, что мне и сыну Василию было отказано в разрешении «постоянных свиданий», но каждый раз нужно было подавать прошение в Деп. полиции об этом, который запрашивал Жанд. Упр. – разрешает ли оно; бумага дня через 3-4 возвращалась обратно в Деп. полиции и тогда назначался день и сообщалось в крепость, что свидание такому-то разрешено. Таким образом требовалось всегда от 3 до 5 поездок, чтобы получить разрешение. Когда я об этом заявил делопроизводителю 7 департамента Деп. Полиции – Губонину, то последний это дело упростил тем, что прошение о разрешении свидания разрешается подавать в Жанд. Управление, таким образом сократится одна пересылка бумаг и выиграется время. Этим способом мы и пользовались, пока дело не поступило к прокурору Палаты Корсаку.

Получив с таким трудом разрешение на свидание, я желал его использовать для выяснения вопроса о женитьбе. С этой целью совместно с Соней была выработана программа вопросов, которые сын должен был разрешить.

11 мая к 10 часам я входил в крепость, направляясь к Трубецкому бастиону. Комендант Иванишин оказался уже там, минут через 5 я был впущен в приемную бастиона, а минут через 15 загремели за стеной замки и двери, послышался по асфальтовым полам звук сапогов, потом все замерло. Вскоре пришел Иванишин, сказал, что сын здоров, чувствует себя хорошо, много читает, очень много пишет, иногда сам с собой разговаривает по-английски, или по-французски, чтобы упражняться в разговорной речи и не забыть произношения. Затем пригласил следовать за собой.

Те же 2 решетки, тюремщик с ключами возле меня, Иванишин за столиком в середине между решеток, у окна Володя в военном пальто без погон и сбоку вытянувшийся жандарм.

Поздоровавшись, Володя начал так:

- Ты выслушай меня, папа, что мне нужно, и что меня интересует, потом ты мне скажешь, что делается на воле. Мой аттестат погиб в Цусимском бою, постарайся достать мне копию из Морского Инженерного Училища. Где лежат мои деньги с броненосца «Орел»? Мне говорили, что все дела после войны переданы в С.-Петербур. сберегат. кассу, там можно и узнать о деньгах. Если получишь от контр-адмирала Стеценко мою рукопись, то не отдавай для напечатания в «Сборник офиц. собр.» Кронштадта, там не стоит ее печатать, сбереги лучше у себя.

Джемса и Петцольда я получил, мне нужны еще аналитич. геометрия И Интегральное и дифференциальное исчисление. Я много читаю по-английски и французски вслух, рассказываю себе прочитанное и таким образом нарушаю тишину, царящую вокруг меня, и восстанавливаю произношение. Теперь вот какой вопрос тебе, папа! Что ты имеешь против Люки? Все то, что ты раньше мне писал о ней, оказалось совершенной неправдой, между тем Люка была моим кассиром и другом, мы с ней вместе много читали, обсуждали прочитанное и делились впечатлениями.

Ответы: Я начну с последнего вопроса и не буду говорить о Люке, мнение о которой у меня не изменилось, а скажу о Соне. Она поручила мне прочитать следующее: «Вопрос, который между нами поднимался после Рождества, пересмотрен вновь Соней и решен утвердительно. Соня со мной много и откровенно говорила о вопросах и сомнениях, поднимавшихся между Вами в последние 2 года. Вывод ее я сказал. Мы с мамой вполне согласны с решением и намерением Сони, очередь за тобой. 14 апреля между Люкой и Соней был разговор. На все Сонины вопросы Люка отвечала вполне откровенно, но для Сони это было освещением только одной стороны, многое оставалось непонятным, а все в общем – неожиданным. Так как Соня очень мало знает Люку, то поэтому не хотела говорить о себе и написала тебе 15 апр. открытку. Того же числа Люка, получивши твое письмо, пошла хлопотать о свадьбе; Соня о Вашем решении и действиях Люки ничего не знала».

Ответ Володи: «Все вопросы личного свойства оставлены мною до решения судом моего дела. Сонино решение было в такой категоричной форме, что я решительно затрудняюсь ответить что-нибудь теперь же на прочитанное тобой».

- Я говорил тебе, - не унимался я, - в прошлый раз, что Соня пересмотрела вопрос о Ваших отношениях и решение ее я прочитал.

- Да, но ты видишь, папа, что мне теперь нелегко изменить мое решение, которое было вполне определенное, как и Сонино. Ведь я 2 раза ставил Соне вопрос о браке, с ответом я просил ее не спешить и обдумать его. После Рождества она ответила мне категорически – нет, поэтому мы с Люкой и решили вопрос о браке утвердительно. Теперь мне нужно время. Как здоровье мамы, Машуры, Лялек?

Даны определенные ответы. Сообщены имена адвокатов: Сергей Петрович Елисеев и Георгий Дмитриевич Сидамонов-Эристов.

- Я еще раз возвращаюсь, папа, к предыдущему разговору. Ты понимаешь, что вопросы личного свойства лишают меня необходимости хладнокровия и вдумчивости в мое дело, а потому я их откладываю до решения судом моего дела; я уже душевно успокоился и это состояние хочу надолго удержать. Распущен ли парламент Англии? Этой страной я очень интересуюсь. Что еще делается на воле?

- Был в Соляном Городке на выставке двигателей внутреннего сгорания, где смотрел двигатели для аэропланов, моторных лодок, пожарных труб, молотилок, водокачек, плугов и проч. Это колоссальный шаг вперед. Большие, громоздкие паровые машины заменены маленькими, портативными, легко переносными и перевозимыми двумя цилиндриками-машинами от 5 до 500 сил. Есть однако недостатки их: необходимо нагревание верхней части цилиндра, пока начнется сгорание бензина; капризы поршня, который без видимой причины перестает двигаться: нужно двинуть маховик, чтобы началась работа машины. Но зато и выгоды огромные: мало места занимают, ничтожный расход горючего материала, отсутствие дыма и проч.

Был также на художественной выставке «Салон». По моему мнению это огромное падение искусства; это даже не образы для зрителя, потому что ни краски не соответствуют природе, ни образы ее не напоминают; рисунка совершенно нет, анатомии, как во времена Микельанджело и Рафаэля, художники не изучают и видимо никакого понятия о мускулатуре не имеют... Это не художественное произведение. Литература уже дала много образцов этого уродливого направления, неужели и архитектура пойдет по тем же следам?

Полковник Иванишин задвигался на стуле, предложил закончить разговор, т. к. осталась 1 минута, потом проститься.

В приемной мы некоторое время поговорили о личных делах сына, о его занятиях и предстоящем деле в суде, о присяжных поверенных и проч. Разговор с сыном вызвал во мне некоторое

чувство тревоги по вопросу о браке, в общем настроение было несколько подавленное, т. к. я ожидал получить более определенный ответ.

На другой день я получил сведения, что изъявили свое полное согласие быть свидетелями по делу сына:

1. Контр-адмирал Стеценко, бывший командир крейсера «Рюрик», с которым сын прожил в Англии 1 ½ года на крейсере. В своем отзыве Стеценко выразился так: Костенко он считает талантливейшим инженером, самым дисциплинированным офицером и всесторонне образованным человеком.
2. Генерал-лейтенант Ратник, бывший начальник Балтийского судостроительного завода, на котором сын работал 4 лета в качестве практиканта по постройке броненосцев.
3. Генерал Крылов, бывший Председ. Морского Техн. Ком-та, у которого я был лично в Морской академии, который между прочим сообщил мне следующее: «Вскоре после свидания с Вами в Морском штабе я подал рапорт Морскому министру, содержание которого я просил сообщить Председателю Совета министров и тов. Министра Вн. Дел – Столыпину и Курлову, что штг.-капит. Костенко я впервые узнал по его лекции «Броненосцы типа «Бородино» в Цусимском бою», прочитанной в кварт. Морского министерства. Такой доклад составить и так его пердать мог только человек, обладающий боевым опытом и огромными знаниями морской техники. Узнав его ближе, я тогда же отметил, что ему предстоит высшее назначение по технике в морском ведомстве, и поэтому назначил его на ответственный пост в Англию по наблюдению за постройкой крейсера «Рюрик». Эту миссию он выполнил блестяще, выше всякой похвалы. Доклад его по возвращении из Англии «Об английских судостроительных заводах» заслуживает полного внимания. Естественно, что и другое поручение, притом весьма щекотливое, т. к. в нем должно было участвовать 250 чел. англичан и 1000 чел. русских рабочих, - переделка и крепление башен крейсера «Рюрик», я мог поручить только инженеру Костенко. И это поручение он выполнил с величайшим тактом и таким же умением. Вскоре пришлось заняться разрешением вопроса о перевооружении 3-х черноморских броненосцев и 2-х лучших Балтийского флота «Цесаревич» и «Слава». Занявшись лично этим вопросом, я поручил его самостоятельной разработке и инженеру Костенко. Вскоре я получил от него такой проект перевооружения, что немедленно подал рапорт, в котором отказался от своего, признал все преимущества проекта Костенко, и находил, что это перевооружение может быть совершено только под личным наблюдением корабельного инженера Костенко. Указав далее, что уже теперь, несмотря на его молодость, ему должна принадлежать высшая руководящая роль в морской технике, я восхищаюсь его тактом, выдержкой, дисциплинированностью и практическим умением. Другого я ничего не знаю», - заключил Алексей Николаевич. Мы прощались с ним еще несколько раз по вестибюлю академии, поговорили о его деле, содержании его в крепости и дружески расстались.
4. Старший офицер Мозалевский.
5. Минный офицер Карпов.
6. Адъютант штаба Славинский, - все три товарища по «Орлу» в эскадре адмирала Рожественского.
7. Старший минный офицер крейсера «Рюрик» Медведев.
8. Впоследствии присоединился к ним пом. начальника Главного Морского Штаба ген.-майор Зилоти, кораб. инженер Маслов, генерал-майор Парошнский, бывший начальник Морского инженерного училища и другие.

Таким образом имелись свидетели, на глазах которых протекала вся жизнь сына в морском ведомстве, каждый шаг его и каждая высказанная им мысль была известна им. Его научные доклады, работы по истории похода, Цусимского боя и изменении конструкции корабля (боевой рубки, перепускной системы, вентиляции и проч.), практические работы на «Рюрике», «Андрее Первозванном» и проч. поглощали все время и для крамольной деятельности не оставалось времени. Таков был план моей защиты, к которому я возвращаюсь, и нахождение связочки книг у сына являлось лишь совершенной случайностью.

12 мая я решил перед выездом еще раз побывать в Жандармском Управлении и просить об освобождении сына на поруки. Ротмистр Палькевич предложил обратиться с этой просьбой к тов. прокурора Смирнову, который в это время вошел в комнату. Выпрямившись, повысив голос и отчеканивая каждое слово фразы, которая по-видимому у него уже была давно приготовлена на такой вопрос, он громко ответил мне, жестикулируя: «Такие люди как Костенко, никогда не будут выпущены на свободу до суда; об этом и речи быть не может; мы его никогда не выпустим», - с особым ударением произнес он конец фразы.

Странный психический феномен испытал я в этот момент, Смирнов мне показался таким ничтожным и таким смешным в своем грозном величии, что меня начал душить смех и я едва сдержался, чтобы громко не рассмеяться. Измерив его насмешливым взглядом от головы до ступней, ч повернулся к ротмистру и, подавая ему руку, сказал:

- До свидания, г. ротмистр! Благодарю Вас за Вашу корректность.

Не взгянув больше на Смирнова, который бледный и злой продолжал стоять среди комнаты, я вышел. Обдумывая дорогой все случившееся сейчас, ч могу так формулировать тот молниеносный ход мыслей и чувств, которые быстро пронеслись в моем мозгу, пока Смирнов казнил меня своей фразой. Отзывы Крылова, Стеценко и других лиц о сыне прочно установили мнение о его талантливости, выдержке воспитанности и работоспособности; мое мнение о нем, которое могло быть и пристрастным к своему детищу, не только подтверждалось такими отзывами, но и открыло совершенно новые для меня перспективы на его будущее; криминал сына состоял лишь в хранении связочки книг и зашифрованной записки, переданных ему за несколько часов до обыска, что должно быть известно представителю закона; если имелись какие-либо другие данные, то представителю закона надлежит в них разобраться и говорить с осторожностью, а не быть лакеем с черной передней охранного отделения, по внушению которого он усвоил себе такое определенно-предвзятое мнение и тон олимпийца. Поэтому его жестокость, которой мог бы позавидовать и палач, рассчитанная подавить во мне всякую надежду на спасение сына, произвели во мне совершенно обратное впечатление. Я тотчас уловил, что у них дело обстоит слабо, что приходится видимо прибегать к натяжкам, запугивать, чтобы уменьшить противодействие (отзывы Крылов и Стеценко уже были при деле, как случайно высказал тот же Смирнов: «Да мы о службе Вашего сына гораздо больше знаем, а Вы нам скажите, откуда у него появилась связка книг»), и естественно злится, так как такие нити паутины уже рвались в их руках.

Утверждаю, что после слов Смирнова, я ощутил в себе подъем духа и энергия моя удвоилась. Единственное, что меня некоторое время огорчало, это упрек совести, что он недостаточно отпущен за свою фразу. Я решил больше к этому человеку не обращаться и выждать время, пока дело поступит к прокурору Палаты.

Как показал дальнейший ход дела, я встретил такое же гневное отношение к личности сына и у прокурора Палаты Корсака, и у его старш. тов. Глустовского, и наконец у самого бога Палаты, старшего Председ., сенатора Крашенинникова, который на суде с фактами и законами обращался так, как блаженной памяти Ноздрев с шашками во время игры с Чичиковым. Но я забежал несколько вперед, чтобы показать, что не один Смирнов гневался; гневались все судейские власти, и гневались вероятно на свое бессилие что-либо доказать, а потому и выносили такие приговоры, которые должны говорить бесправному обывателю об убежденности судей, да пожалуй еще о том, что они что-то больше знает, чем говорят.

Возвращаясь к продолжению событий. Сына видел 2 раза; насколько возможно поддержал его душевное равновесие и выразил ему прежнюю любовь и заботы о нем всех его родных; вполне определенно сообщил ему, что мы против брака с Люкой и всецело за брак с Соней, которую полюбили как свою дочь и которая безгранично его любит; сообщил имена и фамилии присяжных поверенных, с которыми окончательно буду говорить в следующий приезд; озаботился свидетелями, которые знают его всю жизнь в Морском ведомстве; на лето сын не останется одиноким и его будет навещать 2 раза в месяц Вася, другой сын; положительных результатов таким образом имеется несколько, отрицательный – отказ в выдаче на поруки. Дальнейшее пребывание в Петербурге являлось излишним и я уехал домой; чтобы в конце июля снова приехать.

Каждую неделю я писал сыну в крепость. Предметом наших бесед в письмах служили научные открытия последнего времени, успехи техники и иногда даже выдающиеся явления современной общественной жизни. Наша узкая семейная жизнь для переписки была слишком скромным материалом и не могла бы заполнить потребности сына хотя бы с моих слов следить за успехами науки. В одном из писем я на 8 страницах ознакомил сына с открытием Эрлиха; изложил историю открытия препарата «606» или сальварсана, его химический состав, его влияние в организме человека на Вассермановскую спирохету, применение его в заграничных и русских клиниках и результаты его действия, свой маленький опыт (6 раз) и мой личный взгляд. Другое письмо было посвящено съезду электротехников в Гемании, в котором я подробно изложил доклад (кажется Гота) о естественных гидросиловых ресурсах каждого государства и суммирование их и превращение в электрическую энергию; будущее их и экономия угля; почти полное отсутствие эксплуатации их в малокультурных странах, как напр. в России, где Кура, Днепровские пороги, Иматра и др. не эксплуатируются. Одно письмо было посвящено первоматерии Джемсона и открытиям Бертелли в области синтетической химии. Некоторые вопросы, имеющие общественное значение, вычеркивались Смирновым, но самые факты оставались, например, сообщение про смерть Муромцева пропущено, но что хоронила его вся Москва, примерно около 200 или 300 тыс. было вычеркнуто; сообщение про смерть Толстого было пропущено, но про Гражданские похо-

роны было вычеркнуто (сын мне из крепости ответил, что память обоим почтил вставанием); точно так же было пропущено, что Бострем посадил на мель у берегов Румынии 3 броненосца, но дальнейшие подробности были вычеркнуты. Иные письма я получал от сына через 15 дней после подачи их. В ответе на такую медленную отсылку их и просмотре я острял в письмах, что Петербург лежит гораздо дальше Дакары или Мадагаскара, т. к. во времена похода Рождественского я с его эскадры от сына получал письма на 12-й или 14-й день. Иные письма были крестообразно перемазаны какой-то желтой жидкостью (слабой кислотой), т. к. тов. прокурора Смирнов подозревал, не пишет ли сын ко мне из крепости какими-нибудь химическими чернилами, которых полицейский глаз не обнаруживает. В ответ на это я писал сыну, что «его дорогие строки измазаны товарищем прокурора какой-то желтой мерзостью».

Быть может «письма из крепости», которые, несмотря на изолированность от жизни заключенного, представляют большой интерес не только семейный и выйдут отдельной книгой, как приложение к нынешней.

25 июня 1910 г. я снова был в Петербурге и на другой день явился в Жандармское Управление, чтобы узнать у Палькевича в каком положении дело сына и получить разрешение на свидание.

- Можно ли видетсья с сыном? - спросил я.
- Свидания принципиально разрешены, так что Вам остается лишь подать прошение.
- В каком положении дело сына?
- Дело Вашего сына теперь очень разрослось; по этому делу теперь привлекаются свыше 20 чел. Одних вещественных доказательств видите сколько пачек?

На довольно длинном столе вдоль стены действительно лежало множество толстых пачек, завязанных бечевками в желтой оберточной бумаге.

- Ваш сын наотрез отказался отвечать, - продолжал Палькевич, - на поставленные ему вопросы. Случайностью, как Вы говорили, находка у него книг и проч. теперь нельзя объяснить; теперь имеется много данных о принадлежности его к партии, пред всем этим находка брошюр бледнеет. Хотя он с Вами и был откровенен, но, видимо, не вполне. Я сам отец восьмерых детей и конечно понимаю чувство отца и сожалею.

- Что же, сын мой и теперь не может быть выпущен под поручительство?
- О выпуске его под залог теперь нельзя и говорить. У нас уже было совещание с прокурором Корсаком и Смирновым; всех арестованных мы разделили на 2 группы; Ваш сын в той группе, которая до суда не может быть выпущена на свободу.
- Но я могу подать прошение Прокурору Палаты об освобождение сына под залог?..
- О. да, конечно, даже лично подайте, хотя мало надежды на успех.
- Благодарю Вас г. ротмистр, за Ваше корректное и спокойное отношение к сыну и его делу; отношение тов. прок. Смирнова крайне личное и пристрастное.
- Нет, это у него такой характер; он одинокий, не семейный.
- На меня он производит впечатление человека невоспитанного и несдержанного; молодостью его такую грубость нельзя объяснить. откуда он?
- Он недавно переведен к нам из Москвы. Да, он на днях так оскорбил одну даму, что она расплакалась, - подтвердил мое мнение о невоспитанности Смирнова Палькевич.

Расставшись с ротмистром и обсуждая дорогой сказанное, я пришел к заключению, что одно мое предположение подтверждается сообщением Палькевича.

Еще в Белгороде я прочитал следующее сообщение в «Русск. ведомостях» от 26.V: «Выборгский губернатор получил официальное сообщение, что арестованный в Петербурге некий Михалевиц заявил, что он вместе с другими лицами распространял нелегальную литературу и подготовлял другие преступления. На этом основании губернатору предъявлено требование произвести обыски и аресты указанных на бумаге лиц. Поэтому местная сыскная полиция в присутствии чинов русской полиции произвела обыск у целого ряда лиц, причем были арестованы: журналист Якобсон, зубной врач Гуревич, некая Вера Остроумова и еще 7 чел. рабочих и ремесленников. Отобрана у них переписка и книги. По аналогичному требованию произведены обыски в Гельсинфорсе и арестован мастер русской эскадры Тимошкин, конторщик Ильин, писарь Беляев, регистратор Новгородский, токарь Семкин, приказчик Деревянин и др. Все они – русские подданные и отрицают свое участие в предъявленном им преступлении. Тем не менее все они заключены в тюрьму. Финляндские газеты называют Михалевица провокатором.»

3.VI. «Арест библиотекаря военной Николаевской академии генерального штаба Масловского, по сообщениям столичных газет, находится в связи с арестом русских в Финляндии, подозре-

ваемых в антиправительственной агитации в войсках. В связи с этим финляндскими арестами идут аресты в Петербурге».

Прочитав эти сообщения дома, я тогда же пришел к заключению, что наверное постараются все это связать с делом сына. Слова ротмистра Палькевича подтверждали мое предположение, и вороха вещественных доказательств, которые показал мне Палькевич, очевидно были отобраны у арестованных лиц в Финляндии.

Свидание с сыном мне было разрешено на 29 июня; на этот раз мне можно было многое рассказать ему, что делается на воле. По обыкновению под №№ у меня намечена была в записной книжке программа, и 29-го я уже был в приемной Трубецкого бастиона. прибывший вскоре Иванишин сказал мне, что он спешит, т. к. сегодня храмовый праздник собора Петропавловской крепости и ему необходимо быть на богослужении, но что свидание продолжится все же 15 минут.

Вскоре послышался за стеной знакомый мне звук отпирающихся замков, стук сапогов и тюремщик объявил, что все готово.

Поздоровавшись с сыном, я спросил его, что он желает мне сказать. Он ответил, что у него ничего нет нового и просил меня говорить.

- Был у Палькевича, - начал я, - просил выдать мне тебя на поруки; мне он отказал, т. к. дело твое, по его словам, очень разрослось и в настоящее время привлекается свыше 20 чел. (сын очень удивлен: «Меня никто не допрашивал»). Я однако решил обратиться к Прокурору Палаты и подал ему прошение. Прис. пов. Елисеев лишен права практики на 1 год; я еще у него не был, но буду и у Эристова, и у него, и поговорю о втором прис. поверенном.

За это время на воле произошло кое-что интересное, постараюсь тебе кратко передать. В г. Бетени состоялась так называемая «Реймская авиационная неделя». Участвовали: биплан Райта, Вуазена, Фармана и Зоммера; монопланы: Антуанет, Блерио, Телье, Анрио и Ньюпорт, - самый легкий - 225 кг, и самый маленький - 7 метров длины, его называют дорожным, а не спортивным монопланом. Всего в Бетени 76 аэропланов и 65 авиаторов. У нас в России состоялась автомобильная гонка, маршрут: Петербург - Киев - Москва - Петербург. Автомобили уже в Москве, пройденный ими путь 2250 в., скорость не должна превышать 65 в. в час. Участвуют 40 автомобилей, пока выбыло из строя случайно 3 автомобиля.

Был в академии наук, где смотрел слепок *diplodocus carnegii*. Оригинал открыт Моршем в меловых отложениях Колорадо и находится в Нью-Гевин; *Carnegii* сделал 6 точных слепков и подарил их 6 императорам, в том числе и Русскому. *Diplodocus* относится к порядку *Dinosaur'ов* из класса *reptilian* принадлежит к третьей эпохе Мезолитической эры (Триас, Юра, мел). Имеет 13 саж. длины, т. е. 91 фут, 3 саж. высоты, 102 огромных позвонка. Он недавно собран и установлен в конференц-зале академии, для публики не открыт; нам разрешил вице-президент академии Чернышов осмотреть его, благодаря знакомству Сони с ним.

Убеждаю Соню уехать из Петербурга; она предполагает проездить 2 недели: к Марии Мих. и бабушке, остальное время до отъезда в Петерб. погостить у нас.

Остальная часть свидания была посвящена рассказам про родных, лялек, его занятиям и нуждам. Между прочим, Соня просила передать следующее: «1. Она не сознавала, насколько Володя ей дорог и близок; лишившись его, не связав свою судьбу с его, ее жизнь сложится коряво; 2. Она не знала семьи; теперь же она видит, что научные вопросы и интересы этой семьи дадут возможность совершенствоваться в науках, педагогике и проч., а не заглохнуть среди мелочей своей семьи; 3. Разница убеждений и взглядов не так велика, что бы она могла разъединить нас, тем более, что может установиться средний *modus Vivendi*». Распростившись с сыном я вошел в Петровский парк, где Соня меня ожидала.

На следующий день мне предстояло покончить вопрос с защитниками и гонораром им, но с Елисеевым приходилось расстаться, т. к. на год он лишен права выступать в Палате. Вопрос был щепетильный, но Елисеев облегчил мне возможность говорить с ним откровенно, т. к. запросил меня сам, какой гонорар я назначаю за защиту сына.

- Я читал, Сергей Петрович, в «Русск. вед.», что Вам воспрещена защита в Палате на целый год, а поэтому мне теперь приходится дело сына всецело предоставить Эристову, как и выбор второго защитника.

- Это ничего не значит, что мне воспрещена защита в Палате, я могу этим делом руководить, - возразил мне Елисеев, - и поставить от себя защитника в Палату, напр., Гольдштейна или кого-либо другого.

- Я нахожу это неудобным и вообще посоветуюсь теперь с Эристовым, - ответил я, оставляя вопрос о гонораре не оконченным.

В тот же день вечером я был у Эрнстов-Сидамонова, которому передал разговор с Елисеевым; т. к. вести защиту сына через 3-е лицо, которым будет руководить Елисеев, я нахожу неудобным, то просил его взять на себя защиту и, в случае необходимости, пригласить другого прис. поверенного. Остальной разговор продолжался в такой форме: в этой стадии развития дела он, Эрнстов, еще не может следить за ним в Палате. Одобрил содержание прошения Прокурору Палаты, которое советовал подать лично; в случае отказа одобрил подать прошение Курлову; просил составить список свидетелей с обозначением имени, отчества, фамилии, адреса, а также о чем может свидетельствовать. По вопросу о гонораре предложил уплатить, сколько я могу. Я предложил 500 р.; Эрнстов, видимо, обрадовался и просил оплату произвести так: 250 р. сейчас, 250 р. накануне заседания в суде. Согласился и уплатил. В свою очередь он сказал, что из этой суммы он произведет уплату второму присяжному поверенному, если он вообще нужен будет и обещает вести дело и в сенате, если бы потребовалась апелляционная жалоба. (Впоследствии от этих 2-х пунктов отказался, ссылаясь на то, что он не помнит о них). Вообще же он никогда не был самонадеян, а потому по ходу дела он будет видеть, нужен ли второй защитник, выбор которого он просит предоставить ему. Если нужно будет, то он пригласит Маклакова или Грузенберга. Лично он, Эрнстов, подозревает в этом деле провокацию. Я прочитал ему письмо к прис. пов. Елисееву, которое он одобрил; я у него же в кабинете его запечатал и по выходе бросил в почтовый ящик. Содержание письма было следующее:

«Многоуважаемый, Сергей Петрович!

По делу сына я говорил с Г. Д. Эрнстовым. Второго присяжного поверенного, если необходимо будет пригласить его, Георгий Дмитриевич просил предоставить право выбора ему, и я согласился с этим, т. к. дело может быть пойдет через несколько месяцев и Вы еще не вправе будете выступать в Судебной Палате к большому моему огорчению. Приношу Вам искреннюю признательность за сделанные Вами мне указания и советы; питаю надежду, что своим вниманием и возможной помощью Вы не оставите моего сына. Примите уверения в глубочайшем уважении и проч.»

На следующий день предстояло быть у Прокурора Палаты и подать ему прошение об освобождении сына на поруки.

Мрачное здание суда, его длинные коридоры, полутемные и узкие, небольшая приемная комната с одним окном, уставленная шкафами с архивом; стены, полы и мебель грязные, покрытые пылью, - все это производит удручающее впечатление, кажется, что ты попал в застенки святой инквизиции. Впечатление это еще более подтверждается, когда увидишь людей, населяющих это мрачное здание, и совершенно укрепляется, когда поговоришь с ними. В каждом слове их - статья закона, как они ее понимают, а человек - это «номер дела», под каким он у них значится, поэтому ответы их категоричны, приговоры - безапелляционны.

Ко мне вышел молодой человек, довольно высокого роста, в потертом сюртуке, грязной рубахе, с небольшими усиками и бритым подбородком. Нижняя челюсть его резко бросается в глаза своей величиной за счет ее ширины, массивная, неуклюжая, без средней бороздки, отличающей ее челюсти антропоморфных; типичная челюсть для черепа ритесонтропа - мелькнуло у меня в голове; глаза серые, которым он иногда старался придать ласковое выражение, чтобы смягчить свои слова. Молодой человек оказался секретарем канцелярии Прокурора Громовым, а его родной брат, как оказалось впоследствии, был обвинителем сына в Палате.

Разговор с секретарем был приблизительно в такой форме: «Дело это сложное, сведений о Вашем сыне у нас еще нет, т. к. дело к нам не поступало и находится в ведении Жандармского Управления. Для осведомления с политическими делами мы откомандировываем в Жанд. Упр. 2-х товарищей Прокурора, там теперь находятся Васильев и Смирнов. К нам лишь вчера поступил запрос о разрешении Вашему сыну жениться на Валерии Соловьевой, мы против этого ничего не имеем. Запрос этот поступил из тюремной инспекции, шел по инстанциям долго, пока дошел до нас. Если сегодня Тлустовского не будет, т. к. он в настоящее время с докладом у министра, то прошение передайте мне, я все равно доложу ему. Прокурор Корсак в отпуску и его замещает старший тов. прок. Тлустовский».

Я решил ожидать Тлустовского, и с 12 ч. дня просидел в приемной до 4 часов. Благо - можно было курить, и я почти папироза за папирозой курил. В 4 ч. Громов мне объявил, что он доложил обо мне Тлустовскому, который уже приехал от министра юстиции и просит в кабинет.

Через темный узкий коридор я вошел в довольно просторную светлую комнату, хорошо обставленную старинной мебелью в стиле empire, обитую темно-зеленым трипом, с большим письменным столом, шкафами для «дел» и «законов». Посредине кабинета стоял длинный и тощий брюнет с проседью, черными глазами, которым он по желанию придавал пронизательный взгляд, но сквозь него проглядывала усталость и какая-то болезненность; впалые щеки, желтовато-землистый цвет лица с пятнами на нем дополняли остальное. Страдает гемороем, подумал я, и,

видимо, злющий. Говорить старается медленно, с достоинством, придавая каждому слову вес, - видимо подражает кому-то, как оказалось впоследствии, прокурору Палаты Корсаку.

Подал руку и пригласив садиться к письменному столу, за которым медленно и важно уселся сам, спросил, что мне угодно. Излагаю причину явки и подаю прошение, содержание которого кстати приведу.

*Его Пр-ву Прокурору С. Петерб.
Судебной Палаты.*

Врача Южн. ж. д., Коллежск. сов.

П. И. Костенко

прошение

23 марта тек. года арестован сын мой, шт. кап. корп. кораб. инженеров Владимир Пол. Костенко и заключен в Петропавловскую крепость. По окончании курса в Морском Инженерном училище в 1904 г. сын мой тотчас был назначен в эскадру адмирала Рожественского, в пути доканчивал оборудование «Орла», совершил весь поход на нем, был участником Цусимского боя, пролежал 3 мес. в госпитале от случайного разрыва левой Ахилловой жилы, 9 месяцев находился в плену в Японии, а по возвращении в Россию был назначен сначала на постройку «Андрея Первозванного», потом командирован в Англию для наблюдения за постройкой крейсера «Рюрик», где прожил 1 ½ года и доканчивал достройку его в Кронштадте. Такая усиленная физическая и умственная деятельность, полная лишений, тяжелых впечатлений (Цусимский бой) и высшего напряжения сил в столь молодом возрасте, подорвали общее состояние его здоровья, выразившись в частности общим упадком питания, экземой раненой конечности и хроническим ревматизмом, почему я и мать заключенного умоляем Ваше Пре-во отпустить сына нашего теперь же под мое поручительство, дабы мы имели возможность укрепить его здоровье, или в крайнем случае – под денежный залог.

- Мера пресечения, - сказал Тлустовский по прочтении прошения, - относительно Вашего сына не может быть изменена, обвинения на нем лежат тяжелые, несовместимые со званием офицера, и он недостоин носить погоны (это не твоего ума дело, - подумал я); это закоренелый пре... м... м... и убежденный сторонник защищаемых им идей, я сам говорил с ним и убедился в этом ⁴⁹, поэтому мы и заключили его в крепость.⁵⁰

... Да он талантливый и вполне образованный человек, но он успевал развивать свою деятельность и в другом направлении. Значит Вы его не вполне знали, или он с Вами не вполне был откровенен, т. к. улики, изобличающие его преступную деятельность, караемую законом, несомненны. Дело его особой важности, исключительной, и мы его выделили из числа других; если это дело доведем до суда (значит можно и не довести – мелькнуло у меня), то обставим несомненными доказательствами. Быть может и существует роковое сцепление обстоятельств в деле Вашего сына, но мы к нему относимся вполне беспристрастно; если обстоятельства или улики изменятся в его пользу, мы его держать не будем и сами освободим. Если он болен, то мы лечить его будем. Вы можете подать прошение и Министру юстиции, и председателю Совета министров, но на запросы их мы ответим то же, что и Вам. Повторяю, дело это особой важности, на него обращено особое внимание и мы постараемся его обставить вполне основательно и беспристрастно. Еще если б он держал себя иначе, принес бы раскаяние, что ли, тогда возможно было бы снисхождение, но он ни в чем не сознается и признает себя невиновным, несмотря на изобличающие его улики.

В конце разговора Тлустовский снова повторил, что это дело особой, исключительной важности, закон карает такие преступления, он лично следит за этим делом и даже допрашивал его. Прощение хотя и принял, но повторил, что ответ будет для меня неудовлетворительный.

Обдумывая дорогой разговор с Тлустовским, я пришел к след. заключениям: 1. обвиняемый отказом от показаний, лишает возможности обосновать обвинение, т. к. 2. видимо у них имеются лишь агентурные сведения, в том числе и провокаторские, с которыми стеснительно пока явиться в суд («если это дело доведем до суда, то...») и опереться только на них, а потому, в 3-х, лишение свободы и заключение в крепость есть мера не только пресечения... Мне же все это преподносится в таком виде, якобы они располагают надежными данными, не замечая того, что сами проговариваются.

Такого же приблизительно содержания и с такой же просьбой о выдаче сына на поруки я подал прошение и тов. министра Внутр. дел Курлову; на то и другое прошение я месяца через 1 ½ получил через полицию ответ, что просьба моя не может быть уважена.

⁴⁹ *Впоследствии оказалось, что Тлустовский сына не видел, его не допрашивал и вообще сын такого господина совсем не знает.*

⁵⁰ *Жандармы эту честь приписывали себе.*

6 июля я еще раз перед отъездом из Петербурга был на свидании у сына. Это свидание в общем оставило во мне довольно приятное впечатление. Сын много расспрашивал про нашу семью, про Лялек. Я ему рассказал случай про Ляльку старшую, которая подозревает, что с дядей Володей случилось какое-то несчастье; однажды вечером она пристала к нам с расспросами и на уклончивые ответы разразилась слезами и упрекала, что ей чего-то не договаривают; большого труда стоило успокоить ее. Затем разговор перешел на Васины и Мишины занятия, потом про наш сад и деревья. Я передал разговор с Глустовским. Такого господина сын не знает, никогда его не видел и он его не допрашивал. Спросил, видел ли я Валерию, - нет. Как идут Сонины занятия? Усмехнулся, когда я сказал, что рассчитывает окончить через год. Просил увозить ее в Белгород, дать ей прочесть дневник похода эскадры Рожественского, спрашивал о ее здоровье и проч. Словом, уделил ей много внимания. Напишет Васе доверенность на получение денег с «Орла». Затем мы расстались до конца ноября, когда я предложил приехать в Петербург.

На другой день я еще побывал у прис. пов. Сидамонова-Эристова, а на другой день вместе с Соней до Курска, откуда она поехала в Старый Оскол к бабушке, а я в Белгород.

В течение этого времени мы вели деятельную переписку с сыном. Он мне писал, что за это время прочитал всего Александра Дюма на французском языке, Теккерея, Виктора Гюго, Диккенса, Ги де Мопассана, из научных книг критику чистого опыта Авенариуса, Петцольда Ingepeuring за прошлый год, корпускулярную теорию Джемсона и мн. др. Между прочим он мне сообщил, что все это чтение у него между делом, главное же дело – это теоретические расчеты винта, конструкцию которого он совершенно пересоздает; он пришел уже к довольно ценным выводам, но без проверки на опыте трудно еще что-нибудь сказать. Заказы его на книги немедленно исполнялись Соней и через Риккера выписывались из Германии и из Англии. Между прочим корабельный инженер Прохоров, будучи в Англии, купил 2-й т. только что вышедшего в свет Байлса, кажется «Теорию винта», или «Теория корабля». Об этой книге я в свое время скажу несколько больше, чем теперь.

В этот же период времени я получил из Киева от брата моего, Прокурора Киевского военно-окружного суда, генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Костенко письмо, в котором он просит меня сообщить не может ли он быть полезным мне в чем-ниб. «Хотя тов. мин. Курлов и товарищ мой по военно-юридической академии, но едва ли в этом деле он значит что-нибудь», - писал мне брат. Я ему кратко сообщил все, что сам знал и указал, что Курлов, как заведующий полицией и Охранным отделением именно и значит все, поэтому просил брата написать ему, он уважил мое ходатайство о выдаче сына на поруки. Вскоре брат прислал мне копию посланных им писем Курлову и Глустовскому от 26 ноября 1912 г. ⁵¹

Письмо к Курлову:

Уважаемый Павел Григорьевич!

Мой родной племянник, кораб. инженер штабс-капитан в отставке Вл. Пол. К-ко арестован, и к нему предъявлено обвинение по 1 ч. 102 ст. Угол. Уложения. Дознание о нем производит жанд. ротмистр Палькевич под наблюдением тов. прок. пол. Смирнова.

Заинтересованный в судьбе этого весьма даровитого молодого человека, а также не допускающая мысли об увлечении его революционной пропагандой, т. к. знаю его характер, серьезное направление и увлечение исключительно своей специальностью, я имею честь покорнейше просить Вас не отказать в моей искренней просьбе к Вам уведомить меня, действительно ли данными дела он изобличается в совершении означенного выше преступления; если же они являются сомнительными, то не откажите в Вашем содействии к отдаче его на поруки отцу его, врачу Пол. Ив. К-ко, т. к. тюремное заключение и тюремный режим отзываются чрезвычайно вредно на его и без того слабом здоровье. Надеюсь Вы не откажите в скорейшем ответе Вашему академическому товарищу.

Примите и проч. М. Костенко.

Глустовскому:

Мил. Госуд., Михаил Степанович!

Мой родной племянник, кораб. инж. Вл. Пол. К-ко арестован и к нему предъявлено обвинение по 1 ч. 102 ст. Угол. Уложения, дознание о нем производит жанд. ротмистр Палькевич под Вашим наблюдением. Заинтересованный обстоятельствами дела этого весьма даровитого молодого человека, известного мне за серьезного и вполне корректного, я и т. д. как в предыдущем.

Через месяц брат меня уведомил, что «письмами от 3 декабря Глустовский и Курлов уведомили меня, что Володя обвиняется по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. и документально изобличается в этом преступлении, почему, как пишет Курлов, вследствие тяжести предъявленного к нему обвинения,

⁵¹ От редактора: так в машинописном тексте, вероятно, д. б. – 1910 г.

- из под стражи освобожден быть не может. Напиши мне насколько солидны эти «документальные данные».

Собственно этим переписка с братом и его хлопоты помочь мне и закончились. Мне пришлось упомянуть об этом лишь потому, что и тов. министра Внутр. дел и прокурор имели документы, избобличающие сына, теперь сомнений в этом не было и очевидно узнать о них мы могли лишь на суде.

Сын Василий посещал нашего заключенного, сообщал ему новости «с воли» и поддерживал, насколько мог, бодрое состояние его духа; по приезде из дома аккуратно 2 раза в месяц посещал его и сын Михаил. В конце ноября я выехал в Петербург и на другой день по приезде, т. е. 27 ноября, был уже на свидании в крепости, т. к. разрешение на него мне было испрошено сыновьями загодя.

Я нашел, что сын побледнел, появился отек лица, он жаловался на перебои в сердце и ревматич. боли в руке и ноге. Нового о его деле я ничего не мог ему сказать, т. к. не был ни у Палькевича, ни у Прокурора Палаты. Сообщил ему, что дядя Миша писал Курлову и Тлустовскому. Сын просил меня бросить все эти ходатайства, т. к. до решения дела судом его не выпустят на поруки.

После свидания я к часу был на Тверской в Жандармском Управлении и ротмистр Палькевич сообщил мне след.: «Я Вас просил через Василия Полиевктовича теперь не приезжать, а в январе, т. к. к Рождеству дело будет передано прокурору Палаты; от последнего будет зависеть признать состав преступления и статью 102, по которой мы привлекаем Вашего сына, и тогда будет составлен обвинительный акт. Данные дознания после передачи дела прокурору уже не являются секретом и будут сообщены Вашему сыну, дабы он мог обдумать их и приготовиться к защите. После составления и предъявления ему обвинительного акта, сын Ваш имеет право указать защитников, с которыми может по желанию видаться. Прокурор может изменить статью, напр. привлечь по 129 или даже по 132, может даже найти данные обвинения недостаточными для 102 ст. и внести в распорядительное заседание Суда о привлечении лишь за хранение, или же войти с мнением к министру внутренних дел о совершенном прекращении дела, применив лишь административную меру наказания, или засчитав предварительное заключение, тем более, что он сидел в крепости, хотя об этом Ваш сын и Вы просили, т. к. мы могли бы перевести его напр. в «Кресты».

- Возможно, что прокурор согласится отпустить под залог Вашего сына. Если потребуется залог, напр. рублей в 500, то его может внести даже сам обвиняемый. Деньги на расходы сыну можете внести сейчас, я выдам расписку.

Из всего сказанного можно было вывести лишь одно заключение, что Палькевич в этом деле теперь ни при чем, все зависит от прокурора Палаты; он выполнил свой долг – произвел дознание, и дело прокурора признать его обоснованным или нет, применить ту или иную статью. В то время однако эти сообщения давали какую-то неясную надежду, что прокурор будет все дознания Палькевича оценивать с точки зрения юриста, тем более, что на это дело, как говорил Тлустовский, обращено особое внимание. Поэтому все сказанное Палькевичем как будто несколько и ободряло.

приблизительно с такими смутными надеждами, но довольно определенным желанием, явился я к прокурору Палаты в приемный день. По обыкновению пришлось долго сидеть в маленькой угрюмой приемной, через которую нередко проходили угрюмого же вида молодые люди с блестящими пуговицами, с «делом» в руках, озабоченные и торопливые.

Наконец около 3-х часов меня попросили в кабинет прокурора, возле дверей которого сидел породистый курьер. За письменным столом восседал в кресле величественного вида «барин», хорошо упитанный, с выхоленными ногтями и жирным подбородком («орел Екатерининских времен» - мелькнула у меня), строгий с подчиненными и людьми ниже его ранга, и вероятно необычайно добрый, быть может даже заискивающий, с теми, кто повыше его; выражение этого лица могло легко и скоро меняться.

- Костенко, ... это обвиняемый в государственном преступлении? мера пресечения относительно его не может быть изменена, - растягивая слова и произнося их бархатным баритоном, начал Корсак после приветствия и приглашения садиться, не подавая руки. Читает прошение, содержание которого было следующее:

«Восьмимесячное тюремное заключение сына моего, шт. кап. корп. кораб. инж. в отставке, Влад. Пол. К-ко положило тяжелые следы на хилом здоровье: увеличилась бледность лица, исхудание и та угнетенность, которая является следствием отсутствия реальных впечатлений. Я вторично решаюсь утруждать Ваше Пр-во своей просьбой – освободить сына под мое поручительство или под денежный залог».

- Если он болен, - продолжал Корсак, прочитав прошение, - то для этого есть больницы и мы его будем лечить. Вы указываете, что он побледнел, похудел и угнетен вследствие отсутствия реальных впечатлений, - это обычно для заключенных, - продолжал резонерствовать представитель закона.

- Изменить меру пресечения мы не можем, т. к. он достаточно изобличается перепиской, его рукой написанной.

Вся эта речь его была по выходе из кабинета Корсака записана мною в записную книжку в приемной, сомнений в подлинности ее нет. Каково же было мое удивление, когда потом на суде эксперты из Экспедиции Заготовления Государственных бумаг вынесли такое заключение по поводу «изобличающей переписки, написанной рукой К-ко»: «не только общий почерк не напоминает руки К-ко, но нет ни одной цифры (шифрованная записка) похожей на его руку». Откуда же юрист Корсак и сенатор-юрист Крашенинников, сташий председатель Палаты, вывели иное заключение? Один из них это утверждал в обвинительном акте, другой – на суде. Обвинительный акт дал ответ на этот вопрос, - «по удостоверению охранного отделения, основанному на экспертизе того же отделения». Для судей это мнение охранного отделения было настолько авторитетно, что судебное следствие находило излишним проверку документов экспертизой в суде; но так как мною были доставлены в суд 2 эксперта, то суд и не мог отказать в проверке документов.

Из собранных мною сведений еще до свидания с Корсаком мне было известно, что записка безусловно не принадлежала почерку сына, поэтому категорическое и авторитетное слово Корсака не имело никакого значения, т. к. могло быть опровергнуто на суде, - думал я; но государево око – прокурор своим авторитетом и догматичностью мнения хотел подавить критику и борьбу с этим ложным его утверждением.

- Вы желаете, чтобы отказ в Вашей просьбе я прислал по месту Вашего жительства, через полицию, или возьмете его обратно?

- Я прошу Вас рассмотреть мое прошение и почтить ответом, - сказал я.

- Хорошо, - ответил Корсак, вставая и делая головой мне легкий поклон, - признак окончания аудиенции.

Теперь мне оставалось побывать у Эристова, передать ему все, что я узнал от властей за это время, условиться относительно вызова в суд, т. к. видимо время суда приближается и вообще отвести душу, измученную за это время. Особенно меня донимала бессонница; читать я ничего не мог, кроме газеты, которую бегло просматривал, ночью одолевали думы до рассвета, а задремав и проснувшись утром мне казалось, что я не спал, т. к. процесс мысли сном не нарушался и течение их продолжалось ночью как и днем.

2 декабря я сидел в приемной Эристова, ожидая очереди; в приемной кроме меня было еще 2 клиента, одним из них оказался его помощник, нас одновременно и попросили в кабинет. Извинившись, что минут через 5 от будет свободен, Эристов начал просматривать дела, о которых ему докладывал помощник. Все 4 дела были иски к железной дороге за просрочку с доставкой грузов. Меня, помню, удивило, что Эристов принимает такие пустые дела. Наконец помощника он отпустил и предложил мне изложить, что я желаю. Читаю рапорт Крылова, о котором Эристов еще не знал, передаю разговор с Палькевичем, читаю письма брата к Курлову и Тлустовскому, заканчиваю разговором с Корсаком. Эристов выслушивает все это крайне небрежно, что-то постороннее записывает в блокнот, роется в бумагах, которые лежат у него на столе, отпирает ящики письменного стола и считает золотые деньги, усиленно позвякивая ими, иногда встает из-за стола подходит к этажерке, на которой лежат «дела», берет некоторые из них и просматривает; я вынужден был иногда прекращать свое чтение или рассказ, т. к. Эристов подходил даже к домашнему телефону и отдавал какие-то распоряжения. Положительно он не желает меня слушать, мелькнуло у меня несколько раз в голове и понижало мое настроение.

Наконец успокоившись и усевшись за столом, он небрежно, с какой-то презрительной гримасой замечает мне:

- Все будет зависеть от мнения, которое будет внушено суду, как бы он, Эристов, на защищал сына, - оттопырив нижнюю губу и цедя слова, заговорил Эристов. – Даже лучше будет, если председателем в суде будет Крашенинников, он по крайней мере не лакей, но зато вполне юрист. Зейферт может принести юридические основания в жертву приказанию.

Далее начал говорить, что у него анемия мозга, что вообще ему нужно отдохнуть и полечиться; среди множества дел он дело К-ко забывает, а поэтому просит составить досье, по которому бы он живо и воспроизвел все, когда нужно. Досье не будет никому показано и сохраниться у него.

- Ко мне заходила Ваша симпатия (Валерия Соловьева) и предлагала протекцию для Вашего ходатайства, но я сказал, что об этом нужно говорить.

- Вы поступили так, как я Вас и просил, - ответил я Эристову, - в протекции Соловьевой я не нуждаюсь, и не желаю ее брать от нее.

- Их всего сообщенного Вами, - закончил снисходительно Эристов, - наиболее ценно – это письмо Вашего брата; о втором присяжном поверенном, Маклакове, как угодно.

Вероятно, он не все слышал, что я ему говорил, подумал я, прощаясь с ним. Отзыв Крылова, по моему мнению, был наиболее ценное из сообщенного.

От Эристова я вышел в таком тяжелом настроении, как не выходил от Палькевича и Смирнова, и Корсака. Передо мной стал целый ряд мучительных вопросов: почему явилось такое пренебрежительное отношение ко мне и делу сына? Почему нужно было инсценировать обремененность делами, цена которым грош, т. к. все это беспроектные иски? Почему мне нужно было говорить о его забывчивости, анемии мозга, и не есть ли это намек, чтобы поспешить с уплатой и остальных 250 р.? Как конечный выход явилось такое мнение: быть может он и в самом деле болен и желает отказаться от дела, т. к. тут нужно шевелить мозгами, но не желая это прямо сказать, прибегает к вышеописанным приемам. Все это я решил выяснить теперь же, т. к. до суда я не мог рассчитывать быть в Петербурге, а потому и вопрос о присяжном поверенном должен быть выяснен теперь.

Обсудив все это более спокойно, я решил еще раз побывать у Эристова и выяснить вопрос о защитнике.

5 декабря я снова был у Эристова; после долгих переговоров через его помощника был наконец принят им.

- В прошлый раз, Георгий Дмитриевич, я был очень смущен Вами. Вы говорили о своей болезни, о необходимости полечиться, ссылаясь на свою забывчивость и проч.; быть может Вы настолько больны, что не в состоянии будете вести дело сына?

- Нет, ничего, я в состоянии буду вести защиту Владимира Полиевктовича. Когда дело перейдет в судебную палату от прокурора, тогда я буду следить за делом и буду иметь возможность говорить с самим Влад. Пол.

- Быть может Вы находите нужным пригласить в помощь себе и Маклакова, как мы об этом говорили с Вами?

- Нет, по всему видно, что это дело не сложное. Мы, адвокаты, прежде всего, конечно, имеем в виду свой карман, а потому и в вопросе о Маклакове выступает вопрос о гонораре, - продолжал откровенную беседу Эристов. - Сколько Вы можете заплатить Маклакову?

- Мне приходится напомнить Вам, Георгий Дмитриевич, Ваши слова, которые для памяти я записал себе в записную книжку: «Если моих сил будет недостаточно, я пригласю Маклакова, о гонораре ему нечего беспокоиться, т. к. это мое дело.» Впрочем, если нужно будет говорить с Маклаковым, то у меня есть к нему письмо от ...

- Нет, - прервал меня Эристов, - я с Маклаковым сам поговорю, если мне нужен будет та-лангливее меня защитник. Я тогда ему прямо скажу: Алексей Николаевич, голубчик, помогите мне. Так Вы считаете, что Маклакова я должен вознаграждать из своего гонорара?

- Да, это Вы сами предложили и таково было наше условие. Что касается до остальных 250р., - продолжал я, чтобы напомнить Эристову и этот пункт условий, который он также мог забыть, - то я их уплачу накануне суда над сыном. Вы должны известить меня о дне суда, чтобы в течение 2-3 дней обсудить план защиты, т. к. я желаю это знать до суда и быть может могу сообщить какие-либо сведения.

Поговорив еще о свидетелях, о переводе сына в другую тюрьму, дабы Эристов мог чаще его видеть, чем в крепости, где каждый раз нужно испрашивать разрешение Департамента полиции, мы расстались.

Таким образом и чутье, и оценка мною предыдущего разговора с Эристовым, меня не обманули, и это свидание выяснило мне окончательно и Эристова, и на что я могу надеяться. Я тогда же решил, что в нужный мне момент я обращусь к какому-ниб. второму защитнику, более талантливому, чем Эристов, и конечно уплачу ему из собственных средств. После разговора с Эристовым я заставил себя ничему не удивляться и быть готовым ко всяким неожиданностям.

Покончив со всеми вопросами, я решил 6 декабря посвятить отдыху и 7 выехать в Белгород, т. к. 8.XII истек срок моего отпуска. Я не знал еще, что в это время неунывающее охранное отделение приготовило новый сюрприз.

6 декабря утром в 6 ч. утра я услышал какой-то тревожный звонок в передней, потом разговор сына Василия с какой-то дамой. Через ½ часа он вошел ко мне в комнату, спросил как я спал, пью ли уже чай и, пройдясь несколько раз по комнате, сказал:

- Ты, папа, очень не огорчайся, но вчера в 2 ч. ночи явилась к Мише в квартиру полиция, произвела обыск, ничего предосудительного не нашла; взяла карточки, какие-то письма и арестовала Мишу и Митю Набокова, его товарища по квартире.

Трудно передать теперь то душевное состояние и те мысли, которые снова нахлынули и придавили своей тяжестью на время. В мою задачу, однако, не входит описание личного душевного состояния, а потому продолжаю излагать дальнейший разговор и последующие события.

- Где же он теперь?

- Содержится в Спасской части, - ведь там может поместиться человек 600, - туда и заключили всех арестованных студентов. У них нет ни чаю, ни сахара, обеды можно брать из ресторана, но денег нет; говорят, что можно доставлять им белье и книги. Арестован он в порядке охраны, по ордеру охранного отделения, следовательно, находится в ведении градоначальника.

Даю деньги на пищу; вещи его сданы хозяйке на хранение.

Ехать по начальству узнавать за что он арестован и возбуждать теперь какие-либо ходатайства о нем являлось совершенно бесцельным. С русской администрацией я теперь достаточно ознакомился, текущие же события и волнения во всех высших учебных заведениях явно говорили, что ей необходимо быть непреклонной и деятельной в этом направлении, дабы отвлечь общественное внимание от избиения заключенных в Акатуе и порки в Вологодской пересыльной тюрьме, результатом чего явились самоубийства в тюрьме политических ссыльных. Взрывы общественного негодования, сходки во всех высших учебных заведениях и демонстрация на Казанской площади были ответом на это. Естественно массовые обыски и аресты сделались повальными, внимание было приковано теперь к Петербургу и другим городам, Акатуй и Вологда отошли на второй план.

Мне было точно известно, что в день сходки в электротехническом институте Миша был у нас на Васильевском острове, а в день демонстрации на Казанской площади - в крепости на свидании с Володей. Но наши знания и документы («Разрешение на свидание» с точным обозначением числа и даже времени) ничего не значили перед сведениями той организации, которую в это время составил в электротехническом ин-те всероссийский шпион и провокатор Пуришкевич. Под видом «академистов» в институте организован был кружок открытых шпионов, получающих от Пуришкевича жалованье и доносивших все что угодно на товарищей; председателем этого кружка истинно-русских академистов был Пуришкевич. В числе «академистов» был некто Фиалковский, личность весьма предосудительная, за что электротехники предположили лишить его права входа в студенческую библиотеку. Фиалковский не задумался объявить, что вся библиотечная комиссия во главе с ее председателем (Мишей К-ко) принадлежит к общестуденческой фракции партии с.-р., а Пуришкевич в «Земщине» объявил, что только тогда в институте будет спокойно, когда эти студенты будут арестованы и высланы. Все это быстро пронеслось у меня в голове и я решил, что бить своей головой стену бессмысленно, т. к. стену не пробьешь, а голова очень нужна, поэтому я решил побывать у Войнаровского и Быкова, директора и инспектора института и узнать, что намерено предпринять начальство института.

У того и другого я был весьма любезно принят: оба уверили, что будут ходатайствовать перед Мин. Внутр. Дел, что в общем это дело пустое, что наверное все будут освобождены. Так обыкновенно говорят в таких случаях, а действительность бывает всегда хуже.

В тот же день меня уведомили, что все арестованные студенты содержатся в Спасской части, что допроса им еще не было, а следовательно и свидания не будут разрешены, обеды можно получать из трактира.

Распростившись с Петербургом, я уехал в Белгород, некоторое время ничего не говорил жене, но потом рассказал про все Мишины несчастья. Жена решила немедленно ехать в Петербург, мне стоило большого труда удержать ее. Вскоре, приблизительно накануне Рождества, мы получили телеграмму, что по распоряжению администрации, Миша высылается на 3 года в Чердынский уезд Пермской губ. по этапу, Митя Набоков - на 1 год на родину и т. д.

Жена быстро собралась и выехала в Петербург, чтобы закупить теплые платья, некоторые продукты и снарядить сына «в страну метелей и снегов». Миша в это время содержался уже в Доме предварит. заключения; Жене, Машуре и Соне было разрешено его увидеть и поговорить. 3 января в арестантском вагоне, в сопровождении жандармов, 9 студентов, в том числе и Миша, были увезены на северо-восток. Дней через 10 мы получили телеграмму из Чердыни, что Миша назначен в дер. Морчаны, которая отстоит от Чердыни верст на 150. Оказалось страшно глухая деревня; ехал он туда в сопровождении стражника при -42°; от замерзания его спасли теплые меховые сапоги, шуба стражника и теплая шапка, которую ему мать купила в Петербурге; заботы стражника о Мише были трогательны, и этот добрый человек заботился о нем всю дорогу.

Нерадостные письма мы получали от сына из Морчан. Эта деревня была местом ссылки аграрников, которые там влачили свою жизнь без работы, без одежды, голодные и проч. Есте-

ственно, что под тем или иным предлогом деньги уходили на кормление этих жалких людей, а впереди ничего не предвиделось, никакого просвета.

В это время Октябри и особенно Сергей Иллиодорович Шидловский, депутат от Воронежской губ., были в особенном почете и благоволении у Столыпина за проведение закона 9 ноября, который санкционировал с одной стороны самостоятельно введенные Столыпиным отруба и выделы из общины, с другой - докладчик закона Шидловский подвел фундамент под самого Столыпина и упрочил его положение. Октябри достигли высшего апогея славы и Сергей Иллиодорович предложил зятю Нечаеву даже хлопотать за Мишу. Я отказался что-нибудь писать ему, жена однако написала и просила его ходатайствовать о переводе Миши в Чердынь или Пермь. В это время Столыпин отвернулся от Октябрей, лишь изредка принимал их и только с заднего крыльца, и начал заигрывать с националистами и правыми. Положение Октябрей сразу пало; Сергей Иллиодорович ответил жене в кратком письме, что Пермский губернатор Лопухин переведен куда-то, и он хлопотать не может. Тогда жена от себя написала прошение Пермскому губернатору (кажется Кошко) и просила его перевести сына хотя бы в Чердынь ввиду его нездоровья, где медицинская помощь была доступна и возможна. Прощение жены губернатор послал Чердынскому исправнику и подписью: что он намерен сделать по поводу этого прошения? Исправник немедленно телеграфировал сыну, что он переводит его в Чердынь. Через час сын уже был в пути из Морчан в Чердынь. Вскоре Мин. Вн. Дел разрешило сыну поступить на земскую службу по проводке и установке телефонов и он с энергией взялся за это дело.

Таким образом Мише не дали погибнуть в Морчанах; жизнь в Чердыне среди товарищей по ссылке сделалась сносной, а служба и деятельность по проводке телефонов укрепила здоровье и доставляла умственную работу. Впоследствии я высылал ему книги издания Матезис-Сади, Риги, Снайдера и проч.

Приближалось время суда над старшим сыном. Из крепости он мне написал, что ему вручен обвинительный акт, разрешено свидание с присяжным поверенным Сидамоновым-Эристовым и что вскоре вероятно состоится суд.

Наконец мною получен в выдержках и обвинительный акт. Из 23 или 25 чел., как обещал жандармский ротмистр Палькевич и тов. прокурора Глустовский, привлекается всего 4 чел.: Михалевич, Костенко, курсистка Казанская и Святловский – студент. Мне доподлинно было известно, что с двумя последними сын не был знаком и никогда их не видел. Таким образом ему предстояло на суде познакомиться с двумя лицами, с которыми будто бы он составлял какой-то заговор.

В той части обвинительного акта, которая касалась сына, сказано след.:

«Найдено у Костенко: 1. Шесть экз. упомянутого выше «Устава автономного союза военно-революционных организаций»; 2. Сорок два номера «За народ», причем в №23 журнала оказался в 31 экз., а №25 – в девяти; 3. Три экз. означенной выше брошюры «Барьер»; 4. Полулист бумаги, обнаруженный в кармане пиджака Костенко, с написанным на нем рукою Костенко, цифровым шрифтом, разобрать который не представилось возможным; 5. Блокнот, в коем рукою Костенко сделана следующая надпись: «Написать: Колину, Клышко, Генриху, Рафаилу»; 5. Рукопись с датой: СПб 18.XII.09» В этой рукописи автор, состоящий членом партии социал-револ., излагает мнение о настоящем положении названного сообщества после пережитого партийного краха, критикует существующую организацию партии и указывает на необходимость выработать новый строй сообщества. Заканчивается рукопись словами: «Пока прощайте. Не забывайте, что я горячо вас всех любящий Ваш друг Рафаил». 7. Один экземпляр описанной выше брошюры: «Чему учит нас правительство и 3-я Государственная дума»; 8. Письмо за подписью Болтышева из Баку от 16 января 1910 г. В письме автор просит Костенко простить его за то, о чем ему, Костенко, известно, а затем продолжает: «Простите меня, что Вас называю добрый и многоуважаемый друг Володя. Я называю Вас просто как Ваш сослуживец и как скиталец по одним и тем же дорогам. И хорошо знаю Вас, что Вы очень добр и не таким нам казались страшным, как другие по службе «офицерики». 9. Письмо за подписью «Рафа», в котором автор просит Костенко повидаться с ним. Т. П., А-д, 162. По заключению эксперта это последнее письмо, а также и рукопись за подписью «Ваш Рафаил» несомненно написаны одним и тем же лицом.

По поводу обнаруженных у Костенко и Михалевича «Устава автономного союза военно-револ. организации» в СП. охранном отделении негласным путем установлено, что автор названного устава является Костенко, коему, как специалисту по флоту, Михалевич и поручил составление Устава. При допросе в качестве обвиняемых Михалевич отказался от дачи каких бы то ни было объяснений. Костенко, не признав себя виновным, объяснил, что обнаруженные у него при обыске преступные издания, а также шифрованная записка, получены им на хранение от лица,

назвать которое он отказался, а затем показал⁵², что таковым является назвавшийся Михаилом Карловичем, личность которого он признал в фотографической карточке Станислава Михалеви́ча, причем отрицал, что шифрованная запись сделана его, обвиняемого рукой. По объяснению Костенко Вебер, опасаясь обыска, просил его сохранить указанные выше издания. Что касается до рукописи за подписью «Рафаил», то таковая была доставлена обвиняемому ее автором на сохранение за несколько дней до обыска, причем назвать личность автора Костенко отказался и добавил, что никаких объяснений по поводу указанных выше вещественных доказательств он давать не желает и что участия в составлении устава автономного союза он не принимал... На основании вышеизложенного дворянин Станислав Михалеви́ч 56 лет, отставной шт. кап. Влад. Пол. Костенко 29 лет, дочь священника Нат. Фед. Казанская 19 лет, и Евг. Евг. Святловский 20 л., обвиняются в том, что в 1910 г. в С.Петербурге состояли членами преступного общества, заведомо для них положившего в основание своей деятельности программу партии социал-революц., стремящейся к насильственному посягательству на изменение установленного в России Законами Основами монархического образа правления, причем, в качестве членов означенного сообщества, хранили у себя с целью распространения печатные издания упомянутой партии, призывающие к насильственному изменению существующего в России Государственного строя, возбуждающие воинских чинов к нарушению ими долга службы и присяги, а также к организации в войсковых частях революционных комитетов и заключающие в себе дерзостное неуважение к Верховной власти, а кроме того, из них Костенко, Казанская и Михалеви́ч хранили конспиративную переписку⁵³ и вели записи по поводу революционной деятельности, а Костенко и Казанская, независимо от сего, имели у себя цифровой шифр, т. е. в преступлении, предусмотренном 102 ст. уголовн. уложения. Вследствие этого и на основании 2 т. 1032 ст. устава угол. судопроизводства, Михалеви́ч, Костенко, Казанская и Святловский подлежат суду С. П. Палаты с участием сословных представителей. Составлен мая 4 дня, 1911 года.»

В обвинительном акте мною опущено то, что относилось к остальным трем обвиняемым.

Для меня теперь ясно было, что 1. сыну принесли связочку книг и просили ее беречь; из обвинительного акта видно, принес ее Михалеви́ч за несколько часов до обыска у сына. Случайно ли это было принесено, или в этом была провокация (финляндские газеты Михалеви́ча категорически называли провокатором), я не мог решить этого вопроса, предоставив его сыну. Для меня уже было приятно и то, что с самого начала дела я дал верное его освещение Зилоти и Крылову. Новостью для меня было, что хранилась сыном еще какая-то рукопись. 2. шифрованная записка написана не его рукой, так говорила мне Валерия Соловьева, следовательно, утверждение охранного отделения является явно лживым и экспертизой на суде будет опровергнуто; 3. переписка с Болтышевым, якобы конспиративная, являлась смешной. Я сам получил на имя сына, когда он был в Америке и в Англии, 3 или 4 письма, вынужден был их распечатать, чтобы не пересылать их сыну и вывел заключение, что бывший матрос Болтышев пишет все «высоким слогом», употребляет слова, значение которых он не знает и видимо хочет быть умным и понравиться. Его письма никогда ничего крамольного не содержали и приведенная в обвинительном акте из его письма выдержка является во всяком случае не революционной. 4. Остается еще запись в блокнот, что кому-то нужно написать, но это уже объяснит сын. Итак, причем же тут 102 ст., да еще первая ее часть, как говорил мне прокурор? Дело являлось очевидно вздутым. Придя к такому заключению, я просил Соню побывать у Прокурора и еще раз попытаться об освобождении сына до суда на поруки, хотя в это я уже не верил.

«Вы говорили, - писала мне Соня, - относительно прокурора, что он будет ссылаться на кого-нибудь другого – совершенно оправдалось. Он говорит: «Я ничего не имею против, но это не от меня зависит, а от Палаты». Старший председ. Суд. Палаты сенатор Крашенинников говорит теперь также, что это не от него зависит, а от Судебной Палаты. Между тем он в заседании Палаты поставил себя так, что эти вопросы решает единолично и остальные члены подчиняются его решению.

Вчера 18 мая Эрстов узнал в Судебной Палате, что для переговоров с защитником относительно свидетелей предполагают дать всего 3 дня, а не 7, как это делают всегда... Насчет перевода из крепости в Кресты, где свидание с защитником обставлено проще и дольше можно видаться, до сих пор не принято никакого решения. Бумага переходит из одного учреждения в другое (из Тюремной инспекции – в Тюремное Управление, к градоначальнику) и пока безрезультатно.

⁵² Примеч.: После того как Михалеви́ч сам сказал в Жанд. Упр., что эту связку он лично передал Костенко, спасаясь от бегавших по его пятам шпики. Из Судебного следствия.

⁵³ Впоследствии к слову «Записи» Палата в приговоре в окончательной форме присоединила и «денежные записи по военно-революционной организации: Коте – 300 р., Фин. – 125 и т. д.», имевшиеся в блокноте Костенко.

татно. Я захожу от времени до времени, шевелю их немного, требую приема у самих начальников и тогда только бумага приходит в движение. Одни учреждения не имеют ничего против перевода в Дом Предвар. Заключение, другие – в Кресты, не знаю, сговорятся на чем-нибудь... Относительно суда узнала, что Крашенинников не будет давать распоряжение о закрытии дверей, так говорил и Корсак; но не знаю, быть может опять кто-либо помимо них сделает все обратно, а они будут говорить, что мы ничего не имеем... Была у Эристова. Он говорит, что дело несложное, так что двум защитникам делать нечего: тут нельзя будет отделить общую часть от детальных вопросов. Дело довольно серьезное, но несложное. Со стороны обвинения вызывается всего 5-6 чел. свидетелей на всех участников процесса, и все чины полиции. вещественные доказательства, имеющиеся против Володи, должны бы подводить его под 132 ст., т. е. за хранение литературы. Но очевидно суд будет выносить свое решение, главным образом, на основании того, на чем будет настаивать всесильное охранное отделение. Между прочим, в обвинит. акте есть такой пункт, что устав военно-революц. организации составлен Костенко по поручению Михалевиича. Эристов говорит, что бездоказательные, но безапелляционные заявления охранного отделения имеют большое значение для судей; и с этим влиянием охр. отдел. трудно бороться, т. к. здесь не выставляется никаких доказательств правдивости их утверждения и поэтому не знаешь с чем бороться... Эристов говорит, что речь может идти об ином защитнике и он передаст ему все дела, если Пол. Ив. находит это нужным, но не о втором, который не нужен. Этот вопрос я отложила до Вашего приезда. Кстати, дело пойдет 10 июня, вероятно продолжится дня 2-3, т. к. Крашенинников уезжает 15 июня в отпуск, а срок запрещения Елисееву выступать в Палате истекает в конце мая, следов., если пожелаете, то Елисеев уже может выступать как второй поверенный...

Только что узнали довольно печальную весть, что распорядительное Заседание Судебной Палаты отказало в вызове всех важных свидетелей, выставленных Володей и защитником; согласились вызвать только инженера Маслова, у которого Володя жил на квартире, и швейцара дома.» К этому я должен добавить, что Вал. Соловьева, бывшая у него при обыске, нигде в обв. акте не упоминается и свидетельницей не вызывается.

Таковы сведения, полученные мною в Белгороде в конце мая, 6 июня я получил 14-дневный отпуск и выехал в Петербург.

Арест,
заключение в Петропавловскую крепость,
суд
и помилование шт. капит. корп. кораб.
инженеров Вл. Пол. КОСТЕНКО

Книга 2-я

Суд

6 июня ночью я выехал в Петербург и утром на Николаевском вокзале меня встретил Вася и повез к себе, на квартире у него я и остановился. Поговорив по телефону с Эрнстовым, я тотчас к нему и отправился. Эрнстов сообщил мне, что Судебная Палата в вызове свидетелей и экспертов отказала, что она находит нужным допросить лишь 4 свидетелей полицейских и одного арестанта по делу Михалеви́ча; что мнение суда видимо вполне определено, а также и приговор его, который будет суровым; что его Эрнстова задача – переубедить судей, является таким образом довольно тяжелой; дело само по себе является несложным, а потому он, Эрнстов, во втором защитнике-помощнике не нуждается.

- Я согласен с Вами, что дело не сложное; но Вы нарисовали мне безотрадную картину решения Палаты и судебного приговора, с которым я примириться не могу и должен бороться и искать выхода. Вопрос о втором присяжном поверенном сам собой возникает, и этот вопрос нам необходимо решить теперь совместно.

- Во втором защитнике я не нуждаюсь, Вы можете приглашать кого угодно, хоть Маклакова.

- О Маклакове Вы говорили мне, что Вы его сами пригласите. Но теперь уже поздно вероятно об этом говорить и едва ли он в Петербурге; Вы ничего не будете иметь против Елисеева, т. к. он уже получил право защиты в суде?

- Вы можете приглашать кого угодно, я ничего не имею против, но своим гонораром я не намерен ни с кем делиться.

Поняв, наконец, в чем дело, я успокоил Эрнстова, что остальные 250 р. он получит в полное свое владение, причем тут же ему и уплатил их, с Елисеевым я обещал сам поговорить.

- Я однако желаю и прошу Вас совместно с Елисеевым и мною, как я Вас об этом т ранее просил, обсудить план защиты. Вероятно Вы уже с сыном говорили и обсуждали его, но быть может при совместном обсуждении мы еще кое-что внесем.

- Да, Ваш сын там пишет свою защитительную речь, очень длинную, но я не согласен с его планом защиты. Я должен убедить судей, что обвинение построено на шатких основаниях. По вопросу о совместном обсуждении я ничего не имею и завтра в 7 ч. соберемся у меня. Елисеев теперь, наверное, в Палате и Вы его там найдете в комнате присяжных поверенных.

От Эрнстова я тотчас направился в Палату, где в комнате присяжных поверенных отыскал Елисеева.

- Я Вас давно поджидал, - встретил меня Елисеев, - т. к. дело Вашего сына уже послезавтра назначено к слушанию; Вы меня пригласили первого защищать Вашего сына, право защиты теперь я получил, а потому меня удивляло, что Вы не появляетесь.

Я наскоро объяснил Елисееву, что защитником будет Эрнстов, и его я прошу совместно с ним защищать сына; я сейчас от Эрнстова, с которым условился, что завтра в 7 ч. вечера мы с Елисеевым будем у него и совместно обсудим план защиты и отказ Палаты в свидетелях, и чем помочь этому горю. За защиту Елисеева завтра я уплачу ему 200 р.

- Дело здесь не в деньгах, мы политически защищаем даром; но если Вы можете заплатить, то конечно я не откажусь. Завтра к 7 часам я буду у Эрнстова.

Дальнейший рассказ Елисеева по делу Чайковского, которого он защищал, и дело окончилось оправданием, я слушал рассеяно, т. к. мысль была занята совершенно иным. В этот момент я еще не мог предвидеть, какие немаловажные услуги мне окажет Елисеев, как по делу сына, так и по вопросу о его женитьбе. К завтрашнему вечеру он обещал ознакомиться с обвинительным актом и вообще со всем делом, а вечером совместно обсудить все дело.

На другой день в 11 ч. дня сын Вася передал Елисееву в Палате 200 р. и узнал от него следующее: 1. Хотя Палата и отказала в вызове экспертов для шифрованной записки, довольствуясь экспертизой охранного отделения, но если мы приведем в суд экспертов, то она не в праве от-

казать нам провести экспертизу; 2. Хотя Палата отказала нам в вызове свидетелей, но если мы приведем их в суд, то она не вправе отказать нам допросить их. Поэтому необходимо сейчас же поехать в Павловск на дачу и пригласить 2-х экспертов из Экспедиции Заготовления Государственных бумаг (к сожалению память моя не удержала фамилии этих лиц), один из которых состоит (где-то) профессором, чтобы завтра к заседанию Суда они были здесь. Необходимо пригласить и тех свидетелей, о которых говорит Ваш отец.

Вася тотчас поехал в Павловск, а я, послав телеграммы в Кронштадт на эскадру лейтенанту Медведеву и шт. кап. Филипповскому о приглашении в Суд их, адмирала Стеценко, Карпова и др., отправился на Зверинскую улицу к Крылову.

Алексея Николаевича Крылова я застал дома, встретил меня он приветливо и мы уселись у него в кабинете, стены которого сплошь заставлены полками с книгами.

На вопрос, чем могу служить, я коротко изложил пункты обвинительного акта по делу сына, отказ Палаты в вызове свидетелей и экспертов, и присоединил свою просьбу, чтобы Алексей Николаевич не отказал завтра явиться к 12 ч. в Палату в качестве свидетеля. Присяжные поверенные возбуждают ходатайство перед Палатой о допросе свидетелей и о допущении экспертов. Крылов немедленно согласился и завтра обещал к 12 ч. быть в Палате. Поговорив еще некоторое время об обстоятельствах дела, как напр. «об обществе социал. революц. автономистов», из которых сыну только один знаком из 4-х обвиняемых, о зашифрованной записке, авторство которой и почерк охранное отделение заведомо ложно приписывает сыну, о явно предвзятом мнении суда и прокурора, мы расстались. Дома я застал Васю, который в Павловске разыскал свидетелей и завтра они будут в Палате. Вечером приехал из Кронштадта Филипповский и сообщил, что эскадра частью ушла в Ревель, частью в Свеаборг, а потому завтра будет только один Медведев, остальные же уже не успевают приехать. Заказ адвокатов был хоть отчасти выполнен.

Вечером к 7 ч. я был у Эристова, где застал уже и Елисеева. Я сообщил им о результатах данных Елисеевым поручений. Разговор долго вертелся вокруг вопроса, как разделить защиту сына между двумя поверенными. Эристов был того мнения, что и ему одному много придется говорить, т. к. уже судом все предрешено и убедить судей в противном мнении задача невозможная. Наконец кое-как разделили свои роли. Эристов главным образом напирал на то, что общество еще не образовалось, между тем сына обвиняют в принадлежности к обществу с.-р. автономистов. Так как по поводу рукописи он ничего не может сказать, то пусть об этом говорит сам сын. Елисеев тоже предполагал возражать что-то по поводу неверного применения прокурором статей. Я спросил их: кто же воспользуется данными судебного следствия? Ведь пункт о зашифрованной записке, писанной будто бы рукой сына, будет опровергнут экспертами. Свидетельскими показаниями Крылова будет установлено, что сын все свое время посвящал занятиям в Морск. Технич. Ком., а потом следил за постройкой крейсера «Рюрик», таким образом, для так назыв. революционной деятельности не было времени. Эристов на это мне возразил, что наверное ни свидетели, ни эксперты не будут допущены, а потому обвинит. акт в этих частях не будет поколеблен. И вообще в этой части трудно возражать, можно говорить только о неправильном применении прокурором статей и неправильном их понимании. Положительно мне не везло в этих переговорах с присяжными поверенными. Во мне уничтожили всякую надежду на благоприятный исход процесса, и кроме того явно неверные факты из обвинительного акта оставались неопровержимыми, и к ним даже как будто не желали и подходить. Сдерживая охватившее меня волнение, я начал так:

- Вы меня извините, Господа, я не знаю как и о чем Вы будете говорить; в вопросы юридические я не вхожу, о них – Вам карты в руки; но фактическая сторона, о которой в пункте 7 говорит обвинительный акт, остается Вами как бы нетронутой, а для меня она составляет все. Я постоянно следил и выяснял ее, многое для меня явилось новостью после знакомства с обвинительным актом, на некоторые пункты я ничего не могу сказать, это дело сына и Вас, т. к. Вы виделись и совместно обсуждали; но, если позволите, я бы защиту повел так. Я над этим много думал, и составил себе такую программу, которую с Вашего позволения и прочитаю.

Просят.

- Г. г. судьи и сословные представители, - начал я. – Согласно обвинительному акту на скамье подсудимых видим мы в лице Костенко закоренелого преступника, посягнувшего на ниспровержение существующего общественного строя; обвинительная власть собрала ряд документов, которые изложены в п. 9 обвинительного акта в доказательство его преступности. Не касаясь пока данных обвинения, о которых я буду говорить в конце речи, я хочу уяснить Вам на основании недалекого его прошлого, как образовывался этот преступник, и в чем его преступление. Прошлое его – блестящее. По окончании Морского Инженерного Училища, где он занесен на мраморную доску, адмирал Рожественский и Бирилев обратили на него внимание и он был назначен корабельным инженером броненосца «Орел» во 2-ю эскадру, в пути dokonчил его достройку и исправление рулевых механизмов. Случайно спасшись в Цусимском бою, он возвра-

щается в Россию через Америку, Англию, где осматривает корабельные верфи, с огромным запасом наблюдений. Артиллерийский флагман американской эскадры Уайт, плывший с ним через Тихий океан, дает о нем такой отзыв: «Достаточно будет сказать, что его (Костенко) ум, его тонкое знание всех сильных и слабых сторон построенных и стареющих военных судов, его сильная наблюдательность вообще и в частности, его основательное знание правил военно-морской современной техники и войны заслужили восхищение и уважение Уайта. Ценность его наблюдений в Цусимском бою заключается в том факте, что, будучи близко знаком с современной военно-морской наукой, он искал не картинности в описании битвы, а положений технического интереса, положений, которые ожидаются на принципах, руководствующихся конструкцией, содержанием и тактикой». («Путь к Цусиме» Худякова, стр. 122, изд. 1907 г.) Возвратившись в Россию, он с разрешения Морского министерства читает блестящую лекцию высшим чинам министерства в квартире тов. министра: «Броненосцы типа «Бородино» в Цусимском бою», по окончании которой адмирал Дубасов и другие благодарят его. В числе 40 чел. его приглашают в заседание адмиралтейств-совета в качестве члена, и вскоре назначают его наблюдающим за постройкой крейсера «Рюрик» в Англию. По окончании постройки он не подписывает протокола приемки башен и эти переделки производятся уже под личным его наблюдением и ответственностью в Кронштадте. Башни «Рюрика» выдержали потом все пробы и капитан Костенко награжден штаб-офицерским орденом. 1 ½ годовое пребывание в Англии дало возможность произвести целый ряд наблюдений над техникой и административным Управлением заводов и на этот раз он уже прочитал целый ряд блестящих лекций и в Морском министерстве, и в Техническом О-ве, и в офицерском собрании Кронштадта. Вскоре он был назначен руководителем 7 офицеров Морской академии для руководства занятиями в Англии на заводах на 3 мес., и эту миссию он исполнил весьма добросовестно и с знанием дела. Наконец он решается систематизировать свои знания, поступив в Морскую академию, но накануне подачи прошения его арестовывают. Вы видите г. судьи и сословные представители, как в течение 7 лет вся жизнь этого крамольника была на глазах у всех, и особенно у высшего начальства. Председатель Технич. Ком. генерал Крылов аттестует его как талантливейшего инженера и человека, которому предстоит занять высший пост по технике в Морском ведомстве, а командир крейсера «Рюрик» Стеценко, с которым от прожил 1 ½ года в Англии, - как дисциплинированнейшего офицера и талантливейшего инженера. Такого, г. судьи и сословные представители, прошлое этого крамольника, у которого все время было поглощено морской техникой и практической деятельностью в этом направлении, поглотившей все его умственные силы и время.

Переходя к пунктам обвинения, я начну с 7, с письма матроса Болтышева, которое обвинительный акт трактует как переписку с матросами в крамольном направлении. Я могу успокоить г. Прокурора: писем в подобном роде после Цусимского боя, да еще денежных, со вложением 2, 3 и 5 р., отец Владимира Костенко получил не менее 10; во всех них матросы благодарят отца за сына и возвращают долг сыну. Объяснение этому гораздо проще, чем думает обвинитель. Возвращаясь из плена на Родину, кораб. инж. К-ко встретил жалких, оборванных матросов «Орла» в Нагасаках, которые просили у него по несколько рублей займа. И он, сам нуждаясь, не отказывал им. Впрочем он не отказывал и лейтенанту Роцаковскому, перевод которого на 100 р. отцу К-ко имею честь представить суду. Вот на какой почве была переписка с матросами, впоследствии многие из них просили определить их на места и многие действительно были определены. Таким образом переписка с матросами и инкриминируемое письмо объясняются беспредельной добротой обвиняемого, одинаковой как для матросов, так и для офицеров. Что же касается выражения «офицерики», то оно лежит на ответственности написавшего письмо, а не получившего.

Далее, 1-й пункт обвинения, нахождение устава военно-революционной организации, брошюр, рукописи. Совершенно правдивое дал объяснение К-ко, что их просили спрятать, и он принял эту связку. Живя такой интенсивной, деятельной по морской технике жизнью, ему приходилось встречать в жизни множество разнообразных лиц; благодаря его доброте, он снисходил к множеству просьб, быть может недостаточно вдумываясь в них, будучи всегда занят своей любимой работой, а потому мог быть неосторожен. Ибо, где же дела, где его переписка, где организаторская революционная деятельность, инкриминируемая ему? Ее нет и не может быть. Такого же характера рукопись за подписью Рафаил, которую он берег, и шифрованная записка».

Об остальных пунктах обвинения я не берусь говорить, т. к. о них Вы, вероятно, говорили с сыном... «Где же то сообщество, которое поставило себе столь грандиозную преступную деятельность, как ниспровержение путем военной организации основ общества? Да вот они, 4 человека, которые и познакомились-то ведь здесь на суде, а о своем сообществе узнали только из обвинительного акта. Вот что значит по случайной находке устанавливать связь людей между собой, а организовать их только в суде, на скамье подсудимых.

Была неосторожность и за нее он заплатился уже 15 месяцами крепости; статья 102 совершенно отпадает и остается 128, за хранение.»

Конечно я намечал лишь план защиты, более детальная разработка должна принадлежать Вам, т. к. это дело находится в Ваших руках и Вы говорили с обвиняемым.

На эту программу Елисеев сказал: очень недурно, а Эристов и тут вообразил, что он ничего не может сказать по поводу рукописи, шифрованной записки и проч., поэтому этих вопросов лучше не касаться, пусть о них говорит сам обвиняемый. Елисеев же сказал, что лучше всего будет сказать в подобном роде мне самому, т. к. я вызываюсь свидетелем.

Был уже 1-й час ночи, присяжным поверенным нужно было перед заседанием суда отдохнуть, собраться с мыслями и проч. Распростившись с ними, я с тяжелым сердцем ушел от них.

10 июня около 11 ч. утра мы с Соней были уже в садике «Судебных Установлений», который расположен перед входом в Судебную Палату. На скамеечке сидела Валерия Соловьева с какой-то дамой. Поздоровавшись с ней, я сказал, что буду просить Прокурора о разрешении повидаться и поговорить с Володей мне и Соне, и ей, Люке, т. к. я надеялся, что теперь может быть решен и вопрос о браке. Валерия сообщила мне, что из «Крестов», куда перевезли и Володю, уже их доставили в Дом Предварительного заключения, откуда скоро поведут в Суд. Впоследствии я узнал от сына, что в 9 ч. утра его вместе с 21 чел. уголовных вывели во дворик «Крестов», где продержали около ½ ч., пока доставлен был автомобиль. Уголовные очень заинтересовались Володей и, узнав, что он военный инженер, начали подшучивать.

- Что же, вероятно, не за добрые дела попали сюда, должно быть за взятки? Вероятно не одну тысяченку... - далее следовал жест пальцами, как берут деньги и прячут в карман. Узнав из дальнейших расспросов, что он «политик», они резко изменили тон на почтительный, оказывали ему большое внимание, и в автомобиле, в который погрузили их 22 чел., предоставили ему лучшее место.

В вестибюле Палаты мы встретились с Елисеевым, который нам сказал, что их скоро будут вести в Палату через вестибюль, и что оставаясь здесь, можно их видеть. Вскоре действительно мы услышали мерный стук сапог по плитам и показалась группа: впереди мерно, с расстановкой, шел солдат с обнаженной саблей, за ним Михалевич, снова солдат и Володя, снова солдат и Казанская, опять солдат и студент Светловский, шествие замыкал солдат тоже с обнаженной шашкой. Мы расположились в вестибюле возле окна, таким образом могли поочередно раскланяться с ним и он увидел каждого из нас отдельно. Вася, Ната и Соня пошли за ним в Палату, я же остался в вестибюле ожидать Крылова и Медведева.

Вскоре собрались все наши свидетели числом 3 и 2 эксперта из экспедиции Заготовл. государств. бумаг и мы вошли в зал, где собралось довольно значительное количество присяжных поверенных, кое-какая публика, в большинстве родственники подсудимых и возле них защитники.

- Суд идет! – провозгласил Пристав.

Впереди показался небольшого роста с проседью господин, в черном судейском сюртуке, со звездой на груди и «Владимиром» на шее, с пачкой бумаг в руках; выражение его лица ежеминутно менялось: то гневное, злобное, раздражительное, то сухое, бесстрашное; серые глаза его, вероятно благодаря своему цвету, не участвовали в смене выражения лица, но всегда сохраняли холодное и безучастное выражение. В общем это было типичное лицо иезуита, на котором застыла предвзятая идея, и только его сангвистический темперамент ежеминутно выдавал его меняющиеся настроения, придавая лицу то, или иное выражение, да крикливый голос с бесцеремонными обращениями к подсудимым и свидетелям говорил о несдержанности его характера. Словом, это был Н. С. Крашенинников, сенатор, старший председатель Судебной Палаты и гроза ее, обезличивший судей и адвокатуру. О нем говорили, что курсы его стоят высоко в сферах, так как крайне монархические убеждения его вне сомнений, и судейскую правду он совершенно подчинил политике, а потому экспертизы охраны, ее нелегальные розыски и мнения для Председателя Судебной Палаты Крашенинникова являются юридическими фактами, не требующими судебной проверки; на основании таких легковесных данных председатель пишет приговоры, с которыми судьи и г.г. сословные представители только могут соглашаться. Поистине трогательное единодушие охраны, жандармерии, прокуратуры и Судебной Палаты. За ним следовала вереница статистов, - члены Палаты: И. В. Деларов, А. С. Поярко, М. Ф. Сперанский; сословные представители: кандидат Лужского уездного предводителя дворянства князь Ю. И. Кольцов-Масальский, член С. Петербургской Городской Управы В. Г. Ганьков, Мушинский С. Петерб. уезда волостной старшина П. Е. Шагин (оч. похож на Горького), затем тов. Прокурора Н. А. Громов и пом. секретаря Б. А. Павлович.

Начался обычный предварительный опрос подсудимых, по окончании которого Эристов и Елисеев заявляют ходатайство о допущении 3-х свидетелей и 2 экспертов, вызванных защитой.

Суд удаляется на ¼ ч. в совещательную комнату, потом выносит решение, что генерал Крылов, лейтенант Медведев и врач Костенко допускаются в качестве свидетелей, допускаются и 2 эксперта. Крашенинников дает распоряжение священнику привести свидетелей к присяге и кричит зычным голосом:

- Все свидетели подойдите!

Я стою некоторое время в стороне, т. к. знаю, что я не должен присягать; но в то же время отдано распоряжение все свидетели подойдите; поэтому неуверенно и медленно подхожу. Вдруг сильный окрик:

- Костенко! Отойдите в сторону!

Я понял, что все свидетели названы были Крашенинниковым для того, чтобы закричать на меня, как он кричал и на сына во всю первую половину заседания, пока не увидел, что сын на его окрики не обращает никакого внимания и свою защиту продолжает вести уверенно и хладнокровно. После присяги всех свидетелей, в том числе и двух полицейских офицеров и экспертов, удаляют в переднюю палату, а Суд приступает к чтению обвинительного акта. Часа через 2 были допрошены полицейские пристава, потом лейтенант Медведев. Во время допроса последнего, с разрешения суда, сын спросил:

- Скажите, г. лейтенант, замечали ли Вы за мной во время 1 ½ годового пребывания в Англии при совместной жизни на крейсере «Рюрик» какие-либо суждения, или действия в революционном направлении? Или быть может...

- Кастенко! - заорал Крашенинников на весь зал, - Я Вам не позволю ставить такие вопросы офицеру русского флота.

Во время допроса Крылова произошел следующий выпад Крашенинникова. На поставленный адвокатурой вопрос, Крылов дал самый лестный отзыв, как бывший ближайший начальник сына в Морском Техническом Комитете, о его таланте, величайшей трудоспособности и аккуратности по службе. Желая понизить впечатление отзыва Крылова, Крашенинников запальчиво заявил:

- Да, занятия его в Техническом Комитете не мешали ему, однако, ему заниматься и другим делом.

Крылов помолчал немного, потом довольно насмешливо спросил:

- Ваше Превосходительство! Да разве Вы знаете в Петербурге такого человека, который бы занимался только одним делом?

Крашенинников углубился в бумаги и вопроса Крылова как будто не слышал, но удар Крашенинникова был прекрасно отражен Крыловым и впечатление от его отзыва о службе К-ко уцелело.

Эксперты после осмотра шифрованной записки пришли к след. заключению: не только общий почерк не напоминает руки Костенко, но нет ни одной цифры, которая имела бы хотя отдаленное сходство; следовательно, шифрованная записка писана не обвиняемым Костенко.

Наступила моя очередь.

- Скажи, отец, не помнишь ли, что на одной из тетрадей, которые я тебе прислал из Японии, о гибели судов, была написана фамилия Болтышев?

Быстро в моей памяти пронеслись эти тетради, но надписи Болтышев я не припомнил, а потому отвечал:

- Не помню, сын!

- А вообще эту фамилию ты помнишь? Не получал ли ты писем от него на мое имя?

- Фамилию матроса Болтышева я помню. Писем от него я получил для передачи тебе, когда ты еще не возвращался из плена, и потом во время твоего пребывания в Англии, числом 5 или 6. Некоторые из них были совершенно бессодержательны, - я их должен был прочитывать, чтобы судить, стоит ли их посылать в Англию. Болтышев употреблял в них массу слов, значение которых он не знал, у него не было понятий их.

- Больше я ничего не желаю спрашивать, - заявил сын.

- Скажите, свидетель, - обратился ко мне Елисеев, - не получали ли Вы денежных переводов и на какие суммы от матросов или офицеров?

- Получил, вероятно, 8 или 10 денежных переводов от матросов с просьбой передать их сыну, на суммы от 2 до 5 р., и один перевод на 100 р. от лейтенанта Рошачовского, который я и вручил защите.

Дальше Елисеев, вероятно, хотел, чтобы я сказал ту речь, которую им вчера читал. Но вместо того чтобы предложить мне общий вопрос, познакомить суд с личностью сына и что я о нем

думаю, начал предлагать мне целый ряд частных вопросов, на которые я мог отвечать только категорически.

- Скажите, свидетель, Ваш сын окончил классическую гимназию и с медалью?
- Да, сын окончил Белгородскую классическую гимназию с золотой медалью.
- А потом, что же? Он поступил в Инженерное училище?
- Да, в Кронштадтское морское инженерное училище.
- А потом что же? Он был на войне?

В это время Крашенинников оторвался от своих бумаг и, обращаясь к Елисееву, сказал:

- Дальнейшие вопросы излишни, т. к. все это известно суду из дела. Потом, обращаясь к тов. прокурора, спросил, не желает ли он что-ниб. сказать. Но Громов покойно себя чувствовал за спиной Крашенинникова, и потому ответил – нет.

Вслед за этим сын попросил слова, чтобы объяснить, кто такой Болтышев, почему он переписывался с ним, почему получал денежные переводы от матросов и проч. Суд разрешил и сын в получасовой прекрасной речи дал объяснение, нарисовав и угол картинки Цусимы – гибель «Осляби», и спасшегося матроса Болтышева и проч. Для большего удобства я поместил эту речь в его последнем слове, написанном им самим. Т. к. эта речь производила неотразимое впечатление и возбуждала в публике крайний интерес, то Крашен. распорядился открыть окно на улицу; шум экипажей очень мешал слышать отчетливо, поэтому впечатление понижалось. По окончании его речи окно снова приказал закрыть.

Суд приступил к выяснению вопроса, от кого попали брошюры к сыну.

Михалевич объясняет, что он, преследуемый сыщиками, вбежал в подъезд квартиры К-ко, зашел к нему и просил сберечь эту связку, пока на след. день не за получением ее посланный.

На обвинение в составлении устава военно-революционных организаций сын сначала серьезно, а затем едко и насмешливо вышучивает утверждение жандармов, обвинительного акта и самого суда, что будто бы он мог быть составителем такого нелепого Устава.

- Меня вообще должен был судить военно-морской суд, компетентный в этих вопросах и в понимании объяснений, а не гражданская палата, для которой мои объяснения неудобопонятны за отсутствием специальных знаний, - начинает сын. Крашенинников видимо все это коробит, но он решается молчать и уже не кричит, предвидя, вероятно, что предательский удар он нанесет в свое время.

По окончании этих вопросов Суд объявляет перерыв на ½ ч. и удаляется. Крылов поднимается веселый, поздравляет меня, что сын сегодня будет ужинать с нами, а завтра пожалуйста ко мне с ним, и завтра же я представлю его министру и определим на службу.

- Ясно, что все обвинения падают одно за другим.

Слова эти так подействовали на меня, что мне сжало горло и я едва удержал слезы. Значит и на Крылова все это произвело такое впечатление, что обвинение сшито белыми нитками, которые легко рвутся при первом прикосновении.

Было уже около 5 часов. Оказалось, по наведенным справкам Натой, что Володя с утра ничего не ел; в Крестах ему ничего не дали, т. к. спешили отправить в Дом Предвар. Зака., а туда его привезли, когда завтрак уже был окончен. Испросили разрешение передать бутерброды и столбик «Гала Петер», которым все обвиняемые и пообедали.

После перерыва было рассмотрено обвинение о рукописи, дано сыном соответствующее объяснение. Вскользь Палата коснулась обвинения Святловского и Казанской. Наконец Краш-ков объявляет судебное следствие оконченным, но в это время передает тов. прокурора какую-то пачку бумаг. Громов подымается и, обращаясь к Палате, произносит следующее:

- Г.г. Судьи и Сословные Представители. Обвиняемый К-ко в 1907 г. был арестован и у него отобрана была собственноручная его рукопись, в которой он проповедовал образование офицерского союза с антиправительственными целями. К-ко был заключен в одиночную тюрьму, где просидел 2 недели. Дело о нем было прекращено по распоряжению морского министра. Рукопись и все дело о нем имею честь представить.

Крашенинников протягивает через стол руку и берет папку, которую незадолго до этого сам передал товарищу прокурора.

Эристов и Елисеев подымаются взволнованные и заявляют свой протест, что нарушены обычные формы судопроизводства, т. к. по окончании судебного следствия, о чем заявил Председатель, предъявляется совершенно новый документ, который раньше не был в деле и защита в свое время не могла с ним ознакомиться, поэтому они протестуют против присоединения его к делу, и против прочтения.

Крашен-ков, не обращая никакого внимания на протест защиты, порывается начать чтение его.

- Защита просит по крайней мере предъявить рукопись обвиняемому К-ко, принадлежит ли она его перу.

Краш-ков через секретаря предъявляет рукопись сыну, который бегло просматривает ее и, возвращая, говорит:

- Эта рукопись писана мною.

Крашен-ков медленно, с расстановкой, наслаждаясь видимо ударом, который он наносит, читает рукопись. По прочтении, обращаясь к сыну, спрашивает, что он может на это сказать.

Защита просит объявить перерыв на ¼ ч., чтобы иметь возможность ознакомиться с документом и обменяться взглядами с обвиняемым. Крашен-ков объявляет перерыв и суд удаляется, передав через секретаря Елисееву «дело». Поговорив с поверенными, сын вероятно решил сам выступить с объяснениями, т. к. присяжные поверенные по этому вопросу ничего не говорили.

По возвращении Судей в зал и по возобновлении Заседания, сын начал так:

- По окончании судебного следствия мне предъявлен новый документ в обвинении, который не значится в деле; я могу сравнить это с ударом из-за угла в спину, который суд наносит мне. Но это обвинение не является столь криминальным, как думают сами обвинители... - и т. д., см. в отделе «последнее слово обвиняемого».

По окончании всего этого председатель заявляет: слово принадлежит Прокурору.

Поднимается Громов и в 5-минутной речи произносит шаблонное прокурорское слово, которое сводится к тому, что он поддерживает обвинение во всех частях.

- Слово принадлежит защите, - возглашает Крашенинников.

Начинает свою речь Эристов и продолжает ее около 25 мин. Сущность его речи сводится на полемику с обвинит. актом, который утверждает, что образовалось общество с.-рев. автономистов, между тем из данных следствия общество совершенно не существует, следовательно нет и принадлежности к нему. В основном он едва касается данных судебного следствия. Речь хотя произносится и с большим подъемом, но не производит впечатление ни на публику, ни на судей. Краш-ков все время пишет приговор, не слушая Эристова.

Речь Елисеева также не является исчерпывающей, всего, что опровергнуто на суде и в достаточной степени не отмечает, что совершенно отпало, даже при легком прикосновении, обвинение в принадлежности, в ведении переписки, в авторстве устава и т. д. Впечатление от его речи слабое.

Остальные защитники произносят свои речи в защиту Казанской и Светловского.

- Слово принадлежит Михалевичу, - возглашает Крашенинников.

Подымается Михалевич, болезненный и пожилой человек. В пространной речи рассказывает свою биографию и все свое революционное прошлое; он убежденный соц.-революционер, два раза ссылался в Сибирь, в последний раз бежал оттуда и посвятил себя революционной деятельности в Петербурге. С К-ко виделся всего 3 раза и накануне своего и его ареста занес ему связку с книгами, спасаясь от преследовавших его по пятам сыщиков. Ни в каком о-ве соц.-рев. К-ко не состоял.

Речь его видимо производит впечатление на судей, которые слушают его внимательно, и даже Краш-ков перестает писать. Болезненный вид, заметная усталость и покаянная речь видимо снискали у судей расположение к нему, и сожаление. Это сказалось и в приговоре.

- Кастенко! - выкрикивает с ненавистью в голосе Крашен-ков, - Ваше последнее слово!

Подымается Володя. Спокойно, как бы защищая кого-нибудь другого, он последовательно и с беспощадным анализом рассматривает каждый пункт обвинения. Суд кастрировал неотъемлемое право обвиняемого - вызов свидетелей, но даже и при столь тяжелых условиях самозащиты достаточно было лишь немногих свидетелей, которых суд не мог не допустить, чтобы карточные домики обвинения рассыпались. Речь его, глубокая по содержанию, последовательная и логичная по форме, неотразимая по доказательности, иногда захватывающая по трагизму моментов (Цусимский бой) течет плавно, слышна отчетливо и, видимо, производит сильное впечатление на публику и адвокатов. На лицах прокурора и судей скорее можно прочесть чувство зависти к несомненному ораторскому таланту, умению владеть словом и самим собой. «Я читал блестящие речи светил русской адвокатуры, - писал я сыну из Белгорода в Петропавловскую крепость, - но слышать такую речь мне пришлось впервые. И я не удивляюсь тому чувству зависти к тебе, которые я читал на лицах патентованных юристов». В тех случаях, когда своего слова он был лишен, благодаря отказу суда подкрепить свидетельскими показаниями, речь его дышала искренностью или иронией над судом.

Нижеприводимая речь была намечена сыном в крепости после ознакомления с обвинительным актом, дополнена и изменена им согласно данным судебного следствия, я воспроизвожу ее целиком.

Речь Владимира Полиевктовича Костенко.

«Я не признал себя виновным на предварительном следствии, отрицательно ответил на вопрос о виновности во время судебного следствия, производившегося сегодня здесь в зале суда и повторяю то же заявление в своем последнем слове, что я не признаю себя виновным в принадлежности к сообществу, поставившему себе цель ниспровержения существующего строя.

По обвинительному акту мне предъявляется обвинение, что я в 1910 г. в г. Петербурге принадлежал к революционному сообществу и в целях этого сообщества хранил его издания, распространял их, вел записи по революционной деятельности⁵⁴ и имел у себя шифр сообщества.

В первой части обвинительный акт передает историю образования того сообщества, в принадлежности к которому я обвиняюсь. По сведениям Охранного отделения в феврале 1910 г. была выпущена декларация автономистов, призывавшая к созданию автономных организаций бывших участников партии с-ров и как указывается в акте, это течение вызвало оживление в партийных сферах. Инициатором этого движения и автором декларации, также по сведениям Охранного отделения, указан бежавший из Сибири административный ссыльный Михалевич. Наружное наблюдение за ним установило, что он посещал меня. По произведенному у меня обыску обнаружена связка нелегальной литературы, шифрованная записка, а также забрана обширная личная переписка и записные книжки. Одновременно произведен был ряд обысков и арестов среди лиц, которых за последнее время посещал Михалевич. Во время предварительного следствия Охр. Отдел. заявило, что раскрыта важная организация и по этому делу привлекается много лиц, занимающих видное общественное положение.

Теперь пред судом предстали лица, привлеченные к ответственности за принадлежность к этой организации, которой Охр. Отдел. приписало столь значительную роль.

Из кого же состояло это сообщество? Можно было ожидать, что Охр. Отдел. в полностью раскрыло его состав, ибо деятельность его развивалась беспрепятственно; за Михалевичем, который по обвинительному акту выставлен инициатором, было установлено неотступное наблюдение, все лица были арестованы, как то было признано нужным Охранным Отделением, а кроме того, судя по аргументации обвинительного акта, Охр. Отдел. еще располагало источником «негласных сведений».

После следствия, длившегося более 14 месяцев, из всех арестованных лиц к делу было привлечено только 4 человека: административно-ссыльный Михалевич, студент Святловский, курсистка Казанская и инженер Костенко.

Уже отсюда видно, что первоначальные ожидания Охр. Отдел. о создании процесса с участием «многих лиц, занимающих видное общественное положение», - были слишком преувеличены и преждевременны.

Нам, четырем обвиняемым по данному делу, выпала участь инсценировать ту деятельную организацию, которую будто бы раскрыло Охр. Отдел., ибо после стольких толков и обещаний необходим был процесс «автономистов». Следовало бы ожидать, что по крайней мере эти 4 лица были тесно связаны друг с другом и представляли активное ядро новой организации.

Но судебное следствие достаточно выяснило пред Вами истинное положение дел. Из 4-х обвиняемых двое – Святловский и Казанская никого не знали из других привлекаемых по тому же делу, а я знал только Михалевича. При этом следственный материал не располагает никакими доказательствами того, что между мною и Михалевичем существовала деловая связь, или что знакомство наше было вообще тесным. Наоборот, как по сведениям Охр. Отдел., полученным на основании наружного наблюдения, так и по показаниям швейцара того дома, в котором я жил, было замечено всего 2 посещения Михалевича меня незадолго до ареста. Весь же забранный у меня по обыску материал и все сведения, собранные следствием, не заключают в себе никаких указаний на мои сношения с Михалевичем.

Итак, соединение всех 4-х обвиняемых в одно сообщество, является совершенно произвольным и искусственным. Какое же могло быть сообщество между лицами, даже никогда не видевшими друг друга.

Но это не все. Обвинительный акт вполне определенно указывает, как сложилось это сообщество «автономистов»; все аргументы обвинит. акта построены на негласных сведениях Охр. Отдел., которое будто бы установило, что Михалевич написал «декларацию» автономии-

⁵⁴ В приговоре вдруг появилось «денежные счета»... (прим. мое)

стов, отпечатал ее в Финляндии и получил оттуда с транспортом литературы, что Святловский и Казанская по негласным сведениям являются энергичными сторонниками нового течения; что я по поручению Михалеви́ча составил устав автономного союза военно-революционных организаций. Михалеви́ч и я просили Палату вызвать Начальника Охранного Отделения свидетелем для выяснения перед судом, насколько все «негласные сведения» могут заслуживать доверия в глазах суда. Но Нач. Охр. Отдел. не явился. Однако разъяснения, сделанные Михалеви́чем, совершенно уничтожили всякую цену негласных сведений Охранного Отделения, ибо Михалеви́ч достаточно выяснил, что разделяя убеждения партии с-р, он совершенно не мог быть автором «декларации», которая идет вразрез с основными принципами тактики этой партии А в связи с этим теряются значение и все прочие сведения об организации сообщества автономистов. Защита уже достаточно выяснила, что сообщество «автономистов» еще не могло сложиться, что Охр. Отдел. такого сообщества не обнаружило, что все выпущенные от имени автономистов воззвания являются лишь приглашением, призывом к образованию сообщества.

Вначале прокурор пытался связать всех обвиняемых в одно сообщество на том основании, что у всех оказались между прочим общие издания: у меня, как у Михалеви́ча и Казанской, у Михалеви́ча и Святловского также были одинаковые издания, а это будто бы указывает, что они получены были из одного источника. Но после возражений, сделанных защитой, прокурор оставил это положение и неожиданно заявил, что не хочет вовсе доказать, будто все обвиняемые принадлежали к сообществу автономистов, а обвиняет всех в принадлежности к сообществу партии с-р, которое конечно уже давно сложилось и существует. По своему характеру это обвинение является новым положением, которое попробовал доказать обвинительный акт.

Конечно это освобождает прокурора от труда доказывать, что мы знали друг друга, составляли сообщество в виде партии, может обойтись без указания, где же это сообщество: к партии все могли принадлежать порознь, не зная друг друга.

Но тогда возникает вопрос, почему же нас привлекли по одному делу; почему Святловский и Казанская должны были ждать окончания следствия обо мне и Михалеви́ча; почему одновременно с нами не судить вообще всех лиц, обвиняемых в принадлежности к партии с-р? Следовательно, обвиняемых сажают одновременно на скамью подсудимых случайно, просто для упрощения, а не по связи их деятельности.

Если обвинения между собой не связаны, то тогда принадлежность к партии каждого из них необходимо установить особо. Необходимо доказать, что каждый сам по себе разделяет программу и тактику названной партии и поддерживает с партией фактическую связь, исполняет некоторые партийные функции, т. е. входит в одну из местных организаций партии. Обвинительный акт не выполняет последнего требования. Вся аргументация обвинения сводится к ссылке на негласные сведения Охр. Отдел. и к перечислению документов, отобранных по обыску и уличающих по мнению обвинителя в принадлежности к сообществу.

Перехожу теперь к обоснованию в обвинительном акте предъявленного мне обвинения и дополню свои объяснения по каждому пункту, чтобы подвести итог, что же осталось от всей системы обвинения после выясненного на судебном следствии.

Так как поводом к обыску у меня и аресту послужило посещение меня Михалеви́чем, то необходимо выяснить, какой же характер могли носить наши отношения. Я уже на предварительном следствии показал, что познакомился с Михалеви́чем случайно, знал его под именем Вебер, что до ареста моего он заходил всего раза 2-3, причем в последний раз был накануне обыска, 22 марта. Придя ко мне, он заявил, что идя с Невского, заметил за собой сыщиков, скрылся от них и забежал ко мне, чтобы сбить со следов погоню, а затем попросил взять от него на время, дня на 2, небольшую связку с газетами и сверток с 6-ю гектографированными воззваниями, т. к. опасается, что в случае задержки на улице они могут его компрометировать. Уходя, он обещал прислать при первой возможности кого-либо из знакомых от своего имени за оставленными вещами и при этом просил передать присланному лицу записку, которую а тут же, уже в передней, положил в карман своего пиджака. При обыске вся литература найдена у меня в комодe нераспечатанной в связке, а записка, оказавшаяся шифрованной, в кармане пиджака. Никаких записей ни у меня, ни у Мих-ча, ни у других лиц, о назначении этой литературы следствие не обнаружило. Мои показания о числе посещений М-ча, о принесении им литературы, об условиях, при которых он принес ее, т. е. зная за собой слежку, об имени, под которым он скрывался, подтверждаются данными следствия и показаниями свидетелей. Поэтому вывод, сделанный в обвинительном акте, что литература была принята мною для себя, в целях распространения, не обоснован обвинительным материалом. Та или другая цель хранения литературы ввиду отсутствия данных уже не может быть установлена фактически; поэтому, ввиду того, что все прочие улики носят негласный или косвенный характер, для меня в целях оправдания чрезвычайно важным являлось, как вообще отнесется суд к факту принятия

мною литературы. Предвидя, что на суде все необоснованные улики отпадут, и перед судом останется только голый факт открытия у меня при обыске небольшого количества нелегальных изданий, я просил о вызове целого ряда свидетелей, которые знали меня в течение последних 6 или 7 лет по моей службе во флоте. И конечно показания этих лиц были бы фактически достоверными, чего нельзя сказать про негласные сведения, представленные Охранным Отделением, которыми пользуется обвинительный акт. При этом я просил вызвать лиц, бывших моими прямыми начальниками, которым я непосредственно был подчинен в дисциплинарном отношении, которые занимают во флоте видные и ответственные посты, и которые знали меня по долгой службе в суровых условиях. Но суд мне в этом отказал на том основании, что для суда личность обвиняемого не представляет никакого интереса, ибо судится только самый факт преступления, а не личность. Между тем весь факт моего преступления, неопровержимо установленный, которого не отрицаю и я, сводится только к тому, что при обыске у меня найдена небольшая связка нелегальных изданий. Все остальные улики, выставленные в обвинительном акте, отпали после предварительного следствия. Истолкование же той или иной цели принятия этой литературы является уже не обсуждением фактов, а результатом того или иного впечатления судей от меня, как от личности. И следовательно, вопрос о моей характеристике, моей психологии, привычках, моем прошлом не может остаться безразличным для Суда. Вот почему я и мои защитники настаивали на вызове свидетелей, поименованных в моем прошении Палате, а затем просили отложить или выделить дело обо мне, когда Палата в этом отказала. Когда мои защитники приводили факты из моей прошлой деятельности и спрашивали об этом тех свидетелей, которые явились сами и были допущены, то это делалось нбе для того чтобы судьи зачитали мне какие-то мои прошлые заслуги, но именно в целях охарактеризовать меня, чтобы судьи могли судить, какие мотивы могли руководить мною, а они конечно зависят от особенностей психики человека. В этих же целях я сам попытаюсь кое-что дополнить к тому, что уже обо мне сказано моим защитником.

Я избрал морскую деятельность по любви к морскому делу, которая проснулась во мне очень рано, и успешно, с которой я окончил Морское Инженерное училище, а затем нес служебные обязанности, нередко выполняя ответственные работы и поручения, могут служить доказательством того, что моя специальность была для меня не только средством существования или ареной карьеры, но она приносила мне глубокое личное удовлетворение, приковывала к себе мои главные интересы и силы. Эта работа поглощала мой досуг, вокруг нее группировались мои остальные научные занятия, я не ограничивался служебными рамками, а стремился охватить морское дело во всех его разветвлениях, работал в некоторых теоретических вопросах самостоятельно. Чтобы следить за технической литературой, я достаточно усвоил 4 иностранных языка. Кроме того, я часто читал технические доклады в ученых обществах и собраниях офицеров флота, читал лекции по специальности чертежникам судостроительных заводов, готовил труд с описанием английских судостроительных заводов и характеристикой постановки дела на них, взял также работу от Исторической Комиссии Морского ведомства составить описание снаряжения и похода эскадры адм. Рожественского.

Моя служба сложилась крайне разнообразно: прямо со школьной скамьи я попал на снаряжение броненосца «Орел» во время войны, с ним совершил переход до Корейского пролива, был в бою, затем - в плену, по возвращении работал на заводах по постройкам и в чертежных, был послан в Англию, служил в Техническом Комитете Морского ведомства. За 6 лет службы у меня накопился крайне разнообразный технический опыт, первые годы были использованы на энергичную разнообразную деятельность во всех отраслях кораблестроения, но постепенно я все настойчивее чувствовал необходимость систематизировать и обработать свои выводы и наблюдения. Мне необходимо было расширить свое теоретическое образование. С конца 1909 г. я решил готовиться в Морскую Академию и наряду со всеми прочими занятиями деятельно готовился к экзаменам вместе со своим товарищем поручиком Масловым. Для меня начинался наиболее плодотворный период жизни, когда передо мною широко открывалась возможность самостоятельного творчества и реализации накопленного материала. Сюда были направлены мои главные силы, плодотворность моей работы могли бы засвидетельствовать те лица, в вызове которых мне было отказано Палатой. Вообще в этой плоскости сосредоточен был центр моих интересов, и чем шире была эта область моей жизни, тем менее вероятно, чтобы я наряду с этим сознательно и последовательно посвящал бы себя революционной деятельности. Характер моей службы, как инженера и офицера, не может оставаться безразличным для выяснения дела, которое все построено на косвенных уликах и негласных сведениях. Одновременно свидетели, знавшие меня по службе на боевых судах, в военное время - на «Орле» и на крейсере «Рюрик» в России и за границей, - могли бы подтвердить, что в моих отношениях к офицерам, команде, военной дисциплине и службе никогда не проявлялось ничего, что могло бы служить указанием на причастность к какой-либо политической деятельности. В условиях морской службы взгляды и привычки офицеров легко обнаруживаются, я не скрывал своего от-

ношения ко всем вопросам жизни, но никогда у меня не возникало из-за этого каких-либо недо-разумений или упущений по службе. Конечно у меня были свои симпатии, из чего я не делал тайны. Так напр., я не мог не сочувствовать английскому государственному устройству, привычка к самостоятельной научной работе развила уважение к идейной свободе, независи-мости мысли, выработала терпимость к чужому мнению. Но в отношениях к людям я никогда не притерпелся предвзятых взглядов и прежде всего ценил личные качества каждого.

Именно этими свойствами моего характера и привычками объясняется, как я, будучи офицером, мог принять на хранение литературу и записку от малознакомого мне лица. Будучи всецело поглощенным научно-технической работой, и не принимая никакого участия в поли-тической деятельности, я в то же время привык терпимо относиться даже к тем мнениям и взглядам, которых не разделял. Знакомство с жизнью Западной Европы, в особенности с куль-турной общественной атмосферой Англии, укрепило во мне убеждение, что только идейная свобода и критика обеспечивают верный путь лечения общественных недугов. И широкая гласность является необходимым ее условием. С другой стороны, все резкие перемены в поли-тических условиях русской жизни сделали понятие нелегальной литературы чрезвычайно от-носительным. Слова и идеи, имеющие возможность открыто высказываться, мне никогда не казались разрушительными сами по себе, ибо их уравнивает критика. Поэтому и к неле-гальным изданиям я относился без какого-то священного ужаса. Это и объясняет, почему я решился принять на время от М-ча связку с литературой, когда он оказался в затруднитель-ном положении. С ним я лично не был ничем связан и считал его своим случайным знакомым, я только доверял ему настолько, чтобы не видеть в его просьбе провокацию, ибо в моих глазах он был знакомым лицу, лично мне хорошо известного. Вообще же положение, в котором очутился М-ч, слишком частое явление в русской жизни, чтобы касаться необычным. В стеснительных рамках нашей жизни так легко попасть в число подозрительных и преследуемых и навлечь на себя разные кары. Затруднительное положение в таких условиях часто вызывает сочувствие даже совершенно случайных людей: русский обыватель привык видеть в преследуемом прежде всего гонимого человека, даже не интересуясь тем, за что собственно его преследуют. Эти мотивы простого участия и человечности побудили меня согласиться помочь М-чу, когда он прямо обратился с этой просьбой, а к возможным последствиям для себя я отнесся с обычной для офицера беспечностью. М-ч был уверен, что его до меня не проследили. Если бы я был тесно связан с М-чем ранее, то тогда в опасности он не рискнул бы идти ко мне, а затем и я совер-шенно иначе отнесся бы к возможным последствиям. Свойства моего характера, та дело-витость, которая достаточно проявилась в моей службе, должна была бы проявиться и в моей революционной деятельности, если бы я ею занимался. Между тем все условия обыска пока-зывают, что я не проявил никаких признаков конспирации или опасений подобных осложнений: у меня были забраны все мои записные книжки, личная переписка, блокноты за несколько по-следних лет. Итак, приписываемая мне цель принятия литературы, именно для личного рас-пространения, является произвольным предположением, не обоснованным обвинительным материалом.

Найденная у меня литература является во всем обвинении единственной фактической уликой.

Перехожу теперь к разбору остальных пунктов обвинительного акта.

Обвинительный акт вменяет мне в вину составление устава автономного союза воен-но-революционных организаций, найденного у меня вместе с прочей литературой в числе 6 экз., на том основании, что «по негласным сведениям Охранного Отделения автором устава несо-мненно является Костенко, которому, как специалисту по флоту, его поручил составить Ми-халевич». Этот пункт обвинения представляет исключительную важность, ибо если Суд при-знает достоверность «негласного сведения», то тогда теряет смысл защита против всех остальных пунктов обвинительного акта. Не опровергнув авторства устава, я не могу опро-вергнуть вообще обвинения в принадлежности к сообществу, этот пункт играет центральную роль в системе обвинения, ибо указывает на мою якобы активную роль в предполагаемом со-обществе.

Между тем формулировка этого обвинения в форме категорического утверждения без вся-ких фактических указаний делает невозможным возражения по существу, т. к. ссылка на «негласность источника» освобождает обвинителя от необходимости доказывать: где, кто, когда, при каких условиях установил факт приписываемого мне авторства. Я просил вызвать в качестве свидетеля начальника Охр. Отдел. для дачи показаний перед судом относительно того, какие основания Охр. Отдел. имеет для своего голословного утверждения, чтобы Суд мог видеть, насколько подобные незначительные доказательства заслуживают доверия. Но начальник Охр. Отдел. не явился и суд неявко признал законной. Таким образом я лишен воз-можности опровергнуть непосредственные заявления моего действительного обвинителя. Но

если я не могу опровергнуть это обвинение по существу вследствие его анонимности и инкогнито того следователя, который производил негласное следствие, тем не менее я постараюсь привести по этому поводу ряд доводов косвенного характера, которые должны показать Суду неправдоподобность и голословность этого пункта обвинения.

Охр. Отделение не ограничилось категорическим утверждением, что устав составлен мной, но сделало еще 2 указания, которые должны придавать внешнее правдоподобие этому заявлению и служить намеком на мнимую осведомленность Охр. Отделения в этом вопросе. Охр. Отд. утверждает, что: 1. составление устава мне поручил М-ч, 2. М-ч руководился при этом выборе тем, что я «специалист по флоту».

Однако эти добавления и разъяснения не усиливают авторитетности негласного сведения, а наоборот, указывают на то, что вся версия моего авторства явилась простой догадкой, результатом предположения, основанного на внешних сопоставлениях, которым затем придан характер негласного сведения, будто бы почерпнутого через какой-то таинственный источник. Прежде всего является сомнение, да был ли у Охр. Отд. такой достоверный источник, и не укрывается ли попросту Охр. Отд. за авторитет негласности? Ссылки на поручение Михалевица, на мою специальность могли быть попросту изобретены под видом негласного сведения...»

Крашенинников в этом месте речи обнаруживает признаки нетерпения и наконец говорит:

- Вам предоставлено последнее слово, а вы произносите защитительную речь...

- Моя защитительная речь и есть мое последнее слово на суде, - затем продолжает:

- Здесь на Суде М-ч уже достаточно выяснил, что он не мог иметь никакого отношения к деятельности группы автономистов, а тем более принимать участие или быть автором декларации и устава автономистов, которые расходятся с принципами, руководившими им в течение 30 лет. Поэтому он решительно отвергает утверждение Охр. Отд., будто он поручил мне составление этого устава. Кроме того, и сам вид этого устава, небрежно отпечатанного на гектографе, говорит против этого, т. к. М-ч имел возможность, занимаясь организацией издательской деятельности, выпускать свои издания в печатном виде, а не в неопрятном лубочном виде.

После этих разъяснений очевидна непричастность М-ча к уставу, а раз опровергнуто это заявление Охр. Отд., то само собой теряет смысл и указание на мое авторство. Но это не все. В обвинительном акте сказано, что М-ч дал мне поручение, как специалисту по флоту, следовательно указание на мою специальность выставлено мотивом М-ча. Между тем в деле имеется по поводу Устава бумага Нач. Охр. Отд., в которой говорится: «Только человек, детально знающий внутреннее устройство флота, мог составить устав, столь приспособленный ко всем особенностям морского быта и морской службы». В этих словах и лежит вся разгадка негласных сведений. Охр. Отдел. усмотрело связь между моей специальностью и содержанием устава, и решило, что на этой аналогии можно построить заявление об известном будто бы ему факте моего авторства, т. к. подобное сведение, благодаря внешней случайности, что устав военных организаций найдем между прочим у офицера, приобретает оттенок правдоподобия при поверхностном рассмотрении.

Итак, «специалистом по флоту» уже оказывается начальник Охранного Отдел., который берется судить, насколько устав проявляет детальное знание внутреннего устройства флота, может и быть и службы. Неужели же в глазах суда будут иметь авторитет заявления этого специалиста по флоту после того, как мне было отказано в вызове свидетелей от флота, которые действительно могли бы высказать авторитетное мнение, насколько этот устав приспособлен к особенностям морской службы.

Ввиду невозможности для меня сослаться на авторитет действительных специалистов от флота, я сделаю попытку показать из самого содержания устава насколько он соответствует «детальному устройству флота».

Мой защитник уже указал, что первая часть устава занята общими рассуждениями о способах организации и по существу никакого отношения к флоту не имеет. Вторая, излагающая самый устав, вся составлена из общих фраз, которые повторяются решительно во всех уставах и советах, не нужно быть специалистом по флоту, чтобы написать ее. Все требования и указания применимы решительно ко всякой организации, стоит только вместо слов: судно, экипаж, поставить слова: завод, волость, мастерская.

Действительно, все специальные знания по флоту, проявленные автором в этом уставе, сводятся к нескольким названиям и морским терминам, которые давно всем известны и укладываются в рамки познаний матроса 2-й статьи. Поэтому вполне голословным является утверждение Нач. Охр. Отд., что только специалист по флоту мог составить этот устав. Наоборот, этот устав мог быть написан всяким, кто привык действовать среди рабочих масс и соприкасался с нижними чинами.

Я же, опираясь на свое близкое знакомство с морской службой, могу сказать больше: этот устав проявляет именно незнание внутренней жизни флота и не приспособлен к морскому быту, а по тону своего изложения указывает, что автор привык действовать совсем в другой плоскости.

Прежде всего бросается излишняя детализировка. В нем слишком много пунктов, относящихся ко второстепенным мелочам, которые может быть имеют смысл в организациях рабочих на заводах, но совершенно неуместны на корабле.

Вообще, можно сказать, характер устава мелочно-бюрократический и в этом отношении он резко расходится с общим военным духом, требующим краткости и определенности. Человеку, знакомому с судовой жизнью, смешно слышать подробные рассуждения о системах сложных выборов, об устройстве библиотеки на судне, об организации сборов и кассе, о разных ревизионных комиссиях, оптации и т. д. Сразу бросается в глаза, что все эти пункты внесены не на основании опыта морской жизни, заимствованы извне, совсем из другой области, вследствие чего они неприменимы к целям устава.

Устав намечает план сложной организации с целым рядом специальных функций и учреждений, со сложной процедурой управления. Очевидно, это осуществимо только при многочисленном составе организации. Между тем автор сам стремится придать проектируемым им суровым организациям замкнутый характер с очень ограниченным составом участников. Даже к большим судам с экипажем до 800 человек этот устав неприменим. Между тем половина личного состава нашего флота служит на мелких судах: минных крейсерах, истребителях, подводных лодках, транспортах, канонерках. Очевидно нелепо говорить о применении такого устава к судну, весь состав которого не превышает 50 – 70 человек.

Далее автор, заполнив весь устав пунктами о выборах, ревизиях, сборах, конспирации, совершенно проходит мимо вопроса об отношениях к начальствующему составу судна: командиру, офицерам, унтер-офицерам и т. д., когда от них зависит весь строй жизни судна.

Для автора существует только объекты пропаганды – нижние чины. После этого смешны и нелепы всякие рассуждения о возможности восстания, захвате корабля и т. д. Где же здесь проявилось «детальное знание внутреннего устройства флота»?

Наконец в виде курьеза, характеризующего познания автора в морском деле, можно указать такой пункт устава как: каждый член обязуется вносить по 3 кап. с каждого получаемого им рубля на расходы организации, в том числе на приобретение оружия. Если представить себе, что на большом судне составила организация в 30 чел., то через года она может для захвата броненосца приобрести один браунинг. И это рекомендуется делать на военном судне, которое само представляет плавучую крепость, с огромным запасом боевых средств! Заканчивая свои возражения против приписываемого мне авторства устава, я еще раз прошу суд принять во внимание всю анонимность, голословность и противоречивость этого обвинения, построенного на негласных сведениях Охранного Отделения. Самими условиями постановки этого пункта обвинения я был лишен возможности возражать по существу. Я даже не мог слышать своего настоящего обвинителя, чтобы знать о его доказательствах, ибо прокурор, внеся этот пункт в обвинительный акт, ни словом не обмолвился о нем в своей обвинительной речи, очевидно считая его слишком ненадежным основанием, а Нач. Охр. Отд. в суд на явился. Я привык встречать врага лицом к лицу, и не боюсь ответить на все возможные заявления Нач. Охр. Отд., знаю их полную фактическую необоснованность, но ведь мне приходится иметь дело не с обвинителем, а с каким-то анонимом. Ведь этот способ обвинения – нападение на беззащитного, удар в спину из-за угла...

Я надеюсь, что суд учтет всю ненадежность того источника, из которого заимствован этот пункт обвинения. Негласные сведения Охр. Отд. не дают никаких юридических гарантий установления достоверности фактов. Эти следствия, основанные на слухах, на измышлениях и извращениях агентов, легко могут вводить в заблуждение самое Охр. Отд. Наконец, как я уже указал, Охр. Отд. *in cogro* заинтересовано в том, чтобы по делу об автономистах, после проявленного ими усердия в деле розыска, был соответствующий процесс...

Перехожу теперь к следующей, выставленной против меня, улике: найденная в кармане моего пиджака зашифрованная записка признана написанной моей рукой на основании экспертизы, произведенной экспертом Охр. Отд. Этот пункт служит особым основанием предъявления мне обвинения по 102 ст.

После обстоятельного доклада экспертов-специалистов, приглашенных по моему указанию и допущенных Судом к экспертизе, мне нет надобности опровергать по существу этот довод обвинения. Он отпал сам собой как прямая улика против меня. Между тем в числе улик, перечисленных в обвинительном акте, этот пункт занимает исключительное место: из всех улик одна эта служила непосредственным доказательством какого-то моего участия в революци-

онной деятельности. Но эта улика была формулирована вполне определенно: экспертиза признала, что почерк записки указывает на руку Костенко. Благодаря этой гласности обвинения, против него была возможна и борьба. Более обстоятельная и добросовестная экспертиза беспристрастных специалистов установила перед Вами, что мой цифровой почерк даже не имеет отдаленного сходства с почерком записки. Единственный пункт, непосредственно уличивший меня, таким образом, в смысле обвинения утерял всякое юридическое значение.

Остается еще упомянуть о 2-х пунктах, которым отведено место в обвинительном акте, и которые собственно никакого отношения к делу не имеют, т. к. ни в чем меня не уличают. Это письма, выхваченные из моей личной переписки: письмо за подписью Рафаил и письмо матроса Болтышева. Хотя к данному обвинению эти письма не дают никакого фактического материала, но они внесены за недостатком прямых улик, чтобы создать известное впечатление, пользуясь тем, что содержание этих писем осталось невыясненным следственной властью. На этом основании каждая туманная для постороннего фраза может быть истолкована в самом произвольном смысле. С той же целью создания такого неблагоприятного впечатления, помимо прямых доводов обвинения, была приобщена к делу моя незаконченная рукопись 1906 г., характер которой для Суда также остался совершенно невыясненным благодаря тому, что этот документ не прошел через предварительное следствие, и о нем не были допрошены лица, которые могли бы дать обстоятельное объяснение по этому поводу. Благодаря маневру обвинительной власти, внесшей этот обрывок рукописи уже в конце самого разбора дела на судебном следствии, я и моя защита оказались безоружными, т.к. будучи неподготовленными, не могли ни вызвать свидетелей, ни представить разные документальные справки и доказательства. Но как бы то ни было, все 3 пункта: знакомство и переписка с Рафаилом, письмо Болтышева и обрывок рукописи 1906 г. не могут считаться уликами и быть использованы в смысле юридических доказательств. Их цель – повторяю – действовать на впечатление судей.

К чему собственно сводится обвинение меня в сношениях с Рафаилом? Следствие не дало никаких указаний на то, что эти сношения выходили по своему характеру за пределы обычного знакомства, не содержит никаких данных о революционной деятельности Рафаила, который совершенно произвольно назван в бумаге Нач. Охр. Отд. «видным деятелем партии». У меня найдена записка Рафаила с просьбой о свидании, затем в блокноте оказалась записка моей рукой: написать Калинин, Клышко, Генриху, Рафаилу. Кроме того, среди моей переписки найден конверт со вложенным в него письмом за подписью «Рафаил», обращенным не ко мне, а к его знакомым за границу, которое начинается обращением: «Дорогие мои друзья». На предварительном следствии мне предъявили письмо, содержание которого мне до того времени оставалось неизвестным, с заявлением, что «оно партийного характера», и предложено назвать Рафаила, что сделать я отказался.

На судебном следствии я выяснил, что все мои отношения к Рафаилу исчерпывались тем, что я его встречал здесь, в Петербурге, в одной семье моих близких и давних знакомых. Упоминаемая в его письме ко мне Ю. И. – член этой семьи, его невеста. В то время он всецело был занят научной работой в одном из высших учебных заведений. Прошлое его мне совершенно неизвестно. Судя же по тому его письму, которые он передал мне для пересылки его знакомым за границу, можно сказать только одно: что в годы широкого движения в обществе он принимал участие в политической деятельности, вероятно в связи с массовыми волнениями среди студенчества. В своем письме к друзьям, которое в обвинительном заключении названо тенденциозно «рукописью», он рассказывает о своих прежних увлечениях, ошибках и разочарованиях, разбирая настоящие условия жизни России, отказывается от прежних путей, и заканчивает признанием, что от всех прежних взглядов он ушел, но новые у него не сложились. Никакого намека на практическую революционную деятельность или конспиративные сношения в этом письме нет. Очевидно по тону письма, что оно является только обстоятельной исповедью близким людям в прежних заблуждениях, а вовсе «не рукописью видного члена партии». По просьбе Рафаила я взялся переслать это письмо за границу с кем-либо из знакомых, к чему скоро должен был представиться случай, но оно было ранее взято у меня при обыске. Содержания его я не знал, пока его мне не предъявили на предварительном следствии, а тогда по вполне понятным причинам я отказался назвать Рафаила. Уже на своем личном опыте я хорошо видел, как произвольно могут возникать разные обвинения. Очевидно простого упоминания Рафаила и его соприкосновения с политическим движением прошлых лет было бы достаточно для возбуждения преследования против него, а это должно было бы отразиться не только на его судьбе, но и на судьбе той семьи, к которой принадлежала его невеста, и которая была близко знакома мне. Когда меня арестовали, целый ряд лиц подвергся обыскам и задержанию только на основании найденных у меня адресов или писем. Конечно, я и как человек, и как офицер, не мог подвергаться неприятностям близких мне людей, которые всегда по-родственному относились ко мне. Поэтому я предпочел молчать, считаясь с последствиями этого молчания, которое могло вредить только мне. Я не стал выяснять на следствии своих мотивов, ибо для следственной власти не

важны всякие жизненные отношения лиц, о которых ведется расследование. Там существуют только объекты розыска. Но перед Судом я сделал это подробно, ибо Суд взвешивает все мотивы действий.

Итак, мое знакомство с Рафаилом не дает никакого материала для конкретного обвинения. На следствии была сделана попытка истолковать имя Рафаил как «партийную кличку», но даже по негласным сведениям о таком лице ничего неизвестно. В моей же записи в блокнот указаны вместе с именем Рафаил также вполне известные имена, установленные здесь свидетелями: Калинин – корабельный инженер, Клышко – инженер-технолог, Генрих – инж.-мех. Генрих Алекс. Шпаковский, который часто останавливался в квартире моего хозяина и сослуживца инженера Маслова.

Перехожу теперь к другому, не менее шаткому пункту обвинения, фигурирующему в виде улики по обвинительному акту: двум письмам ко мне бывшего матроса Болтышева, приобщенным к делу в качестве вещественных доказательств, и оглашенных председателем на судебном следствии.

Из содержания этих писем очень трудно догадаться, что именно хотел сказать обвинитель, ссылаясь на них в обвинительном акте, т. к. они не имеют даже отдаленного отношения к данному делу. Вследствие этой неопределенности несколько затруднительно возражать против обвинения, которое не формулировано. Приходится только догадываться, почему именно обвинитель рассматривает именно эти письма, как улику, в чем-то меня компрометирующую. И этот пункт обвинительного акта приходится рассматривать не с юридической точки зрения фактического доказательства, а только как побочный прием создания некоторого впечатления у судей, необходимого для целей обвинения за отсутствием прямого материала.

Что же такого подозрительного в письмах Болтышева? Во-первых, самый факт переписки матроса с офицером; во-вторых, тон письма, который указывает на какие-то чувства привязанности и благодарности Болтышева ко мне; в-третьих, несколько выражений, непонятных для следственной власти и прокурора, как людей посторонних, над которыми при желании не трудно усмотреть конспирацию.

В общем, мои объяснения, данные на судебном следствии, сводятся к следующему.

Болтышев в настоящее время не матрос, т. к. он считается в запасе с начала 1906 года, т. е. со времени окончания русско-японской войны и возвращения его из плена. С тех пор 4 года он живет как рабочий и обращался ко мне с просьбой о рекомендации для поступления на место, что непосредственно видно из его писем. За все 4 года, с весны 1906 г., я его ни разу не видел и ни в каких деловых сношениях с ним не состоял. Но за это время я получил от него 5 или 6 писем, включая 2 приобщенных к делу. В них он главным образом всегда вспоминает время своей службы, распространяется в благодарностях за оказанную ему помощь, упрекает себя в какой-то вине передо мной.

Итак, прежде всего неверно то положение, что эти письма являются проявлением какой-то странной близости между офицером и нижним чином. Болтышев не матрос, он когда-то был на службе, теперь он рабочий, для него старые отношения к военной дисциплине более не существуют и сохранились только как воспоминание или привычка. Но можно предположить, что Болтышев был близок ко мне ранее, во время службы, т. к. он начинает одно свое письмо так: «Здравствуйте, дорогой друг Володя! Простите, что я называю Вас многоуважаемый друг Володи. Я называю Вас так просто как Ваш сослуживец и скиталец по одним дорогам».

Чтобы выяснить некоторую странность и, как может показаться незнающим матросской среды, фамильярность тона этого письма, я должен рассказать, как возникли и сложились мои отношения к Болтышеву. Странность заключается просто в некоторой необычности тех условий, в которых началось мое знакомство с Болтышевым, а также отчасти она обусловлена некоторыми особенностями его характера.

Впервые я встретил его в плену, в Японии, через ½ года после Цусимского боя, когда вместе с одним офицером, соплавателем по броненосцу «Орел», я поехал из Киото на юг Японии в г. Курамамото посетить команду нашего корабля, чтобы собрать более подробные сведения об обстоятельствах боя. Там я узнал, что большая часть орловских унтер-офицеров посажена японцами в тюрьму за беспорядки, устроенные командой броненосца «Орел». Получив разрешение от японской администрации посетить заключенных, я отправился к ним, т. к. хотел о много расспросить. Там в числе 14 заключенных оказался минный квартирмейстер Болтышев с погибшего броненосца «Ослябя». Узнав про это, я особенно подробно расспросил его, т. к. ничего не узнал от очевидцев о гибели этого корабля. Арестованные матросы сидели в ужасных условиях, и мой приход их чрезвычайно обрадовал. В тех условиях – на войне, после боя, в плену на чужбине, конечно, отношения офицеров и команд носили иной характер. Я беседовал тогда с ними часа 2 и видел в них прежде всего товарищей по пережитому всеми нами несчастью, так что чувство

участия к их судьбе и общности во всем пережитом невольно сказывалось, а это придавало особый отпечаток задушевности той беседы. Уходя, я наделил матросов деньгами, т. к. они сидели на самой скудной пище, без табаку, без всяких письменных принадлежностей, книг, и пообещал настоять перед японцами на их освобождении, что вскоре и действительно удалось. Мое посещение, видимо, тогда произвело большое впечатление на матросов, приободрило их, а впечатлительный Болтышев с тех пор стал ко мне питать какую-то особенную привязанность, граничащую с поклонением, что нередко бывает среди нижних чинов в их отношениях к офицерам. Мне же Болтышев был интересен прежде всего как очевидец гибели «Ослябя», которую он мне осветил рассказами о виденных им повреждениях броненосца. По моей просьбе он даже составил мне целое описание гибели этого корабля. Полученный через него материал и собранные им наблюдения я затем имел возможность широко использовать в своих докладах о причинах гибели нашего флота при Цусиме, а также использовать их при работе в кораблестроительной чертежной Адмиралтейства.

Когда закончилась эвакуация пленных, Болтышев вернулся в Петербург и разыскал меня через Главный штаб. Здесь он меня стал просить об устройстве его на какой-либо завод по уходу за динамами. Я сначала обещал и дал ему рекомендации, но вследствие безработицы дело не устроилось, и когда он через месяц в мае 1906 г. пришел ко мне узнать о результатах моих хлопот, я был вынужден сказать, что мне ничего не удалось приискать. Это его чрезвычайно огорчило, т. к. ему приходилось за отсутствием работы покинуть Петербург, где он хотел устроиться. Я позвал его к себе в комнату и усадил с собой пить чай, расспрашивая подробности о плавании броненосца «Ослябя» и участии его в бою. Как раз в то время я готовился к одному из своих докладов и мне было интересно расспросить Болтышева. В нем я уже не видел нижнего чина, матроса, он был для меня интересней собеседник, имевший много ценных наблюдений. Уходя, Болтышев попросил у меня взаймы 25 р., т. к. проживши в Петербурге не имел на что выехать. Кроме того он собрался жениться; при этом обещал отдать, когда заработает. Деньги я ему дал, но вернуть их Болтышев до сих пор не мог, что его тяготит все время, т. к. он крайне ценит мое человеческое простое отношение к нему, проявленное в плену и в Питере и опасается, что я его буду считать простым вымогателем. Это и есть та его вина предо мною, о которой он постоянно упоминал во всех письмах. После этого посещения в мае 1906 г. я ни разу не видел Болтышева.

В характере Болтышева есть странности, можно даже сказать ненормальности. Матросы, которые были с ним в японской тюрьме, в шутку говорили про него: «Он у нас толстолиц, все о смысле жизни говорит». Ему не дают покоя вопросы, которые мучили героев Горького: зачем я на свете? Что такое жизнь? Какой смысл имеет все существующее? Он в известном смысле мистик и все мучается желанием проникнуть в какую-то скрытую от для него тайну. О чем бы он ни писал, он всегда сбивается на рассуждения о смысле жизни, которые принимают у него наивно-таинственный характер. Он кое-что читал, но не все понял, а много усвоил по-своему. Поэтому многие ученые слова он употребляет в смысле, понятном только ему одному. Все это ярко сказалось и в тех двух письмах, которые приобщены к числу вещественных доказательств. Я ему ответил на его излияния только один раз, в начале 1910 г., т. к. в его письме была выражена просьба дать ему рекомендацию к фирме Сименс-Гальске в Баку, что я мог для него сделать.

Итак, я с Болтышевым даже не служил на одном судне, он был на «Ослябе», а я на «Орле». Если он меня называет «сослуживец, скиталец по одним дорогам», то только в том смысле, что мы вместе совершили поход и участвовали в бою в одной эскадре. Для матроса «сослуживец» - значит флотский. Когда же он решается называть меня «многоуважаемый друг Володя», то он сам не уверен в своем праве на это и сейчас же просит в этом извинения. По крайней мере мои прежние отношения не давали к этому основания и в глаза он меня так не называл. Эти выражения, в которых он хочет засвидетельствовать в своих письмах привязанность и благодарность, появляются у него постепенно, по мере того как в тяжелых условиях своей жизни он начинает искать отрадных воспоминаний в прошлом и находит их в тех 2-х беседах со мною, которые оставили в нем глубокий след вследствие исключительности окружающих условий и впечатлительности его натуры. Когда он говорит, что я был добр и не такой как прочие офицеры, то это не есть вывод из его личных наблюдений, ибо по службе он меня не знал, а просто является результатом сопоставления моего обращения с ним и того обращения к нему, какое он видел на «Ослябя» во время плавания.

Что же касается разных особенностей его писем, как постановка некоторых слов в кавычки, подчеркивание слов, сокращения или намеки на что-то, что мне известно, - все это обусловлено странностями самого характера Болтышева. Вина его предо мною, о которой он всегда говорит иносказательно и о которой лишь мне известно - это неоплаченный им долг в 25 рублей.

Вообще, если следствие находило, что в моих отношениях к Болтышеву есть что-либо требующее выяснения, то ведь была всегда возможность навести справки о Болтышеве в Главном Морском штабе, предложить мне определенные вопросы по этому поводу, а я имел возможность вызвать свидетелями лиц, которые знали Болтышева, и к которым я его посылал в 1906 г. для устройства на место.

Итак. 1. С Болтышевым я не служил, когда он был матросом, ибо он был на другом судне. Встретил его в 1-й раз во время плена в Японии, когда посетил пленную команду «Орла» в Ку-мамото. После этого видел его 3 раза, кончая маем 1906 г. и постарался устроить его на место. От него получил затем 5 или 6 писем, ответил всего раз, послав рекомендацию к фирме Сименс-Гальске. 2. Меня Болтышев интересовал как свидетель гибели «Осляби», который сообщил мне много ценных сведений об обстоятельствах и причинах этой катастрофы. Сделанные им наблюдения были мною использованы в докладах и работах при чертежной. 3. Б-в занял у меня 25 р. в мае 1906 г., которых не мог вернуть, и по этому поводу писал ряд писем с разными самообвинениями и выражениями признательности за прошлое. При его наклонности к самонаблюдению и глубокомысленным рассуждениям о тайне и смысле жизни, способ его выражений в связи с недостаточностью образования приобретает чрезвычайно странный характер, а его неясные намеки легко истолковать как конспирацию.

В заключение мне остается еще упомянуть о приобщенной к делу постановлением Суда моей рукописи 1906 года, которую прокурор взял из прекращенного в 1906 г. дела и представил во время судебного следствия для характеристики моих взглядов.

Прежде всего, мне необходимо отметить, что такой способ внесения новых обвинительных документов, не прошедших через предварительное следствие, является прямым нарушением и ограничением средств защиты обвиняемого, что уже было указано моими защитниками, вызвавшими протест против этого приема прокурора. Если бы прокурорский надзор приобщил эту рукопись или вообще все прекращенное дело 1906 г. к следственному материалу, то тогда и я, и моя защита были бы готовы бороться с выдвигаемыми обвинениями по существу. Я имел бы полную возможность своевременно вызвать свидетелей, которые дали бы самые обстоятельные объяснения относительно этого документа и его характера. Теперь я лишен был этого средства защиты от тайно выпущенной против меня мины.

Во-вторых, резко бросается в глаза то различие, которое сделано между всем, что может служить к моему обвинению и к оправданию. Когда на следствии свидетелю лейтенанту Медведеву защитой был предложен вопрос, знал ли свидетель о моих политических взглядах во время службы со мною в 1907 г., то председатель остановил защиту на том основании, что так как меня судят за принадлежность сообществу в 1910 г., то такое отдаленное прошлое не имеет значения в глазах суда. А когда непосредственно вслед за этим прокурор внес обрывок рукописи 1906 г. «для характеристики взглядов Костенко», то суд признал, что этот документ имеет непосредственное отношение к разбираемому делу.

Но больше всего можно возражать против того, что внесенный прокурором документ может что-либо характеризовать. Черновой незаконченный отрывок предполагавшейся статьи не дает еще представления о тех целях и взглядах, которые должны были быть выражены в содержании. В сущности рукопись совершенно не указывает на мое отношение к разбираемому в ней вопросу, ибо она оборвана на вступлении, т. е. фактическом изложении вопроса, который возник в 1906 г. перед каждым, кто принимал близко к сердцу судьбу нашей военной силы и болел ее недостатками. Влияние политических событий сказывалось в армии обострением отношений между нижними чинами и офицерами, что неизбежно вело к ослаблению мощи армии. в 1906 г. возникло среди части военных течение, настаивавшее на том, что «армия должна быть вне политики», а как средство достижения этого они выдвигали объединение офицерского состава в профессионально-военные союзы и общества, задающиеся целями внутреннего преобразования технического и организационного устройства военной силы на более современных началах. В Петерб. издавался тогда орган, представлявший это направление среди военных, называвшийся «Военный Голос». Он выходил легально, вся редакция состояла из офицеров, и в нем отражались прогрессивные течения среди офицерства. Приравнивать эту деятельность к революционной можно только с предвзятыми целями.

Что касается моего чернового обрывка, то он не выходит по существу из тех же рамок. Быть может некоторые слова и выражения теперь могут показаться резкими, но не надо забывать, что статья начата в 1906 г., во время общего брожения, когда люди привыкли совсем к другому языку, а с тех пор прошло 4 года и многое изменилось. Поэтому нельзя верно оценивать настроения 1906 года с точки зрения 1910 г. Итак, истинный характер этой рукописи остался суду совершенно неосвещенным, моих взглядов и целей, с которыми начата эта статья, она не характеризует, т. к. оборвана слишком рано, а потому она как юридический аргумент не должна иметь никакого значения.

Суммирую теперь все сказанное, чтобы подвести итог тому, что же осталось от всей системы обвинения, покоившейся на разобранных мною уликах и доказательствах.

Общая постановка обвинения в принадлежности к сообществу ничем не аргументирована. Сначала обвинительный акт был основан на негласных сведениях Охр. Отд., которое будто бы открыло организацию автономистов; когда же на суде сведения Охр. Отд. оказались вымышленными, то прокурор, не пытаясь доказывать общей связи всех обвиняемых, усмотрел признаки сообщества в том, что при обысках у всех между прочим обнаружены были общие нелегальные издания, - аргумент явно недостаточный, а на этом основании он считал возможным всех обвинить в принадлежности к той партии, от имени которой были изданы нелегальные издания. Что касается меня, то прокурор не указал ни одного факта, который мог бы определенно указывать на мою личную деятельность как члена партии, не указывал также, к какой организации партии я принадлежал, а без этого обвинение является голословным.

Обвинение меня в том, что принятая мною литература предназначалась для личного распространения не подтверждено никакими доказательствами и в следственном материале не содержится на это указаний.

Приписываемое мне авторство устава покоится на негласных сведениях, всю противоречивость которого я уже достаточно показал. Эта улика, выставленная в обвинительном акте, оказалась настолько шаткой, что прокурор в обвинительной своей речи даже не упомянул о ней.

Приписанное мне составление зашифрованной записки опровергнуто компетентной и добросовестной экспертизой, в чем Вы, господа судьи, убедились сами, тщательно сравнив почерки.

Найденное у меня письмо за подписью «Рафаил» ничего преступного в себе не содержит, адресовано не мне, а только принято было мною для отсылки и содержание его мне поэтому оставалось неизвестным.

Прокурор сам признал мои объяснения вполне приемлемыми и не ссылаясь на этот пункт, значащийся в обвинительном акте.

Письма Болтышева решительно ни о чем преступном не говорят и внесены в обвинительный акт только по недоразумению.

Что же касается внесенной на судебном следствии рукописи, то она в силу ее незаконченности и недостаточного освещения из-за отсутствия свидетельских показаний, не может быть признана правильным отражением моих взглядов.

Что же осталось от всей системы обвинения? Осталось, быть может, неблагоприятное личное впечатление судей, не вполне мною рассеянное, но я надеюсь, что судьи учтут также и то, насколько сужены были рамки моей самозащиты вследствие отказа в вызове ряда указанных мною свидетелей и внесения нового документа уже во время самого разбора дела. Юридических доказательств моей виновности обвинитель не в состоянии был представить, а негласные сведения или косвенная догадка, или предположения, для Суда не могут играть роли там, где нет фактического материала для обвинения.

Заканчивая свое последнее слово, я хочу только сказать, что жду Вашего приговора, господа судьи, вполне спокойно, ибо сознание своей правоты дает мне силу. Обращаясь к Вам в заключение всего сказанного, я не прошу у Вас милости или снисхождения, хотя бы во имя моих прежних заслуг, но я жду от Вас справедливости для себя и других обвиняемых, связанных со мною общей участью приговора.

Речь эта была произнесена при глубоком молчании и напряженном внимании всего зала. Почти на каждом лице можно было читать сочувственную улыбку, когда сведения охранного отделения, заменившие обвинительному акту и суду факты, вышучивались сыном в столь умелой форме, что Крашенинников не мог оборвать речь.

Наступила пауза.

- Последнее слово Казанской, - выкрикивает Крашенинников.

- Я принадлежу партии социалистов-революционеров, - произносит Казанская.

- Больше Вы ничего не желаете сказать?

- Не желаю, - отвечает Казанская.

- Последнее слово Святловского!

Святловский подымается и ничего не говорит. Присяжный поверенный поясняет, что обвиняемый совершенно глухой, не желает ничего сказать.

- Суд удаляется для постановления приговора, - произносит Крашенинников, шумно подымаясь с кресла, а за ним судьи и сословные представители, и удаляется в дверь за ширму сзади обвиняемых.

Тов. прокурора остается в зале, в которой начинается общий говор.

Я подхожу к тов. прокурора и прошу его разрешить мне свидание с сыном, а потом разрешить его невестам. Тов. прокурора сначала оговаривается, потом разрешает мне 15 мин., Соне и Валерии Николаевне по 5 мин., Васе брату разрешает только поцеловаться, а Нату не допускает, о чем отдает распоряжение страже.

Мы с Володей обнимаемся и горячо целуем друг друга. Он спрашивает про маму, Машуру, Мишу, Лялек и проч.; спрашивает, какое впечатление произвела на меня его речь. Я кратко передаю, что совершенно такую программу речи я предлагал присяжным поверенным и им следовало бы хоть часть ее выполнить; передаю мнение Крылова, который прощаясь со мной, просил передать тебе, что ты сегодня будешь с нами ужинать, а завтра к 12 ч. ты должен зайти к нему, вместе отправиться к Григоровичу и завтра же ты будешь назначен на службу.

Наш разговор был прерван следующим эпизодом. Сидевший рядом с Володей Михалевич подымается и обращается ко мне со следующими словами:

- Отец Владимира Полиевктовича! Простите меня, что я так подвел Вашего сына. Я сделал это случайно и таких последствий не предвидел. Я в этом горько раскаиваюсь.

Это обращение и эти слова подняли во мне такую бурю мыслей и пережитых уже чувствований, что дорого бы дал, чтобы этого не было. Сдерживая себя, и стараясь утешить свою бурю, я ему ответил, что теперь это отошло уже в прошлое и на суде он вел себя хорошо... Но мой мучитель не унимался, протягивая мне руку, продолжал:

- В знак того, что Вы не питаете ко мне вражды, поцелуемся...

Это предложение делало уже и меня каким-то участником его дел; я еще не вполне отделался от мысли, что имею дело с провокатором, это сомнение во мне еще далеко не было разрушено; но в то же время на меня нахлынуло какое-то чувство жалости к нему, т. к. по ходу процесса мне казалось, что над ним висит Дамоклов меч приговора, что на него обрушится вся тяжесть его и... мы поцеловались. Я его спросил, знает ли он, что финляндские газеты считают его провокатором. Он ответил, что нет, и что он опровергнет эту заметку, когда ознакомится с ней. Меня даже, помню, удивил его спокойный ответ и тон почти равнодушия.

Мы снова начали говорить с сыном; я передал ему, что Люка и Соня будут говорить с ним по 5 мин. и быть может он теперь решит вопрос о браке, если пожелает. Володя ответил, что он поговорит с ними, но окончательное решение предпримет при более благоприятных условиях. Начальник конвоя заявил, что 15 мин. истекли и предложил мне проститься. Меня сменила Люка. Расцеловавшись с Володей, она положила обе руки ему на плечи и как-то навалилась на него всем корпусом. Володя некоторое время выдерживал этот натиск, но потом осторожно снял ее руки с плеч и, держа в своих, продолжал беседу. Свидание с Соней также началось поцелуями, но потом Соня все время почему-то плакала.

Родственники остальных обвиняемых также имели разрешение поговорить с ними.

Необыкновенно грустное и какое-то молчаливое свидание было матери Казанской с дочерью. За все время едва ли они сказали друг другу 10 слов.

Время потом долго тянулось и час, в течение которого Суд постановлял свой приговор, казался вечностью.

- Суд идет! – провозгласил наконец судебный пристав.

Впереди шел Крашенинников, сияющее лицо которого не предвещало ничего доброго; я отчетливо помню, что это мимолетное впечатление как-то заставило мое сердце сжаться и там что-то болезненно екнуло; за ним вереницей входили остальные члены суда и занимали свои места.

Крашенинников начал медленно читать приговор, останавливаясь на самых тяжелых для нас местах его и, видимо, наслаждаясь производимым впечатлением. Не так давно появилась во «Врачебной газете» экспертиза психиатра Краинского одного окружного инспектора – садиста, который находил половое удовольствие, ставя на экзаменах единицу гимназистам и гимназисткам. Если после этого происходило самоубийство, особенно гимназисток, то инспектор в течение 3 или 4 дней чувствовал себя наверху блаженства, - ходил гордо, был весел, о случае самоубийства расспрашивал с особым наслаждением, смакуя его и т. д. До времени экспертизы г. инспектор был причиной 18 самоубийств учащихся и 18 раз в своей жизни он испытывал величайшее половое наслаждение. Мне кажется, что Крашенинников садист и во время чтения приговора он испытывал, судя по тону чтения, такое же наслаждение, как инспектор, когда ставил учащимся единицу.

Приговор

«1911 г. июня 10 дня, по указу Его Императ. Велич. С. Петерб. Судебная палата в особом присутствии с участием сословных представителей в г. С. Петербурге в публичном судебном заседании, в котором присутствовали: старший Председ. сенатор Н. С. Крашенинников, члены палаты: Деларов, Поярков, Сперанский, кандидата Лужского уезда предвод. двор. князь Кольцов-Масальский, чл. С-Петербург. гор управы Ганьков, Муринский, С.Пб уезда волостной старшина Шагин, тов. Прок. Громов и пом. секрет. Павлович слушали дело о дворянине Станиславе Михалевиче 55 л. и других обвиняемых по 102 ст. Угол. ул.

Решением Основного Присутствия Суд. Пал. с участием сословных представителей признаны виновными:

1. Дворянин Волынской губ. Станислав Иосиф-Матвей Фаустинов-Матвеев Михалевич 55 л. в том, что в 1910 г. в СПб состоял участником сообщества, заведомо для него подсудимого поставившего целью своей деятельности насильственное изменение в России установленными законами основными образа правления на демократическую республику и ниспровержение существующего в империи общественного строя с заменю его иным, основанным на началах социализма, причем, в качестве члена сего сообщества и для осуществления задач последнего хранил у себя соответствующие по своему содержанию целям общества разного наименования печатные издания, в том числе некоторые из них в нескольких экземплярах каждое, один экземпляр гектографированного издания под заглавием «Устав автономного союза военно-революционных организаций» и приготовленные к печати рукописные рассказы и статьи; составлял программные редакционные заметки и статьи для соответствующего целям общества печатного издания; делал исправления в таких же по своему содержанию рукописных литературных произведениях, хранил у себя запись расходов по печатанию издания сообщества и приобрел паспорт умершего купца Феликса Равского.
2. Отставной корпуса корабельных инженеров штабс-капитан Владимир Полиевктович Костенко 28 л., в том, что тогда же и там же состоял участником описанного и первом пункте преступного сообщества, зная о вышеуказанных, преследуемых последним целях, причем, действуя в интересах этого сообщества и в качестве его члена, хранил у себя в квартире заведомо для него подсудимого соответствующие по своему содержанию задачам означенного сообщества девять экз. гектографированного издания «Устава автономного союза военно-революционных организаций» и разного наименования печатные издания, причем некоторые из них в нескольких экземплярах каждое и вел записи по обороту принадлежащих сообществу денежных сумм.⁵⁵
3. Дочь священника Наталия Федоровна Казанская, 19 л., в том что тогда же и там же состояла участницей описанного в 1-м пункте преступного сообщества, зная о преследуемых им целях, причем, действуя в интересах сего сообщества и в качестве его члена хранила у себя в квартире соответствующие по своему содержанию задачам сообщества разного наименования печатные издания и цифровой шифр сообщества, назначенный для конспирирования деятельности членов сообщества, вела записи о количестве разных принадлежащих сообществу печатных изданий, с показанием стоимости некоторых из них, а равно также записи по получению и расходованию денег в интересах сообщества; переслала другим лицам изложенную на письме резолюцию одной из организаций того же сообщества, составленную по поводу убийства в СПб Начальника САБ-ского охранного отделения полковника Карпова, предложила тем же лицам сообщать в СПб членам общества сведения об их отношении к сказанному убийству и сообщила им условные адреса для письменных сношений с членами сообщества.
4. Полтавский мещанин Евгений Евгеньевич Святловский 19 л., в том, что тогда же и там же а) достоверно зная участника сообщества, заведомо для него преследовавшего указанные в 1-м пункте, от какого участника принял для хранения издания сего сообщества, не довел без уважительной причины до сведения властей о сем участнике и б) хранил с целью распространения 398 экз. воззвания партии социал-револ., призывающего продолжать революционную деятельность среди народа, углублять социалистическую работу среди крестьян, интеллигенции, студентов, военных и т. д., а равно другие издания той же партии.

Описанное, вмененное в вину подсудимым Михалевичу, Костенко и Казанской преступное их деяние составляет по своим признакам преступление, предусмотренное 1 ч. 102 ст. угол. улож. и на основании сего закона карается по 16 ст. того же уложения каторгою на срок от 4-х и не

⁵⁵ Неизвестно откуда вынырнувший пункт обвинения, т. к. ни в обвинительном акте, ни при судебном следствии об этом не упоминалось. Примечание П. Костенко.

свыше 8 лет. Этому наказанию на срок шести лет Особое Присутствие по обстоятельствам дела признает справедливым подвергнуть подсудимого Костенко»... Пауза. В публике слышится вздох ужаса: ах! (кажется, Соловьевой). ... «с лишением его прав по 25, 28 – 30 ст. и с последствиями по 34 и 35 ст. угол. улож.

Что же касается подсудимых Михалевича и Казанской, то, усматривая в деле личность уменьшающих их вину обстоятельств и находя посему их заслуживающими снисхождения, Особое Присутствие, при руководстве 53 ст. угол. улож. полагает необходимым смягчить им вышеуказанное нормально наказание и, на основании 17 ст. угол. улож. каждого из них лишить прав по 25, 28 – 30 ст. с последствиями по 34 и 35 ст. того же уложения подвергнуть ссылке на поселение»

Святловский был обвинен по двум пунктам, и по каждому присужден на 1 год и 4 мес. крепости; ему засчитано предварительное заключение, т. е. наказание им уже понесено. По преступл. 1 ч. 102 ст. он оправдан.

«Судебные по настоящему делу издержки Особое Присутствие на основании 991 и 999 ст. уст. угол. суд. полагает необходимым возложить на всех осужденных поровну, с круговою их ответственностью, а при несостоятельности осужденных к их уплате принять таковые на счет казны.

О вещественных по сему делу доказательствах Особое Присутствие полагает составить особое определение.

Ввиду принадлежности Михалевича к дворянскому сословию и имени ныне осужденным Костенко орденов: Станислава 2-й ст., Анны 3-й ст. с мечами и бантом, медали за русско-японскую войну и чина штабс-капитана, приговор о них представить на утверждение Его Императорского Величества Государя Императора.»

Окончив чтение приговора, Крашенинников быстро подымается и уходит, за ним остальные члены Присутствия. Стража выстраивается, окружает ныне осужденных, и также поспешно их уводит.

- Прощай, Васька! Прощай, Сонька! – кричит Володя, проходя мимо них и улыбаясь.

Соня, проводив осужденных, возвращается ко мне в зал Палаты и мы уходим последними, не сказав друг другу ни слова.

Было ровно 12 часов ночи. Одевшись в шинельной, мы под руку с Соней выходим из ворот «Судебных Установлений» на Литейный и машинально направляемся на набережную Невы. Мимо нас проезжает ландо, в котором, откинувшись на спинку сиденья, проезжает усталый Крашенинников в сопровождении 2-х дам. 11-го июня, как я знал, он уезжал в отпуск отдохнуть после утомительного выполнения судебного и гражданского долга.

Ночь была довольно светлая и прохладная. Дойдя до дворца Владимира Александровича, мы уселись на гранитную скамейку против крепости, т. к. я почувствовал страшную усталость и разбитость, и долго молча сидели, погруженные в свои думы. Соня поистине была моим ангелом хранителем и, страдая сама, находила у себя силы заботиться обо мне, молча оказывая мелкие услуги. Рана была глубокая и свежая, будущее являлось безотрадным и для сына, и для меня с матерью, разбираться в нахлынувшем хаосе мыслей было еще невозможно, т. к. каждая мысль, воспоминание о Шемякинском суде болезненно резала и мозг, и сердце. Молча мы смотрели на крепость, в которой сын провел 15 месяцев, а теперь впереди предстояла каторга, сл всеми ужасами людей-зверей, в распоряжении которых он будет лишь номер такой-то. Потом невольно мысль перенеслась на его чудно детство, полное отрадных воспоминаний, затем постепенно перешла на его юность... И вдруг я вспомнил, что мною уже было пережито нечто в таком же роде, и даже хуже... Воспоминание о Цусиме, о 12 днях с 14 по 26 мая 1905 г., в течение которых я томился неизвестностью и в мыслях хоронил Володю – это было нечто худшее. Я помню, что по мере выяснявшихся подробностей Цусимского боя, исчезала всякая надежда на спасение и я пришел тогда к следующему выводу: имеется один шанс из тысячи на его спасение. Поистине в прошлом я испытал наибольшую радость в моей жизни, когда из французского посольства получил телеграмму, что он жив. Итак, один шанс из тысячи был выигран. Воспоминание о пережитом в те 12 дней мне показалось даже более тяжелым, чем теперь. Мысль начала в голове идти более логически и в направлении надежды на спасение. Сначала неясно, как в тумане появилась эта надежда, скорее под влиянием такого умозаключения: сын был спасен при Цусиме, когда почти не было никакой надежды на спасение; теперь кое-какая надежда имеется; следовательно он может быть спасен и теперь. Кое-какая надежда, как начало выясняться в моей голове, состояла в следующем: все пункты обвинения по обвинительному акту на суде отпали; остался лишь один пункт – хранение связочки с литературой, за что сын осужден в каторгу на 6 лет. Приговор явно преступный. Сенат, как воюющая сторона в стране, не восстановит истину, поэтому на кассацию приговора Палаты сенатом нечего надеяться; этого шага я не предприму, он неверен и

безнадежен. Как бы то ни было, но утверждение приговора зависит от Государя; следовательно, если возможно довести до сведения Государя о судебной правде, то приговор о сыне может быть отменен или смягчен.

Я помню, что на этой гранитной скамье я еще раз проверил эти выводы, и пришел к заключению, что это путь верный и единственный. Как его выполнить, какие предпринять шаги, об этом я решил подумать утром, а теперь нужно известить мать о приговоре Палаты. Утром из «Южного Края» она узнает всю его жестокость, теперь же следует телеграфировать в общих чертах. «Вынесен суровый приговор» - решил я телеграфировать жене.

Я не в состоянии был говорить обо всем мною продуманном, не сказал Соне о намеченных мною шагах и моих выводах; я решил утром еще раз более спокойно обдумать, проверить свои выводы и начать действовать. Идти к Крылову часов в 11 утра – являлось для меня началом всех моих действий, а дальнейшие шаги выясняться из разговора с Крыловым.

Был уже 3-й час ночи, когда мы с Соней поднялись и тихо пошли по Дворцовой набережной к Николаевскому мосту.

- Нужно, Соня, подать телеграмму маме, утром она получит ее. Откуда это можно сделать?

Решили подать с Васильевского острова. К Николаевскому мосту подошли в то время, когда готовили разводиться и вовремя перешли. Подал телеграмму, мы подошли к 31 номеру на 12 линии, распростились с Соней, и я вошел в квартиру, где Вася и Ната еще не спали.

В 9 ч. утра ко мне в комнату на другой день вошел Вася и передал следующее: сейчас по телефону звонил присяжный поверенный Соколов и от имени Крылова передал, что он просит меня к 11 ч. быть у него.

Слова эти вызвали меня к жизни и мысли сразу потекли в направлении, намечено ночью. Несомненно, не простое любопытство руководило Алексеем Николаевичем Крыловым, если он хочет меня видеть, но вероятно нечто иное, что облегчит мои дальнейшие действия. С такими мыслями я поднимался к нему в 4-й этаж в 11 часов дня 11 июня. На мой звонок дверь открыл сам Алексей Николаевич. Поздоровавшись в передней, мы оба расплакались и расцеловались с ним. Алексей Николаевич был очень взволнован, ввел меня в кабинет и мы уселись в кресла возле круглого стола.

- Скажите, как могло все это случиться? Почему вынесен такой строгий приговор? в час ночи я случайно встретил присяжн. поверенного Соколова и он мне передал его содержание. Я был уверен, что Владимир Полиевктович будет оправдан. Разве еще что-нибудь случилось?

- Ничего другого не случилось, Алексей Николаевич, кроме того, чему и Вы были свидетелем. Все пункты обвинения падали один за другим, несмотря на суженные рамки защиты. При Вас пало обвинение в крамольной переписке с матросом Болтышевым; эксперты признали, что не только общий почерк шифрованной записки не напоминает почерка К-ко, но нет ни одной цифры, которая была бы похожа на его руку; сын дал на суде такую критическую оценку устава военно-революционных организаций, что сомнений у Суда не осталось и авторство его отпало; рукопись, найденная у него, оказалась письмом, которое просили кому-то передать и содержание его он не знал; суд, в конце концов, допустил такое правонарушение: когда окончилось судебное следствие, то для убедительности судей Председатель допустил прочитать отрывок какой-то его статьи в легальный орган «Военный Голос», за который он был когда-то арестован и дело о нем было прекращено; сын назвал этот поступок суда ударом в спину, из-за угла и совершенно опроверг его крамольность; остался лишь один пункт обвинения, по которому сын и признал себя виновным - это хранение связки 35 экз. каких-то брошюр; но за хранение совершенно другая статья, 129 и иное наказание, а не каторга. Видя, что пункты обвинения пали по обвинительному акту, суд выдвинул в приговоре такой мотив, который не был предметом исследования на судебном следствии – это ведение денежных записей по революционной организации. Но я знаю все имена, которые записаны в его блокноте, и кому он давал деньги; это зятю инженеру Константину Андросову 300 р. под уменьшенным именем «Коте – 300 р.», «Фил.» - Филипповскому инженер-механ. 125 р.; «Мише – 25 р.» - это моему младшему сыну и т. д. Таким образом суд признал его членом партии социал-револ., который вел денежные записи по организации и приговорил его на 6 лет в каторгу.

- Я сегодня встретил Кольцова-Масальского, который был вчера в числе судей; я обратился к нему с упреком, - он мой старый знакомый, - по поводу приговора и он мне ответил следующее: я едва отстоял 6 лет, т. к. Крашенинников настаивал на 10 годах, - «уж слишком он умен», как выразился Крашенинников.

- По 1-й ч. 102 ст. высшая мера наказания 8 лет, поэтому как мог Краш-в настаивать на 10 годах? – заметил я.

- Оставить это дело в таком виде я не могу; я завтра доложу Морскому министру об этом и буду просить ходатайства перед Государем Императором о смягчении участи. Я составил следующую докладную записку Ивану Константиновичу (Морск. министру Григоровичу):

*Ваше Высокопревосходительство
Иван Константинович!*

В конце марта прошлого года был арестован прикомандированный к Морск. Технич. Комитету корабельный инженер шт. кап. Костенко. Решением СПб-ой Судебной Палаты 10 июня сего 1911 г. он приговорен к 6 годам каторжных работ, будучи признан виновным в государственном преступлении.

Я был вызван по этому делу свидетелем и вынес то впечатление, что единственно в чем Костенко виновен (что он и сам признавал) это в принятии накануне обыска на хранение от судившегося с ним Михалевица, который был известен ему под фамилией Вебера, разного рода революционной литературы и составленных Михалевичем воззваний и устава революционных союзов для военных и морских команд.

По обвинительному акту Костенко приписывалось, если не самое составление Устава и воззвания, то участие в таковом, а также образование революционного союза или группы, и вообще деятельное, а не пассивное участие в революционных организациях.

На суде Костенко с чисто математическою логикою, ясностью и последовательностью опровергал все предъявленные к нему обвинения, кроме хранения литературы, и, по моему мнению, может быть повредил себе перед судьями.

Судьи видели его в первый раз, они не могли знать его правдивости и искренности, поэтому они могли оценить лишь его исключительные дарования, и с того, кому много дано, много и спросили, полагая, что выдающийся человек во всяком деле займет выдающееся и первенствующее положение.

Так ли это или не так, во всяком случае высшее судебное установление Империи вынесло свой приговор, и я не осмелюсь этот приговор критиковать, но как бывший прямой начальник Костенко, имевший неоднократный случай убедиться в его выдающихся дарованиях и трудо-способности как корабельного инженера, я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и ходатайствовать об оказании Костенко милости в путях Монаршего милосердия.

Я прибегаю к этому ходатайству с тем большим убеждением, что кап. 1 ранга Зилоти сообщил мне, что по сведениям Главного Морского штаба Костенко действительно не принимал участия в революционных кружках, из писем же, которые мне показывал отец Костенко, я увидал, что он в заключении, как подследственный, продолжал работать для кораблестроительной науки.

Пусть наложенным на него наказанием Костенко искупит свою вину перед Государством, но должно ли для этого губить богато одаренного молодого человека, а шестилетняя каторга конечно его погубит; нельзя ли каторгу заменить таким наказанием, как заключение в крепости, ссылка на заседание и т. п., при котором Костенко мог бы продолжать умственно работать и свои сведения, свой боевой опыт, свои дарования обращать на пользу флота и кораблестроения; нельзя ли сделать так, чтобы отбыв срок своего наказания, он вступил вновь в жизнь не погибшим для морского дела, а с накопленными знаниями и плодами самостоятельных изысканий и размышлений, и не будет ли таким образом достигнуто наилучшее искупление его вины перед Родиною и Государем.

Я знаю, что отец Костенко намерен обратиться к Вашему Высокопревосходительству с прошением на Высочайшее Имя об облегчении участи его сына; я вместе с ним твердо уверен, что милостивое представительство ближайшего сотрудника, облеченного Высоким доверием своего Государя, не может не оказать влияния на проявление Монаршего Милосердия.

Может быть я во многом бывал не прав, но никогда я не говорил и не писал Вашему Высокопревосходительству заведомой неправды, а всегда говорил и писал от чистого сердца и с полным убеждением; так и теперь прошу Вас: явите милосердие Костенке, примите прошение отца его к стопам Государя. Я уверен, что Костенко в будущем сумеет своей работой на благо родины заслужить всякую милость ему оказанную.

С глубочайшим уважением и искреннейшею преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

А. Крылов.

Копию этой докладной записки я получил лично от Алексей Николаевича дней через 5, - Последние 2 периода этой записки со слов: «Я знаю, что отец Костенко намерен обратиться к Вашему Высокопревосходительству»... - написаны Крыловым после следующего нашего разговора:

- Как Вы находите это ходатайство и что Вы намерены делать?

- Я Вам бесконечно благодарен, Алексей Николаевич, за Ваше ходатайство и такое сердечное участие к сыну. Хотя рана еще слишком свежа, чтобы спокойно обсуждать случившееся, но я пришел к таким выводам: на благоприятный исход кассации я не рассчитываю; приговор пойдет на утверждение Государя, поэтому я сам хотел обратиться к Вам с просьбой предоставить мне возможность подать Морскому Министру прошение, в котором я изложу свои мотивы такой просьбы, его просьбой ходатайствовать перед Государем в смягчении участи сына.

- Очень хорошо. Вас министр, наверное, примет и Вы лично подадите ему просьбу с прошением на Высочайшее имя. В своей докладной записке я добавляю, что Вы сами намерены подать прошение. Я сегодня буду у Министра и вероятно завтра же утром он Вас примет. Я сообщу Вам по телефону, в котором часу; у Вас есть телефон?

- Да, № 413-88.

- Титул Государя на прошение такой: - читает титул, записывает на бумажку и передает мне.

- А пока вот что мы с Вами сделаем. Поедем сейчас в штаб к Сергею Ильичу Зилоти, переговорим с ним, узнаем в котором часу придет министр и вообще переговорим с ним.

Я конечно соглашаюсь. Алексей Николаевич снимает свою тужурку, надевает сюртук и кортик и разговаривая мы выходим на Зверинскую улицу, направляемся к Неве и садимся на пароходик, который останавливается у Главного Морского штаба. Дорогой Алексей Николаевич делится своими впечатлениями на суде и говорит, что лицо Михалеви́ча просто гнусное какое-то; расспрашивает про последнее слово сына. Разговор как-то незаметно перешел к предстоящему 12 июня спуску дредноута. Я начал расспрашивать про водоизмещение «Севастополя», про предполагаемую скорость и вооружение...

- Да Вы не желаете ли присутствовать при спуске, - перебивает меня Крылов, - так у меня кстати есть билет, - причем быстро стал расстегивать пуговицу сюртука и из бокового кармана вынул пачку бумаг, где были и несколько билетов.

- С удовольствием, Алексей Николаевич, - поспешил я сказать. - Я много слышал про спуск судов от сына, но не пришлось ни разу видеть...

- Этот билет дает право присутствовать на площадке возле Царской палатки, откуда все будет прекрасно видно, и дредноут пройдет перед Вами весь. Я буду в эллинге возле спускового устройства. Спуск назначен на 16 июня.

Причалив к пристани, мы направились в Главный Морской штаб, тотчас же были приняты пом. Начальника Морск. штаба капитаном 1 ранга С. И. Зилоти.

- Вероятно Вы, Сергей Ильич, - начал Крылов, - слышали о приговоре Палаты Костенко? Я был свидетелем по его делу, я слышал его самозащиту; он опроверг все пункты обвинения и признал себя виновным лишь в одном, в хранении связки литературы. Такой строгий несоответствующий вине приговор заставил меня ходатайствовать перед Его Высокопревосход. доложить Государю и ходатайствовать о смягчении его участи. Полиевкт Иванович также от себя подает прошение.

- Я уже слышал о приговоре и очень возмущен, - сказал взволновано Зилоти. - Почему Вы меня не поместили в числе свидетелей? Я жандарм морского ведомства, я дал бы о нем самый лучший отзыв. Если будет вторичный разбор дела, я потребую, чтобы допросили меня.

- Я не мог сослаться на Вас, Сергей Ильич, - ответил я, - т. к. об этом мы как-то не говорили...

- Почему Вы ко мне не зашли накануне разбора дела?

- Я не решался. Я зашел однажды, кажется в апреле, в Морской штаб, узнать адрес начальн. штаба Балтийского флота Крафта и адмирала Стеценко, но со мной обошлись так сухо, что я больше не решался...

- Кто смел с Вами говорить сухо?

Я не решался называть виновника, но Сергей Ильич так настоятельно требовал, что я должен был назвать старшего адъютанта штаба Славинского. Как раз в это время он вошел в кабинет и здоровался с Крыловым и мною.

- Вы почему сухо обошлись с Полиевктом Ивановичем, когда он к Вам обратился в апреле за адресами,- набросился на него Зилоти.

Положение мое делалось невыносимым; я сидел как на углях и почувствовал, что краска густо залила мое лицо. Вероятно это заметил и Сергей Ильич, а потому сказал:

- Ну, это мы разберем потом, а теперь необходимо решить некоторые вопросы.

Быстро приняв дела от лейтенанта Славинского, он его отпустил.

- Я желал бы прослушать Ваше ходатайство, Алексей Николаевич, - обратился он к Крылову.

Алексей Николаевич с большой задушевностью прочитал выше написанное свое письмо к Министру и сказал, что после разговора с Пол. Ив. конец своего письма он изменит, объяснив на словах, что упомянет о желании отца подать прошение Григоровичу и на имя Государя.

- А Вы что написали? - обратился ко мне Зилоти.

Я объяснил, что на бумаге я изложу часам к 5 сегодня свою просьбу, а пока на словах передал, о чем я намерен был написать.

- Пишите все, что находите нужным, и особенно то, что было на суде. Будет все доложено, - ободрял меня Зилоти. - К 2-м часам приедет Министр на яхте «Нева», - сказал он Крылову. - Вероятно Вы будете его встречать и доложите ему? Я тоже там буду.

- Когда напишите прошение, то прежде прочитайте его мне. Я Вас жду здесь часам к 5, и мы еще кое-что обсудим, - сказал Зилоти, обращаясь ко мне.

Простившись с ним, мы с Крыловым поднялись и вышли, направляясь к пристани у штаба. Алексей Николаевич условился со мной, что завтра к 10 часам я зайду к нему, прочитаю свое ходатайство, а он мне скажет о разговоре с Григоровичем.

Приехав домой, и обдумав еще раз все происшедшее в это утро, я почувствовал значительное облегчение и почу под ногами. Я был не одинок теперь, к 5 часам нужно было написать прошение и поэтому я немедленно засел за работу. Через час все три прошения были готовы, оставалось прочитать их совместно с сыном Васей, Натой и Соней и проредактировать. Некоторые выражения вызывали споры и возражения, наконец редакция прошений была выработана и все вылилось в следующую форму:

*Его Высокопрев-ву
Господину Морскому Министру
Врача, коллежск. советника
Полиевкта Ивановича Костенко*

Прошение

10 июня текущего года Особое присутствие СПб-ой Судебной Палаты приговорило сына моего, штабс-капитана корпуса кораб. инж. Влалдимира Костенко, в каторжные работы на 6 лет.

Сын мой был единственным корабельным инженером, спасшимся в Цусимском бою. Тяжелые картины боя не только не подавили его способности наблюдать и оценивать эволюции и технические стороны боя, но послужили основанием путем анкеты поминутно проследить бой, судьбу каждого судна, действие каждого попавшего снаряда и проч. Результатом его наблюдений и выводов был доклад в Морском Министерстве «Броненосцы типа «Бородино» в Цусимском бою», научную оценку которому дал профессор генерал-майор Крылов. Последующие работы сына в Англии по наблюдению за постройкой крейсера «Рюрик», а также по организации и технике английских судостроительных заводов послужило основанием для доклада в Морском Технич. Комитете (и др. технич. обществах) «Об организации и технике английских судостроительных заводов», оцененного по его достоинству профессором А. Н. Крыловым. За технические работы по креплению башен крейсера «Рюрик» и за проект перевооружения броненосцев «Слава» и «Цесаревич» он получил особо лестный отзыв генерал-майора Крылова и адмирала Стеценко и награжден штаб офицерским орденом. Находясь в предварительном заключении Петропавловской крепости и будучи лишен необходимых научных пособий и периодических журналов, он продолжал работать на пользу безгранично любимого им флота, результатом чего явились его теоретические вычисления о полном переустройстве винта, изложенные в 2-х тетрадях, которые будут переданы Морскому Техническому Комитету.

К изложенному мне, как отцу заключенного, приходится добавить, что сын мой с 8 лет обнаружил незаурядный интерес к флоту и морскому делу. Отметив эти наклонности сына, я не препятствовал ему по окончании классической гимназии с золотой медалью поступить в Морское Инженерное училище, где он заслужил название «военно-морской энциклопедии» и по окончании курса занесен на мраморную доску.

Ввиду изложенных мною заслуг сына, я решаюсь обратиться с просьбой к Вашему Высокопревосходительству повергнуть к стопам Его Императ. Величества мое нижайшее прошение от отмене столь тяжелого приговора или о замене каторги крепостью, в которой сын уже просидел 15 месяцев.

Врач, коллежск. сов. П. Костенко.

Местожительство имею г. Белгород, Курской губ.

В Петербурге: Василью остров, 12 линия, д. 31Б, кв. 1.

К этому прошению на отдельном листе бумаги было приложено мое мнение о судебном следствии и решении Палаты.

Не зная тех данных, на которых судебная палата базировала столь тяжкое наказание моему сыну, я не могу не указать на целый ряд правонарушений при судебном следствии:

1. Совершенно было отказано судом в вызове 9 свидетелей, а поэтому на суде было допрошено лишь 2 свидетеля, вызванных защитой помимо суда; таким образом не могли дать показания такие свидетели, как адмирал г. Стеценко, капитан 1 ранга г. Зилоти и другие, и защиту ограничивали в допросе даже этих 2-х свидетелей.
2. Сыну дозволено было Судом ознакомиться со следственным материалом только один раз в течение 2-х часов накануне заседания Палаты.
3. В самом конце судебного следствия был предъявлен новый документ, который не был включен в материал предварительного дознания. Правдивым объяснениям сына вероятно Судом не дано веры.
4. Суд отказал в вызове свидетеля, который должен был доказать один из важных пунктов обвинения, несмотря на это сын опроверг и этот пункт обвинения.
5. Из 4-х чел., которых обвиняли по этому делу, сын первый раз в жизни видел 2-х.
6. Мне обещали предоставить сыну средства самозащиты, взамен этого было отказано в вызове свидетелей, экспертов и в отложении дела для представления дополнительных доказательств защиты.

Мои впечатления на суде

Сыном опровергнуты следующие пункты обвинения:

1. Он не был составителем устава военно-революционных организаций.
2. Письмо бывшего матроса Болтышева, участника Цусимского боя, не носило даже и следов криминала.
3. Шифрованная записка, как доказала экспертиза, не принадлежит перу сына.

Присутствуя в Суде и внимательно следя за ходом процесса, я был свидетелем, как постепенно, даже при столь стесненных судом условиях самозащиты, постепенно отпадали пункты обвинения. Осталось лишь обвинение в хранении небольшой связки нелегальной литературы, полученной сыном накануне ареста, одной рукописи и шифрованной записки. Сын признал себя виновным по этому пункту, дал правдивое, на мой взгляд, объяснение, которое, по-видимому, отвергнуто судом.

Таким образом, по моему мнению, степень наказания не соответствует вине, тем более, что сын просидел уже в крепости 15 месяцев.

П. Костенко

Долго меня затрудняло, как выразить свою просьбу Государю. Просить о замене каторги крепостью мне казалось неудобным, т. к. допустима была полная отмена приговора, просить о милости к сыну в общих выражениях, значит входить в противоречие с сыном, который на Суде просил не милости, но только справедливости. Вопрос этот я разрешил так: целых полтора года я обращался с просьбами то к жандармам, то в департамент Полиции, то к тов. министра Внутр. Дел Курлову, то к прокурору и каждый раз все мои основательные ходатайства в их понятиях являлись нарушающими закон, или противоречащими ему; всюду я получал отказы. Теперь Высшее судилище в Империи – Судебная Палата – самым бесцеремонным образом нарушила все права обвиняемого, исковеркала факты в своих видах, а в приговоре и совсем их опустила, и все же вынесла жестокую меру наказания; в перспективе предстоит такое же решение Сената. Значит от людей, облеченных властью и ведающих подобного рода делами, другой правды я и не добьюсь, поэтому можно просить только о «милости», а данные для такой просьбы достаточно изложены в прошении Морскому Министру. Есть в России лишь одна власть, которая может неправды правящей бюрократии одним почерком пера свести к нулю, обращение к этой власти горячо поддержано сильнейшими лицами и является теперь не безнадежным, а потому я написал следующее прошение:

*Всепресветлейший, Державнейший
Великий Государь Император
Николай Александрович, Государь Всемиловитвейший!*

*Врач, коллежский советник,
Полиевкт Иванович Костенко
просит:*

10 июня текущего года особым Присутствием БПБ-ой Судебной Палаты сын мой, отставной шт. кап. корпуса корабельных инженеров Владимир Костенко, приговорен на 6 лет в каторгу. Я и мать проговоренного повергаем к стопам Вашего Императорского Величества нашу просьбу о милости к сыну.

Врач П. Костенко

1911, VI, 14.

Дата «14» означает день, когда Морской министр меня принял, этим числом и помечены и прошения.

Закончив прошения, в начале 5-го ч., направился с Васильевского острова пешком в Главный Морской штаб, чтобы пройтись и немного развлечься. Около 5 ч. я был уже в приемной Зилоти и сейчас же был им принят.

- Ну, что? Приготовили, написали прошения? – Весело и ободряюще меня встретил Сергейц Ильич.

- Да, написал.

- Ну, читайте.

Прослушав все прошения, Сергей Ильич остался последним недоволен.

- Позвольте, о какой же Вы милости просите, когда дело явно вопиющее, приговор Палаты несправедлив и явно пристрастен. В прошении Министру, т. е. в приложении к прошению, Вы же сами пишете, что все пункты обвинительного акта разбиты и даже не вошли в приговор Палаты, и вдруг – «о милости с сыну».

- Я не знаю, Сергей Ильич, как поделикатнее мне выразить свою просьбу Государю. Я рассуждаю так: высшее судилище, поставленное Государем, произнесло свой приговор; я считаю его несправедливым и тенденциозным, но Государь может иначе смотреть на это дело, поэтому мне остается просить у Него лишь «милости к сыну».

- Мы будем хлопотать о полной реабилитации, а не милости; причем тут милость, когда он невиновен.

- Я, конечно, не настаиваю на этом выражении, но я затрудняюсь подыскать подходящее выражение, тем более, что оно употреблено Алексеем Николаевичем в его письме к Министру.

- Позвольте, а все тут верно с юридической стороны, не противоречит тут ничто какой-либо статье закона? Вы советовались со своим защитником?

- Нет.

- В таком случае мы сейчас попросим юрисконсульта Министерства и прочитаем с ним.

Сергей Ильич звонит в телефон и просит юрисконсульта по делу к нему в кабинет.

Через ½ мин. вошел пожилой, но довольно бодрый и веселый господин, фамилию которого моя память не удержала. С. И. познакомил нас, в двух словах объяснил в чем дело, просил его прослушать мое прошение и высказать свое мнение.

- С внешней стороны все в порядке, но насколько это верно – я не берусь судить. Следовало бы получить мнение защиты и тогда судить.

А Вы не можете получить «мнение защиты»? Кто его защищал?

- Эристов и Елисеев.

- Вы не знаете где они живут и к кому из них лучше обратиться по телефону?

- Лучше к Елисееву; номер его телефона 43-24.

С. И. звонит, отвечают. Елисеев говорит, что мнение защиты он кратко изложит и завтра вручит мне, просит зайти к нему между 10 и 11.

- Алексей Николаевич уже виделся с Министром, встретил полное сочувствие, вероятно он Вам все скажет. Ведь Вы отсюда к Крылову?

- Да.

- Ну, значит, там узнаете все подробности.

Распростившись с Зилоти, и пообещав завтра от Елисеева зайти к нему в штаб, я отправился на Зверинскую ул. Петербургской стороны к Алексею Николаевичу.

В передней меня встретил Крылов так же радушно, как и в предыдущий раз, но с оттенком веселости. Семья его была на даче и в Петербургской квартире он жил один. В кабинете на столе стояли апельсины, из другой комнаты он принес 2 стакана чаю и попросил меня прочитать свои прошения. По прочтении он их вполне одобрил и сообщил мне следующее:

- Министр отнесся с большим участием к моему ходатайству за Владимира Полиевктовича; Ваши прошения он также примет для доклада Государю; Вас он желает видеть и примет 14 июня в 8 ч. утра в своем кабинете. Нужно быть точным и не опоздать, - совершенно уместно пояснил Алексей Николаевич, вероятно зная неаккуратность провинциалов, т. к. у Министра приемы рассчитаны по минутам.

Расспросив Алексея Михайловича как попасть к Министру, куда к нему идти, я рассказал про желание Сергей Ильича иметь мнение защиты, чтобы быть уверенным в юридической правоте написанного мною. Через час я расстался с Крыловым, горячо его поблагодарив за участие и расцеловавшись с ним.

Домой я также возвратился пешком, обдумывая все разговоры и загодя готовясь к предстоящей аудиенции у Министра. Только подходя к квартире, я почувствовал голод и желание есть. В квартире меня ждали обедать Ната, Соня и Вася. Обед наш прошел оживленно, появлялись смутные надежды, хотя каждый из нас еще боялся мечтать, помня испытанные разочарования. Но теперь дело обстояло иначе уже потому, что я направлялся к лицам, благожелательно настроенным, чем та плеяда, которая уже отошла в прошлое, сделав свое скверное дело.

13-го я был у Елисеева, передал ему сущность разговора с Крыловым и Зилоти. Елисеев просил подождать с «мнением защиты» до объявления приговора в окончательной форме, а пока признавал написанное мною соответствующим истине, и согласно статьям закона. Я просил подтвердить все это по телефону С. И. Зилоти, к которому я и направился от Елисеева.

Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, я привожу «мнение защиты» теперь; получил его после 16 июня, когда приговор Палаты был объявлен в окончательной форме.

Мнение защиты. *«В. П. Костенко обвинялся в принадлежности к преступному сообществу, которая якобы доказывалась целым рядом улик: составление устава сообщества, хранение зашифрованной записки, написанной рукой обвиняемого, преступными сношениями с матросом Болтышевым, хранением в нескольких экземплярах устава и революционной литературы, сношениями с революционером «Рафаилом», причем по обвинительному акту уликой являлась запись Костенко в блокноте: «написать Калинину, Клышко, Генриху, Рафаилу». После судебного следствия на свое обсуждение Особое Присутствие поставило только вопросы о виновности Костенко в принадлежности сообществу, действуя в интересах которого он 1) хранил 9 экз. Устава и др. печатные издания, 2) указанный выше цифровой шифр; 3) вел записки по обороту принадлежащих сообществу денежных сумм. На эти вопросы суд постановил: «да, виновен, но шифра не хранил».*

Таким образом суд даже не поставил на обсуждение свое ряд улик и одну из них – шифр – отверг. Но зато неожиданно для защиты и обвиняемого, когда следствие было закончено, поставил новый пункт – о денежных записях (в блокноте), не заключавшийся в обвинительном акте, ни бывший предметом исследования, по которому не дано было Костенко представить объяснения.

Если не считать этого последнего обвинения, которое легко было опровергнуть хотя бы уже по тому, что оно совершенно бездоказательно (записки относительно выдачи денег родственникам, в долг товарищам и на невинные расходы), если не считать обвинений, отвергнутых самим судом, или даже не упомянутых, то остается в силе лишь указание на хранение устава в 9 экз. и кое-какой печатной литературы, а это могло быть инкриминировано по 132 ст. Уст. Ул., по которой нормальным наказанием является краткосрочное заключение в крепости без лишения прав.

по просьбе защиты и был поставлен дополнительный вопрос по 132 ст., но суд оставил его без ответа, обвинив Костенко по 102 ст. почти в высшей мере (6 лет каторги). 1911, VI, 18.»

С. И. Зилоти меня встретил очень приветливо в Главном Морском штабе. Я ему передал, что Елисеев просил отложить до объявления приговора в окончательной форме «мнение защиты», т. к. только там будут изложены подробно пункты виновности сына с точки зрения Палаты; что написанное мною для г. Министра он находит вполне верным. Разговор по телефону с Елисеевым Зилоти находил излишним, т. к. для него вполне достаточно того, что я передал ему:

- Министр долго говорил с Алексеем Николаевичем, - сообщил мне Зилоти, - и обещал ему полное свое содействие. Завтра в 8 ч. утра он Вас примет и вероятно будет расспрашивать про сына и про дело. Вопрос этот может быть решен на днях, т. к. я сам нахожу кассационную жалобу излишней. Хотя просьбу о милости я нахожу неверной, т. к. речь идет о его только неосторожности и полной реабилитации, но пусть уж так и остается, как Вы написали, остальное – дело Министра.

- Как Вы думаете, Сергей Ильич, когда министр доложит нашу просьбу Государю?

- После спуска дредноута 16 июня он поедет в шхеры доложить Государю от этом, тогда же будет доложено и дело Вашего сына. Вы завтра после аудиенции у министра зайдите ко мне, а

вероятно числа 18 мы уже будем знать о его докладе у Государя. Вероятно он сам Вас пожелает видеть. Какой номер Вашего телефона?

- 413-88.

- Мой 450-29. Когда Вы будете видеть сына?

- Сегодня в 10 ч. в Крестах, т. к. в крепость он еще не препровожден.

- Что Вы скажете Вашему сыну?

- Я скажу, что я против кассации, т. к. нет никаких оснований думать, чтобы Сенат кассировал его дело; скажу, как отнесся Алексей Николаевич к его делу и какие возбудил ходатайства, а также о своем ходатайстве и о завтрашней аудиенции у Министра.

- Скажите ему от меня, чтобы он не падал духом.

Наконец мы расстались и я, наняв извозчика, поехал на Выборгскую сторону через Литейный мост в мрачное здание одиночной тюрьмы, или как его обыкновенно называют «Кресты», т. к. два корпуса шестизэтажного здания тюрьмы построены в виде креста, из центра которого один тюремщик сразу обслуживает 4 коридора.

Предъявив свой вид на жительство, скоро был впущен из приемной за решетку в здание тюрьмы. Пройдя длинным коридором довольно порядочное расстояние, поднимаешься вверх на один этаж и в коридоре, соединяющем оба здания Крестов, устроена ожидальня для пришедших на свидание перед крепко запертой дверью. Из окон направо видна Нева с ее кипучей жизнью, Французская набережная и Смольный институт, налево – садики тюрьмы, группы арестантов с бадьями, закрытое ландо, в котором какого-нибудь политического доставляют в суд или на допрос. Сидеть мне пришлось недолго, т. к. вскоре в коридоре показался бравый жандармский полковник в сопровождении тюремщика с ключами.

Я обратился к полковнику с просьбой, не может ли он разрешить мне свидание с сыном (таким-то) более 5 минут?

- Это с бывшим офицером, осужденным в каторгу? – Грубо отрезал мне полковник.

- Да.

- Исключений не может быть, - отрезал мне полковник, проходя дальше в открывшуюся перед ним дверь.

Вскоре назвали мою фамилию и за дверью я оказался в широком коридоре, освещенным из центра креста; по обе стороны коридора виднелись двери с глазками, на полу лежали половики, поглощавшие шум шагов. Тюремщик торопил и мне больше не удалось осмотреться в коридоре; я оказался также в камере направо, в которой сидел жандармский полковник и рассматривал мой паспорт. Перед ним на столике лежали часы, а по обе стороны столика стояли 2 табуретки. Камера была узкая и продолговатая, вверху – окно с открытой форточкой, сбоку – железная постель, пристегнутая к стене.

Вскоре вошел Володя и мы с ним обнялись и горячо расцеловались. Володя заговорил.

- Папа, ты был свидетелем. Ожидал ли такой приговор?

- Никогда не ожидал, и не я один; я тебе уже передавал мнение генерала Крылова, который просил тебе передать поклон, кстати.

- Спасибо. Ты когда его видел?

- Вчера был у него, он меня просил зайти к нему, а сегодня я сейчас от Зилоти...

- Ты почему был в штабе?

- Мы туда ездили вместе с Крыловым. Он подал Морскому Министру докладную записку с ходатайством о тебе, а завтра министр назначил мне в 8 ч. утра аудиенцию у него на квартире.

- Я подаю кассационную жалобу, о чем уже говорил с защитником. Поводов для кассации много, как ты знаешь.

- Я против этого...

- Как? Ты против кассации? На каком основании?

- За время твоего ареста я ни разу не читал в аналогичных случаях, чтобы Сенат кассировал решение Палаты, но всегда утверждал его. Почему твое дело явилось бы исключением?

- По лицу сына прошло облако грусти и какого-то разочарования. Но времени у нас было всего 5 мин., в течение которых Володя хотел разрешить некоторые вопросы, занимавшие его.

- Отец! Обратился он ко мне, - помоги мне в одном деле! Я люблю Валерию, как сестру, как Машуру; мне с ней так легко было говорить, она мне во многом помогала; помоги мне жениться на ней.

На этот раз я поник головой. Тяжело отказывать сыну, находившемуся в таких условиях, но еще тяжелее мне сознательно рыть ему яму. По моему мнению этот брак был бы пагубным для него, а для меня с матерью неизлечимой раной. Все эти условия я взвесил в голове в течение нескольких секунд и, стараясь говорить как можно покойнее, ответил:

- Прости, дорогой! Но в этом деле я не имею сил помочь тебе. Мы с матерью конечно не препятствуем тебе; поступай, как хочешь, но избавь нас от забот о Валерии. По нашему мнению приемлем только брак с Соней.

- Но я уже отвык от нее. Я 2 раза предлагал ей, не настаивая на быстром решении этого вопроса, и оба раза она отказала мне. Для меня теперь нужно большое перестроение и в мыслях, и в чувствах...

- Пять минут истекают, - проговорил полковник, прошу оканчивать разговор.

Остальные $\frac{1}{2}$ минуты ушли на разговоры о маме, Мише и Васе. Я сказал, что мама приедет в Петерб. по моем возвращении в Белгород.

Тюремщик быстро меня проводил по коридору, вслед за мной вышел и полковник, который обратился ко мне с вопросом, переменив выражение своего лица на кроткое и полное участия.

- Что же может сделать министр, когда состоялось такое решение Палаты?

- Приговор Палаты пойдет на утверждение Государя, - ответил я, - поэтому доклад Министра о деле может изменить решение Палаты.

- А, это дело другого рода, если Государю будет доложено об этом министром, - авторитетно заметил мне полковник и, любезно подав мне руку, скрылся обратно в дверь.

Я намеренно пояснил жандармскому полковнику о своем козыре, т. к. я боялся, что с сыном начнут обращаться как с каторжным. Грубый тон и вид громовержца сразу изменился, когда я показал ему уголок перспективы за опущенной ими занавесью.

Выйдя за ворота тюрьмы, я встретился с Соней, которая меня ожидала, т. к. по нашему мнению, в это свидание должен был решиться вопрос о браке. Соне я ничего не мог определенного сказать, и осторожно передал разговор с Володей, сделав вывод, что вопрос о браке остается открытым. Мы долго еще бродили по Петербургу, - день был прекрасный, солнечный, дышалось легко, хотя камень на сердце лежал тяжелый. Мы часто возвращались к разговору о Володе, о его тяжелом в настоящее время душевном состоянии; Соню я утешал, что вопрос о браке будет разрешен с нею, но ее оскорбляла мысль, что Володя это может сделать для родителей, а не для нее. Вообще же по этому поводу было много высказано предположений, и решение этого вопроса отходило в будущее.

П. Костенко

1912, XI, 20.

Арест,
заключение в Петропавловскую крепость,
суд, женитьба и помилование шт. кап. корп.
кораб. инж. Владимира Полиевктовича Костенко.

Книга 3

**Аудиенция у Морского Министра
Ивана Константиновича Григоровича 14 июня 1911 г.**

Без 5 мин. 8 ч. 14 июня я вошел в вестибюль квартиры Морского министра, которая помещается в Адмиралтействе против Сената и памятника Петра I. Широкая лестница на средней площадке раздваивается и ведет на верхнюю площадку. Стены по обе стороны лестниц расписаны баталическими картинами и броненосцами; 3 матроса, исполняющие роль вестовых, пригласили меня налево в приемную комнату, небольшую и низенькую, совершенно не гармонирующую с высотой остального помещения. Почти вслед за мной в приемную вошел адъютант министра, назвал свою фамилию, повидался и, узнав, что я Костенко, пошел доложить министру. Через 2 мин. меня попросили в зал и указали на дверь налево, куда я должен войти. Вестовой открыл мне одну половинку дверей и я вошел в огромную комнату-кабинет министра, выходящую шестью окнами к сенату. В конце кабинета стояли 2 письменных стола под прямым углом друг к другу, в этом углу стояло мягкое кресло для посетителей, а по другую сторону стола стоял высокого роста адмирал, седой, с серьезным, но приятным лицом. Поклонившись ему при входе в кабинет, я направился к нему; он все время стоял, и когда я подошел к нему, он подал мне руку, крепко пожал ее, предложил садиться и сам сел.

- Вы Костенко? – спросил он.

- Да, ваше высокопревосходительство.

- Алексей Николаевич говорил мне, что Вы намерены подать прошение с просьбой ходатайствовать перед Государем о смягчении участи Вашего сына.

- Да, Ваше Высокопревосходительство, - сказал я, подавая прошение.

Григорович, надев пенсне, начал медленно читать прошение. Я молча следил за выражением его лица. Прочитав прошение, он увидел второй лист с заголовком «Мои впечатления на суде».

- А это что? – спросил он.

- Я в приложении к прошению изложил, какие пункты обвинения, по моему мнению, опровергнуты сына на суде; таково и мнение защиты.

Григорович продолжает читать приложение, потом прошение на имя Государя, окончив чтение, он положил обе руки на мои бумаги и впери в меня острый, пронизательный взгляд, в котором можно было читать и величайшее удивление. «Так смотрят на сумасшедших, - мелькнуло у меня в голове, - но пусть будет так: эти сумасшедшие мысли составляют мое убеждение и я от них не отступаю», - говорил мой взгляд и я продолжал бесстрашно смотреть в его глаза. Мне кажется, что эта молчаливая сцена испытания продолжалась не менее 2-х минут; наконец она становилась чересчур продолжительной, чтобы ее продолжать и далее; я уже готов был перевести взгляд на какой-либо предмет и дать некоторый отдых глазам и мыслям, как в это время лицо Григоровича сделалось необыкновенно добрым и, посмотрев в окно, он сказал:

- Вашего сына я знаю, как талантливого инженера; Алексей Николаевич дал о нем наилучший отзыв, а потому его и Ваше ходатайство я доложу Государю, но не знаю, когда это возможно будет сделать, так как Государь теперь находится в шхерах, - задумчиво говорил Григорович. – Ваш сын подает кассационную жалобу?

- Нет, ваше Высокопревосходительство. Я советовал сыну не подавать ее.

- Почему? – удивленно спросил Григорович.

- За время ареста и заключения сына в течение 15 месяцев я следил по газетам за политическими процессами и ни одного раза я не встретил, чтобы сенат кассировал решение Судебной Палаты, но всегда утверждал приговоры; поэтому и в данном случае можно ожидать только утверждение приговора.

Снова пристальный взгляд как на сумасшедшего, но не продолжительный.

- Но это необходимо сделать, чтобы затянуть время, иначе приговор войдет в силу. Вы когда видели Вашего сына?

- Вчера.

- А когда еще будете видеть?

- Дня через 3.

- Он где содержится?

- Теперь в одиночной тюрьме «Крестах», но вероятно скоро будет переведен обратно и Петропавловскую крепость.

- Вам позволили говорить с ним о его деле?

- Да, в известных пределах. К нему очень внимательно относится комендант Трубецкого бастиона полковник Иванишин и я раньше, чем говорить с сыном, спрашиваю у него разрешение, могу ли предложить такой-то вопрос. Так как за границы невозможного я не выхожу, то обыкновенно получаю разрешение.

- В таком случае передайте ему от меня, чтобы он подал кассационную жалобу. Я думаю, - продолжал министр. - Вам нечего очень беспокоиться и горевать; Бог даст все окончится благополучно, - сказал он уверенно и с большим участием, подымаясь и подавая руку.

- Буду вечно признателен Вашему Высокопревосходительству за Ваше участие.

Выйдя от Министра и надев пальто, я отправился в штаб к С. И. Зилоти.

- Ну, как дела? – спросил меня Зилоти весело.

Я передал ему дословно весь разговор; поделился своими впечатлениями от приема и той надеждой, каковы прощальные слова министра возбудили во мне. Зилоти просил меня зайти к нему дня через 4.

16 июня 1911 года в 11 ч. дня назначен спуск 1-го дредноута в России «Севастополь» из эллинга Балтийского судостроительного завода. В начале 11-го мы с Васей подходили к воротам завода, где 2 лейтенанта проверяли билеты и пропускали через одни ворота к Царской палатке, через другие – в элинг. С левой стороны прохода на открытом стапеле, весь в подпорках, возвышался колосс «Петропавловск», по другую сторону в элинге стоял именинник «Севастополь», обращенный кормой к Неве. На площадке возле Царской палатки было не много еще публики, а потому я занялся осмотром и выбором места, откуда бы я мог видеть хорошо и дредноут, и его дальнейший ход по Неве, и прибывающую на катерах и пароходах публику. Заняв место у решетки к Неве, я уже никуда не переходил. Тотчас же выросли возле меня 2 котелка, которые и начали меня нагло осматривать. Один из котелков, вынув записную книжечку из своего потертого пальто и отойдя от меня шага на 4, начал что-то записывать, бесцеремонно и нагло осматривая меня. Шпики, подумал я. Предоставив им возможность даже фотографировать себя, я больше ими не интересовался, т. к. на корме дредноута начались какие-то приготовления. К флагштоку 2 матроса несли огромный ком белой материи, кое-где с голубым цветом, и начали ее разворачивать и прикреплять к бечевке флагштока. Это был Андреевский флаг, подаренный дредноуту городом Севастополем. Появились музыканты, начала выстраиваться на палубе команда, внизу под дредноутом стояло много рабочих для выбивания подпорок; против Царской палатки на другой стороне эллинга сплошной массой стояли заводские рабочие. Вскоре прибыл к пристани Царской палатки военный изящный катер, из которого вышел Зилоти, а на руле стоял старший адъютант Штаба Славинский. Поговорив на нижней площадке с каким-то адмиралом, Зилоти отдал приказ Славинскому и катер, красиво сделав полуоборот, быстро удалился вверх по Неве, как оказалось – за Морским Министром Григоровичем. Внизу ежеминутно прибывали катера и пароходики к пристани и высаживали моряков с дамами, которых любезно встречал Зилоти и направлял вверх по лестнице в Царскую палатку. Вскоре сплошная масса мундиров, цилиндров и дамских шляп почти вплотную наполнила площадку вокруг Царской палатки и самую палатку. Теперь я мог оценить выгоду своего места, с которого решительно все было видно, что делалось на Неве, в элинге и на дредноуте. Было без $\frac{1}{4}$ 11, когда раздалась какая-то команда и в элинге глухо раздались удары топоров, падающих балок и вскоре все стихло. На Неве показался военный катер, который красиво описав дугу, причалил к пристани. Из него вышел Григорович с каким-то важным господином в цилиндре и 2 дамы. Вскоре к пристани подошел пароходик с массой публики и несколькими генералами, в том числе с начальником Штаба По-

ливановым, но так неудачно, что к пристани не мог причалить; Зилоти дал распоряжение отчаливать и пароходик быстро отошел к миноносцам, которые стояли по другую сторону эллинга для салюта. Наконец Зилоти отдал приказ к пристани не подходить и теперь освободился от обязанностей руководить прибывающими. Взглянув наверх, он увидел меня, снизу раскланялся и подошел по другую сторону решетки ко мне по узенькой площадке повидаться.

- Здравствуйте, Полиевкт Иванович! Что? Интересно?

- Очень. Много про спуски кораблей читал, но вижу впервые. Скажите, а где Алексей Николаевич?

- Он в Эллинге. Теперь, видите, вместе с Григоровичем они обходят палубу дредноута, который духовенство кропит св. водой.

Действительно по палубе дредноута двигалась группа военных, которая вскоре и скрылась из виду. Наступила тишина.

-Вскоре начнется спуск, - сказал Сергей Ильич. – Теперь наблюдайте за дредноутом и кричите ура.

На площадку Царской палатки взошел Григорович и отдал приказ приступить к спуску. Среди необычайной тишины застучали вновь глухо топоры, дредноут как будто немного опустился.

- Идет, - сказал Зилоти.

Я едва уловил сближение флагштока с рамой эллинга, наконец движение сделалось заметным и из эллинга начал плавно выходить левиафан, постепенно ускоряя свой ход. Ура, салют миноносцев из орудий, звуки музыки, все слилось в общий гул, все заговорило и задвигалось в безмолвной до этих пор толпе. Мужчины махали шляпами, дамы платками. Дредноут все шел и шел из эллинга, казалось и конце ему нет; положительно двигалось какое-то живое существо, думалось мне. Вскоре я заметил, что вода подымает корму, которая уже в воду не погружается, и опустила настолько нос, что он с треском начал идти по стапелю; вскоре из-под носа за клубился дым и показался огонь.

-Что это? – спросил я Зилоти.

- Это от трения загорелся стапель и сало, - ответил он.

Дредноут теперь плавно пересекал Неву впоперек, направляясь на противоположную сторону Невы, густо усеянную народом. Вдруг с грохотом, заглушая салют и крики ура, упали в воду 2 якоря и из клюзов начали разворачиваться цепи; через ½ мин. с таким же грохотом упали другие 2 якоря и лязг цепи повторился. Казалось на инерцию дредноута это не оказало никакого влияния: натянутые цепи ползли за ним, а он шел все тем же ходом на противоположный берег. Подле дредноута раздался страшный выстрел, из воды показались огонь и дым, одна из цепей как-то беспомощно заболталась, ударяясь о борт дредноута.

- Лопнул якорная цепь, - пояснил мне Зилоти, - это бывает почти при каждом спуске.

- Он не выбросится на противоположный берег? – с тревогой спросил я его.

- Нет, он уже начинает поворачиваться по течению, - ответил Сергей Ильич.

Действительно и я начал замечать, что правый борт судна начал обрисовываться и через 1 минуту или 1 ½ обрисовался весь длинный корпус дредноута кормой по течению, носом против, с туго натянутыми якорными цепями. Еще некоторое время и судно неподвижно стало на воде.

Взглянув к эллингу, я увидел, что все пространство Невы возле стапеля усеяно ничтожными лодочками, которые мне напомнили пироги из Купера, из которых люди сачками что-то черпали из воды и сбрасывали в лодки.

- Это вылавливают спусковое сало, - ответил на мой вопрос Зилоти.

Палатка начала пустеть, публика быстро расходилась, к пристани начали подходить пароходы и принимать публику, Зилоти распростился со мной и пошел вниз руководить отправкой публики и адмиралов, среди которых я узнал Бирилева.

Постояв еще немного, я пошел в опустевший эллинг, который выглядел теперь необыкновенно уныло. Стапель весь густо смазан салом, на полу везде валялись подпорки. Здесь же я узнал, что одно выбитое из-под эллинга бревно ударило по голове рабочего и его замертво свезли в больницу.

Мне как-то не хотелось уходить, но вокруг все быстро пустело и я медленно направился к выходу. Пройдя завод и повернув за угол, я вдруг услышал, что меня кто-то окликнул. Осматриваясь во все стороны, я увидел, что Крылов останавливает извозчика, что-то говорит даме сидящей с ним и через дорогу быстро направляется ко мне. Я конечно с тротуара направился к нему и на мостовой мы встретились.

- Что, видели? Понравилось?

- Я Вам очень благодарен, Алексей Николаевич, за билет. Эту картину спуска корабля я никогда не забуду.

- Мне сегодня Иван Константинович (Григорович) сказал, что он написал Столыпину письмо, в котором, ссылаясь на мой отзыв и просьбу, он присоединяет и свою – ходатайствовать перед Государем о снисхождении. Вы видите, что теперь дело уже в ходу и быть может все устроится благополучно. Иван Константинович говорит, что об этом должен знать председатель совета министров.

Поговорив еще немного, мы расцеловались и расстались.

Слова Крылова о том, что Столыпин поставлен об этом в известность, острой болью отозвалось в моем сердце, но Крылову я не выдал этого ни малейшим движением. Взгляд министерства Внутр. Дел на дело сына мне прекрасно было известно по отзыву Курлова, Департамента полиции, Охранного отделения, Жандармского и прочих органов управления Столыпиним страной; какой другой взгляд мог быть у премьера и вдохновителя этих учреждений кроме того, который они ему поднесли? Эта карта бита, формулировал я у себя в голове сообщение Крылова. Это обращение к Столыпину грозит большим осложнением.

Через несколько дней Сергей Ильич дал мне прочитать копию письма Григоровича Столыпину и разрешил даже снять копию.

Вот копия этого документа:

Совершенно секретно. Морской Министр.

15 июня 1911 г. № 1544. Его Высокопревосходительству Петру Аркадьевичу Столыпину.

Генерал-майор по адмиралтейству Крылов обратился ко мне с письмом, прилагаемом при сем в копии, в котором ходатайствует о смягчении участи корабельного инженера Костенко, признанного Судебной Палатой виновным в государственном преступлении и приговоренного к 6 годам каторжных работ, аттестуя Костенко с самой хорошей стороны.

Придавая громадное значение аттестации такого безукоризненно-правдивого и достойного высокого уважения лица, как генерал А. Н. Крылов, я вполне присоединяюсь к его ходатайству за осужденного к столь тяжелому наказанию инженера Костенко и обращаюсь к Вашему Высоко-ву с покорнейшей просьбой – оказать Ваше содействие в настоящем деле, в целях смягчения участи названного инженера путем замены назначенного ему судом наказания – заключением в крепости. В надежде, что Ваше Высокопре-во не откажете в сочувственном отношении к настоящей моей просьбе, приношу уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности

И. Григорович

Чтобы покончить с этим вопросом, я несколько забегу вперед. Прочитав этот документ, я спросил Сергея Ильича, что же ответил Столыпин.

- Да там всякую чепуху написал Ивану Константиновичу; будто бы Костенко первый революционер не только во флоте, но во всей России... Ну, словом, повторил все то, что уже было и в обвинительном акте. Да это чепуха, мы обойдемся и без него.

- А можно мне, Сергей Ильич, прочитать этот ответ?

- Я Вам завтра его принесу, можете снять даже копию.

Этого документа однако Сергей Ильич мне не показал, или же не получил его от Министра и сам. На другой день он мне сказал, что письмо это у Ивана Константиновича, при деле его нет, да его не стоит и читать, это личная переписка Ивана Константиновича.

Мои предположения меня не обманули и отношение Столыпина к делу сына теперь вполне выяснилось как безусловно враждебное. Но в то же время постановка всего вопроса Григоровичем не оставляла желать ничего лучшего. Он основывал свое ходатайство исключительно на отзыве А. Н. Крылова, о моем ходатайстве он ни словом не упоминает, таким образом оно приобретало вес и являлось вполне приемлемым сыном. Эти выводы я сделал для себя, почувствовал почву под ногами и теперь намечены были следующие задачи для разрешения: на свидании с сыном передать разговор с Григоровичем и его совет – подать кассационную жалобу; поговорить с Елисеевым относительно кассационной жалобы в сенат и просить его вести дело в сенате; наконец выждать решения сына о браке и, если это брак с Соней, то устроить его до разбора дела в сенате, пока сын не лишен еще своих прав.

Кажется 20 числа я был в Трубецком бастионе на свидании с сыном. На этот раз я уже не был таким беспомощным, как в первое время после суда. Иванишин разрешил мне сказать про все, что мне сказал Григорович и о чем просил передать сыну.

- Как, папа, ты еще в Петербурге? Ты бы ехал домой, да, кстати, взял бы Соню, чтобы она хоть немного отдохнула, - встретил меня Володя, несколько удивленный.

- Я вероятно еще с неделю пробуду в Петербурге. Вопрос о поездке с Соней в Белгород решен, но через неделю она вместе с мамой придет обратно. Мама непременно хочет повидаться с тобой, а без Сони и дорогой, и в Петербурге она была бы беспомощной.

- Как мама себя чувствует, как ты ее уведомил?

- Я 10 июня телеграфировал, что тебе вынесен суровый приговор, а потом в письме написал подробно.

- Что же ты тут делаешь?

- На другой день после приговора меня просил зайти к нему Алексей Николаевич. Он очень взволнован и считает несправедливым такой приговор над тобой, поэтому он подал Григоровичу докладную записку с просьбой ходатайствовать при утверждении приговора Государем и замене каторги крепостью. Через 2 дня меня принял Григорович, расспрашивал о деле и просил от своего имени передать тебе, чтобы ты подал кассационную жалобу.

Лицо сына с начала рассказа омрачилось, потом оживилось. Он уже говорил об этом с Елисеевым, теперь он окончательно условиться, чтобы в 2-недельный срок, т. е. к 24 июня, кассационная жалоба была подана. Я говорил, повидаясь тоже с Елисеевым. В общем, сын был очень серьезен и особенно радостного впечатления я не произвел, как желал. Поэтому дальше разговор перешел на спуск дредноута «Севастополь», на разговор о родных.

Был у Елисеева, который передал мне, что Володя вопрос о браке решает в пользу Софьи Мих., о чем напишет ей и Валерии Николаевне. Действительно вскоре были получены письма, которые страшно раздражили Валерию Николаевну. Смягчая свое решение в пользу Софьи Михайловны, сын писал Валерии Николаевне, что он не хочет огорчить своих стариков. Это вызвало крайне раздраженное письмо Валерии Николаевны ко мне. «Я считаю Ваше вмешательство в решение вопроса о браке, - писала она мне, - несправедливым и ненужным. Какое право Вы имеете вмешиваться в дела Вашего сына?» и т. д. На это письмо я не отвечал, по возвращении жены из Петербурга решил вновь ехать в Петерб., чтобы до начала поста перевенчать Володю с Соней.

Елисеев и Эристов были у сына в крепости, составили апелляционную жалобу и направили ее в Сенат. Вот копия апелляционной жалобы:

*В Правительствующий Сенат по Уголовному Кассационному Департаменту
Защитников отставн. шт. кап. корпуса корабельных инжен. В. П. Костенко при-
сяжных поверенных: С. П. Елисеева и князя Г. Д. Сидамонова-Эристова
по делу
по обвинению Михалеви́ча, Костенко и др. по 102 ст. Угол. Улож.*

Кассационная жалоба

Защита Костенко считает возможным не останавливаться вовсе на отдельных кассационных поводах, существенность которых может быть спорной, а почтительнейше ходатайствует пред Правительствующим Сенатом обратить внимание на те особенности настоящего дела, при наличности которых, по глубокому убеждению ее, состоявшийся приговор не может быть оставлен в силе судебного решения. особенности эти сводятся к тому, во-первых, что хотя все улики виновности К-ко по 102 ст. на суде отпали, Особым Присутствием вынесен был обвинительный и чрезвычайно суровый приговор потому лишь, что оно вынесло утвердительный ответ по таким обвинениям, которые впервые были предъявлены в вопросном листе и защита о них не могла даже догадываться, а потому и бороться с ними; во-вторых, у защиты была отнята возможность доказывать неправдоподобность обвинения К-ко вообще по 102 ст. Угол. Улож.

- 1. К-ко, согласно вопросному листу, признан в том, что принадлежал к сообществу социал-революц., а не к сообществу «автономистов» (соответствующее определение особого присутствия), хранил у себя 9 экз. устава автономного союза и разные печатные издания, и вел записи по обороту принадлежащих сообществу денежных сумм. Таким образом, из резолютивной части обвинительного акта отпало обвинение в хранении цифрового шифра, хотя вопрос об этом был поставлен, а затем даже не поставлено было вопросов из резолютивной и исторической части обвинительного акта о том будто бы К-ко – автор упомянутого устава и как улика, - что в блокноте его рукой сделана определенная запись: «Написать Калинину, Генриху, Рафаилу.»*

Но зато впервые в вопросном листе появилось обвинение в ведении записей по обороту денежных сумм какого-то сообщества, о чем нет и намека в обвинительном акте, о чем не предлагалось вопросов К-ко, им не представлялось объяснений, в чем впрочем и надобности не было, и о чем ни разу не упоминалось на судебном следствии и в прениях сторон.

Важность этого обвинения несомненна, т. к. кроме него, единственным указанием на непосредственное участие К-ко в преступном сообществе служила зашифрованная записка, по данным предварительного следствия якобы написанная даже рукою К-ко. Но т. к. это обвинение было фактического характера, защите представлялось возможным опровергнуть его, и по приговору Особого Присутствия это обвинение отпало после того как Особое Присутствие убедилось, благодаря содействию компетентных экспертов и лично, что «несомненный» по предварительному следствию почерк К-ко с этим почерком не имеет ни малейшего сходства. Еще легче было простым объяснением обвиняемого устранить всякие сомнения Суда, относящиеся к цифровым отметкам совершенно невинного характера, которым не придано было значения на дознании, и о которых даже не упоминается в обвинительном акте, если бы обвиняемый мог догадаться, что записки эти возбуждают какое-либо подозрение.

Между тем вопреки 751 ст. Уст. Уч. Суд. в вопрос о виновности К-ко были введены указания на такие его действия, которые не только не упоминались в обвинительном акте, но и не были предметом ни судебного следствия, ни заключительных прений сторон.

Оставалось серьезным и бывшим предметом судебного следствия одно лишь обвинение – в хранении преступной литературы. Это обвинение, если бы Особое Присутствие признало, что литература хранилась с целью распространения, угрожало бы последствиями по 132 ст. Угол. Улож.; что такое разрешение вопроса было возможно по обстоятельствам дела явствует из того, что Суд поставил на свое обсуждение отдельный вопрос по признакам 132 ст. Однако вопрос этот был оставлен без ответа и К-ко вынесен обвинительный приговор по 102 ст. потому, что он указанную литературу, по мнению Особого Присутствия, хранил в качестве члена сообщества социал-революционеров.

Мы подходим к другому, столь же неожиданно всплывшему для защиты обвинению в вопросном листе, как вопрос о денежных записях.

В обвинительном акте утверждали, что в конце февраля 1910 г. в С. Петерб. появилась в обращении печатная декларация группы социал-революц., предлагавшая образовывать автономные товарищеские группы; что энергичным сторонником «нового» направления в партии является Михалевич; что деятельными «автономистами» являются Святловский и Казанская, причем, кстати сказать, они впервые встретились на скамье подсудимых с К-ко, а Святловский кроме того и оправдан; что по поручению Михалевича и отпечатана декларация; что установлена связь Михалевича с К-ко; что у всех подсудимых найдена аналогичная литература и в частности – «Устав автономного союза военно-революционных организаций», авторство которого вдобавок приписывалось К-ко. Таким образом, по смыслу исторической части обвинительного акта К-ко обвинялся в принадлежности к определенной группе партии социал-революционеров – к группе «автономистов». Все улики, которые предъявлялись К-ко и которые на судебном следствии мало по малу, как совершенно неосновательные, отпадали, сводились к обвинению в принадлежности к определенной, необразовавшейся еще окончательно, группе «автономистов». Только с этим обвинением защита и боролась, вследствие чего прис. повер. Соколов по уполномочию всех защитников заявил ходатайство о постановке дополнительного вопроса по п. 4 102 ст., считая доказанным, что группа «автономистов» не успела образоваться. Поэтому, определение Особого Присутствия, отклонившего означенное ходатайство на том основании, что подсудимые обвиняются в принадлежности к сообществу «автономистов» было совершенной неожиданностью для защиты. Опять оказалось, что защита оспаривала обвинение, руководствуясь данными обвинительного акта и следствием, которым Суд не придавал значения, т. е. ломилась в открытую дверь, тогда как над подзащитными ее нависло другое обвинение, о котором она не была поставлена в известность вплоть до составления вопросного листа. Но с расплывчатым обвинением в принадлежности к «сообществу» соц.-револ. без предъявления фактических улик и невозможно было бороться, т. к. прежде всего такого «сообщества» не существует. Сообщество – это группа лиц, по меньшей мере хоть известных друг другу, соединившихся в одно общество-группы. Не всякий социал-револ. член сообщества. Лицо, разделяющее программу партии, сочувствующее ее целям, считающее их осуществимыми, сочувствующее партийным выступлениям, может считать себя соц.-революционером, но он не член сообщества в уголовно наказуемом смысле. Социал-революционеры избирали в Государственную Думу своих представителей, а если бы как таковые они считались членами сообщества, они должны были бы быть привлеченными по 102 ст. и уже потому одному в законодательное учреждение проникнуть не могли бы. Итак, можно исповедовать партийные убеждения и не быть преступником. Более того, можно совершать преступные деяния не будучи членом партии; составлять, распространять и хранить социал-революц. прокламации, - чего нельзя делать, не сочувствуя партийным

задачам, но в то же время не считать себя связанным с партией, подчиненным ее требованиям; иначе говоря, можно подпасть под 129, 132 ст. и все-таки не давать повода для привлечения по 102 ст. (Это впрочем признавало и Особое Присутствие, согласившееся поставить по отношению к К-ко отдельный вопрос по признакам 132 ст.) Членом же партии, как гласит устав и логика вещей, является лицо, вступившее в определенную организацию (по термину 102 ст. «сообщество») из двух или нескольких лиц, - центральный Петербургский, такой-то областной комитет, такая-то рабочая группа и т. п. Одним словом, организация из определенного числа взаимно согласившихся лиц, с которыми может сноситься центр партии и руководить действиями сообщества, самое существование которого, даже без определенных выступлений, как лиц, согласившихся на совместную в случае надобности преступную деятельность, опасно. Поэтому оно и карается по 102 ст. Таким сообществом могла быть, хотя бы и не образовавшаяся окончательно группа «автономистов». Но все-таки для 102 ст. необходима определенная группа, даже если бы не все ее члены были обнаружены. Но во всяком случае факт существования такой группы сообщества и принадлежность к ней обвиняемого для применения 102 ст. должны быть доказаны. Особое же присутствие, как видно из определения его, по поводу ходатайства о постановке 4 п. 102 ст., отвергнув обвинение о принадлежности К-ко к группе автономистов, даже не задалось вопросом - существует ли какое-нибудь определенное сообщество, членом которого был обвиняемый, а ограничилось утверждением, что защита не возбуждала сомнения в том, что сообщество социалистов-революционеров составилось и существовало. Однако, одно такое утверждение в данном случае представляется недостаточным, ибо защита говорила только о той группе, о том преступном сообществе, в принадлежности к которому в действительности обвиняется К-ко по обвинительному акту в полном его контексте, каковое обвинение поддерживалось и товарищем прокурора в его обвинительной речи.

Посему отказ Особого Присутствия в ходатайстве защиты о постановке дополнительного вопроса по признакам 4 п. 102 ст. Угол. Улож. является прямым нарушением как названной статьи, так равно и статьи 751 Уст. Угол. Судопроизводства.

2. Согласно Обвинительному акту В. П. Костенко обвинялся в том, что в 1910 г. состоял членом преступного сообщества, заведомо для него положившего в основание своей деятельности стремление к насильственному посягательству на изменение установленного в России законами основными монархического образа правления. Обвинение это, как видно из того же обвинительного акта, покоилось на сопоставлении косвенных улик (нахождение по обыску у К-ко некоторых печатных изданий вышеупомянутой партии и друг.) и негласных сведениях охранного отделения о том, будто бы К-ко составил «устав автономного союза военно-революционных организаций».

Возражая против такого обвинения, подсудимый К-ко между прочим просил Судебную Палату о вызове и допросе целого ряда свидетелей (генерал-майора Крылова, контр-адмирала Стеценко, генерал-лейтенанта Ратника, отставного генерал-майора Яковлева, лейт. Модзалевского, лейт. Медведева и др.), бывших его начальниками и сослуживцами, в разъяснение между прочим его прежней жизни, прохождения службы во флоте и образа его мыслей, для выяснения вопроса о том, мог ли Костенко принадлежать к революционному сообществу, посягающему на ниспровержение существующего в России монархического образа правления, и в разъяснение степени достоверности полученных сведений, неизвестно откуда исходящих. Само собой понятно, что вступление в преступное сообщество, подобное вышеназванному, не может не указывать на преступный образ мыслей лица, вступившего в оное, и нельзя допустить, что в такое общество мог вступить человек, по своему мировоззрению прямо противоположному целям такого сообщества. Посему разъяснение указанного вопроса имело в настоящем деле если не решающее, то во всяком случае весьма важное значение.

Между тем Судебная Палата отказала К-ко в вызове просимых свидетелей, признав показания их не имеющими значения, причем однако вовсе не привела оснований, по коим она пришла к такому заключению и тем лишила возможности проверить его правильность. Такое постановление Судебной Палаты представляется незаконным и по формальным соображениям. Для правильного отправления правосудия необходимо, чтобы участвующим в деле лицам были предоставлены все законные средства к их защите, посему при рассмотрении ходатайства подсудимого о вызове свидетелей, не допрошенных на предварительном следствии, обязанность суда ограничивается недопущением вызова лишь таких свидетелей, показание которых не имеет никакого значения для дела, или вовсе к делу не относится. При этом суд должен иметь в виду, что отказ в вызове новых свидетелей составляет меру исключительную, а следовательно допу-

стимулю с особой осмотрительностью без малейшего ущерба для полноты исследования дела и интересов защиты (Реш. Прав. Сената 1899 г. №45, 1905 г. № 1).

В силу вышеприведенных руководящих по данному предмету разъяснений Правит. Сената надлежит признать, что обсуждая ходатайство подсудимого К-ко о вызове в суд свидетелей в опровержение утверждения обвинительного акта о принадлежности его к преступному сообществу и для выяснения его действительного образа мыслей за целый ряд лет до 1910 г. включительно, Судебная Палата обязана была привести свои соображения о том, почему выяснение этого вопроса в настоящем деле (при условии наличности лишь одних косвенных улик и негласных сведений) представляется по мнению Палаты не имеющими никакого значения для дела или вовсе не относится к предмету обвинения.

Между тем Судебн. Палата, как сказано, не привела никаких соображений, на коих основала свой вывод, и не установила того, что показания лиц, о допросе коих ходатайствовал К-ко, не имеют для дела никакого значения или вовсе к делу не относятся.

В этом случае Палата нарушила ст. 557 и 575 Уст. Угол. Суд. и впала в прямое противоречие с указаниями Правит. Сената, преподанными в решениях его 1899 г. и 1905 г. «1. Тем же постановлением Суд. Палата отказала К-ко в вызове свидетеля Болтышева в разъяснение содержания писем его, приведенных в обвинит. акте, лишь на том основании, что во время производства формального по настоящему делу дознания указанный свидетель не был разыскан и в то время место его пребывания оставалось невыясненным.

Но такой повод к отказу в вызове упомянутого свидетеля представляется незаконным и неосновательным, ибо Суд. Палата не лишена была возможности и была обязана со своей стороны принять меры к розыску Болтышева по адресам, имеющимся в деле, после чего только и возможно было правильно судить о возможности или невозможности допросить этого свидетеля на Суде.

В данном случае Судебная Палата нарушила ст. ст. 377 – 386, 557, 575, 640, 641 и 642 Уст. Уг. Суд.

Вследствие отказа Суд. Пал. в вызове просимых свидетелей в порядке 575 ст. Уст. Уг. Суд. защита К-ко ходатайствовала о вызове их за счет подсудимого в порядке ст. 575 Уст. Уг. Суд., но Суд. Пал. определением своим от 4 июня с. г. отклонила и это ходатайство по тем соображениям, что определением Палаты от 28/V 1911 г. от указанных обвиняемым К-ко свидетелей, в вызове коих ему отказано, показания признаны не имеющими для дела значения.

Этот новый отказ Судебной Палаты явился полным нарушением точного смысла ст. 576 Уст. Уг. Суд. В самом деле, согласно означенному закону, если участвующее в деле лицо в течение недели от объявления ему об отказе в вызове указанных им свидетелей заявит, что он принимает вызов их на свой счет, то делается немедленное распоряжение о вызове сих свидетелей за счет просителя.

Из содержания приведенной статьи Закона в особенности по сопоставлении ее со статьей 575, с очевидностью явствует, что вызов свидетелей за счет подсудимого имеет место именно в случае состоявшегося уже отказа в вызове их в порядке 575 ст. и является для суда обязательным, если только суд не признает показания их вовсе не относящимися к предмету обвинения.

Но в данном случае Судебная Палата не установила того, чтобы показания свидетелей, о допросе коих ходатайствовал К-ко, не имели отношения к настоящему делу; она только ограничилась ссылкой на свое определение от 28 мая, коим показания их были признаны не имеющими по делу значения, а это, как сказано выше, не давало Суд Пал. ни права, ни основания к отказу обвиняемому в удовлетворении законного ходатайства и тем стеснять его не менее законного права защиты.

Признавая по изложенным соображениям отказ Суд. Пал. в вызове свидетелей Стеценко, Ратника и др. незаконным, защита в заседании Особ. Прис. Палаты по настоящему делу вновь ходатайствовала о вызове тех свидетелей, для чего просила о выделении дела о К-ко из дела о других подсудимых и об отложении его дела, но Особое Прис. в 3-й раз отказало обвиняемому в удовлетворении его законного ходатайства, ссылаясь при этом на определение Суд. Пал. от 28/V и 4/VI 1911 г.

Хотя Особое Прис. вместе с тем допустило к допросу явившихся в заседание свидетелей: Крылова, Костенко и Медведева, желая, как сказано в протоколе Заседания, предоставить подсудимому все средства защиты, но само собой понятно, что допрос 3-х свидетелей из целого ряда указанных обвиняемым, не мог пополнить громадного недостатка к

средствам защиты, в которых будто бы Особ. Прис. не пожелало стеснять обвиняемого, ибо показания явившихся свидетелей относилось лишь ко времени 1907 г., и таким образом остался невыясненным в этом отношении наиболее важный вопрос об образе жизни и мыслей К-ко в последующие годы и между прочим за 1910 год, когда по утверждению обвинительного акта К-ко вступил в преступное сообщество.

При допросе свидетелей Медведева г. Старший Председатель прямо заявил, что образ мыслей К-ко в 1907 г. не интересует Особое Присутствие; очевидно при этом было упущено из виду, что в разъяснении образа мыслей К-ко в 1910 г. было судом отказано.

Таким образом в действительности подсудимому не только не были предоставлены Судом все средства к защите, но напротив того, он был их лишен совершенно.

При таких условиях едва ли можно было говорить о всестороннем выяснении истины в настоящем деле и настоящий приговор Особого Присутствия подлежит отмене уже по одному нарушению ст. 576 Уст. У.С.

Вышеприведенный отказ Суд. Пал. и Особого ее Присутствия в вызове свидетелей в разъяснение между прочим образа мыслей подсудимого К-ко в инкриминируемый ему период времени получает в настоящем деле сугубое значение и приобретает характер прямого нарушения равноправия сторон (ст. 630 Уст. Уг. Суд.) ввиду следующего обстоятельства.

В заседании Особого Прис. Судебной Палаты по настоящему делу к концу судебного следствия, когда все свидетели были уже допрошены судом, а часть их уже и отпущена из Залы Заседания (см. протокол Заседания), тов. прокурора заявил ходатайство о приобщении к делу и оглашении рукописи, находившейся в прекращенном деле по обвинению К-ко по 132 ст. Уг. Ул., относящейся к 1906 году, не осмотренной в порядке формального дознания и приписываемой подсудимому К-ко. Заявляя такое ходатайство, тов. прокурора указал, что защита все время стремилась выяснить образ мыслей К-ко, а рукопись может служить «характеристикой его образа мыслей» (см. протокол заседания).

Особое Присутствие, находя между прочим, что означенная рукопись по своему содержанию имеет отношение к предмету настоящего дела, определило приобщить упомянутую рукопись о огласить ее, что и было исполнено председателем.

Таким образом Особое Присутствие само признало, что документ, могущий послужить к характеристике образа мыслей подсудимого в 1906 г., имеет отношение к предмету настоящего дела и приобщило его к делу именно по этому основанию.

Но тогда представляется совершенно непонятным отказ того же Особого Присутствия в ходатайстве защиты о допросе свидетелей в разъяснении того же вопроса. Ведь таким своим определением Суд. Пал. с одной стороны установила правильность заявления защиты о том, что разъяснение данного вопроса имеет отношение к настоящему делу, и неправильность своего отказа в вызове свидетелей в порядке 576 ст. Уст. Уг. Суд., а с другой стороны, впала в непримиримое противоречие со своими определениями от 28/V 1911 г.

Помимо того, Особ. Прис. постановило приобщение и оглашение упомянутой рукописи, даже не убедившись в принадлежности ее подсудимому К-ко, как равно не установив ничем того обстоятельства, что рукопись эта именно та, о которой К-ко ранее давал объяснение, и за которую он был в 1906 году был привлечен к ответственности.

Как видно из протокола Заседания Особого Присутствия К-ко давал объяснения о принадлежности ему той рукописи уже после приобщения ее к делу и оглашения ее председателем, и, как это видно из замечаний на протокол заседания, все объяснения подсудимого К-ко по этому предмету сводились к заявлению, что почерк этой рукописи его, но та ли это рукопись, которую он составлял в 1906 г. и за которую он был привлекаем, он удостоверить не может.

Далее Особое Прис. приобщило означенную рукопись за 629 ст. Уст. Уг. Суд., но из всего вышеизложенного с очевидностью следует, что данная рукопись никоим образом не может быть отнесена к тем письмам и документам, о коих говорится в указанной статье Закона.

Согласно точному смыслу 629 ст. Уст. Уг. Суд. и разъяснению Правит. Сената 1869 г. № 617 по ст. 629 прочтение на суде писем и документов, имеющих у лиц, участвующих в деле, допускается в том только случае, если будет признано, что они относятся к предмету показаний сих лиц; засим согласно решениям Правительствующего Сената 1869 г. № 999, 10509 1872 г., № 6969 1875 и № 3999 1887, № 4 и др. суд должен предварительно решения прочтения документа удостоверить в том, относится ли он к предмету показаний того лица, которое заявило желание прочесть его.

Между тем в данном случае, если согласиться с заключением Суд. Палаты в том, что именно эта рукопись имела отношение к предмету объяснений подсудимого К-ко, то нельзя упускать из виду, что 1) она находилась не у подсудимого, а на руках у тов. прокурора; 2) что об оглашении ее ходатайствовал опять-таки не К-ко, а тов. прокурора, К-ко же в лице его защитников, напротив того протестовал против приобщения к делу этой рукописи, и в 3-х, что К-ко даже не признавал того обстоятельства, что он давал свои объяснения именно об этой рукописи. При таких условиях приобщение и оглашение представленной товарищем прокурора рукописи явилось прямым нарушением ст. 629 Уст. Уг. Суд.

Таким образом в данном случае Суд. Палата допустила нарушение 576, 629 и 630 ст. Уст. Уг. Суд.

Далее, по поводу вышеприведенного ходатайства тов. пр-ра о приобщении и оглашении рукописи из дела К-ко 1906 г. защитой было заявлено 2 ходатайства (см. замечания на протокол заседания).

Одно из этих ходатайств, заявленное присяжным поверенным Елисеевым о вызове как тех свидетелей, о коих защита уже ранее ходатайствовала, так равно и в разъяснение обстоятельств, при коих данная рукопись составлялась, а также о причинах прекращения дела о К-ко 1906 г., несмотря на всю важность его для настоящего дела, как направленного к установлению истинных обстоятельств дела, осталось не только не удовлетворенным Особым Присутствием, но и вовсе без обсуждения (см. протокол Заседания), что является весьма существенным нарушением Закона (ст. 619 Уст. Уг. Суд.)

Ограничиваясь указанием вышеперечисленных существенных нарушений закона, допущенных Судебной Палатой по настоящему делу, защита К-ко считает, что важность их представляется настолько очевидной, что обжалованный приговор Особого Присутствия безусловно подлежит отмене Правительствующим Сенатом.

Лишенная возможности принести Сенату свои соображения по существу настоящего дела, являющегося по глубочайшему убеждению Защиты примером самой печальной судебной ошибки, повлекшей за собой исключение из жизни, судя по отзывам начальствующих лиц, не только в высшей степени дисциплинированного офицера, но и талантливейшего корабельного инженера, всецело преданного своему делу восстановления могущества русского флота, участника Цусимского боя, которому предстояла самая блестящая будущность на его специальном поприще, защита К-ко почтительнейше просит Правит. Сенат, в силу указанных нарушений законов, отменить приговор Особого Присутствия С. Петерб. Суд. Палаты по настоящему делу от 10 июня сего года и дело для нового рассмотрения передать в другой состав той же Палаты.

Чтобы быть точным, я должен занести следующий разговор с Зилоти и министром, бывший в конце июня, почти накануне моего выезда из Петербурга. Приблизительно около 24 или 25 июня Зилоти позвонил по телефону и просил меня зайти в штаб к нему.

- Вас желал видеть Иван Константинович (министр), он кое-что Вам скажет.

- Что именно, Сергей Ильич?

- Это он Вам сам скажет. Если бы Вы, т. е. Ваш сын, не подавали кассационной жалобы, то вопрос был бы уже решен. Я сейчас извещу министра, что Вы здесь.

Звонит по телефону в квартиру министра, сообщает, что К-ко здесь, получает ответ, чтобы я сейчас явился к министру. Зилоти просит меня после приема зайти к нему и передать, что скажет министр.

Пройдя через весь двор морского штаба и выйдя через ворота под квартирой министра на улицу против Сената (не помню, как она называется), я повернул к подъезду и, войдя в вестибюль квартиры министра, сказал швейцару, что я явился к министру.

- Я знаю, важно ответил мне ветеран, пожалуйста.

Поднявшись наверх, я в коридоре перед приемной встретил адъютанта министра, который весело поздоровался со мной, тихо сказал:

- Поздравляю Вас, Ваш сын освобожден!

- Как, когда? - спросил я и тут же почувствовал, что какой-то ком лезет мне под горло, а по всему телу разлилась какая-то необычайная усталость. Я однако тотчас же усилием воли сдержал свои слезы и ждал ответа.

- Вчера министр был у Государя, докладывал о деле Вашего сына... Но он все Вам скажет сам...

В это время вестовой доложил, что министр в кабинете и требует адъютанта.

- Пожалуйста, об этом между нами и Вы не обмолвитесь министру, - сказал мне адъютант и пошел через приемную в кабинет.

Вскоре он вернулся и сам проводил меня до дверей кабинета.

При моем появлении в дверях министр поднялся и стоял все время пока я прошел весь громадный кабинет до письменного стола.

- Садитесь, - предложил мне министр и сам сел, крепко пожав мне руку.

- Я докладывал Государю о деле Вашего сына и получил от Его Величества самые успокоительные уверения, что все окончится благополучно для Вашего сына. Но необходимо теперь подождать, пока по кассационной жалобе состоится решение Сената.

- Сердечно признателен Вашему Высокопревосходительству за Ваше участие и ходатайство.

- Теперь необходимо, чтобы дело прошло все инстанции, требуемые по закону. Вашему сыну и Вам необходимо подождать. Как его здоровье?

- На нем отразилось заключение, т. к. он побледнел и очень похудел.

- Это жаль; Вы успокойте и поддержите его. Повторяю Вам, что я получил полное уверение на благоприятный исход дела.

Поблагодарив еще раз министра за участие, я простился и вышел.

В коридоре возле приемной меня встретил адъютант и спросил, как обстоит дело. Я передал кратко содержание разговора и на лице адъютанта отразилось недоумение.

В штабе я передал разговор с министром Сергею Ильичу.

-Большого он Вам и не мог сказать, - добавил Зилоти. – Вы впоследствии узнаете все.

Месяца через 2 я действительно узнал следующее: Григорович доложил Государю на яхте «Штандарт» в шхерах дело сына; доклад этот произвел на Государя такое впечатление, что он предложил немедленно дать телеграмму в Петропавловскую крепость, чтобы его освободили. Тогда Григорович изложил Государю, что дело это еще не закончено технически, т. к. о нем еще будет решение Сената, куда в настоящее время дело и перешло; поэтому решено было выждать, пока дело в совершенно законченном виде поступит на утверждение Государя.

Мне оставалось привести в порядок некоторые мелкие дела, распротиться со знакомыми и уехать в Белгород. На смену мне должна была приехать жена, чтобы повидаться с сыном и быть может решить вопрос о времени брака с Соней, в июле же я снова должен был возвратиться в пектербург для этой цели.

Приехал я в Белгород с Соней и через 2 дня жена с нею же выехала в Петербург. Ко времени моего отъезда вопрос о браке с Соней был решен.

На вокзале меня встретил Вася и я опять остановился у него на квартире на Васильевском. В 12 ч. я был уже в Главном Морском штабе.

- Есть надежда, - встретил меня Сергей Ильич, - на рассмотрение дела другим составом Палаты по кассационной жалобе. Я прошу вызвать меня свидетелем, в противном случае я сам явлюсь в Палату и попрошу меня допросить как представителя Морского Министерства и жандарма Морского ведомства. Морской министр писал министру юстиции и вот ответ последнего:

Управл. Мин Юстиции.

Тов. Министра

№ 36016, июля 5 дня

1911 г.

*Милостивый Государь
Иван Константинович!*

Вследствие письма от 22 минувшего июня № 1060 имею честь уведомить Ваше Высочество, что за подачею защитниками Владимира Костенко кассационной жалобы, поставленной о нем 10 июня сего года С. Петерб. Суд. Палатой приговор не вступил в силу, но согласно ст. 1059 Уст. Уг. Суд. подлежит представлению на рассмотрение Уголовного Кассац. Деп. Сената, ввиду чего всеподданнейшее прошение отца названного осужденного об облегчении участи сына оставлено мной без движения впредь до окончательного разрешения настоящего дела.

К сему считаю долгом присовокупить, что в случае оставления Правит. Сенатом кассационной жалобы Костенко без последствий, я не премину своевременно войти в обсуждение уважительности упомянутого ходатайства и о последующем Вам сообщить.

Примите, Милост. Госуд., уверение в истинном почтении и совершенной преданности всегда готовый к услугам

Веревкин.

- Завтра Вас примет Морской Министр; я думаю, что Вам необходимо побывать и у Министра Юстиции, чтобы он ускорил дело в Сенате.

- Я кроме того хотел ходатайствовать, чтобы сыну разрешили ввиду его болезненного состояния еще одну прогулку на ½ часа и пользоваться техническими журналами на английском и немецком языке по судостроению.

- Вот и отлично, Вы завтра поговорите с Морским Министром, он Вас примет утром.

- Не откажите, Сергей Ильич, выдать отставку сына, она ему необходима...

- Для чего она ему?

- Для вступления в брак. Исход дела трудно предвидеть, я не могу навещать сына, если бы даже каторгу заменили крепостью, поэтому жена заменила бы меня...

- На ком он женится? Кто она такая?

- Она дочь бывшего предводителя дворянства Старо-Оскольского уезда, окончила Смольный институт, теперь на 4 курсе Исторического отделения Бесстужевских курсов. Брак по любви, мы с матерью принимаем в этом браке деятельное участие.

- Позвольте так это не та невеста, о которой мне говорил Курлов, что ее раза 3-4 арестовывали?

- Нет, не та, это Софья Михайловна Волкова.

- А она ни в чем не замечена?

- Ни в чем.

- То-то, смотрите, чтобы нам ничем дела не испортить.

Сергей Ильич звонит. Является какой-то чиновник, которому он отдает приказание приготовить к завтрашнему дню копию отставки Вл. Пол. Костенко.

- Где же невеста Вашего сына живет?

- Она здесь, в Петербурге, а сейчас в приемной ожидает меня.

Зилоти подымается и провожает меня в приемную; увидев Соню, он раскланивается, я представляю его Софье Михайловне. Сергей Ильич очень любезно разговаривает; передает, что он приказал к завтрашнему дню приготовить отставку ее жениха. Соня благодарит его. Разговор продолжался минут 5. Соня видимо произвела на него очень приятное впечатление.

Вечером в этот день я побывал у Елисеева, и вечером у А. Н. Крылова.

Крылов встретил меня очень радушно; говорит, что он меня ожидал, т. к. о моем приезде ему сказал Сергей Ильич. Сегодня же он, Крылов, был у министра и тот ему передал, что он меня примет завтра в 8 ч. утра.

- Идя от Министра, Вы подойдите к Николаевскому мосту, - ведь Вам все равно идти на Васильевский остров, - и на яхте «Александрия» у Царской пристани увидите меня, я там буду осматривать ее; мне интересно будет узнать, что Вам скажет министр.

Алексей Николаевич пригласил меня в столовую, где на столе кипел самовар, стояло 2 прибора и чайник. Алексей Николаевич приветливо разговаривая, заварил чай, и объяснил мне, что он теперь живет один, т. к. вся семья его на даче.

- Сын мне писал из крепости, Алексей Николаевич, что он перевел с английского языка 2-й т. Байлса, который, по его мнению, имеет большое значение и облегчил бы Вам чтение курса кораблестроения в академии. Перевод этот сын посвятил Вам в знак признательности за Ваше участие к нему и ко мне.

- Спасибо. Вы передайте ему, чтобы он адресовал его прямо в Технический Комитет Морского ведомства, я его издам за счет Комитета. Вы говорите, что это 2-й том?

- Да, он вышел в начале этого 1911 г. в Англии, был нам прислан и мы его передали сыну в крепость. Он говорил мне, что значительная часть этого тома посвящена винту и что там много нового.

- Я просматривал этот том. Это хорошо, что он его перевел. Пусть присылает, мы издадим.

Просидел у Алексея Николаевича около часу, мирно беседуя. Я передал ему между прочим поклон от Начальн. Белгор. депо Милонова, который в детстве был товарищем Алексея Николаевича по играм.

Возвратился я домой около 11 часов ночи.

На другой день в 8 ч. утра я подымался по лестнице в квартиру Министра. Через 2 мин. я входил уже к нему в кабинет.

После приветствия и приглашения садиться, Григорович сообщил мне следующее:

- Вследствие ходатайства и отличного отзыва о Вашем сыне генерал-майора Крылова, человека в высшей степени правдивого и занимающего высокий пост в Морском министерстве, я докладывал дело Вашего сына и получил самые успокоительные уверения на свое ходатайство. Так как Ваш сын подал кассационную жалобу, то дело теперь не могло быть окончено, и министр Юстиции не мог доложить приговора Государю. Нужно выждать решения сената, быть может Ваш сын будет и оправдан, тогда не потребуются и ходатайства: Вашего сына, к сожалению, знаю только по службе; я тогда был товарищем министра, когда назначил его на переделку башен «Рюрика» и был на его лекции «Об Английских судостроительных заводах».

- Я предполагаю быть у Министра Юстиции и просить его разрешения доставлять сыну текущую английскую техническую литературу, а также просить его содействия ускорить рассмотрения кассации дела в Сенате.

- Да, это хорошо. Вам следует побывать у министра юстиции, чтобы он ускорил дело в сенате; уполномочиваю Вас передать ему, что к Вашей просьбе я присоединяю и свою о том же.

Выйдя от министра, я направился к Николаевскому мосту и взойдя на дамбу, узнал Алексея Николаевича на палубе яхты «Александрия», где он осматривал какие-то механизмы. Он издали узнал меня и, сняв фуражку, помахал ею, чтобы я подошел к пристани. Минуты через 2 он сошел с яхты и мы по набережной направились к Адмиралтейству. Дорогой я ему точно передал весь разговор с министром. Мне кажется, что Алексей Николаевич знал больше, чем мне сообщил министр, т. к. он высказал тоже несколько успокоительных соображений, что может быть все окончится более благополучно, чем мы думаем и рассчитываем. Дойдя до пристани у Адмиралтейства, мы распростились, т. к. Ал. Ник. нужно было куда-то спешить и он сел на пароходик, а я направился на Караванную в Министерство Юстиции, которое помещалось в каком-то наемном помещении. Это был приемный день у Министра Юстиции и швейцар мне сказал, что прием начинается в 2 ч. В зале важно расхаживал член Государственной Думы Марков 2-й и старший тов. прокурора Палаты Тлустовский. В 2 ч. действительно прибыл товарищ министра юстиции Веревкин, т. к. Министр Щегловитов был в отпуску, и прием начался. Курьер определял очередь посетителей, которых было около 30 чел. и они входили в кабинет министра. Заметив, что некоторые лица, которые явились в приемную позже меня, приглашаются раньше, я вынул визитную карточку, на которую положил серебряный рубль и подав курьеру, просил доложить министру. Курьер быстро юркнул в дверь кабинета министра и выйдя оттуда, сказал, что следующая очередь моя.

Я вошел в кабинет, весь покрытый ковром; посередине его стоял огромный письменный стол, задняя стенка кабинета сплошь уставлена книгами на полках, - своды законов и кассационные решения сената, - мелькнуло у меня. Едва я закрыл за собой дверь, как из-за письменного стола поднялся невысокого роста блондин, еще молодой, лет 42-45, быстро вышел навстречу мне и, пожав руку, предложил сесть в кресло у письменного стола, по другую сторону которого и сам уселся в кресле.

- Что Вам угодно?

- Судебная Палата приговорила сына моего, кораб. инженера Вл. Костенко в каторжные работы на 6 лет; сын подал кассационную жалобу в сенат, а я подал через Морского Министра прошение на

Высочайшее имя. Я решил обратиться с просьбой к Вашему Высокопревосходительству о даровании некоторых льгот моему сыну, содержащемуся в Петропавловской крепости.

Подаю прошение.

- Мне говорил Мирской Министр об этом деле, - сказал Веревкин.

Читает прошение, содержание которого было следующее:

*Его Высокопревосходительству
Г. Министру Юстиции
Врача, коллежск. сов. Пол. Ив. Костенко*

Прошение

Сын мой Владимир К-ко, заключенный в Петропавловской крепости, во время свидания обратился ко мне за врачебным советом по поводу сердцебиения и удушья, появившихся у него около месяца и которые, по моему мнению, являются следствием малокровия и нейрастении. Заботясь о судьбе и здоровье сына, я решил обратиться к Вашему Высокопр-ву с нижеследующими просьбами:

- 1. Разрешить сыну иметь 2 прогулки в день по $\frac{3}{4}$ часа; 2. Разрешить ему получать текущую техническую литературу по кораблестроению на английском и немецком языках; 3. Разрешить сыну передать в Морской Технический Комитет рукопись перевода книги Бойлза (с английского языка) по теории корабля для просмотра и напечатания; 4. Оказывать свое влияние на ускорение рассмотрением в Сенате кассационной жалобы сына; 5. Не приводить в исполнение приговора Судебной Палаты, если он не будет кассирован Сенатом, впредь до представления приговора и моего прошения на Высочайшее усмотрение.*

Врач Пол. К-ко 1911, VII. 15

Вас. остр., 12 линия, д 31 Б, кв. 1.

- Я не мог доложить Государю, - сказал Веревкин, прочитав прошение, - приговор и Ваше Всеподданнейшее прошение, т. к. дело еще не окончено, благодаря кассационной жалобе. В понедельник, 18 июля, я буду в сенате и сам поговорю с обоими обер-прокурорами Сената о скорейшем рассмотрении кассационной жалобы.

- Морской Министр, у которого я сейчас был, поручил мне передать Вашему Высокопр-ву, что к моей он присоединяет и свою просьбу.

- Очень хорошо. С удовольствием все сделаю. Если нужно будет, то ускорю это дело и в Палате, если оно будет передано для рассмотрения другому составу Палаты.

Как приемом, так и обещаниями и вниманием можно было быть очарованным; но Петербургские канцелярии, особенно по ведомству Юстиции, мне были хорошо знакомы, а потому настроение мое оставалось то же, неопределенное. Единственным светлым лучом и надеждой веяло на меня из адмиралтейства.

Покончив с этими вопросами в 2 ч. дня я должен был проявить энергию, чтобы устроить брак до начала поста. Впереди стояли такие учреждения и лица, как прокурор Палаты, комендант крепости, департамент полиции, петербургский губернатор, тюремная инспекция, Главное тюремное управление, священники, причты тюрьмы и Жандармское Управление. Тогда я еще не знал, что мне придется иметь дело и с архиереем Вениамином, живущим в Александро-Невской лавре.

Начал я с Прокурора Палаты, который мне сообщил следующее:

- На Ваше прошение и Вашего сына я уже вчера послал в Деп. Полиции разрешение на брак. Теперь могу Вас уверить, что Прокурорский надзор все сделал и дальнейший ход дела будет зависеть от Деп. Полиции и Главного тюремного Управления, с остальными ходатайствами обращайтесь к нам.

От Прокурора Палаты спешу в Деп. Полиции, где делопроизводитель 7 департамента Губонин сообщает мне, что разрешение от Прокурора Палаты получено и будет направлено в Главное тюремное Управление. Если оно разрешит и пришлет эту бумагу в Деп. Полиции, тогда они быстро пошлют ее Губернатору; от последнего по соглашению с губернской тюремной инспекцией зависит указать одну из тюрем для бракосочетания, о чем губернатор уведомит Департамент Полиции; последний даст распоряжение коменданту крепости и Жандармскому Управлению перевезти на 2-3 часа сына в указанную тюрьму и потом доставить сына обратно в крепость после бракосочетания. Что же касается причта, оглашения и проч., то об этом мы должны сами позаботиться.

В моем распоряжении до наступления Спасового поста было дней 7 или 8, т. к. 29, 30 и 31 июля, как я узнал, венчать было нельзя. Заручившись словом Губонина, что сегодня же будет послан запрос в главное тюремное Управление, я спешу к прис. повер. Елисееву, который обещал мне оказать какое-то содействие в этом учреждении, и он его действительно оказал. Елисеев передает мне свою визитную карточку с подписью к пом. гл. тюремного управления Гомолицкому оказать мне содействие в моем ходатайстве.

На другой день в 12 ч. дня я входил в Главное Тюремное Управление; Гомолицкий был там и сейчас же меня принял. прочитав карточку и узнав, что дело идет о разрешении бракосочетания, он взял меня под руку, ввел в кабинет делопроизводителя Коркуликова, познакомил нас и скал следующее, обращаясь к Коркуликову:

- Вот что, я не знаю в чем дело, мне некогда входить в подробности просьбы, т. к. я готовлю доклад в Думу, но этому господину окажите все Ваше содействие и сделайте это скоро, об этом меня просит Сергей Петрович.

Пожав руку мне и Коркуликову, Гомолицкий исчезает.

Этот господин оставил во мне очень хорошее воспоминание своей простотой, ясностью мысли и доверчивостью; он был очень высокого роста, довольно красивый, полный, но живой и быстрый в словах и действиях; говорил он приятным баритоном, громко, внушительно; карточка Елисеева и его подпись внушили ему полное доверие ко мне и моей просьбе. Начало было хорошее.

Оставшись с Коркуликовым, на тужурке которого был университетский значок. Мы сначала поговорили об университетах; потом я изложил ему кратко обстоятельства дела и он тотчас приказал подать бумагу из Деп. Полиции, которая при других условиях пролежала бы вероятно несколько недель. Прочитав бумагу, он категорически заявил, что разрешения на брак нач. Главн.тюремн. Управления не даст, в настоящее время его заместитель, т. к. Хрулев в отпуску, потому что сын мой осужден в каторгу. На мое возражение, что сын подал кассационную жалобу, Коркуликов ответил, что в таком случае придется жать решения Сената. Тогда я пустил свой последний очень убедительный аргумент, что через Морского Министра я подал прошение на Высочайшее имя, которое уже доложено Государю; вчера Морской Министр мне передал саамы утешительные для меня сведения.

- Это дело другого рода, - ответил он мне. - Я сейчас доложу Заместителю Начальн. Управления, как только он придет.

Поговорив еще немного о том, что дело о браке я хочу закончить до 29 июля, на что Коркуликов сомнительно покачал головой, я вышел в приемную, где терпеливо стал ожидать решения.

Через полчаса в приемную ко мне с бумагами в руке зашел Коркуликов и пригласил подняться наверх. Дорогой он мне сообщил, что Заместитель Начальника Управл. не соглашается сам разрешить брак осужденному в каторгу.

Мы вошли в довольно просторный кабинет, в котором за письменным столом сидел какой-то немец, уже седой, но худой и высокий. После представления он меня спросил, что мне угодно.

Я излагаю кратко все обстоятельства дела, решение судебной палаты и кассационную жалобу сына.

- Мы не можем разрешить вступление в брак осужденному в каторгу, закон запрещает это.

- Да совершенно верно,- возражаю я, - но если приговор в окончательной форме; в данном случае это будет верно по отношению к сыну, если сенат не найдет поводов кассировать дело, тогда приговор Палаты вступает в силу и тогда я не имею права утруждать Вас этой просьбой. В настоящем же деле Прокурор Палаты дал свое согласие на вступление в брак, Департамент Полиции тоже, теперь осталось получить только Ваше согласие.

- Почему это необходимо Вашему сыну теперь вступить в брак?

- Я живу далеко, видеться с сыном не могу, между тем жена может заменить меня, бывая у него на свидании и ведя переговоры с присяжными поверенными и проч.

- Как в Законе сказано? - обращается он к делопроизводителю.

Находят статью Закона, которая говорит об осужденных, т. е. окончательно, утверждаю я; меня поддерживает и делопроизводитель, немец колеблется. Чтобы окончательно сломить его сопротивление, я объявляю, что через Морского Министра я подал прошение на Высочайшее имя, имею от министра сведения самого успокоительного характера.

Доводы эти подействовали на немца и он, соглашаясь с нашим толкованием статьи закона, отдает распоряжение написать бумагу о том, что в случае перевода К-ко в другую тюрьму для бракосочетания с их стороны препятствий нет. Я прошу, чтобы это было сегодня сделано и бумага сегодня же послана в Департамент Полиции, т. к. осталось всего несколько дней до поста, в течение которого венчать нельзя. Отдано распоряжение исполнить и эту просьбу.

Поблагодарив Начальника и распростившись с ним, я на лестнице благодарю Коркуликова, что он меня поддержал в толковании статьи закона и предоставил возможность мне лично говорить с Заместителем Начальника.

- Мы ничего не могли поделать, - поясняет Коркуликов; - он нам категорически заявил, что без Начальника Главного Тюремного Управления он такого вопроса разрешить не может. Это Вы его убедили. Бумага будет сейчас изготовлена и с курьером отправлена в Департамент Полиции сегодня же.

Поблагодарив еще раз Коркуликова, мы распростились.

Из Главного Тюремного Управления спешу в Деп. Полиции, т. к. здесь все дороги российских граждан сходятся. Пишу в приемной записку и прошу Губонина. Вместо него является какой-то чиновник. Излагаю ему, что сегодня будет получено ими разрешение на брак сына и согласие Главн. Тюремн. Управления, что оно ничего не имеет против перевода в какую-либо тюрьму из крепости; просьба сегодня же отправить все бумаги Губернатору курьером, чтобы завтра же получить разрешение от тюремного инспектора и от Губернатора указание на ту тюрьму, в которой может быть совершено бракосочетание.

- Хорошо, все будет сделано сегодня. Вероятно Вашего сына переведут в пересыльную тюрьму, откуда обыкновенно и отправляют на каторгу, чтобы во 2-й раз из крепости снова не переводить туда, т. е. там его и оставят, - поясняет чиновник и смотрит на меня в упор, желая судить о впечатлении своих слов. - Имейте в виду, - продолжает он, - что Вы должны иметь бумагу о 3-х оглашениях от причта о Вашем сыне и его невесте. Получив от Губернатора и тюремного инспектора указание на тюрьму, в которую можно перевезти сына, мы пошлем извещение в крепость и в Жандармское Управление командировать офицера для доставки Вашего сына в тюрьму и обратно, если это будет нужно, значит его доставят туда всего часа на 2.

Принимаю все к сведению и прошу разрешения в 5 ч. вечера по телефону навести справку, послала ли бумага губернатору. Разрешает. Номер телефона Губонина - 424-19.

В 5 ч. вечера звоню по телефону Губонину; отвечает, что бумага с курьером послана Губернатору сегодня за № 88599.

Следующий день была суббота. В 3 ч. заезжаю в канцелярию навести справку; оказалось что бумаги из Деп. Полиции нет, прием у Губернатора окончен, просят зайти в понедельник и лично подать губернатору прошение с изложением своей просьбы.

В понедельник к 11 часам я был уже с Соней в канцелярии губернатора. По наведенным справкам оказалось, что все дело уже получено, прошение можно сегодня же подать губернатору через дежурного чиновника. В приемной губернатора я передал дежурному чиновнику прошение и просил его доложить губернатору, что я лично хочу дополнить просьбу. В прошении было изложено, что от всех властей имеется разрешение на брак такому-то с такой-то; но так как в Петропавловском соборе венчание не производят, то я прошу губернатора перевести сына в одиночную тюрьму (Кресты) для этой цели на несколько часов.

Меня очень удивило, что губернатор принял уже тех лиц, которые много позднее меня пришли, меня же все не вызывают в кабинет. Появился и тюремный инспектор, который прошел мимо меня несколько раз, но ко мне ни с каким вопросом не обратился.

Я подошел к чиновнику и спросил:

- Отчего меня не вызывают к губернатору?

- Все дело передано тюремному инспектору, который знакомится с ним; вероятно скоро Вас попросят в кабинет.

Минут через 20 меня пригласили одного в кабинет, без Сони. Навстречу мне поднялся из-за письменного стола очень молодой человек, лет 32-34, в сюртуке Министерства Внутр. Дел, как оказалось вице-губернатор, познакомил с тюремным инспектором и пригласил сесть у письменного стола.

- Видите ли, - начал вице-губернатор, - Петропавловская крепость в нашем ведении не находится, а поэтому дело, о котором Вы просите, нас не касается; хотя тюрьмы находятся в нашем заве-

дывании, но переводить из крепости в какую-либо тюрьму мы не имеем права, вероятно этим может распорядиться военное начальство, например комендант крепости.

- Я прошу Ваше Превосходительство не о переводе моего сына в другую тюрьму, а лишь указать тюрьму, куда Департамент Полиции, в заведывании которого находятся заключенные в Трубецком бастионе, может перевести сына для бракосочетания. В соборе Петропавловской крепости не венчают, все разрешения на брак получены, поэтому обряд венчания может произойти только в той тюрьме, которую Ваше Пр-во укажет, и куда Деп. Полиции сам переведет сына. По совершении обряда сын снова будет возвращен в крепость.

- Ах, так вот в чем дело! Мы следовательно только должны указать тюрьму, куда Деп-т Полиции сам сделает распоряжение о переводе, - сказал вице-губернатор, обращаясь к тюремному инспектору, - это дело другого рода. Одиночную тюрьму мы не можем назначить, т.к. она переполнена, а напишем, что в Доме Предварит. Заключения. Сегодня я не буду дома, приеду только ночью, а потому бумагу подпишу лишь завтра, Деп-т Полиции получит ее послезавтра.

- Осталось несколько дней, Ваше Пр-во, до начала поста и это замедлит дело...

- Он военный и подал кассационную жалобу?

- Он шт. кап. Корпуса Корабельных инженеров.

- А в чем его обвинили?

- Ему передана была на хранение связочка каких-то брошюр; к нему как к военному суд отнесся очень строго...

- Он подал кассационную жалобу?

- Да, а я подал прошение на Высочайшее имя. Я был принят Морским министром и министром Юстиции, встретил их полное сочувствие и...

Лицо вице-губернатора сразу приняло серьезное выражение; он быстро схватил перо, начинает что-то писать и, обращаясь к инспектору, говорит:

- Велите изготовить сейчас же бумагу, вложить в красную папку и прислать ко мне в квартиру. Понимаете? В час ночи я приеду, подпишу и завтра бумага будет доставлена в Деп-т Полиции, - сказал он, обращаясь ко мне и подымаясь.

Я выражаю ему благодарность, крепко пожимаю протянутую им руку, потом инспектору и удаляюсь.

Оставалось завтра навести справку в Деп-те Полиции, будет ли получена от губернатора бумага и какой день назначат для венчания.

Вспоминая теперь хождения по этим учреждениям, мои ходатайства и разговоры с начальствующими лицами, я могу сказать следующее: не было ни одного учреждения, которое бы на ставило целого ряда препятствий моей заурядной и вполне законной просьбе; когда эти препятствия преодолевались мною путем ли логики, или способом доказательства со ссылкой на закон, тогда милостиво делалась какая-то уступка, но зато следующее учреждение вновь чего-то не понимало и ему приходилось все выяснять лично. В конце концов, все оказывалось и правильно, и законно, и относительно делалось быстро, когда я указывал на подачу прошения на Высочайшее имя. Это была та крупная карта, которая заставляла чиновников шевелиться, и только благодаря ей вся административная машина приводилась в действие.

Не мало крови мне испортило духовенство, ставя препятствия с оглашением в церкви. Священник Дома Предвар. Заключения уехал в это время в отпуск, замещал священник из Крестов. Документы сына и Сони признаны достаточными, но необходимо иметь три оглашения, причем из разных церквей по приходам, где живут оглашаемые. До дня венчания оставалось лишь одно воскресенье, а их нужно три; можно ограничиться двумя, если архиерей разрешит сделать оглашение у заутрени и обедни. Живет же архиерей в Александро-Невской Лавре и застать его дома можно только утром, или в 6 ч. вечера. С Соней дело скоро сладилось и священник Андреевского собора как-то умудрился сделать 3 оглашения на одной неделе, относительно же сына посоветовал обратиться в тот приход, в котором состоит Алексеевская улица, где жил сын, но необходимо заручиться разрешением преосвященного Вениамина.

Преосвященного с 6 ч. вечера я ожидал в Лавре до 11 ч. ночи и не дождавшись его ушел домой. На другой день в 7 ч. утра я был уже в Лавре, застал его дома и тотчас же на прошении своем получил

следующую пометку: «1911 г. июля 22. Разрешается произвести два оглашения 24 июля и повенчать 25, если по обыску и оглашениям не окажется препятствий к браку. Еп. Вениамин».

Прождав еще часа полтора, пока эта резолюция была записана по всем книгам в канцелярии Преосвященного, и прошение с резолюцией было передано мне, я поехал в Андреевский собор. Священник изъявил желание произвести оглашение и сына, но добавлял, что это необходимо сделать по месту жительства, иначе тот священник, который должен венчать, может не согласиться, т. к. оглашение жениха и невесты произведено в одной церкви. Он так настаивал на этом, что мне оставалось только ринуться к другим священникам, чтобы в последний момент не испортить дела, доведенного почти до конца с такими невероятными усилиями.

Поехал я кажется в Никольский собор, что на Екатерингофском просп.; служили всенощную и стоял какой-то священник у дверей. Я обратился к нему с вопросом об оглашении, которое нужно завтра произвести у заутрени и обедни, на что имею разрешение Епископа Вениамина. Священник повел меня в комнату при алтаре, где какой-то диакон заведывал канцелярией по этим делам.

- А где живет Владимир К-ко? – обратились ко мне.

- Он жил на Алексеевской ул., а теперь живет в Петропавловской крепости.

Оба священника с таким ужасом выпучили глаза, что во мне не оставалось уже сомнений в отказе.

- Как? - Заговорили они оба разом, - он содержится в крепости, а Вы просите об оглашении..

- Да ведь имеется же разрешение преосвященного Вениамина, - начал было я... Но испуганные священники, перебивая друг друга и меня, заговорили оба, что это разрешение еще ни о чем не говорит, что они «будут в ответе» и прочую чепуху.

Я молча взял документы и разрешение преосвященного из рук диакона, бережно их сложил, спрятал в боковой карман и ушел, не взглянув на священников. Они же в это время испуганными голосами что-то болтали и размахивали своими широкими рукавами. Я же здесь решил, что нужно обратиться в Троицкий собор, по месту жительства сына.

Взяв извозчика, я быстро поехал на Петерб. сторону и застал еще службу в церкви. Попросив сторожа проводить меня в алтарь, т. к. у меня есть дело к псаломщику, я попросил его доложить ему обо мне. Через 2 мин. ко мне явился псаломщик; я показал ему документы и разрешение Преосвященного. Он тотчас же объявил, что завтра у заутрени и обедни будет произведено оглашение, в 12 ч. дня на его квартире можно получить об этом документ, стоит все это 5 р. Чтобы своей поспешностью не испортить дела, я указал ему, что в других церквях берут за это 3 р.

- Ну, мы, знаете, так уж берем со всех.

Я конечно согласился, оставил ему все документы, распростился и с облегченным сердцем вышел из Собора.

Был прекрасный вечер. Солнце зашло, фонарей еще не зажигали, Запад весь окрасился малинового цвета дымкой, Нева была окрашена во всевозможные цвета, которые играли и ежеминутно менялись на волнах позади снующих пароходов. Мной овладело какое-то спокойствие после тревожно проведенного дня, и я решил пойти пешком и посидеть на Дворцовой набережной против крепости.

На другой день у псаломщика на квартире я получил и этот документ. В понедельник в Департаменте полиции мне сообщили, что бумага от губернатора получена, сын будет переведен часа на 2-3 в Дом Предварит. Закл., о чем будет сообщено в Жандармское Управл., чтобы был назначен для этой цели жандармский офицер, а также будет сообщено и в крепость. Мне рекомендовали побывать у Начальника Преварилки и условиться со священником.

В этот же день я с Соней пошел в Дом Предв. Закл., чтобы узнать, когда можно будет венчаться, с каким священником об этом говорить, все ли документы нами представлены и проч.

пройдя ворота мы вошли в тюрьму и поднялись по узкой лестнице к решетке, за которой было чистилище из ада Данте. По другую сторону решетки стоял невероятный шум, множество людей громко говорили, звенели цепи закованных людей, стучали приклады солдат, проходили арестанты с корзинами хлеба, бадьями на палках и весь этот шум покрывал властный голос пом. начальника тюрьмы Боровкова:

- Вести арестантов в суд!

Солдаты начали выстраивать закованных людей гуськом, раздалось мерное позвякивание цепей, размеренное постукивание ног об асфальтовый пол, шум сделался несколько тише, и наконец

ко мне обратился привратник, что мне нужно. Я передал ему карточку визитную и просил доложить Начальнику тюрьмы Баллерштаду, что я к нему по делу. Вскоре звякнул замок и засов, мы очутились в чистилище. Но нас скоро провели в кабинет, где за письменным столом сидел титулярный советник, еще довольно молодой, необыкновенно живой и заворачивал в бумажки золотые десятирублевки.

В течение 10 минут все вопросы были выяснены, мы должны привезти поручителей по жениху и невесте; должны переговорить со священником и представить ему документы; в среду должны явиться в Дом Пред. Закл. к 12 часам; после бракосочетания разрешат вероятно с час поговорить в присутствии жандармск. полковника и т. д.

- А кто защищал Вашего сына? – спросил Беллерштадт.

- Присяжный поверенный Сидамонов-Эристов и ...

- Вот кто! Он теперь сидит у нас, его на днях арестовали.

Впоследствии я узнал, что у Эристова был произведен обыск взяты какие-то бумаги, он был арестован и посажен в Дом Предв. Закл., где его продержали 8 или 10 дней.

Отсюда мы поехали в Кресты к священнику, который нашел все документы в порядке и сказал, что 27-го он может венчать только от 3 до 5 ч., остальное время он будет занят. Это время, которое нам назначил священник для венчания, едва не испортило всего дела, с таким трудом налаженного.

27 июля жандармский полковник, в сопровождении 2-х жандармов и в закрытом ландо, взял сына из крепости и к 11 часам доставил его в Дом Предв. Закл. Мы же предполагали выехать только в 2 ч., чтобы в тюрьме быть к 3-м часам. Прождав нас до 12 ч., полковник заявил, что к часу он увезет сына обратно, если мы не явимся. Выручил нас Володя. Он вспомнил номер телефона 413-88 и просил нам сказать. В начале 1-го швейцар мне сказал, что меня просят к телефону.

- Я начальник Дома Предвар. Закл. Отчего не приезжает невеста Костенко и поручители? Он ждет уже 1 ½ часа и жандармский полковник через час увезет его обратно, если Вы немедленно не приедете.

- Священник мне сказал, что он может венчать только в 3 ч. и мы поджидали этого часа. Мы сейчас выезжаем и немедленно будем там.

Соня однако промедлила еще около ½ часа, пока мы наконец выехали, я с Соней, Вася с Натой, а поручители на велосипедах. У Предварилки мы все съехались и поднялись на верхний этаж. Чистилище было в полном ходу: отправляли заключенных в суд, разносили корзины хлеба, покрикивал Баллерштадт. В конторе уже был священник, записывал поручителей; вблизи важно расхаживал жандармский полковник, который доставил сына из Петропавловской крепости. Память моя не удержала фамилии его, но наружность его была из ряда вон выходящая. Необыкновенно длинное лицо, с огромным уродливо-горбатым носом, который господствовал на всей его физиономии, большой рот до ушей; широкая и массивная нижняя челюсть, покрытая жидкой рыжеватой растительностью (челюсть может поспорить с знаменитой Гейдельбергской челюстью примата, - мелькнуло у меня); маленькие серовато-зеленые глаза, с выражением тупого упрямства и исполнения долга; скулы резко выдаются вперед; для контраста на огромное лицо насажен низкий и узкий лоб, с коническим ничтожным черепом, - асепhalus. Словом это был типичный представитель атавизма, даже морального. Впоследствии я узнал, что этот полковник назначается сопровождать осужденного и присутствовать при исполнении над ним смертной казни. На этом лице не дрогнет ни один мускул, не шевельнется никакое человеческое чувство, думалось мне, глядя на это лицо, каков бы трагизм пред ним ни совершался.

- Вы разрешите, полковник, - обратился я к нему, - после совершения бракосочетания поговорить новобрачным?

- Да, - отвечал он нехотя, - ½ часа разрешу.

После торгов мне удалось однако выговорить 1 час для новобрачных и 20 минут совместно со мной побеседовать в присутствии полковника. В церкви разрешил присутствовать только мне и наотрез отказал Нате и Васе.

Наконец все было готово и мы двинулись за полковником, священником и начальником тюрьмы по коридору в церковь. Звякнул замок в решетке, перегораживающей коридор, открылась железная дверь и я увидел среди 2-х жандармов с обнаженными саблями моего милого Володю. Как я его раньше не заметил, для меня осталось непонятным.

Все мы направились в церковь и скоро начался обряд венчания. Пел очень стройно хор арестантов из 8 человек, шаферами были тюремный сторож и писец тюремной конторы, а публику изб-

ражали собой полковник, начальник тюрьмы и я. после бракосочетания мне разрешено было поздравить и поцеловать новобрачных, а потом нас всех направили по мрачным коридорам в нижний этаж, - церковь помещается кажется в 3-м или 4-м этаже. Я на минуту задержался со священником и хором певчих, потом всех догнал в коридоре.

Ах, какое жуткое впечатление производят, хотя и широкие, но мрачные коридоры предварилки и камеры-одиночки! Наконец нам указали по 2 камеры; в одну из них вошли Соня, Володя и полковник, в другой рядом поместили меня, а в коридоре на скамье уселись 2 жандарма. Дверь моей камеры была открыта и я занялся осмотром помещения. Асфальтовый пол, откидной у стены столик, над ним вделанная в стену с толстым стеклянным колпаком электр. лампочка, привинченная к стене кровать, табурет, в углу камеры ватер, в самом верху окно с решеткой, сквозь которое видны стены и окна противоположного корпуса тюрьмы; плотная тяжелая дверь, обитая железом, глазок в двери, все выкрашено в светло-оливковый цвет. Длина камеры 4 ½ арш., ширина, кажется, 2 ½ арш. Походив с ½ часа по камере, я вышел в коридор и увидел, что он открыт через все 5 этажей до потолка; к одной стороне сбоку, где находятся камеры, - железные лестницы и балкончики и так во всех 5 этажах. Один человек из коридора может наблюдать все балконы и лестницы. Я снова вошел в камеру и тяжелые мысли поползли одна за другой. Человек существо стадное, общественное и должен томиться в одиночестве в таком тесном и удручающем своей обстановкой помещении. Сын томиться уже 1 ½ года и неизвестно, чем все это окончится для него.

Время тянулось необыкновенно долго. Наконец за стеной послышался шум и жандарм доложил, что меня просят в соседнюю камеру. Теперь я мог пожать руку и поцеловать моего сына. Володя был несколько оживлен и видимо с удовольствием проболтал с Соней час. Я поздравил его с браком, пожелал поскорее вернуться к нам. Поговорили обо всех родных. Затем он меня спросил, не знаю ли я, почему недели 2 назад «Нева была потрясена пальбой тяжелой», как раз у Петропавл. крепости. Я не знал, но нам объяснил жандармский полковник, что было открытие памятника «Стережущему» и с Невы был произведен салют. Разговор был о родных, где Соня проведет лето, о книгах на немецком языке, которыми сын интересовался, и проч. 20 минут истекло и полковник предложил нам расстаться. Мы поспешили выйти из тюрьмы во двор и еще раз кивком головы простились с Володей, который шел среди 2-х жандармов с обнаженными саблями, а шествие замыкал полковник. Усевшись в закрытое ландо, они быстро удалились по направлению к Петропавловской крепости.

Соня отправилась с Натой домой, а я с Васей в лавки, где купил кое-что на вечер отпраздновать свадьбу сына. По дороге зашел в телеграф и подал телеграмму такого содержания:

СЕЙЧАС СОВЕРШИЛОСЬ БРАКОСОЧЕТАНИЕ ВОЛОДИ С СОНЕЙ.

В тот же вечер пароходиком я съездил в Кресты к священнику и получил свидетельство о бракосочетании.

Теперь я облегченно вздохнул после окончания весьма важного дела для будущей судьбы сына, и теперь почувствовал такую усталость, что думать уже ни о чем не хотелось в этот вечер и в час ночи я крепко заснул и проспал до 9 утра.

Мне осталось в Петербурге немного закончить. Так как Елисеев отказался выступать в качестве защитника в Сенате, то я поручил Соне переговорить с Соколовым и Переверзевым, двумя присяжными поверенными, и пригласить их. Дело в Сенате я считал безнадежным, а потому им несколько не интересовался. Побывал однако в Сенате, где мне сказали, что вероятно дело пойдет в сентябре. Теперь можно было возвратиться домой, и я кажется в вагоне проспал 27 часов, от Петербурга до Белгорода, изредка просыпался, чтобы поесть или выпить чаю.

С 10 июня и по 23 сентября тяжелые дни пережили мы. Володя страшно волновался, предполагая, что я кого-то и о чем-то клянчу; сообщить ему более подробно об обстоятельствах дела нельзя было и оба играли втемную в своей переписке. Письмо Сони от 10 августа передает душевное настроение сына.

Родные мои, дорогие мамочка и папа!

Кое-что скажу о происшедшем без меня. На первом свидании с Васей Володя говорил очень возбужденно и довольно резко. Вот некоторые его фразы, как передал мне Вася: «Передай папе, что я прошу взять бумагу обратно, это лишило меня моральной устойчивости». Когда Вася сказал, что убеждать папу он не хочет, Володя ответил: «В полемику не вступай, а просто передай». В письме в Белгород Вася сообщил, что под конец Володя напомнил капитану Серболову о его обязанностях; из этой фразы можно предположить, что Володя сказал ему что-нибудь нетактичное; в действительности же было так, как часто на свиданиях. Володя не любит нарушать правил свиданий, и

при малейшем намеке со стороны капитана Серболова, что пора, Володя у него спрашивает: «Уже кончилось?» Так было и на этот раз; но, конечно, благодаря предыдущему бурному разговору, было сказано несколько повышенным тоном.

На второе свидание Вася пошел через довольно большой промежуток времени. Володя был гораздо мягче, спокойней. под конец свидания разговор опять зашел о прошениях. Вася сказал ему, что он напрасно волнуется: ведь морской министр все равно помочь не может; что с его стороны были лишь благие пожелания.

На сегодняшнее свидание я отчасти боялась идти. Ну, думаю, с места в карьер начнет задавать вопросы о прошениях; будет говорить, что я должна Вам передать, в чем убедить и т. д. Но свидание прошло довольно хорошо. Сначала Володя спросил, когда я вернулась и еще несколько вопросов обо мне, затем начал спрашивать о Вас всех. «Как мамочка и папа?». «Ничего себе». «Крепятся?»

- Да, приходится крепиться. Вот теперь с Машурочкой было один раз плохо; на мамочку очень тяжелое впечатление произвел этот припадок, потому что ей не приходилось раньше наблюдать его в такой развернувшейся форме, - папа всегда вовремя останавливал.

Володя очень огорчился этим сообщением. Начал расспрашивать про Машуру, Надюшу, дедушку, дядю Костю, тетю Надю. Затем я начала рассказывать про Белгородские торжества (открытие мощей Иосафия); вижу, он сам хочет что-то говорить:

- Ты с Васей беседовала о моих последних свиданиях с ним? Получила мое письмо?

- Да

- Папины хлопоты, как они были, я не могу принять ни по существу, ни по форме. По существу – потому что они идут вразрез с тем положением, какое я все время занимал: я не считаю себя виновным, а папин путь как бы подтверждает мою вину; по форме – папа очень близкий человек, он мой отец; значит все, что он делает, он делает как бы от моего имени, будучи как бы моим поверенным, а поручить ему такое действие я не могу. Нужно все бумаги взять обратно.

Он говорил немного волнуясь, видимо сдерживаясь, но не повышая голоса. Я выслушала все, не вставляя никаких замечаний, и не спрашивая ни о чем. Он еще спросил:

- Не получал ли папа моего письма? Я послал сперва тебе письмо в Белгород, затем говорил с Васей на свидании. Вася после этого написал папе и маме, на Васином письме ответил мне. На папин ответ я послал ему письмо.

Я сказала, что при мне папа этого письма еще не получал. Затем сообщила ему, что по наведенным мною в Сенате справкам, дело его на 15 сентября не назначено. Сказала, что с адвокатами буду на днях говорить, кому выступать в Сенате. Затем рассказала ему о Грише и еще пару пустяков. В общем свидание прошло оживленно; видно было, что Володе приятен мой приход. Говорили около ½ часа. Когда свидание окончилось, Володе видимо не хотелось уходить; он задержался и смотрел мне вслед. Все время свидания у него была улыбка на лице, кроме тех минут, когда о Машурином нездоровье говорили, и когда он говорил о прошениях. Сказал, что перевод Байлса уже приходит к концу, думает направить его в Технический комитет.

Дорогой папа! Сообщите мне пожалуйста (копию, если возможно), что пишет Володя, а также что Вы ему ответили на первое письмо и на последнее; выдержки из первого Вашего письма к Володе Вы мне говорили (что Вы не ожидали со стороны Володи потери самообладания), но мне нужно все восстановить в памяти; вообще нужно иметь перед собой картину, быть вполне в курсе дела. Я пока воздерживаюсь что бы то ни было говорить Воле по этому делу, тем более, что сам он не задавал мне никаких вопросов.

В своем отчете разговора с Володей я передала главным образом суть, так что может быть некоторые выражения и не его. Сказала ему, что может быть по финансовым соображениям уйду на один семестр с курсов, чтобы подготовившись за один семестр к экзаменам, сдавать их в будущее полугодие.

Между прочим я должен заметить, что в этот период времени между мной и Володей возникли серьезные недоразумения. Письма его, которые может быть когда-нибудь будут изданы отдельно под заглавием «Письма из Петропавловской крепости», представляют немалый интерес, чтобы судить о психологии и настроениях заключенного. Теперь же я не хочу выходить из рамок намеченного мною в самом начале «Воспоминаний» плана, касаясь своих переживаний, поскольку это нужно для передачи сложных отношений и событий.

Дело в Сенате, на решение которого в благоприятном для нас отношении я не питал никаких надежд, откладывалось ad Graecas calendas. Нужно было запастись вновь «терпением, терпением и терпением». Эта удивительная фраза, сказанная на полях Манчжурии Главнокомандующим Куропаткиным русской армии и всей России, выразила собой основу жизни для каждого отдельного лица. Каковы бы ни были страдания физические и нравственные он завещал одно только средство - терпение, т. к. сил изменить все это нет. Конечно он не сознавал того, что этой фразой он выразил философию жизни в России.

Итак, запасшись терпением, мы дожили до 23 сентября, когда и высшее судилище в Империи произнесло свое «нелицеприятное решение». Слушать это решение я не поехал, т. к. не имел возможности и отпуск получить, и сам потрепался достаточно, да и помочь тут я ничего не мог.

23 сентября я получил от Сони краткую телеграмму «УТВЕРЖДЕНО», а через 2 дня письмо, которое привожу целиком.

Родные, дорогие мамочка и папа!

Как Вы просили в письме, я телеграфировала одно слово «УТВЕРЖДЕНО», значит отказано в кассировании приговора, признано решение Судебной Палаты правильным.

Володину просьбу о доставлении его в Сенат удовлетворили, и он сам присутствовал на заседании. Была у С. И. Зилоти на приеме, известила его о дне и часе заседания, и он был все время в зале заседания, пока слушалось дело. Он не мог только ждать окончания совещания сенаторов и ушел; просил сообщить ему по телефону решение. Как только был выяснен результат, я ему сообщила по телефону на квартиру. Оказалось, что он сам заходил в сенат справиться о решении. Затем вызвал меня по военному телефону и сказал, что он сделает все возможное.

Сенатор докладчик Гредингер делал доклад очень небрежно, запальчиво, с язвительными замечаниями; говорят, что он прибежал даже к некоторым передержкам, если можно так выразиться, т. е. докладывал не так, как есть. Я конечно не могла уследить за всеми тонкостями и за параграфами. Заседание состояло из 5 человек: 4 сенатора (Глицинский, Гредингер, Кривцов, четвертого не помню) и прокурора Сената. Доклад продолжался $\frac{3}{4}$ часа или час. Затем говорили защитники; Гольдштейн – о неправильности в отказе вызова свидетелей и о том, что в одном случае Суд. Палата не желала слышать от образа мыслей подсудимого, а в другом (рукопись 1906 г.) ей это оказалось нужным. Об остальных пунктах говорил Переверзев. В общем – оба говорили довольно кратко и дельно. Наиболее существенные кассационные поводы взял себе Гольдштейн. Говорил он очень ясно, красиво и дельно. Затем спросили Володю, не имеет ли он что-либо сказать. Он отказался от слова, хотя несколько нерешительно. Сенаторы удалились на совещание, продолжавшееся $\frac{1}{2}$ часа. В это время, с разрешения прокурора Васе и мне дали с Володей свидание и присутствии жандармского полковника. Говорили мы около $\frac{1}{4}$ часа. Володя сразу заговорил о прощении. Я сказала что не так легко исполнить его просьбу, т. к. прощение уже находится у министра юстиции, а не у военно-морского, как он предполагает; для него это было ново и он понял, что действительно все сложнее, чем он предполагал.

Вася говорил, что все это необыкновенно тяжело отзывается на Вас. Я говорила еще о разнице между подачей прошения им самим и Вами. Володя расспрашивал про Машуру и про Вас. Видно было, что он страдает, его огорчает состояние Вашего духа. Может быть удастся успокоить Володю, на что защитники и мы надеемся, и мне не придется идти говорить с Везевкиным. Если же придется идти, то может быть с Зилоти не надо говорить? Как Вы находите?

Затем из Вашего письма я не совсем поняла, как мне быть. Если мне придется идти к Везевкину и если он задаст мне вопрос – как думает сам податель прошения, - то могу я сказать, что и Вы уступаете просьбе сына?

Еще говорили Володе, что ему рано беспокоиться, т. к. едва ли будут результаты от этих хлопот; если обращают внимание на такие прошения, то большею частью исходящие от самого заключенного».

Остальная часть этого письма для «Воспоминаний» интереса не представляет.

Наступал последний период драмы; все дело с заключением Крашенинникова должно было поехать в Ливадию на утверждение Государем через министра юстиции. Необходимо было снова запастись терпением, т. к. русские бюрократы, а судейские в особенности, спешить не любят. Я боялся только, что сына они поспешат перевести в пересыльную тюрьму и до резолюции Государя применят к нему каторжный режим с бритьем половины головы. Этого однако почему-то не случилось. Зилоти

впрочем меня уверял еще 12 июня, после приговора Палаты, что этого они никогда не сделают. Этот вопрос остался для меня открытым и я поныне не знаю, имели ли они право сделать это и не решились, или же до лишения чинов и орденов Государем они не имели право это сделать. Между мной и сыном в это время возникла деятельная переписка по поводу окончания им перевода с английского Байлса «О винтах», 2-го тома, и по поводу «вибрационного двигателя» для судов. Закончив перевод, сын направил 3 толстых тетради с чертежами к прокурору Палаты Корсаку с просьбой препроводить их в Морской технический Комитет. По наведенным справкам потом оказалось, что на основании, кажется 30§, инструкции для каторжных, Корсак отказал в разрешении препроводить их по адресу и тетради остались у прокурора. Таким образом 3-месячный упорный труд, который не дал сыну отдаться тоске и наполнил его время умственной работой, пропал для морского ведомства даром, пополняя архивы прокурора.

По поводу «вибрационного двигателя» состоялось кажется такое же решение мудрого прокурора на основании мудрых правил и инструкций. Приблизительно во 2-й половине 1910 года сын писал мне из крепости, что теперь на досуге в Петропавловской крепости он занялся расчетами и вычислениями «вибрационного двигателя» для судов взамен винта. Эта идея его давно занимала, но он не имел времени заняться ею. Теперь в крепости никто ему не мешает и в 2-х толстых тетрадях он изложил свои расчеты, чертежи и описание формы двигателя. Он пришел к выводу, что почти все 100% работы машины можно передать на движение корабля, тогда как при винтах 50% тратятся на сопротивление воды лопастям винта и проч., и только 50% сообщают поступательное движение кораблю. Для окончательного решения этого вопроса необходимо было произвести соответствующие опыты, которые теперь приходится отложить в долгий ящик. Очевидно и эта работа его не могла увидеть свет, т. к. на страже тьмы стоял гаситель света. Пришлось мириться и с этим и терпеливо ожидать неизвестного конца дела. Дело однако все не отправляли в Ливадию, хотя уже приближался декабрь.

В самых последних числах ноября С. И. Зилоти и Морской Министр Григорович с курьерским поездом ехали в Ливадию; я вышел к этому поезду и просил о себе доложить Сергею Ильичу. Он сам вышел на площадку министерского вагона, очень обрадовался мне и просил зайти в вагон.

- Как Вы здесь оказались? Откуда Вы узнали, что мы едем? – забросал он меня вопросами.

- Я здесь служу и живу в Белгороде; о Вашей поездке в Ливадию я узнал из газеты...

- Ну, что? Как? Дело послано в Ливадию?

- Я думал, что об этом узнаю от Вас. Софья Мих. мне писала, что должны были послать 25 ноября; теперь ей сказали, что последний срок посылки – 3 декабря и что в этот день наверное пошлют ч курьером.

- Софью Мих. я видел и говорил с нею дня 3 тому назад. Ну, ничего. Мы ускорим посылку дела. Мы поговорим об этом с флаг-капитаном Ниловым, чтобы оно было прислано в Ливадию. Ну, как? На что Вы надеетесь? С чем бы Вы помирились, с каким наказанием?

- Я бы помирился бы с заключением в крепости на год или два, без лишения прав.

- Ну, вот видите, а мы с этим не миримся. Столыпина, который так противодействовал этому, теперь нет; мы помирился на полной реабилитации Вашего сына.

- Я об этом не смею мечтать, Сергей Ильич!

- Ну, там посмотрим. Я из Севастополя дам Вам телеграмму, когда мы будем ехать обратно; быть может я что-нибудь сообщу Вам более интересное.

3-й звонок, мы крепко пожали друг другу руки и распростились.

На другой день курьерским поездом проехал в Ливадию министр внутренних дел Макаров. Это обстоятельство меня несколько смутило, т. к. пребывание министра Внутр. Дел могло совпасть с присылкой дела в Ливадию.

Дней через 6 я получил телеграмму из Севастополя от Зилоти, что министр возвращается, и Сергей Ильич просит меня встретить курьерский поезд на вокзале в Белгороде. На другой день я был у поезда и едва он остановился, как Сергей Ильич быстро вышел из вагона, весело повидался и по обыкновению спросил: - Что нового?

- Я получил от Софьи Мих. письмо, - ответил я; - она пишет, что дело послано 3 декабря в Ливадию на утверждение Государя, следовательно оно будет получено завтра.

- В Ливадии был разговор о Вашем сыне. Государь приказал Макарову доложить ему о деле по возвращении в Царское Село, вероятно это будет около 18 или 19 декабря.

– Почему Макаров должен докладывать? Казалось бы скорее Щегловитов?

Сергей Ильич как-то двусмысленно улыбнулся и ответил, что он не знает почему это сделано.

– Мое мнение, - добавил он, - что все окончится благополучно. О результате я Вам буду телеграфировать. Жаль, что дело не пришло в Ливадию, пока там был министр (Григорович), вероятно оно теперь бы и было уже закончено. Ну, ничего. Теперь уже ожидать недолго.

Разговор этот ничего определенного не дал мне, кроме душевной тревоги, что Государь поручил Макарову доложить о Костенко.

Чтобы не нарушать хронологического порядка событий, я расскажу здесь, что случилось в период времени с 3 по 19 декабря, о чем мне подробно рассказал Сергей Ильич 22 декабря по моем приезде в Петербург.

Крашенинников, получив дело из Сената с утверждением приговора Палаты, приложил такое заключение: отставной шт. кап. Костенко, как выяснилось из отзывов его непосредственных начальников и того впечатления, какое он произвел на судей, очень талантливый инженер, чрезвычайно способный человек, очень развитой и начитанный; обладая такими выдающимися качествами, он занимался революционной деятельностью, а потому является вполне опасным человеком и тем более заслуживает наказания, к которому приговорен Палатой и Сенатом, отвергнувшим кассационную жалобу Костенко. Вот приблизительно сущность заключения. Дело это было послано Министру Юстиции Щегловитову и 3 декабря с курьером было отправлено Государю вместе с 5-ю другими делами. 8 декабря курьер возвратился с запертым портфелем в министерство юстиции. Каково же было удивление, когда в портфеле оказалось 5 дел, а 6-го, Костенко, не было. Сумку пересматривали несколько раз, искали Гоголевской прорехи, в которую могло завалиться дело, но ни прорехи, ни дела не нашли. Тревога эта вскоре сообщилась и Крашенинникову, и прокурору Корсаку, и Департаменту Полиции. Дело о Костенко было оставлено у себя Государем. В то время я не знал об этом еще ничего и 14 декабря приехал в Харьков на съезд врачей моего выпуска праздновать 30-летие врачебной деятельности. Остановился я в Харькове у своей дочери и зятя своего, инженера путей Сообщения Андросова. Конечно мы обсуждали текущее положение дела и по предложению зятя решили послать следующую телеграмму:

«ПЕТЕРБУРГ, МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ

КОПИЯ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, МОРСКОМУ МИНИСТРУ

СУДЕБНАЯ ПАЛАТА ВМЕНИЛА В ПРЕСТУПЛЕНИЕ ШТАБС-КАПИТАНУ КОРПУСА КОРАБЕЛЬНЫХ ИНЖЕНЕРОВ ВЛАДИМИРУ ПОЛИЕВКОВИЧУ КОСТЕНКО СЛЕДУЮЩУЮ ЗАПИСЬ В ЕГО БЛОКНОТЕ: КОТЕ 300 РУБЛЕЙ. Я ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТОВАРИЩ КОСТЕНКО, ЖЕНАТ НА ЕГО РОДНОЙ СЕСТРЕ, ЗАНЯЛ У НЕГО В 1906 ГОДУ 300 Р., СОСТОЮ ДОЛЖНИКОМ И ТЕПЕРЬ, СВИДЕТЕЛЕМ ПО ДЕЛУ НЕ ВЫЗЫВАЛСЯ. ИНЖЕНЕР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ КОНСТАНТИН АНДРОСОВ. ХАРЬКОВ, СТАРОМОСКОВСКАЯ, 37»

Послав эту телеграмму, я почувствовал большое облегчение, т. к. сыграл и ту козырную карту, которой я располагал. Как показало дальнейшее, о чем я скажу в свое время, это сделано было вовремя.

17 декабря Государь, проезжая через Белгород, остановился здесь на 1 ½ часа, вся семья поклонилась мощам Иосафия и продолжила путь дальше, в Царское Село, куда прибыли 18 декабря.

Как происходили дальнейшие события, ограничусь сообщением телеграмм:

18 декабря ночью.

БЕЛГОРОД КОСТЕНКО

ИЗ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА, ПЕТЕРБУРГ

ДЕЛО ПО-ВИДИМОМУ ОБСТОИТ ОЧЕНЬ ХОРОШО. ПОНЕДЕЛЬНИК БУДУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ПОДРОБНОСТИ. 4709. ЗИЛОТИ.

19 декабря 1911 г.

БЕЛГОРОД КОСТЕНКО СРОЧНО.

ВАШ СЫН ПОМИЛОВАН, ЕСЛИ МОЖЕТЕ ПРИЕЗЖАЙТЕ. ЗИЛОТИ.

20 декабря

БЕЛГОРОД КОСТЕНКО СРОЧНО

В ИНТЕРЕСАХ СЫНА ПО ВОЗМОЖНОСТИ НЕ РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ВЧЕРАШНЕЕ ИЗВЕСТИЕ 4735. ЗИЛОТИ

20 декабря

БЕЛГОРОД КОСТЕНКО СРОЧНО

ВАШЕГО СЫНА ОСВОБОЖДАЮТ ИЛИ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ИЛИ ЗАВТРА УТРОМ. 4747. ЗИЛОТИ

20 декабря

БЕЛГОРОД ДОКТОРУ КОСТЕНКО СРОЧНО

ВЫШЕМУ СЫНУ ДАРОВАНО ПОЛНОЕ ПОМИЛОВАНИЕ. КРЫЛОВ.

20 декабря

БЕЛГОРОД КОСТЕНКО ПЕТЕРБУРГА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА

ВАШ СЫН ОСВОБОЖДЕН. ЗИЛОТИ.

На все эти телеграммы, когда получил последнюю, я ответил следующей:

20/XII ПЕТЕРБУРГ, ГЛАВНЫЙ МОРСКОЙ ШТАБ, ГЕНЕРАЛУ ЗИЛОТИ.

ВЕЧНО ПРИЗНАТЕЛЕН АДМИРАЛУ ГРИГОРОВИЧУ, ГЕНЕРАЛУ КРЫЛОВУ И ВАМ. 22 УТРОМ БУДУ В ПЕТЕРБУРГЕ. КОСТЕНКО.

20 декабря ночью я выехал в Петербург и 22 в 7 ч. утра меня встретили Соня с Васей на перроне, а через ½ часа я уже обнимал своего дорогого сына в квартире Васи.

Отчасти со слов Сергея Ильича, отчасти со слов Алексея Николаевича Крылова, а так же Сони и Васи, я узнал как совершилось освобождение сына.

О помиловании стало известно Сергею Ильичу 19 декабря 1911 г. в 7 ч. 20 мин вечера от Морского министра, который поручил ему сообщить министерствам, учреждениям и лицам о Высочайшей воле и о немедленном приведении ее в исполнение. Таким образом об этом было сообщено: Министру Юстиции, директору Деп-та Полиции Зуеву, прокурору Палаты Корсаку, Председателю Палаты Крашенинникову, Окружному Суду, губернскому жандармскому Управлению и Коменданту Петропавловской крепости. Сергей Ильич не отходил от телефона несколько часов и требовал, чтобы все распоряжения лиц и учреждений, имеющих отношение к данному делу, были закончены в течение 20 числа и чтобы вечером Костенко был освобожден; было предложено бумаги отправлять курьерами, предупреждая об этом по телефону тех лиц, к которым они направлялись.

Весть эта многих ошеломила. Зуев начал тяжело дышать в телефонную трубку, потом сказал:

– Ну, поздравляю Вас! Он Вам покажет себя!

На это Зилоти ответил:

– Ну, Вы себя уже показали!

Крашенинников и Корсак, говорят, позеленели от злости и растерялись, но должны были сами разрушать дело своих рук и делать распоряжения вопреки тому, что так кропотливо они создавали.

Наконец Сергей Ильич уведомил по телефону часов в 6 вечера Васю и Софью Мих., что в крепость отправился жандармский полковник «объявить о Высочайшем помиловании Владимира Полиевктовича», и что они могут ехать в крепость за ним. Соня и Вася немедленно взяли автомобиль и направились в крепость, где были уже в 7 ч. вечера и остановились у Монетного двора справа. Жандарм сказал Соне, что жандармский полковник и комендант Трубецкого бастиона Иванишин находятся в конторе, куда привели и Костенко, и там пишут какую-то бумагу. Впоследствии сын рассказывал, что жандармский полковник довольно торжественно сказал ему приблизительно следующее:

– На мою долю выпало редкое счастье объявить Вам, что Государь Император на приговоре Палаты и Сената изволил начертать: «Дарую помилование!» Таким образом Вы свободны. Я счастлив объявить Вам такую волю Государя.

На долю этого полковника до сих пор выпадало только объявлять решения о смертных приговорах, как я говорил выше.

Прошел однако целый час, Соня и Вася очень прозябли, прогуливаясь возле Трубецкого бастиона, а Володя все не показывался. Они поочередно с Васей грелись в автомобиле, а потом держали вахту у ворот бастиона.

Наконец дверь отперлась и показался жандарм с Володиным порт-пледом и прочими его пожитками – тетрадами и книгами. Автомобиль подали, вскоре показался и Володя, сопровождаемый Иванишиным. Распростившись с ним, Володя попал в объятия Сони и Васи. Вася сел с шофером, Володя с Соней внутри автомобиля и понеслись быстро на Васильевский остров в квартиру Васи. В эту ночь они не спали до утра.

Получив из крепости сведения об освобождении, С. И. Зилоти немедленно телеграфировал мне, а через ½ часа поздравил по телефону Володю с освобождением и на другой день просил его пожаловать к нему в штаб.

Сын на меня произвел в общем впечатление, которое меня в душе очень беспокоило. Он очень похудел, все тело его носило печать какой-то надломленности и маразма: сухая в морщинах кожа, бледная с каким-то сероватым оттенком, небольшая отечность лица и необыкновенный блеск глаз, которые вопросительно и удивленно смотрели на каждого, кто с ним говорил. Но меня наиболее беспокоила необычная для него нервность и страшно повышенный тон речи. Он прочитал мне стихи «Море» в таком экстазе, что мне сделалось страшно. Необходимо было понижать постепенно и последовательно эту необычную нервность. Его душевное состояние я объяснял себе так: пробыв почти 2 года без воздуха и без собеседника, он уже привык делиться мыслями только самим с собой; после приговора Сената он считал себя уже совершенно оторванным от жизни и наших интересов; впереди – только страдания, отсутствие духовных интересов и утешение, что страдает невинно, в силу тяжелых жизненных условий, но морально он не сломлен и просить о милости, как говорил и на суде, он не намерен. Теперь милость явилась к нему, он не может не принять ее; она явилась в такой деликатной форме, что мое ходатайство отпало и не упоминается, не упоминается и ходатайство Крылова и Григоровича, она дарована волей того, от кого зависело дать ее, она дарована лицу из-за его качества, или для восстановления истины. В этом отношении у сына было много неизвестных, которые в нашем уравнении были решены, т. к. мы были в курсе дел. Таков был ход моих мыслей, а вто и то неизвестное, которое я нашел: сына нужно ввести в интересы нашей жизни. Все то тяжелое и уже пережитое им само собой заглухнет, если он полюбит жизнь в ее лучших проявлениях. На другой день я произвел опыт. Я заговорил о корпускулярной теории Джони Томсона и о солнечном луче, который в себе несет видимые лучи спектра и невидимые ультракрасные – тепловые, и электрические, и ультрафиолетовые - Рентгена, Беккереля, Радия и т. д. Я увлек его так, что мы проговорили часа 2 с величайшим интересом, многое он мне дополнил и разъяснил про Радий, т. к. в Англии он слушал самого Соди и не знал еще, что он недавно выпустил в свет свои лекции. Здесь же мы наметили и программу нашего чтения на праздниках в Белгороде. Я увидел, что уравнение я решил правильно; дальнейшее будет зависеть от моего умения и такта и Сониного влияния, как любящей женщины и умной, привязать его к жизни, с которой он порвал уже все.

Дальнейшее я опускаю, т. к. по прибытии сына к нам, программа была выполнена, он 3 месяца прожил с нами, мы постоянно читали и вскоре получил приглашение через профессора Бошлевского и Крылова поступить на Николаевский механический и судостроительный завод начальником технич. отдела по постройке дредноута «Екатерина II».

Но возвращаясь к прерванному изложению событий. 27 декабря 1911 г. по телефону через Зилоти я был вызван к Морскому министру И. К. Григоровичу. Полчаса я провел у Зилоти, потом внутренним ходом меня провели в кабинет Министра. Министр меня встретил очень приветливо, поздравил с освобождением сына, предложил курить и рассказал мне следующее:

- 19 декабря Государь спросил меня, не изменилось ли мое мнение о Костенко и его деле. Я ответил, что я не только остался при том же мнении, о котором Всемиловнейше докладывал, но оно еще более укрепилось после получения сочинения Костенко, о котором дали блестящий отзыв Крылов, Кладо и Генеральный штаб, а также телеграммы зятя К-ко. Отзывы и телеграмму Вашего зятя я прочитал Государю. Выслушав это, Государь молча взял перо и на докладе министра Юстиции об утверждении приговора изволил положить резолюцию: «Дарую помилование». Да, Вы и Вас сын счастливы, что так благополучно все окончилось; а сколько несчастных, таких как и Ваш сын, еще томиться. Конечно, подобные случаи всегда возможны, если такие мерзавцы как Курлов будут управлять страной. Ведь эти негодяи говорили Государю, что Вашего сына потому нельзя простить, что он не подал прошения на Высочайшее имя. На это я им ответил: если бы подал, то признал себя виновным. На меня общий вид Вашего сына произвел такое впечатление, что здоровье его не пошатнулось; мне он показался таким же как и при назначении его мною в Англию. Вы находите, что здоровье его пошатнулось? Тогда пусть он у Вас поживет месяца три, отдохнет и оправится. Я его назначаю на

весьма ответственный пост – в Николаев на постройку дредноутов. ... Конечно, он может остаться в Петербурге на Балтийском заводе, но здесь нет хорошей постройки... Если захочет закончить свое теоретическое образование, то может поступить куда угодно, мы дадим ему командировку за границу... Сочинения его лучше будет действительно направлять в одни руки, напр. к проф. Кладу ... Нам очень желательно иметь его защитительную речь, как и «Соперничество в борьбе за обладание морями и современный рост морских вооружений»... Да, отдых ему необходим, и после Святой мы дадим ему назначение. У него дети есть? А, он недавно женился? На ком?

Следует краткая характеристика и краткая биография его жены.

Выразив еще раз свое удовольствие по поводу освобождения сына, Министр просил его кланяться и пожелал поскорее поправиться. Что же касается вопроса об обратном приеме в Морскую службу, то это вопрос дня; пусть некоторое время проживет в Николаеве.

1932 год

Апреля 4 дня

Через 20 лет я прочитал написанное здесь и увидел, какую массу интересных эпизодов я упустил, торопясь написать существенней по делу старшего сына.

Однажды вечером ко мне является жандарм со станции и говорит, что со ст. Курск жандармский начальник Курского отделения потребовал его к телегр. аппарату и передал, что со скорым поездом № 5 едет Морской министр Григорович и просит меня быть у поезда и зайти к нему в вагон. Оказалось, что Министр и Зилоти едут в Николаев и желали сказать мне несколько утешительных слов по делу сына. Зилоти пригласил меня после разговора с министром в свое купе и спросил, есть ли у меня еще столь даровитые дети, как Влад. Пол.

Я сказал: – Есть.

– Где же он?

– В Чердыне Пермской губ., в ссылке.

– За что?

– Будто бы рвал чертежи товарищей в электротехническом ин-те, но это явная ложь, что подтвердили и товарищи.

– Отчего же Вы мне и до сих пор ничего не сказали?

– Слишком много несчастий, чтобы еще и это, сравнительно меньшее, доводить до Вашего сведения.

В это время поезд трогается, я выхожу из вагона и Зилоти мне говорит, что на обратном пути он меня вызовет к поезду.

Через несколько дней я получил от Зилоти телеграмму, в кот. он меня просит быть у поезда № 6. Едва поезд остановился у платформы, как из него вышел Зилоти и попросил меня в вагон. Поздоровавшись с министром, он меня спросил – читал ли я манифест в память трехсотлетия Дома Романовых и подошел ли мой сын Михаил под него.

– Манифест я читал, но по моему мнению ни мой сын, ни его 10 товарищей, с которыми он живет в Чердыне, под манифест не подошли.

Григорович ничего не сказал, но Зилоти увел меня в свое купе и сказал, что по его мнению как сын Михаил, так и его 10 товарищей будут освобождены.

Через 2 дня я получил из Петерб. след. срочную телеграмму:

СЫН ВАШ И 10 ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО МАНИФЕСТУ ОСВОБОЖДЕНЫ.

ДИРЕКТОР ДЕП-ТА ПОЛИЦИИ ЗУЕВ.

Тотчас же срочной телеграммой я повторил телеграмму Зуева сыну в Чердынь.

По приезде в Белгород Миша рассказал мне, что они собрались вместе все 11 чел., прочитали манифест, увидели, что они под его льготы не подходят и с грустью сели пить вечерний чай. В это время им приносят мою телеграмму с указанием на источник (директ. деп-та полиции Зуев), - сомнений нет, радость неопишанная; собираются идти к исправнику, но в это время он входит к ним сам и читает такую же телеграмму Зуева от Губернатора Перми с приказанием исправнику объявить им, что они свободны. В ту же ночь все 11 чел. выехали к своим родным.

Пояснять мне нечего как все произошло, при свидании все пояснил мне Зилоти.

Сын мой Владимир с женой прожил у меня 3 месяца, отлично передохнул, поправился и через 1 неделю (святую) предполагал явиться в Морское министерство. В это время я получил телеграмму от Боклевского – где находится мой сын, а через 2 дня после моей ответной телеграммы – заказное письмо. В нем Боклевский пишет, что после переговоров с Крыловым, он предлагает ему поступить на завод «Наваль» в Николаеве Начальником технического отдела на постройку дредноутов, крейсеров и миноносцев с окладом 6 000 р. и $\frac{1}{2}$ % с уложенной в постройку стали; для окончательных переговоров просит прибыть в Ленинград⁵⁶. Конст. Петрович Боклевский один из 3-х директоров завода «Наваль», корабел. инженер, декан Кораблестроит. отдел. Политехнического ин-та.

После праздника сын поехал в Ленинград⁵⁶ и занял эту должность.

⁵⁶ Так в рукописи.

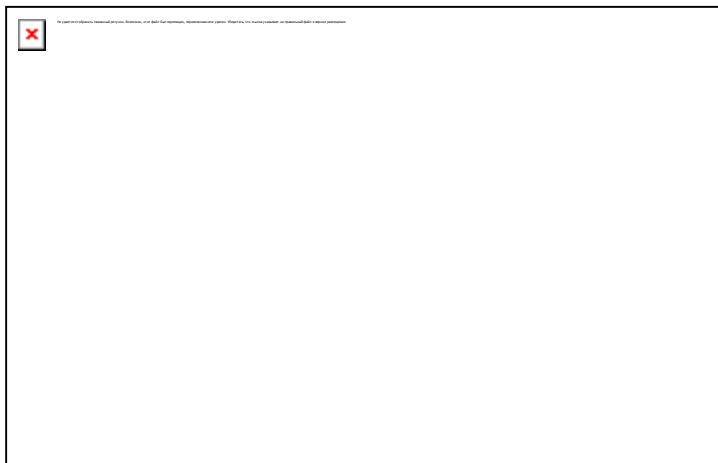
Н. В. Костенко

ВЛАДИМИР ПОЛИЕВКТОВИЧ КОСТЕНКО.

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ ⁵⁷

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Владимир Полиевктович Костенко родился 8 сентября 1881 года⁵⁸ в семье земского врача Полиевкта Ивановича Костенко. В семье было пятеро детей – три сына и две дочери, старший – Владимир. Ко времени поступления первенца в первый класс гимназии в 1892 году, Полиевкт Иванович добился должности врача на железнодорожной станции в Белгороде. В 1900 году Владимир Полиевктович окончил в этом городе классическую гимназию с золотой медалью и поступил на первый курс кораблестроительного отделения Морского инженерного училища в Кронштадте. Училище он окончил 6 мая 1904 года с золотой медалью и с занесением на мраморную доску и получил звание младшего помощника судостроителя. 17 мая 1904 года он был назначен в Петербургский военный порт помощником строителя броненосца «Орел», а 26 августа – корабельным инженером этого броненосца, вошедшего в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, которой командовал вице-адмирал З. П. Рожественский. 2 октября 1904 года эскадра из Ливавы двинулась в легендарный поход к берегам Японии через три океана при полном отсутствии промежуточных баз и стоянок.

Морское инженерное училище в Кронштадте

Костенко весь этот поход провел на «Орле» и стал участником генерального сражения русского и японского флотов 14 – 15 мая 1905 г. Он оказался единственным корабельным инженером, оставшимся в живых после Цусимского сражения. Будучи предельно израненным, «Орел» остался на плаву благодаря использованию на практике «Теории непотопляемости» А. Н. Крылова, впервые реализованной в бою корабельным инженером броненосца. За время перехода Костенко рассчитал и заблаговременно обучил личный состав «Орла», как правильно заполнять забортной водой во время боя отсеки, противоположные поврежденным. Благодаря этому корабль в самый критический момент угрозы опрокидывания уцелел.

В походе и в плену в Японии Владимир Полиевктович вел подробный дневник, в котором сделал глубокий анализ происходящих событий, причин поражения русского флота и гибели ядра эскадры – броненосцев типа «Бородино». Узнавший об этой работе вице-адмирал З. П. Рожественский, также находившийся в плену, понимал, что собранные В. П. Костенко материалы о гибели русской эскадры могут неблагоприятно отразиться на его положении при разборе в России причин трагедии при Цусиме. Поэтому адмирал не был заинтересован в возвращении кора-

⁵⁷ Публикуется по книге «Жизнь и деятельность кораблестроителя В. П. Костенко. (Сборник) Н. В. Костенко. В. П. Костенко (воспоминания дочери)». «Галера Принт», Санкт-Петербург, 2000. С. 173 – 196. Далее примечания Н. В. Костенко

⁵⁸ Все даты до 1918 года даны по старому стилю

бельного инженера из плена на Родину. В Японию на имя Владимира Полиевктовича пришли письма от народовольца Русселя (Судзиловского). Рождественский, вручая их Костенко, произнес: «Вот Вам письма от Вашего друга Русселя. Берите и уходите. Но уж в Россию не показывайтесь».

Владимир Полиевктович свою судьбу решил иначе. Весной 1906 г. он возвратился в Россию через Тихий океан, США, Англию, Францию, Швейцарию и Австро-Венгрию. В пути В. П. Костенко обработал и отредактировал свои дневниковые записи о Цусимском сражении, ставшие уникальным историческим материалом.

Впервые его записи в виде короткого конспекта были опубликованы в журнале Морской академии США в 1906 г. Из дневника Костенко: «Возвращаясь из плена через Тихий океан, я познакомился с флагманским артиллеристом Манильской эскадры флота США Робертом Уайтом, которого ознакомил с ходом Цусимского боя. С моего согласия он составил краткий конспект описания Цусимы и поместил его от своего имени в журнале Морской академии «United states Naval Institute Proceedings» за апрель месяц 1906 года под заголовком: «With the Russian Squadron at Tsushima».

В своем «Curriculum vitae» Владимир Полиевктович пишет: «По возвращению в Россию я получил возможность ознакомить в ряде докладов личный состав руководства флота с моими наблюдениями и выводами. Наиболее существенными были следующие сообщения:

1. Морскому техническому комитету по предложению его председателя генерал-лейтенанта С. К. Ратника в мае 1906 года на тему «Броненосцы типа «Бородино» в Цусимском бою».

2. Морскому министру адмиралу А. А. Бирилюву: «Технические недостатки кораблей русского флота, выявившиеся в походе и бою 2-ой Тихоокеанской эскадры».

3. Верфям военного порта (впоследствии Адмиралтейскому судостроительному заводу) по предложению главного корабельного инженера Петербургского порта Д. В. Скворцова: «Конструктивные дефекты судовых устройств броненосцев типа «Бородино», июль 1906 года.

4. Обществу русского судоходства: «Причины гибели русских броненосцев в Цусимском бою».

З. П. Рождественский дал о В. П. Костенко очень неблагоприятный в политическом отношении отзыв. Однако благодаря поручительству всех офицеров «Орла» и в том числе старшего офицера капитана 2 ранга К. Л. Шведе 10 апреля 1906 г. Костенко назначили на должность помощника строителя броненосца «Андрей перевозванный» в Петербургском военном порту.

В свою очередь, по распоряжению департамента полиции Петербургское охранное отделение по своим каналам вело наблюдение за вернувшимся из японского плена корабельным инженером. В августе 1906 года Костенко арестовали. При обыске у него на квартире были обнаружены компрометирующие записи. Его обвинили в «Написании противоправительственного сочинения, но не распространенного». За это ему грозило заключение в крепость на три года без лишения прав. По воспоминаниям Полиевкта Ивановича Костенко, во время посещения жандармского управления помощник прокурора Аккурти сообщил ему следующее: «Я Вам не должен говорить об этом, но как отцу я вам скажу. В своем сочинении сын Ваш дурно отзывается о правительстве и упоминает о каком-то военном союзе... Я считаю, что нахождение его под стражей излишне и он будет освобожден». Владимир Полиевктович просидел 22 дня в одиночной камере в Петербургской тюрьме «Кресты» и был освобожден под залог в 300 рублей, внесенный его отцом. Это стало возможным после того, как Полиевкт Иванович несколько раз посетил жандармское управление и подал прошение в департамент полиции об освобождении сына. Затем В. П. Костенко вернулся на работу в Петербургский военный порт. В июле 1907 г. его командировали в Бароу (Англия) в качестве члена приемной комиссии, а потом помощника наблюдающего за постройкой броненосного крейсера «Рюрик». С октября 1908 г. Костенко стал конструктором морского технического бюро Морского технического комитета (МТК) в Петербурге.

В июле 1909 г. Владимир Полиевктович вторично командировается в Англию (во главе группы слушателей кораблестроительного отделения Николаевской морской академии). В то время в Белфасте на заводе «Харлэнд энд Вулф» были заложены трансатлантические лайнеры «Титаник» и «Олимпик». Ознакомившись с их моделями, Костенко сразу заметил насколько опасно упрощение системы непотопляемости на этих гигантах. Он обратил на это внимание директора фирмы Карлейя: «Поймите, одна небольшая пробоина и «Титаника» - не станет». Замечание Костенко сочли бестактным.

В воспоминаниях А. Н. Крылова об этом говорится следующее: «Инженер Костенко представил блестящий отчет, в котором с ясностью показал недостатки в конструкции громадного (52000 т) пассажирского лайнера «Титаник». В первый же рейс опасения Костенко подтвердились: «Титаник» от столкновения с ледяной горой получил сравнительно ничтожное повреждение, но вследствие упомянутых конструктивных недостатков через два часа потонул».

Вернувшись из Англии, Владимир Полиевктович начал готовиться к поступлению в морскую академию, но 23 марта 1910 г. был вторично арестован за связи с революционными кругами,

заключен в Трубечкой бастион Петропавловской крепости и осужден на 6 лет каторги. После приговора, находясь в крепости, В. П. Костенко обвинен 27 июня 1911 г. с Софьей Михайловной Волковой в церкви Дома предварительного заключения.

Софья Михайловна родилась в 1885 г. в семье бывшего предводителя дворянства Старо-Оскольского уезда Михаила Федоровича Волкова. В 1902 г. она окончила Смольный институт, а в 1912 г. – историческое отделение историко-филологического факультета женских Бестужевских курсов в Петербурге. Софья Михайловна разделяла передовые взгляды, близкие к убеждениям Владимира Полиевктовича, относительно революционных событий, происходящих в России. Продолжая традиции жен декабристов, она была готова сопровождать мужа на каторгу. Поскольку Костенко имел боевые награды⁵⁹, морской министр И. К. Григорович, по представлению А. Н. Крылова, ходатайствовал перед Николаем II о смягчении приговора одаренному молодому кораблестроителю, который собрал ценнейшие материалы о поведении в бою и повреждениях броненосцев в Цусиме.

Во время приема морского министра с докладом Николай II сказал: «Нам талантливые люди нужны», – и на приговоре написал: «Дарую помилование». В. П. Костенко был уволен с государственной службы на флоте. По рекомендации Григоровича и Крылова 1 мая 1912 года Владимир Полиевктович был принят на должность начальника технической судостроительной конторы Общества Николаевских заводов «Наваль».

Необходимо отметить, что в сложной в политическом отношении судьбе сыновей Полиевкта Ивановича Костенко благородную роль сыграли представители Российского флота того времени: морской министр адмирал И. К. Григорович, помощник начальника главного морского штаба генерал-майор С. И. Зилоти и председатель МТК генерал-майор А. Н. Крылов.

Привожу цитату из дневниковых воспоминаний Полиевкта Ивановича, работавшего врачом на железнодорожной станции Белгород: «Однажды вечером ко мне явился жандарм со станции и говорит, что со ст. Курск жандармский начальник Курского отделения потребовал его к телеграфному аппарату и передал, что со скорым поездом №5 едет Морской министр Григорович, просит меня быть у поезда и зайти к нему в вагон. Оказалось, что министр и Зилоти едут в Николаев и желают сказать мне несколько утешительных слов по делу сына. Зилоти пригласил меня после разговора с министром в свое купе и спросил, есть ли у меня еще столь даровитые дети, как Владимир Полиевктович? Я сказал:

– Есть, сын Михаил⁶⁰.

– Где же он?

– В Чердыне Пермской губернии, в ссылке.

На вопрос Зилоти – За что? – Полиевкт Иванович объяснил, что его сын, Михаил Костенко, студент, председатель библиотечной комиссии Петербургского электротехнического института, выслан на 3 года в Чердынь Пермской губ. по заявлению Пуришкевича в «Земщине»: «Только тогда в институте будет спокойно, когда эти студенты будут арестованы и высланы». Далее привожу слова Зилоти: «Отчего же Вы мне до сих пор ничего не сказали?», – и обещал на обратном пути вызвать к поезду. Встреча опять состоялась в вагоне проходящего ст. Белгород поезда. Зилоти спросил, читал ли я манифест в память трехсотлетия Дома Романовых и подошел ли мой сын Михаил под него? Полиевкт Иванович:

– Манифест я читал, но, по моему мнению, ни мой сын, ни его 10 товарищей, с которыми он живет в Чердыне, под Манифест не подошли.

Григорович ничего не сказал, но Зилоти увел меня в свое купе и сказал, что, по его мнению, как сын Михаил, так и его 10 товарищей будут освобождены. Через 2 дня я получил из Петербурга следующую срочную телеграмму: «Сын Ваш и его 10 товарищей по Манифесту освобождены. Директор Департамента полиции Зуев». Тотчас же срочной телеграммой я повторил телеграмму Зуева сыну в Чердынь. При свидании все пояснил мне Зилоти.

В Николаеве за период с 1912 по 1917 г. под руководством В. П. Костенко, а также им лично было спроектировано, построено и сдано в эксплуатацию до 150 самых разнообразных военных кораблей и коммерческих судов.

Здесь в семье супругов Костенко родились дети: сын Михаил – в декабре 1912 г., дочь Елена – в июле 1914 и дочь Наталия – в ноябре 1915г.

1 сентября 1917 года В. П. Костенко был избран головой Николаевского городского управления, а 29 марта 1919 года выдвинут Союзом металлистов на руководящую работу в Губсов-

⁵⁹ В. П. Костенко за участие в Цусимском сражении был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, а за наблюдение за постройкой крейсера «Рюрик» - орденом Св. Станислава 2 ст.

⁶⁰ М. П. Костенко избран академиком АН СССР в 1953 году.

нархоз, а затем на должность главного инженера Николаевских государственных заводов «Наваль». В 1920 г. В. П. Костенко назначили членом правления технического руководства Объединенных Николаевских судостроительных заводов. Здесь он руководил достройкой свыше 10 военных кораблей, в том числе крейсера «Адмирал Нахимов».

Революционные годы были очень тяжелыми. Софья Михайловна, кроме заботы о своей семье, вела большую работу по оказанию помощи нуждающимся семьям служащих судостроительных заводов и верфей «Наваль». Осенью 1920 года она простудилась, получила воспаление легких, перешедшее в скоротечную чахотку, и умерла 25 декабря 1920 г. О благородной, бескорыстной деятельности Софьи Михайловны свидетельствует письмо сотрудников «Темвода» со 150-ю подписями: «Глубокоуважаемый Владимир Полиевктович! Рабочие и служащие технической части «Темвода» выражают Вам чувство глубокого и искреннего соболезнования в постигшей Вас тяжкой утрате. Плоды самоотверженной деятельности незабвенной Софии Михайловны и вечная память о ней да послужит Вам утешением в Вашем безысходном горе...».

В. П. Костенко остался вдовцом с тремя малолетними детьми. Забота о детях легла на плечи преданной няни – Марии Евграфовны Журавлевой, впоследствии вошедшей в семью как самый близкий и родной человек. Мы, дети, до последних дней ее жизни относились к ней как к родной матери.

В 1922 г. Владимир Полиевктович женился на Ксении Александровне Меранвиль де Санкт-Клер, женщине совсем другого склада, чем София Михайловна. Впервые появившись в семье новая жена Владимира Полиевктовича обратилась к Марии Евграфовне с требованием: «Отдайте теперь мне ключи от всех семейных ценностей», на что последовал ответ Марии Евграфовны: «Ключей не существует». Владимир Полиевктович всегда был бессребреником и не интересовался приобретением драгоценностей. София Михайловна часто говорила: «В жизни важно дать детям здоровье, образование и духовную культуру – это и есть драгоценности».

В том же году Костенко был переведен в Харьков на должность начальника Управления промышленности СВНХ Украины. В декабре 1924 г. его по распоряжению председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского назначили на должность члена правления по технической части «Судотреста» в Ленинграде. 1 ноября 1928 г. В. П. Костенко стал заместителем управляющего и председателем технического совета ленинградского «Судопроекта».

Однако не прошло и двух месяцев, как 27 декабря 1928 г. отец был арестован по делу «Судотреста» и приговорен к расстрелу. Его обвинили во вредительстве, заключавшемся в перерасходе сметной стоимости транспортных судов. Впоследствии папа рассказывал подробности: «Обычно приговор приводят в исполнение на рассвете. На девятый день после объявленного мне приговора (расстрел) в 5 часов утра загремел замок моей одиночной камеры и мне приказали: «Собирайтесь». Вели меня по длинному тюремному коридору. Я знал, что если в конце коридора поведут налево – расстрел, направо – возможны какие-либо изменения судьбы. У несправедливо осужденного теплится надежда на чудо – высшую Божественную помощь». Папу повели направо и зачитали новый приговор: «Ссылка на 10 лет в Соловецкий лагерь особого назначения».

В Соловки его отправляли в вагоне с самыми отпетыми уголовниками. Они быстро и ловко украли у инженера все теплые вещи и еду. Очень характерно для Владимира Полиевктовича, что, обнаружив это, он не дал им понять, что подозревает их в краже. Костенко начал в тактичной форме интересоваться их судьбами, расспрашивал, по каким статьям они осуждены и о сроках наказания. Постепенно перешел на рассказ о своей судьбе, о Петропавловской крепости и Цусимском сражении, проявляя при этом большое участие к своим слушателям. Вернувшись на свое место, он нашел все свои вещи возвращенными.

Высшие инстанции, учитывая огромную эрудицию В. П. Костенко, уже 30 ноября 1929 г., перевели его из Соловков в Особое конструкторское бюро (ОКБ) ОГПУ в Харькове, а через год, 29 октября 1930 г., - в ОКБ ОГПУ в Ленинграде. Содержался он в Доме предварительного заключения, а на работу его возили под конвоем в «Судпроверфь». Постановлением коллегии ОГПУ от 18 августа 1931 г. отца освободили, а 1 сентября назначили главным инженером «Проектверфи» (с 1937 г. – ГСПИ-2). Так он возглавил проектирование крупнейших судостроительных заводов в Комсомольске-на-Амуре и в Северодвинске. Три раза на правительственных совещаниях в присутствии Сталина Костенко отстаивал свой новый тип судостроительных заводов, где постройка и спуск кораблей осуществлялись на горизонтальных стапелях в закрытых сухих утепленных доках, находящихся выше горизонта акватории реки.

Против завода нового типа в Комсомольске-на-Амуре возражали Я. Б. Гамарник (уполномоченный Совета Труда и Оборона ДВК) и Б. А. Бергавников (секретарь крайкома ВКП(б)). Они усматривали в выступлении Костенко стремление сгустить краски и, преувеличивая климатические трудности Дальневосточного края (ДВК), добиться утверждения своего проекта судостроительного завода нового типа.

Владимир Полиевктович на заседании Совета Труда и Оборона (СТО) 16 октября 1932 года в присутствии Сталина убедительно доказал техническое превосходство своего проекта. После чего Сталин сказал, что в специальных вопросах надо полагаться на специалистов. Необходимо отметить, что заседание проходило в 1932 г., всего через год после освобождения Костенко. Главный технолог завода в Комсомольске-на-Амуре В. Г. Истомин в книге «Амурский характер» вспоминает об этом заседании СТО в Кремле под председательством В. М. Молотова: «После таких авторитетных оппонентов выступать В. П. Костенко было нелегко. Однако кроме него отстаивать идею эллингов было некому. В. П. Костенко кратко, обстоятельно и аргументировано изложил те соображения, исходя из которых ... именно такое и только такое решение приемлемо в условиях Амура с его немыслимыми перепадами уровня воды – до 10 метров... Таким образом, была окончательно определена судьба проекта завода, в основе которого лежала идея Костенко... Эта идея была воплощена в жизнь впервые в практике мирового судостроения».

Уже работая на свободе, Владимир Полиевктович, всегда ощущал стремление ГПУ усмотреть фактор вредительства в его крупных замыслах – новом типе судостроительных заводов и выборе площадки и генеральном плане завода. Так, уже в 1935 г. в семье Владимир Полиевктович говорил: «Опять фабрикуют на меня дело»; через некоторое время: «Наверно, меня скоро арестуют».

Мне, как дочери, В. П. Костенко, в 1964 г. военный трибунал Ленинградского военного округа выдал справку о реабилитации В. П. Костенко по делам, где указано и дело от 15 июля 1935 г., которое на него завели. Арестован он не был благодаря мужеству И. Ф. Тевосяна, видного партийного деятеля, который не подписал ордер на арест В. П. Костенко.

Относительно спокойно Владимир Полиевктович проработал до перевода министра⁶¹ судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяна в танковую промышленность. Новым министром утвердили И. И. Носенко. Тут уже Л. П. Берия взялся за Костенко. 25 февраля 1941 г. его арестовали и обвинили в преднамеренном выборе площадки для Северодвинского судостроительного завода на болотистом месте, что якобы повлекло за собой большие перерасходы при выполнении гидротехнических работ.

Впоследствии Владимир Полиевктович рассказывал подробности допросов.

Следователь: Вы преднамеренно выбрали площадку для Северодвинского судостроительного завода на болоте – это вредительство.

Костенко: Петр Великий был первым вредителем, ведь он построил город на болоте, а я только завод. Будущая война докажет, что стратегически мною выбрано место абсолютно правильно.

Следователь: О какой войне Вы говорите?

Костенко: Война с Германией неизбежна.

Следователь: Но Вы знаете, что Молотов заключил договор с Риббентропом о ненападении?

Костенко: Война с фашизмом неизбежна.

«... Я не согласился с обвинениями во вредительстве и ко мне применили методы физического воздействия... Например, меня посадили в клетку, такую что нельзя было повернуть ни тело, ни голову. Выставили в ней на холод в одной рубашке и еще капали на темя холодную воду. Опасаясь переохлаждения сосудов головного мозга, я занялся дифференциальным исчислением пока не потерял сознания... В одиночной камере ленинградской тюрьмы продолжал находиться и когда Германия напала на СССР...».

На одном из допросов следователь спросил: «Что Вы можете сказать о происходящих событиях в стране?»

Костенко: Началась война с Германией.

Следователь: Откуда Вы это знаете? Путем перестукивания?

Костенко: Я слышу гул самолетов и разрывы снарядов.

Вскоре после начала войны заключенного Костенко эвакуировали из Ленинграда в Златоустовскую тюрьму, где он просидел в одиночной камере до 10 июня 1942 г., когда в связи с прекращением дела его освободили.

Отец вспоминал, как к нему в одиночную камеру вошел следователь и произнес: «Владимир Полиевктович, из Москвы пришло распоряжение срочно заняться Вашим делом». Я ответил: «А меня уже мое дело не интересует. Вы видите, в каком безнадежном физическом состоянии я нахожусь и лежу». Следователь возразил: «Я имею приказ и его выполняю».

Костенко был направлен в госпиталь, где его подлечили, подкормили, вручили железнодорожный билет до Москвы и дали небольшую сумму денег на дорогу. Владимир Полиевктович понимал тяжелую военную обстановку в стране и на железной дороге, предвидел возможные

⁶¹ В тот период времени министерства назывались наркоматами.

осложнения в дороге с питанием, а денег ему дали мало. В Челябинске он нашел эвакуированную проектную организацию, представился администрации и обратился с просьбой собрать ему небольшую сумму денег с гарантией возврата по приезду в Москву. Благодаря известности Владимира Полиевктовича среди проектировщиков деньги были собраны, и он благополучно добрался до Москвы.

В. П. Костенко высказывал такое предположение о причинах освобождения: «Правительству в 1942 году срочно понадобились точные сведения о техническом состоянии всех судостроительных заводов. Шла война, черноморские и балтийские порты были отрезаны, а Белое море и его «горло» – зимой в общем проходимо для транспортов... Созданный при площадке завода в Северодвинске искусственный порт оказался в состоянии принимать транспорты с грузом «ленд-лиза» из Англии и США. Порт выполнял эту работу в течение всей войны, начиная с навигации 1942 г. Вот тогда подтвердилась правильность выбора площадки завода, о которой говорил следователю на допросе в ленинградской тюрьме еще до начала Отечественной войны».

По прибытию из Златоуста в Москву, в июне 1942 года, Владимир Полиевктович сразу явился в приемную к министру И. И. Носенко. Внешний вид его был ужасным. Бритый наголо арестант с кровоизлиянием глаза, ноги обтянуты портянками, переплетенными веревочками, и настолько отекавшие, что вместо обуви на них одеты галоши. Видимо его «импозантный» вид привлек общее внимание. В приемной зашептались. Секретарша его узнала. Потрясенный министр тут же определил Костенко в столовую для ответственных работников министерства, выдал ему ордер на одежду, небольшую сумму денег и поселил в гостиницу «Савой». 18 июня Владимир Полиевктович был назначен на должность заместителя начальника ГСПИ-2. Прежде чем отправиться в Омск, куда была эвакуирована эта организация, он получил правительственное командировочное предписание в блокадный Ленинград, куда прилетел на военном самолете. Официальной целью командировки был сбор материалов для эвакуированного в Омск института. Помимо того, Владимир Полиевктович надеялся на возвращение ему рукописей, опечатанных при аресте в 1941 г., и, конечно же, хотел узнать что-либо о своей семье.

Для ясного представления о личной жизни В. П. Костенко мне необходимо осветить события, последовавшие в нашей семье после ареста папы в 1928 г. Мачеха предъявила требование младшему брату папы, Михаилу Полиевктовичу, тогда доценту Ленинградского политехнического института, забрать у нее троих детей от первого брака. 16-летнего брата Михаила, который отлично заканчивал школу, дядя сразу забрал в свою семью. Мы с сестрой, школьницы 13 и 14,5 лет, остались с мачехой до конца учебного года. Михаил Полиевктович ежемесячно давал мачехе деньги на наше содержание. Несмотря на это, мы оказались заброшенными и полуголодными подростками, но молчали, понимая страшную трагедию в семье. Я нашла временное облегчение нашего положения, договорилась с заведующей школьной столовой взять меня помощницей на выдачу завтраков и обедов во время школьных перемен, сбор и мытье посуды, уборку столовой в конце учебного дня. За это мы с сестрой имели бесплатное школьное питание. На лето нас отправили в Белгород к дедушке Полиевкту Ивановичу. Он 50 лет проработал врачом на железнодорожной станции, имел колоссальный опыт во всех областях медицины и заслуженно считался прекрасным диагностом, но получал в конце жизни небольшую пенсию. Когда летом в 1929 г. в газете появилось краткое сообщение о том, что Владимир Полиевктович Костенко приговорен к расстрелу, мимо дома дедушки прошла демонстрация, отдельные личности из которой выкрикивали: «Расстрелять его сына». Дедушку немедленно лишили пенсии. Осенью с началом учебного 1929 года меня забрал в Ленинград Михаил Полиевктович, а сестру – в Москву родная тетя по матери – Мария Михайловна Корф.

Ксения Александровна осталась только со своим трехлетним сыном Александром, нашим сводным братом. Он умер пяти лет в 1930 г. Когда в 1931-м освободили отца, мачеха сразу поставила перед ним ультиматум: «Я или твои дети». Мне было 16 лет, брату Михаилу – 19, продолжать жить у дяди возможности не было. Папа дал нам денег на комнату, и мне с трудом удалось прописаться в невзрачную маленькую комнату в коммунальной квартире. Мы с братом поселились в ней, а сестра (ей было 17,5 лет) осталась в Москве у родственников.

Во время последнего ареста в 1941 г. отец проживал в Ленинграде на ул. Декабристов в отдельной квартире с женой и ее старшей сестрой Елизаветой. Мы, трое его детей, стали взрослыми и жили отдельно. Частым гостем семьи папы был известный пушкинист Андрей Григорьевич Яцевич. Ксения Александровна, обладая хорошим литературным слогом, помогала Яцевичу в издании его книги «Пушкинский Петербург», где в разделе «От автора» он благодарит К. А. Костенко за помощь.

В момент прихода сотрудников НКВД с обыском к Владимиру Полиевктовичу Костенко 26 февраля 1941 г. у них на квартире был Яцевич. Его занесли в протокол присутствующим. Представитель НКВД, закончив обыск, опечатал кабинет с архивом Костенко и объявил ему, что он арестован. Отец мне рассказывал, что успел обратиться к Яцевичу: «Андрей! Если Вы почув-

ствуετε, что я невозвратим, прошу Вас – женитесь на Ксенечке и никогда ее не оставляйте». (Яцевич был одиноким вдовцом). При встрече со мной Андрей Григорьевич сказал: «Ваш отец необыкновенный человек. Пожалуйста, передайте брату и сестре, что я всегда готов при необходимости вам помочь».

Всем известно, какая тяжелая судьба ожидала ближайших родственников арестованного. Я работала в «номерной» организации. Меня вызвали в 1-й отдел и лишили допуска на закрытые предприятия. Некоторое время я трудилась в Ленэнерго, но вскоре началась война, и я поступила на работу в военный госпиталь. Мой брат Михаил Владимирович был мобилизован в действующую армию, а сестра Елена Владимировна жила с мужем – военным моряком на Дальнем Востоке. Ксения Александровна, боясь принудительной эвакуации из Ленинграда как жена арестованного, стала фактической женой Яцевича и прописалась в его коммунальной квартире. Жить они продолжали вместе (мачеха, ее сестра и Яцевич) в отдельной квартире Костенко. Началась блокада Ленинграда, а в кухне отца была небольшая железная плита для обогрева и приготовления пищи.

В результате голода, ежедневных бомбежек и обстрелов население города поголовно перестало платить за квартиры, которые в любой момент могли быть разрушенными. Ужасно голодали ленинградцы и раненые в госпиталях, за исключением руководителей города и небольшого процента людей, как-то связанных с продовольствием. Воду брали из прорубей Невы, поскольку водопроводы замерзли. Я временно жила в квартире моего дяди Михаила Полиевктовича Костенко, который как член-корреспондент АН СССР вместе со всей семьей был эвакуирован в Ташкент. Хранителями его квартиры остались Татьяна Васильевна (сестра Ольги Васильевны – жены Михаила Полиевктовича) и я. Моя личная небольшая комната находилась в доме на последнем, шестом этаже на соседней улице. Во время бомбежки оставаться там было очень опасно. В доме дяди на другом этаже проживал с женой Натальей Николаевной и дочерью другой брат папы – Василий Полиевктович, по специальности технолог. В 1928 г. он был арестован по тому же делу Судотреста почти одновременно с арестом моего отца, осужден на 8 лет с конфискацией всего имущества и выслан в Медвежьегорск. Василий Полиевктович отбыл весь срок, вернулся в Ленинград и продолжал работать по специальности. Умер он весной 1942 г. от голода.

Периодически я ходила на квартиру папы и навещала мачеху. Жили мы в разных районах и на «визиты» требовалось много сил. В начале февраля 1942 г. от голода умерла старшая сестра Ксении Александровны, а 14-го числа умер Яцевич. Похоронили их на Волковом кладбище в одной могиле. Помогала домработница Яцевича. Тогда уже шло массовое захоронение в братские могилы. Отдельно хоронить было очень трудно.

В середине марта Ксении Александровне удалось получить за ее хорошую одежду небольшое количество крупы, но это не помогло – она заболела и слегла. В конце месяца началась выдача продовольственных карточек, как всегда, персонально по месту прописки. Ксения Александровна была уже не в состоянии идти в домконттору Яцевича, а мне выдали ее продуктовую карточку только после оплаты всей квартирной задолженности Яцевича. Управдом квартиры папы требовала отвезти больную мачеху по месту прописки и освободить квартиру В. П. Костенко, поскольку она была передана повару Балтийского завода. Имущество отца управдом разрешила вывезти при наличии завещания и при условии оплаты квартирной задолженности с ноября 1941 г. Мачеха была уже нетранспортабельна. Я срочно вызвала нотариуса на квартиру папы и больная Ксения Александровна написала завещание на меня, как на родную дочь, так как в те времена можно было завещать только прямым наследникам. Я нарушила закон, введя в заблуждение нотариуса.

Умирая, мачеха меня просила: «Прости мне все плохое, что я сделала вам, детям. Я чувствую, что Володя жив. Прошу – выполни мою последнюю просьбу: не сдавай меня в братские могилы, а похорони на Волковом кладбище в общую могилу моей сестры и Яцевича».

Умерла Ксения Александровна 3 апреля 1942 г., а хоронила я ее только 8-го числа. Помогала опять домработница Яцевича. Наступила весна, и днем все таяло. На санках довести гроб от квартиры отца с улицы Декабристов на Волковское кладбище по слякотной дороге было невозможно. Я от ближайшего продовольственного магазина получила двухколесную тележку с огромными колесами и доской. На протяжении всей дороги до кладбища гроб непрерывно скатывался, и мы, две истощенные, голодные женщины, совершенно обессилели. На кладбище нас встретил мужчина – один из почитателей Яцевича. Он в нашем присутствии произвел захоронение Ксении Александровны в могилу ее сестры и Яцевича. За это почитатель заблаговременно потребовал компенсацию – лучший костюм Андрея Григорьевича, в котором Яцевич в мирное время читал лекции «Лондон, Париж» (во время блокады ценились только очень хорошие носильные вещи). Совершенно измученная, голодная, я пешком добралась домой, пройдя почти через весь город. Предстояло еще решить проблему – куда перевезти все имущество арестованного отца: моя комната маленькая и на шестом этаже. В то время в доме Михаила Полиевктовича

на втором этаже к коммунальной квартире Василия Полиевктовича освободились две комнаты с выходом во двор. Управдом согласилась меня в них прописать при условии оплаты задолженности за свою комнату на шестом этаже и за эти две комнаты. Я все оплатила. Деньги выручила за счет сдачи хороших вещей в комиссионный магазин.

Нужно было скорее вывезти архив отца. Поэтому в день смерти мачехи, несмотря на воздушную тревогу, я вскрыла опечатанный кабинет папы, в котором творился страшный разгром после обыска. Дождалась окончания бомбежки, собрала рукописные труды и, голодная, вечером, когда земля подмерзла, повезла часть их на санках от ул. Декабристов до Зимнего дворца к ближайшему лестничному спуску к Неве, далее по талому льду реки напрямую, минуя два моста, добралась на противоположный берег Невы, на пр. Добролюбова, в район, где я жила. Через мосты со строгой милицейской проверкой возить рукописи я побоялась, опасаясь быть задержанной по какому-либо поводу. Весь архив отца я перевезла по льду Невы в вечернее время, на что потребовалось несколько дней.

Мои тети Татьяна Васильевна и Наталья Николаевна категорически протестовали против моего хождения на квартиру папы, боясь, что это принесет неприятности не только мне, но также Михаилу Полиевктовичу и Михаилу Владимировичу (моему брату). Поскольку о судьбе арестованного Владимира Полиевктовича ничего не было известно, Татьяна Васильевна с целью повлиять на меня вызвала большого друга Михаила Полиевктовича, который подтвердил рискованность моей деятельности по спасению имущества отца.

Убежденность в его невинности и незаслуженности страданий вселяла уверенность, что я поступаю правильно и, рискуя ради него, делаю святое дело. Я верила в чудо, верила, что справедливость восторжествует.

При перевозке имущества папы с ул. Декабристов несколько крупных вещей в грузовую машину не поместились. Управдом разрешила оставить их в местной кочегарке. Время шло. Был уже июль 1942 г. Райфинотдел дознался, что завещание мною получено незаконно, что я не родная дочь Ксении Александровны и скрыла сведения об аресте отца.

Против меня было возбуждено дело. Подтвердились самые худшие опасения моих многоопытных благожелателей... Управдом сказала Татьяне Васильевне, что накануне, когда нас не было дома, приходил следователь НКВД и интересовался, кто проживает в квартире эвакуированного крупного ученого Костенко Михаила Полиевктовича. Просил передать, что придет на следующий день и чтобы мы обязательно были дома. Вечером, когда я пришла с работы, тетушка набросилась на меня, обвиняя, что это результат моей деятельности по спасению имущества арестованного отца. Тем более что весь архив и вещи находились в том же доме, но в квартире Василия Полиевктовича. Я была в отчаянии, но все же перетаскивала до вечера рукописные труды папы в брошенную мною комнату на соседней улице на 6-й этаж (ключ от комнаты остался у меня, поскольку такая жилплощадь никого не интересовала). О, если б можно было передать словами, в каком состоянии безнадежности пережила я ту ночь, и с какой мольбой обращалась к Богу, прося о помощи.

На следующий день пришел следователь и сказал, что он хотел с нами познакомиться, чтобы иметь представление о тех, кто охраняет квартиру Михаила Полиевктовича. По городу разграбили много квартир известных людей, поэтому вышло распоряжение взять такие помещения под охрану. Узнав, что мы родственники и квартира, таким образом, охраняется, он записал наши данные наших паспортов и сказал, что претензий к нам не имеет. Удивительно, но я неоднократно ощущала, что в момент надвигающихся больших неприятностей меня кто-то незримо охраняет.

Но сутки до прихода следователя я прожила в страшной тревоге, не ожидая благополучного исхода. Именно поэтому я решила из дома, где проживал отец, срочно перевезти все оставшиеся в кочегарке вещи. Вот тогда действительно свершилось чудо. Когда я пришла за вещами, меня встретила управдом и вручила трехнедельной давности телеграмму на имя Ксении Александровны Костенко следующего содержания: «Златоуст. Освобожден. Срочно вышлите до востребования деньги дорогу. Целую Володю». Моей радости не было предела. Я тут же решила, что папа уже в Москве: не получив ответа из осажденного Ленинграда, он, конечно, нашел способ достать деньги и добраться до столицы. Опять я срочно сдала в комиссионный магазин носильные вещи и телеграфом выслала в Москву на имя Новикова-Прибоя для В. П. Костенко порядочную сумму денег, сообщив свой адрес. С Новиковым-Прибоем папа всегда поддерживал деловые отношения.

Смертность в Ленинграде была страшная. Извещать за пределы города письменно об умерших было нельзя. Такая корреспонденция просто пропадала. На запрос папы я телеграфировала: «Ксения, Андрей, Лиза уехали к Александру» (наш умерший в 1930 сводный брат). Впоследствии в Москве мне рассказывали, что папа рыдал, получив такое известие. А мне он говорил: «Андрей плохо разбирался в политике и недооценил опасности оставаться в осажденном городе, особенно таким неприспособленным людям, какими были они. Я бы этого не допустил и их вывез».

В начале июля 1942 г. я получила повестку в суд по делу о незаконном получении завещания. Немедленно отправила телеграмму: «Суд твоё имущество», с указанием даты. От неприятностей меня спасло лишь то, что Владимир Полиевктович прилетел на самолете в Ленинград и присутствовал на суде. Дело слушалось с представителем прокуратуры Ленинграда.

Когда судья зачитала обвинительный акт, папа попросил слово. Судья резко спросила: «А Вы кто такой?» Ответная речь папы была необыкновенно интересной. Он начал с момента ареста и обращения к Яцевичу с просьбой жениться на Ксении Александровне, далее рассказал, как после начала войны его как заключенного выслали из Ленинграда в тюрьму города Златоуста, где он просидел год и в июне 1942 г. был освобожден за отсутствием состава преступления.

Неожиданно для всех присутствующих на суде прокурор, называя папу по имени, вдруг воскликнул: «Владимир Полиевктович, не верю своим глазам – неужели это Вы?» Даже судебным органам показалось неправдоподобным: Костенко, человек, вторично подвергшийся аресту в период сталинских репрессий, оказался не только освобожденным, но получил правительственное разрешение во время войны прилететь на военном самолете в осажденный Ленинград и лично присутствовать на суде. Дело, которое для меня могла окончиться очень печально, было сразу прекращено.

Я прописала папу в свою комнату, где находилось все его имущество, в том числе рукописные труды, которые я в страхе прятала в своей бывшей комнате. Посетили мы с папой Волково кладбище, до которого добирались через весь город пешком. Владимир Полиевктович привел в порядок общую могилу Ксении Александровны, ее сестры и Яцевича, насколько это было возможно в то военное время. В Ленинграде отец проработал около месяца, подбирая различные материалы для основного института, эвакуированного в Омск. Папе я дала согласие ехать с ним в Омск. Он остался без семьи, с подорванным здоровьем и нуждался в постоянной заботе любящего человека. Я уволилась из военного госпиталя, оформилась в Ленинграде в конструкторский отдел ГСПИ-2 и получила командировку в город Омск вместе с папой.

При вылете на военном самолете из блокадного Ленинграда в Москву нам было разрешено взять с собой только по 16 кг багажа. Заметив, что отец берет с собой одни рукописи, я сказала: «Папа, посмотри на себя, какой ты больной. Как же мы будем жить в эвакуации без необходимых вещей?» Он с грустью ответил: «Знаешь что, жить прошлым – лучше совсем не жить. Я должен жить настоящим и будущим. Цель моей жизни – создавать ценное для последующих поколений». И, посмотрев на собранный архив, добавил: «Если ты это у меня отнимешь, то мне лучше совсем не жить».

По прибытии в Москву отец сказал: «Я хочу представить тебя министру судостроительной промышленности И. И. Носенко. Это он не устоял и подписал ордер на мой арест в 1941 г.». На приеме у министра папа предельно деликатно произнес: «Иван Исидорович, вот моя дочь, которая в период моего ареста в осажденном Ленинграде спасла весь мой архив – плоды трудов всей моей жизни». Носенко встал из-за стола, подошел и пожал мне руку.

Из Москвы в середине сентября мы выехали в Омск к месту нахождения эвакуированного института. Уже 24 сентября 1942 г. директор ГСПИ-2 А. С. Южаков получил правительственную телеграмму от зам. министра: «Оформите пропуск, командуйте Костенко Владивосток, Хабаровск, Советскую Гавань, Комсомольск сроком два месяца... Самарин».

Владимир Полиевктович выполнил правительственное задание и вернулся в Омск. После всех недавно пережитых потрясений такая ответственная командировка отрицательно повлияла на его здоровье. В начале 1943 г. папу поразила тяжелый инсульт. Паралич разбил всю правую часть тела. От полной инвалидности его спасла вовремя полученная путевка на алтайский курорт – в Белокуриху, где есть радоновые ванны. Конечно, довести парализованного человека из Омска в Белокуриху в военное время было очень трудно. Доехали поездом из Омска до Новосибирска. Здесь сутки ждали состав до г. Бийска. С большими препятствиями устроила папу в Новосибирске в комнату матери и ребенка, а сама приютилась на брошенных ящиках на вокзале. В бийский поезд парализованного папу помогал посадить носильщик. От Бийска до Белокурихи пришлось добираться 90 км на простой телеге и по пути на пароме переезжать две реки. На курорте я договорилась с медицинским персоналом об уходе за больным отцом и вернулась в Омск на работу.

В результате двухмесячного лечения папы он начал поправляться и медленно самостоятельно передвигаться. Однако возвращаться одному в Омск ему было трудно, и мне пришлось за ним приехать. Осенью 1943 г. Владимир Полиевктович снова приступил к исполнению своих весьма обширных служебных обязанностей. В 1944 г. Костенко руководил реэвакуацией ГСПИ-2 в Ленинград, а 10 апреля 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени за участие в создании судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре.

По возвращению в Ленинград отец первое время жил у нас в семье в коммунальной квартире, где у моего мужа Е. Г. Генидзе, архитектора ГСПИ-2, имелись две комнаты. За период войны Ленинград был основательно разрушен. Жилищный вопрос считался наиболее сложным, но Владимир Полиевктович решил хлопотать о возврате своей отдельной квартиры. На мои возражения, что хлопоты о восстановлении его прав отрицательно повлияют на здоровье, он с грустью оправдывался, говоря: «Я большой процент своей жизни провел на четырех квадратных метрах с привинченной «парашей», но на свободе я привык жить в культурных условиях».

Даже будучи дважды репрессированным, Владимир Полиевктович остался верен своим демократическим убеждениям. После возвращения ГСПИ-2 в 1944 г. в Ленинград большинству служащих института было очень трудно налаживать жизнь в разрушенном городе. Однажды, когда директор института уехал в командировку, сотрудники атаковали Владимира Полиевктовича разными просьбами, зная его отзывчивость. Взяв на себя ответственность, Владимир Полиевктович как мог помогал им в различных бытовых вопросах. Вернувшийся директор вызвал Костенко и сделал ему замечание, упрекая, что в его отсутствие он превысил свои полномочия по административной линии, будучи руководителем только по технической части. Дома папа сказал: «Я доволен, что смог помочь сотрудникам не в ущерб производству, а немного изменив метод административного управления. В жизни прежде всего надо не забывать быть человеком».

Шел 1945 г. Хлопоты о квартире у отца приняли затяжную форму. Папе исполнилось 64 года и, несмотря на перенесенные многочисленные удары судьбы, он сохранял огромный запас жизненной энергии. По делам службы ему часто приходилось ездить в командировки в Москву, Там он встречался с вдовой писателя Ширяева – Татьяной Николаевной Кокушкиной, с которой много лет был знаком. 31 марта 1945 г. Владимир Полиевктович женился на Татьяне Николаевне, ставшей спутницей его последних лет жизни. Они поселились в коммуналке, где находилось его имущество. Только через два года он получил отдельную квартиру. На судьбу отца и признание его многочисленных заслуг в науке ярлык «репрессированного» оказывал неблагоприятное влияние почти до конца жизни. В 1943 г. академик А. Н. Крылов и руководитель ГСПИ-2 ходатайствовали о присвоении В. П. Костенко ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации. В апреле 1944 г. ЦНИИ им. А. Н. Крылова рассмотрел представленные документы и обратился в ВАК с ходатайством об этом. Далее дело по непонятным причинам застопорилось в инстанциях, и ученую степень так и не присвоили.

Не обошлось без шероховатостей у В. П. Костенко и при получении Сталинской премии за создание судостроительных заводов первого поколения. В 1950 г. коллегия министерства судостроительной промышленности исключила его, как бывшего репрессированного из списка, поданного ГСПИ-2 на соискание Сталинской премии. Однако, когда И. И. Носенко представил список на утверждение, то Сталин, помня выступление Костенко о техническом превосходстве судостроительного завода нового типа, выразил неудовольствие решением коллегии министерства и дал понять министру, что Костенко допущен к секретной работе и коллегия не имела права судить о его политических убеждениях. Таким образом В. П. Костенко был восстановлен в списке лауреатов по указанию Сталина. Об этом Носенко из Москвы лично сообщил Владимиру Полиевктовичу.

Будучи свидетелем трагедии Цусимы, фиксируя все события опытным глазом специалиста, В. П. Костенко вел дневник, который представлял собой исторические мемуары, автор от первого лица излагал свои личные впечатления и переживания. Препятствием к опубликованию его трудов «В бездну Цусимы» и «История брони» явились аресты. Так, одобренные издательством и уже подготовленные к печати мемуары «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка», значатся в каталоге Московского товарищества писателей за 1928 г. Труд не был опубликован по причине ареста автора в 1928 г. и приговора к расстрелу в июле следующего года. На свидании в тюрьме с женой, не чувствуя проблеска в судьбе, дал устное согласие на продажу своей рукописи о Цусиме писателю А. С. Новикову-Прибою, который служил баталером на «Орле». Ксения Александровна с малолетним сыном на руках воспользовалась выгодным предложением Новикова-Прибоя и продала рукопись.

Младший брат Владимира Полиевктовича, Михаил Полиевктович Костенко, категорически возражал против передачи материалов о Цусиме. Он считал этот труд семейной реликвией, поскольку их отец Полиевкт Иванович Костенко систематизировал все письма, получаемые от сына во время похода эскадры, подготовил их к печати и даже начал публиковать в 1918 г. в «Вестнике Южных дорог» под названием «От Кронштадта – до Цусимы. На броненосце «Орел» во второй

Тихоокеанской эскадре». Публикация эта была прервана в связи с тем, что «Вестник» вскоре прекратил свое существование.⁶²

В 1932 г. увидел свет замечательный роман А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». В этой книге под именем инженера Васильева представлен Владимир Полиевктович Костенко, чей ценнейший документальный материал был широко использован писателем.

Уже после смерти А. С. Новикова-Прибоя в 1944 г. и В. П. Костенко в 1956 г., аспирантка О. И. Осыкова, не зная истинной причины передачи Новикову-Прибою рукописи В. П. Костенко, сделала такой вывод:

«Важно отметить то обстоятельство, что когда Новиков-Прибой приступил к работе над «Цусимой», Костенко уже подготовил для публикации свои дневники под названием «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка» (1928 г.)... При сравнении отдельных дневниковых записей Костенко со страницами «Цусимы» Новикова-Прибоя бросается в глаза не только фактическая, но и текстовая, стилистическая переключка, «похожесть». Однако, до сих пор нет работ, посвященных выяснению роли дневников В. П. Костенко в истории создания «Цусимы»... Такое исследование, видимо, наиболее своевременно именно сейчас, в связи с возрастанием интереса к жизни и творчеству А. С. Новикова-Прибоя и В. П. Костенко.»⁶³

Будучи уже на свободе, Костенко глубоко переживал судьбу, постигшую его воспоминание «В бездну Цусимы». В 1936 г. он пытался издать свои дневники под новым названием – «Последняя ставка». Удалось опубликовать 1-ю и 2-ю части «Последней ставки» в журнале «Новый мир», а в 1937 г. – отрывки из 3-й части в журнале «Краснофлотец». Дальнейшая публикация была прекращена по неизвестным причинам. В 1940 г. Костенко договорился об издании своей книги в полном объеме в новом Военно-морском издательстве. Второй арест (в начале 1941 г.) сорвал эту попытку. Лишь в 1955 г. за несколько недель до его смерти издательство «Судпромгиз» выпустило весь труд Владимира Полиевктовича под названием «На «Орле» в Цусиме» (с небольшими сокращениями).

Будучи уже тяжело больным, несмотря на запреты врачей, он сам редактировал это (первое) издание книги. Однажды я не выдержала и сказала: «Папа, ты всю жизнь боролся за свободу и справедливость. Почему ты упорно отвергаешь просьбу своих любящих детей – не вставать и выполнять назначения врачей?» На это папа ответил: «Вы – это личное, а книгу я должен закончить для многих людей».

С Новиковым-Прибоем Владимир Полиевктович поддерживал дружественные корректные отношения, как он сам писал в книге «На «Орле» в Цусиме»: «...был связан с ним узами старой морской дружбы, выросшей и окрепшей в походе и бою». При разговоре с родными о тождественности описания целого ряда событий в обоих произведениях Владимир Полиевктович отвечал: «Пусть читатель сам разбирается, кто с кого списывал».

Известный английский историк Westwood⁶⁴ в своей книге «Свидетели Цусимы» (“Witnesses of Tsushima”) пишет: «Костенко дал очень смелые показания военному трибуналу в 1907 г., а затем, спустя почти полвека, было опубликовано его собственное – «На «Орле» в Цусиме». Последнее может рассматриваться как лучшее техническое исследование сражения, когда-либо опубликованное».

Второй его исключительно ценный труд «Эволюция систем бронирования в связи с историей развития военных флотов» тоже постигла неудача. Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР в 1948 г. подготовило к печати всю рукопись и уже была сделана верстка, но в 1949 г. издание приостановили, из-за несправедливого обвинения «в космополитизме». Этот труд в виде верстки, приобрела Военно-морская библиотека по распоряжению адмирала С. Г. Горшкова. Такая же судьба постигла ряд других работ В. П. Костенко, написанных по поручению редакции «Морской сборник».

В заключение мне хочется с современных позиций гласности обратить внимание на связь судьбы моего отца с событиями, происходившими в стране с начала революции. Возможно, мне удастся сделать то, что не смог сделать он сам, говоривший в 1942 после освобождения из тюрьмы: «Лес рубят – щепки летят». Для человека творческого характера наибольшей драмой в жизни была судьба его цусимских дневников. А. С. Новикова-Прибоя никак нельзя упрекнуть в

⁶² П. И. Костенко после ареста Владимира в 1928 г. сдал хранившиеся у него дневники сына о Цусимском сражении в краеведческий музей Белгорода.

⁶³ Диссертация аспирантки О. И. Осыкиной «Проблемы типизации в романе А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». Материалы научно-методической конференции. Выпуск 3, «Русский язык, литература». Белгородский государственный педагогический институт им. М. С. Ольминского, 1970.

⁶⁴ J. N. Westwood. *Witnesses of Tsushima*. Published by Sophia University. 7, Kioi-cho, Chioda-ku, Tokio, in cooperation with the Diplomatic Press, 1102 Betton road, Tslia hasse, Florida, 1970. P. 307.

непорядочности по отношению к Владимиру Полиевктовичу: он сделал его героем своей исторической эпопеи (под псевдонимом инженера Васильева). Так же нельзя поставить Новикова-Прибою в вину версию о находке дневников, начатых в японском плену, в деревне у брата в улье. Наверное, тогда такой вариант судьбы дневников Костенко был наилучшим. Они не пропали и не оказались в случайных руках. Ими умело воспользовался писатель, находящийся под покровительством Горького и навсегда избравший себе морскую тему главной. Во многих его рассказах матросская масса изображалась носителем более высоких нравственных начал, чем обитатели кают-компаний. Писатель из народа, переживший рядовым матросом все события Цусимского похода рядом с Костенко и получивший его дневники, более чем кто-то другой был способен создать морской роман, созвучный нескольким десятилетиям воспитательным задачам социалистического строя, многократно изданный и получивший Сталинскую премию. Критики признают историческую эпопею «Цусима» вершиной творчества Новикова-Прибоя, что вполне объясняется отсутствием следующих возможностей приобрести готовые материалы по близкой автору теме, какими являлись уникальные дневники Костенко. Решение вопроса о текстовом сходстве романа Новикова-Прибоя с дневниками отца – дело литературоведов, это не входит в мои задачи. Неуместно претендовать на соблюдение авторского права в соответствии с мировой практикой в стране, где повсеместно нарушались права граждан, записанные в самой демократической конституции.

Для В. П. Костенко же цусимские дневники стали можно сказать стартом для продолжавшейся всю жизнь работы по анализу мирового опыта военного кораблестроения, итогом которой стал фундаментальный труд «Бронева защита боевых кораблей». Неудача постигала этот труд неоднократно из-за арестов автора, начавшейся войны и под конец – из-за борьбы с «космополитизмом».

В эпоху сталинских репрессий, доносов и расстрелов жизнь моего отца, Владимира Полиевктовича Костенко, была очень сложной и не раз висела на волоске. Только необыкновенная сила воли, духа и разума помогли ему выжить, отстоять свои научные идеи и демократические взгляды в этих страшных условиях, сохранив при этом удивительную черту характера – безукоризненную деликатность к своим оппонентам. Он умел в высшей степени корректно при всех обстоятельствах владеть обстановкой, будь то на докладах Сталину или в эшелоне с уголовниками на пути к Соловкам, чем невольно вызывал уважение окружающих к своей личности. Особенно показателен в этом отношении отзыв академика А. Н. Крылова по запросу НКВД в связи с его арестом в 1941 г.: «На всех заседаниях Костенко излагал дело с полным знанием, хорошей подготовкой, ясно, точно, деловито. Совершенно также в прениях он всегда проявлял свои обширные познания, приводя подходящие примеры из своего богатого практического опыта и всегда соблюдая по отношению к противнику безукоризненную корректность».⁶⁵

В октябре 1953 г. в связи с преклонным возрастом отец перешел на работу по сокращенному графику, заняв должность главного технолога по судостроению в ГСПИ-2. Скончался Владимир Полиевктович в Ленинграде 14 января 1956 г. и похоронен на Серафимовском кладбище, а реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР только 16 октября 1964 г.

⁶⁵ Архив Российской Академии наук, ф. 959, оп. 1, д. 292, л. X.

Приложение

Рисунки и фото – с сайта <http://tsushima.org.ru>

Схема боевые повреждения бр. «Орел» (из японского альбома)

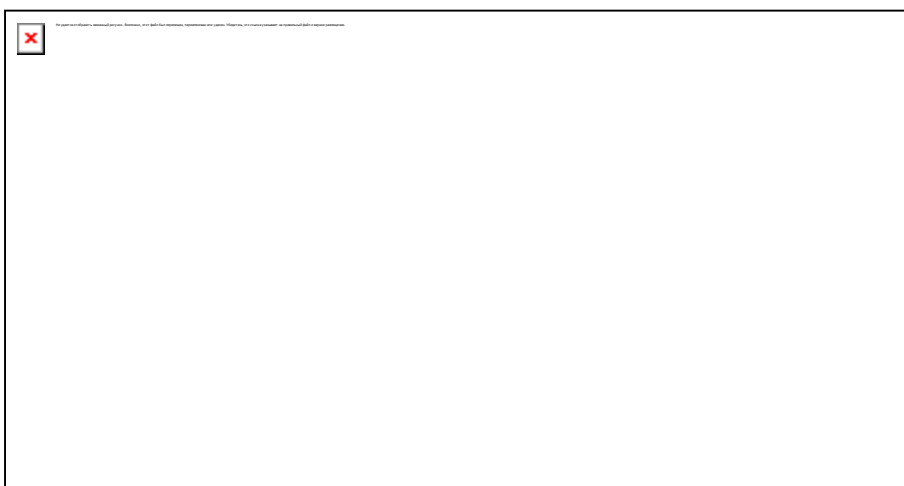
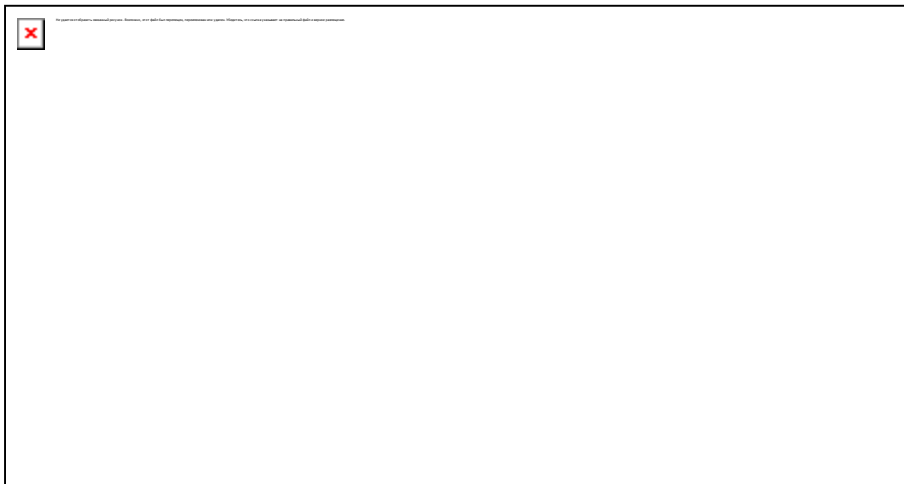
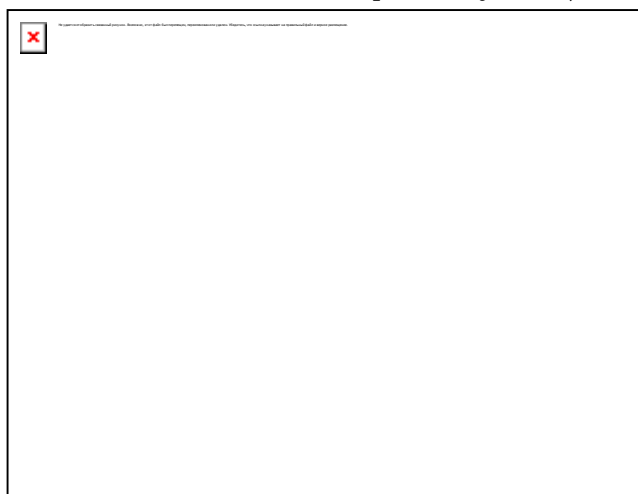
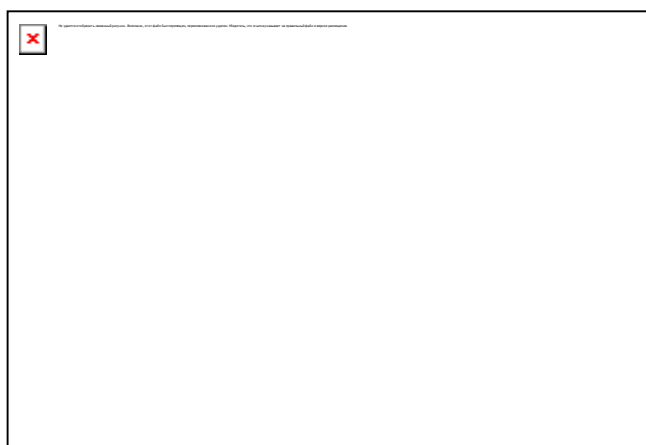
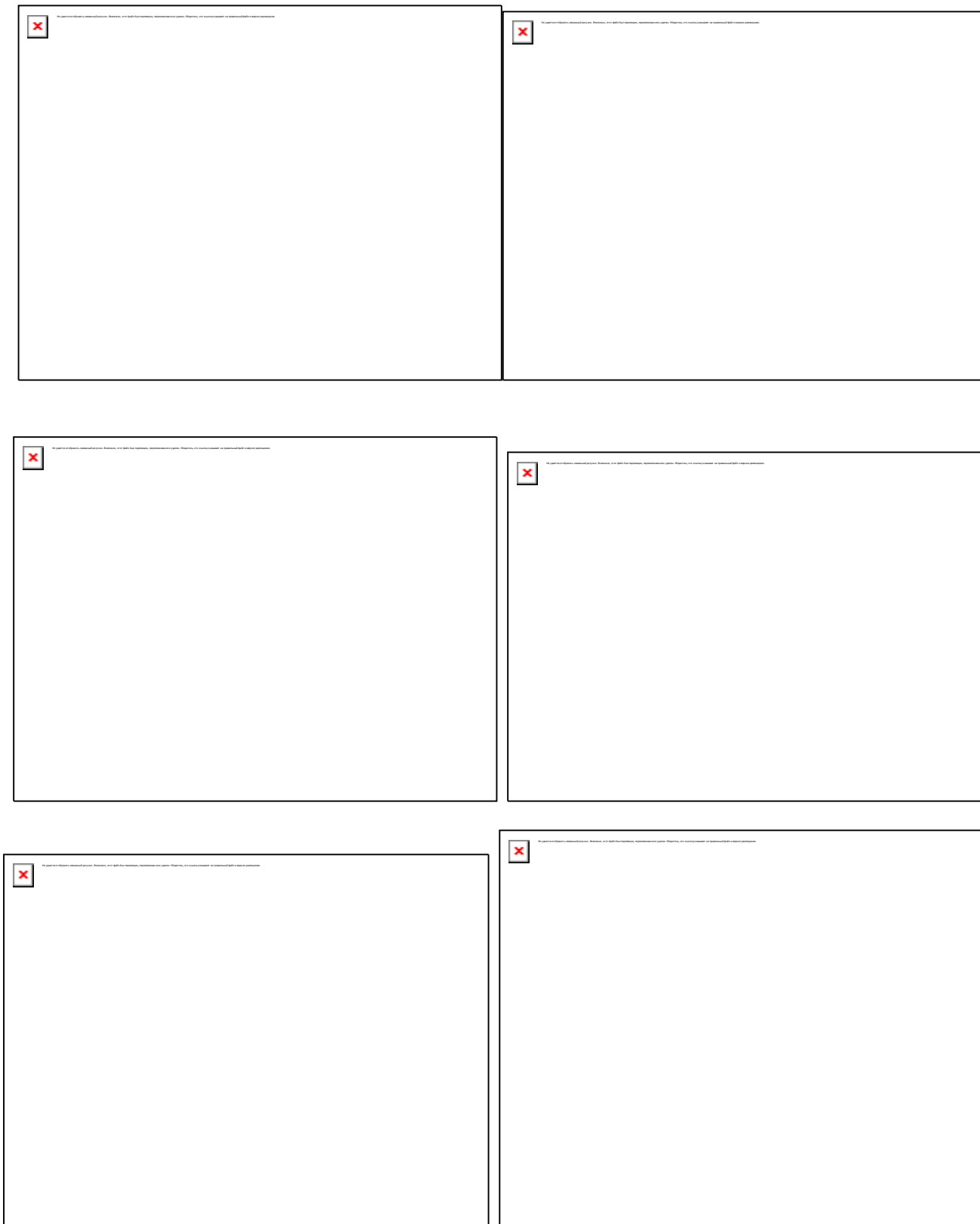

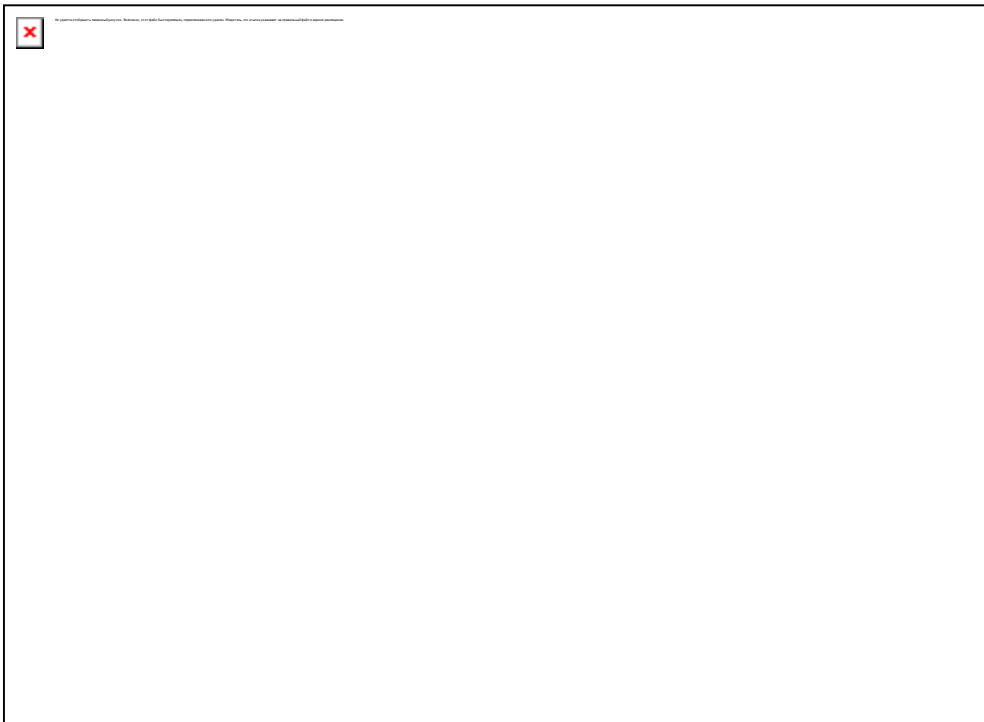
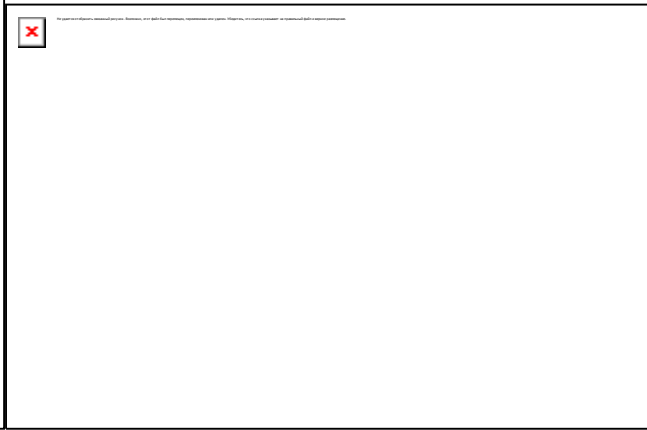
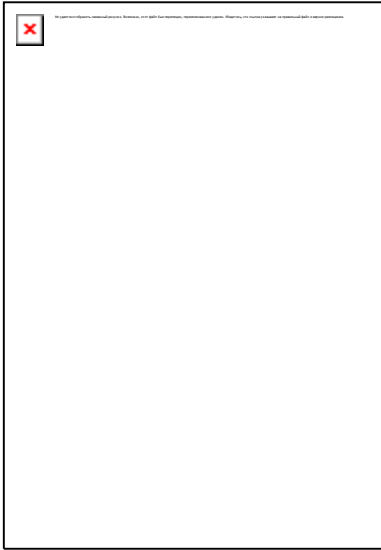
Схема боевых повреждений бр. «Орел» (из кн. В. П. Костенко «На «Орле» в Цусиме»)

Фотографии боевых повреждений бр. «Орел» из японского альбома.⁶⁶

⁶⁶ Несомненно, такой же или аналогичный альбом был у П. И. Костенко: - «Многочисленные фотографии «Орла», снятые Японцами, альбом которых имеется и у меня, служили великим пособием при составлении чертежа». Стр. 39.

Оглавление

В. П. Костенко ФЛОТ и ЦУСИМА №2.....	3
В. Костенко Заметки о Цусимском бое и некоторые выводы по технической части, полученные из него	21
Полиевкт Иванович Костенко ЗАПИСКИ ОТЦА.....	39
Н. В. Костенко ВЛАДИМИР ПОЛИЕВКТОВИЧ КОСТЕНКО. ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ	144
Приложение.....	156

УДК 82-94
ББК 63.3(2)521

К 72 Костенко В. П., Костенко П. И.

Записки. (1906 и 1910-1911 годы). // Предисл. К. Е. Генидзе к воспоминаниям
П. И. Костенко/
Заключительная статья Н. В. Костенко

Серия: «Проекты и верфи. История и судьбы»

Год основания: 2007

Под общей редакцией С. П. Наседкина

Документально-художественное издание

Владимир Полиевктович Костенко

Полиевкт Иванович Костенко

Записки

(1906 и 1910-1911 годы)

Сборник

Электронное издание. 2011 год

Под общей редакцией К. Е. Генидзе (Костенко), С. П. Наседкина

Предисловие к воспоминаниям П. И. Костенко К. Е. Генидзе, 2011

Заключение, Н. В. Костенко, 2011

Оформление и комментарии, В. А. Ковязин, 2011

Титульный рисунок и обработка фото, Константин Степанов, 2011

ISBN 798-5-902241-17-1

Издательство: Открытое акционерное общество
«Центр технологии судостроения и судоремонта»
(ОАО ЦТСС)

Россия, 198095, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 7
Тел. (812) 786-21-33; (812) 252-28-27, Факс (812) 786-27-10

<http://www.sstc.spb.ru>, e-mail: spv@sstc.spb.ru

Электронное издание

Костенко, Владимир Полиевктович, Костенко, Полиевкт Иванович. Записки (1906 и 1910-1911 годы). Сборник [Электронный ресурс]: дневниковые записи о событиях времени Русско-Японской войны 1904-1905 г.г. и послевоенного времени / Владимир Полиевктович Костенко: ФЛОТ и ЦУСИМА. №2 ; Заметки о Цусимском бое и некоторые выводы по технической части, полученные из него / Полиевкт Иванович Костенко: Записки. 1906 и 1910 -1911 годы / Н. В. Костенко: Владимир Полиевктович Костенко. Воспоминания дочери (Вместо заключения). — Изд. 1-е, электронное. — Электрон. текстовые дан. - (Электрон. книга: формат данных: -.pdf; -.xps, -.htm); — СПб: ОАО Центр технологии судостроения и судоремонта; 2011. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): цв. - Систем. требования: IBM PC 486 или PentiumII; ОЗУ 32 Мб; операц. система Windows (95, NT и выше); CD-ROM дисковод; программа чтения эл. книг Acrobat Reader версии не ниже 5, Internet Explorer, средство просмотра XPS. — (Проекты и верфи, история и судьбы; вып. 3)